Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДОВ СССР

ТОМ ПЕРВЫЙ

БЫЛИНЫ

БАШКИРСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР»

БУРЯТСКИЙ ЭПОС «ГЭСЭР»

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

АДЫГСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

АБХАЗСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС «ДЖАНГАР»

КАРЕЛЬСКИЕ РУНЫ

ТУВИНСКИЙ ЭПОС «МӦГЕ БАЯН-ТООЛАЙ»

ЯКУТСКИЙ ЭПОС «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

АЛТАЙСКИЙ ЭПОС «АЛТАЙ-БУЧАЙ»

ХАКАССКИЙ ЭПОС «АЛБЫНЖИ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1975

Вступительная статья, составление и примечания
А. А. Петросяна

Сб 4
Г 39

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

Г $\frac{70700\text{-}034}{028(01)\text{-}75}$ подписное

О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Как известно, истоки всемирной литературы нерасторжимо связаны с нетленными богатствами устного словесного искусства. Знаменательно, что основные жанры литературы современных народов мира — лирика, эпос, драма вышли из одной колыбели — из недр устной поэзии, пройдя, до встречи с письменностью, долгий путь своего развития. Всемирная литература унаследовала выработанные устной народной поэзией в глубокой древности магистральные формы словесного образного изображения мира, бессмертные сюжеты героических, комических, трагических историй, которые переходили от поколения к поколению, из эпохи в эпоху, получая множество разных интерпретаций.

Достижения древнего словесного искусства доходили до нас чаще всего через плоть и кровь профессионального искусства (литературы, театра, музыки, живописи, скульптуры) или со страниц древних рукописей, и различных книжных вариантов. В отличие от многих стран Запада и Востока, Советский Союз богат живым бытованием устного словесного искусства, представляющего не только прошлое духовной жизни народа, но и ее настоящее.

Эпический жанр устной народной поэзии в Советском Союзе до сих пор живет своей первозданной жизнью. Знаменательно, например, что сказителей киргизского эпоса «Манас» можно встретить не только у костра табунщика или чабана, как это было сто лет назад, но также и на подмостках Государственной филармонии республики. В этом историческом явлении есть глубокий смысл, свидетельствующий об особой емкости художественного и исторического содержания народного эпоса, о его традиционной общественной миссии.

Для большинства народов, населяющих обширную территорию Советского Союза, эпос являлся первой и, длительное историческое время, един-

ственной трибуной народной мысли. В нем сосредоточивались народные представления о прошлом и будущем, в нем отразилось и шлифовалось мироощущение, чаяния и мечты народа.

Являясь единственным общественным инструментом консолидации духовной жизни безгосударственных и бесписьменных народов, эпос как бы аккумулировал интеллектуальную энергию широких масс. Одним из характерных примеров такой всеохватности общественной миссии представляет собой «Манас», который вплоть до начала XX века заменял для киргизов и летописи истории, и кодексы общественного законодательства.

Но было бы заблуждением думать, что отсутствие письменности у народа является единственной предпосылкой зарождения эпических сказаний, хотя, конечно, это обстоятельство существенным образом влияет на типологию эпоса, обуславливая характер его идейно-художественного содержания. В этом легко убедиться, сопоставляя, например, «Манас», созданный народом, который до тридцатых годов нашего века был бесписьменным, и «Давид Сасунский», сложившийся как единое целое спустя несколько столетий после возникновения национальной письменности у армян.

О развитии народного эпоса параллельно с многожанровым профессиональным искусством, в том числе и письменной литературой, свидетельствует, например, появление в XIX веке «Калевалы» или «Калевипоэга», широкое бытование украинских дум вплоть до наших дней и рождение героической поэмы «Лачплесис», занявшей в культуре латышского народа место национального эпоса.

Следует вспомнить также и тот факт, что слагатели и сказители русских былин не только дождались Пушкина, но и здравствовали на протяжении всего XIX века. Как известно, вплоть до наших дней продолжалось активное записывание из уст сказителей текстов бессмертных былинных сюжетов.

Судьба героического эпоса прежде всего связана с исторической общественной потребностью, которая и определяет не только время его появления, но также и протяженность и масштабы его бытования. Своеобразие судьбы эпоса народов нашей страны в том и заключается, что он сохранил свою общественную роль, свое живое участие в духовной жизни широких масс вплоть до нового времени, до той эпохи, когда общественные демократические силы России начали завоевывать решающие позиции истории. Обостренное внимание русской прогрессивной интеллигенции XIX века к духовной жизни угнетенных народов крепостнической империи обусловило процесс активного собирания текстов устных сказаний. Знаменательно, что первые публикации якутского олонхо или эпоса «Манас», сказаний кавказских народов о нартах, башкирского, алтайского, казахского, калмыцкого эпосов появились именно в трудах русских историков и лингвистов.

Девятнадцатый век стал эпохой великих открытий сокровищ устной поэзии, а с победой социалистической революции в России эпос выдвинулся на передний край культурной жизни советских республик.

Итак, в силу определенных исторических условий, в Советском Союзе произошла активная «стыковка» устной поэзии с профессиональным искусством. Более того, зарождение профессионального национального искусства и письменной литературы многих народов нашей страны, которое, как известно, произошло после победы социалистической революции, многим обязано именно фольклору.

Фольклор народов Советского Союза, таким образом, вошел в актив многонациональной социалистической культуры и стал ее составной частью. Этот знаменательный факт обусловлен прежде всего демократическим характером общественного строя Страны Советов, открывшего небывалые возможности для развития самобытной культуры каждого народа, опирающейся в своем развитии на классическое наследие национального фольклора.

Всенародное почитание нетленных сокровищ древней устной поэзии определяется, разумеется, их эстетической значимостью. Неповторимое художественное обаяние самобытных повествований о ходе истории, о предметах вековой мечты человека с особой силой проявилось в героическом эпосе.

Эпический жанр устной поэзии народов Советского Союза обширен по своему объему и весьма многообразен по стилевым особенностям. Народный эпос вобрал в себя множество романических, приключенческих, фантастических, комических и трагических повествований, проливающих свет на различные стороны человеческой жизни. Этот неповторимый «синтез» различных видов и жанров народного искусства, однако, подчинен одной доминанте — героическому началу, составляя единый, самобытный художественный сплав.

В силу своей природы героический эпос отличается своеобразной всеохватностью в изображении народной жизни в ее многочисленных аспектах, но определяющая его черта — это тяготение к проблемам общенационального масштаба. Этим главным образом и отличается героический эпос от других повествовательных жанров словесного искусства нашей страны. В отличие от сказки, от исторической песни, от баллады или предания, в устном эпосе мы находим обширные картины народной жизни, подводящие к большим историческим обобщениям.

Памятники эпической поэзии народов мира представляют различные эпохи развития человечества. Если сказания о Гильгамеше и героический эпос древней Индии «Махабхарата» вышли из глубин веков до нашей эры, то — армянский эпос о сасунских храбрецах сложился в IX веке, а киргиз-

ский «Манас», калмыцкий «Джангар» и героическая поэма «Кёр-оглы» были созданы в гораздо более близкое от нас время.

Отдаленные друг от друга, эти страницы истории мировой эпической поэзии тем не менее содержат ряд художественных универсалий, ряд общих черт повествования, таких, как потрясающие поединки богатырей с драконами, дивами-змеями и другими чудовищами, или обрисовка богатырских коней, чудесное рождение героев, сказочное добывание богатырских доспехов. И вместе с тем каждый эпос своим идейно-художественным содержанием удивительно оригинален и неповторим, как самобытна историческая жизнь народа и неповторима эпоха, в которой зародился данный памятник.

Это особенно очевидно при сопоставлении эпических сказаний, содержащих идентичные сюжетные компоненты. В сказаниях о Гильгамеше и башкирском героическом эпосе «Урал-батыр» имеются, например, следующие сходные линии: герой башкирского эпоса, так же как и Гильгамеш, обладает сверхмогучей физической силой; он, так же как и Гильгамеш, уничтожает архистрашных чудовищ и, наконец, Урал-батыр, так же как и Гильгамеш, отправляется на поиски бессмертия, идя навстречу фантастическим опасностям. Эти древние сюжетные универсалии как бы выдвигают на одну эстетическую плоскость памятники словесного искусства, отдаленные друг от друга тысячелетиями. Между тем идейно-художественные концепции сказаний о Гильгамеше и об Урал-батыре не только не сходны, но и резко противоположны. Гильгамеш хлопочет о личной славе, он ищет бессмертия для себя; Урал-батыр же совершает свои подвиги, движимый желанием спасти людей от смертельных испытаний. Гильгамеш не смог открыть тайну бессмертия; Урал-батыру «открылась» эта тайна: спасенная им от гибели белая лебедь, оказавшаяся дочерью Солнца, в знак благодарности, показывает богатырю путь к живой воде — источнику бессмертия. Но древний старик, олицетворяющий, очевидно, мудрость народа, открывает герою другую «тайну» — о том, что подлинное бессмертие человека не в его долголетии.

Главный мотив эпоса «Урал-батыр» гласит: человек сильнее всех сущих; добро непобедимо... В вавилонском эпосе звучит другая мелодия: все зависит от бога. Бесстрашный исполин Гильгамеш кончил жизнь, оплакивая свое бессилие перед капризами богов. В вавилонском эпосе ни один герой не доводит до конца своего дела,— после первых успехов они или гибнут, или смиряются [1].

Сопоставление этих поэтических памятников, разделенных многими столетиями, несомненно, показывает своеобразие этапов развития человеческой истории. Образ Гильгамеша — обобщенное выражение процесса выделения личности из коллектива, его самоутверждения. Образ Урал-батыра

---

[1] См.: «Библиотека всемирной литературы», «Поэзия и проза Древнего Востока», 1973.

отображает другой виток спирали развития человеческой истории, когда, наоборот, личность, индивидуум, обретает силу в коллективе в заботах о его судьбе.

Устное повествование в ходе своего существования и развития вбирает в себя человеческую память на протяжении длительного исторического времени, образуя так называемые «наслоения» в идейно-художественном содержании эпоса. В сказаниях кавказских народов о нартах, например, мы находим приметы общественной жизни эпохи и матриархата и патриархата, отдаленных друг от друга тысячелетиями. Башкирский «Урал-батыр» содержит мотивы древних представлений о фантастических временах сотворения мира и, одновременно, в этом же поэтическом произведении нашли свое отражение идеи эпохи классового антагонизма.

Но здесь же заметим, что «Урал-батыр» «открыт», то есть письменно зафиксирован в начале XX века в процессе его *живого* бытования, в то время как сказание о Гильгамеше дошло до нас уже в «застывшем» виде,— через древние письмена народа, давно исчезнувшего с исторической арены.

Путь развития башкирского эпоса наложил свой отпечаток на его идейно-художественное содержание. Создавшие это устное поэтическое произведение жители Южного Урала и Поволжья, находясь в центре великих исторических перемен России минувших столетий, принимали участие как в защите российских земель от завоевателей с Востока и Запада, так и в крестьянских восстаниях против жестокого крепостнического строя. Башкирам суждено было под знаменами русской армии преследовать Наполеона до ворот Парижа. И вместе с тем башкирскому народу не суждено было перешагнуть за черту родо-племенного и феодально-патриархального общественного уклада жизни — вплоть до наступления победы социалистической революции. Однако память народа, обогащенная впечатлениями в ходе знаменательных исторических событий, обусловила степень социальной заостренности идейного содержания башкирского народного эпоса.

В эпическом жанре устной народной поэзии народов СССР найдены уникальные формы художественного воплощения исторического мироощущения, накопленного многими поколениями человечества на протяжении тысячелетий. Огромный пестрый мир народных представлений вкладывается в рамки фантастических сюжетов, которые в эпосе подчинены главному замыслу, непосредственно связанному с реальной исторической жизнью народа, и в каждом памятнике устной эпической поэзии мы находим новый, самобытный рисунок художественного повествования. Возьмем для примера один из универсальных эпических мотивов — чудесное рождение героя. В армянском эпосе предки Давида, братья-близнецы Санасар и Багдасар, были зачаты непорочной девой Цовинар от глотка ключевой воды; в якутском олонхо, так же как в бурятском «Гэсэре», герой, «судьбой

предназначенный» для добрых деяний, был спущен на землю небожителями; киргизский Манас родился у престарелой бездетной четы, и мать героя не могла разродиться, пока не съела горячее сердце пристреленной львицы.

Все эти фантастические сюжеты и их художественная структура теснейшим образом связаны с основным идейным ядром повествования. Зачатие непорочной девой от ключевой воды в армянском эпосе становится своего рода предсказательным символом судьбы младенцев Санасара и Багдасара, которые, родившись на чужбине — во дворце халифа, возвращаются на родную землю, чтобы построить город Сасун и стать родоначальниками славного племени сасунских храбрецов, освободивших отчизну от иноземных поработителей. Львиное сердце, съеденное родительницей Манаса, должно наделить богатыря львиной отвагой; герой якутского эпоса Нюргун-Боотур свою благородную миссию на земле выполняет с постоянной помощью небесных родичей.

Фантастика в народном эпосе является универсальным способом героизации истории предков. И чем архаичнее эпос по своей художественной форме, тем больше в нем фантастических сюжетов.

Однако архаичность формы повествования обусловлена не только «возрастом» самого сказания, но также и характером общественного бытия самих сказителей. Как известно, многие народы Советского Союза вошли в XX век, не успев перешагнуть рубеж родо-племенного и первобытно-патриархального уклада жизни. Заторможенность развития общественной жизни народов Сибири, Алтая, Поволжья, Средней Азии,— как бы обусловила консервацию многих архаических форм художественного мышления. Изображение враждебных человеку сил в эпосе этих народов в большинстве случаев персонифицируется в образах различных чудовищ, посылающих болезни, бураны, пожирающих всю живность, похищающих женщин, преграждающих путь герою к своей благородной цели.

И вместе с тем архаические формы повествования не мешают выразить народное отношение к событиям истории более позднего периода. Через многие эпические сказания алтайцев, например, проходит образ семиглавого чудовища Дельбегена, пожирающего людей. Одновременно это фантастическое существо наделено реальными приметами монголо-ойратских ханов-военачальников, угнетавших алтае-саянские народы в течение более пятисот лет. Но фантастические образы, в которых сначала отражалась народная интерпретация таинственных сил природы, со временем приобретают общественные атрибуты, становятся выразителями исторических сил. И, наоборот, реальные образы угнетателей и поработителей нередко наделены в эпосе фантастическими чертами.

Если образы чудовищ отражают архаический способ типизации враждебных сил, то борьба с чудовищем является важным компонентом обрисовки героя. Богатырь эпоса — это великий титан, не знающий страха и поражения. Герой алтайского эпоса «Ак-каан», храбрый Тенек-Беке, опираю-

щийся на железный посох в семь обхватов толщиной, одним ударом убил Дельбегена, его жену и быка. Когда этот герой шагал по земле, «горы качались», «море выходило из берегов», «холмы под его ступнями раздавливались».

Фантастические картины в эпосе народов СССР тесно связаны с героическими мотивами повествования, являясь своеобразным способом изображения гигантских масштабов деяний богатыря и его коня.

Обращаясь к общей характеристике героического эпоса народов Советского Союза, следует подчеркнуть его ясно выраженный демократический характер. Прежде всего это подтверждается и тем неоспоримым историческим фактом, что слагатели и исполнители устных поэтических повествований в большинстве своем представители демократических низов — пастухи, ремесленники, пахари, рядовые воины. Данные истории показывают, что подавляющее большинство эпических сказаний создавалось не во дворцах королей и князей, а в гуще народных масс.

Знаменательно, что в героическом эпосе народов Советского Союза почти полностью отсутствуют верноподданнические и религиозные мотивы. Герои решают свои сверхсложные задачи не во имя короля и бога и не для личной славы. Главная действующая сила в эпосе — это народ, которому противостоят различные чудовища, похитители, завоеватели и угнетатели.

Однако исключительно демократический дух эпоса объясняется не только тем, что в нем отражена жизнь народов, в большинстве своем не испытавших централизованной власти королей и церкви. Известно, например, что до появления «Давида Сасунского» армяне имели множество прославленных царей, многократно воспетых в национальных летописях и в исторических романах. Кроме того, трудно отрицать заслуги христианской церкви в защите армянской нации от ассимиляции и притупления чувства патриотизма. Но ведь в «Давиде Сасунском» также нет царей и нет прославления религии и церкви. Борьбу против зла возглавляют не монархи и монахи, а богатыри из народа, простые трудовые люди.

Антигосподский, демократический характер идейно-художественного содержания героического эпоса народов Советского Союза, очевидно, обусловлен тем, что на его формирование и развитие оказывали неодолимое влияние вековые события народной борьбы против иноземных и внутренних поработителей и насильников. Основная тяжесть этой борьбы, как известно, неизменно ложилась на плечи широких масс, лелеявших и воспевавших идеалы свободы и независимости.

В отличие от других повествовательных жанров устной поэзии, в героическом эпосе центральный узел сюжета состоит из событий, связанных не с личными интересами героя, а с его общественным долгом. Движущей силой подвигов героя неизменно являются благородные цели: поиски и возвращение похищенных жен и сестер; стремление вызволить из беды

брата, друга; уничтожение чудовищ, притесняющих людей; наказание злодеев, творивших преступления; защита отчизны от чужеземных поработителей.

В героическом эпосе отчетливо прослеживается взыскательное отношение народа к действиям любимого героя. Манасу сопутствовали успех и слава, пока он преследовал благородные цели объединения киргизских племен и боролся за возвращение отнятого иноземными захватчиками родного Таласа. Но когда появились у богатыря ханские повадки — спесивость, жестокость, хвастовство,— герой награждается осуждающими эпитетами. Знаменательно, что все походы Манаса кончаются победой, кроме одного, который преследовал захватнические цели.

В образе эпического героя выражен священный кодекс этических норм, выработанных на протяжении большого пути развития общественного сознания народа, который любит и славит богатыря не только за его физическую силу и ловкость, но и за ум, честь и доброту, бескорыстие и чистосердечие. Силы и мужество герою даны для сотворения добра на родной земле. Вот как, например, эта идея выражена в хакасском эпосе «Албынжи».

Сын старого Албыгана — молодой батыр Хулатай, возмужав, решил пойти в поход. Хочется, говорит он, «испробовать мне богатырской бы доли, широкую землю объехать»... Отец, на сына взглянув сурово, молвил: «Я слышу хвастливое слово»,— и напоминает юноше о долге батыра — «сторожить от набегов наш край родной», «жеребенка вырастить скакуном», «сироту воспитать богатырем», «пешему лошадь лихую дать», «раздетому кров и одежду дать».

Но Хулатай выслушал наказ отца с «холодной душой» и стал готовиться в дальний путь. Ушел Хулатай — красивый, отважный батыр, «в мускулистых руках неуемная сила», на быстроногом коне он понесся, поскакал, много земель потоптал, многих храбрых богатырей осилил, покой многих народов войной нарушил. Но когда герой вернулся домой, родная земля не приняла его: вступив на край отцовской земли, Хулатай в тот же час окаменел и стал серой глыбой.

Эпический кодекс порицаний и поощрений отражает исторический опыт, накопленный народом на протяжении многих веков. Разный уровень общественного развития и разные масштабы исторического мироощущения обуславливают разное наполнение идейно-художественного содержания эпического повествования.

Идеалы хакасского эпоса не связаны с воинской доблестью, с силой оружия. Это отчетливо определяется характером исторического пути, пройденного народами Минусинской долины, пережившими несколько цивилизаций. Предки хакасов в далекой древности вели оседлую жизнь. Они обладали письменностью, занимались хлебопашеством с развитой ирригационной сетью, владели ремеслами, имели оживленную торговую и культурную связь с Тибетом, с городами Средней Азии и даже с далекой Аравией и, наконец, имели свою государственность. Все это погибло под ударами

Чингизхановой орды. Но память сохранила мироощущение минувшего исторического опыта, глубоко запечатлевшегося в памятниках устного народного творчества.

Своеобразие исторического опыта народа оказывало неотразимое влияние на идейное содержание и художественную структуру его эпоса. Именно этим объясняется удивительное многообразие эпических памятников устной поэзии народов Советского Союза. Русские былины, киргизский «Манас», армянский «Давид Сасунский», калмыцкий «Джангар», казахский «Кобланды-батыр», бурятская «Гэсэриада», азербайджанский «Кёр-оглы», украинские думы, якутское олонхо, карельские руны — эти и множество других народных повествований показывают примеры сочетания классических универсалий мирового эпического искусства с неповторимыми самобытными чертами идейно-художественного содержания.

В русском героическом эпосе, так же как и в германских, исландских, индейских и персидских эпических сказаниях, богатыри вступают в битву с фантастическими, мифическими чудовищами, преодолевая сверхчеловеческие препятствия на своем пути к заданной цели. Но, разумеется, без идеи защиты русских земель от набегов полчищ завоевателей, без идеи укрепления и защиты национального государства, выраженной языком народа, показанной в исторически самобытных картинах национальной жизни, не было бы и знаменитых произведений, вошедших в историю мировой художественной культуры под общим названием «Былины».

В героическом эпосе отразилось своеобразие духовного опыта, приобретенного народом на своем многовековом историческом пути. Но прямолинейное толкование связи эпических памятников с историей и тем более попытки прикреплять их к отдельным событиям, к конкретным историческим лицам чреваты искажением природы эпоса как явления искусства.

Разнообразие исторических аспектов и жизненного материала героического эпоса народов Советского Союза обусловило исключительную самобытность художественной структуры и оригинальность поэтического звучания каждого памятника. Академик В. В. Радлов, первый из русских ученых, писавший о героическом эпосе народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, характеризовал киргизский «Манас» как «поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа», что и определило художественную структуру этого грандиозного по объему повествования.

Тяготение к летописной последовательности, стремление охватить все аспекты истории народа, определили эпопейную композицию «Манаса» В центре повествования — образ вожака киргизских племен хана Манаса, его сына Семетея, внука Сейтека, подвиги боевой дружины Манаса, его соратников и его сказочного коня Ак-Кула.

Еще на Алтае, как гласит предание, киргизы мечтали о храбром предводителе, способном, сплотив воедино разрозненные племена, защитить род-

ные земли от набегов неприятеля. Чудесное рождение у престарелой бездетной четы Джакыпа и Чийырды необыкновенного мальчика предвещало появление долгожданного богатыря. Уже в юношеском возрасте Манас, проявив необыкновенную храбрость, был избран ханом. Набравшись сил, он предложил киргизам «вытащить колья юрт из алтайской земли», то есть откочевать.

От похода к походу росла воинская доблесть боевой дружины Манаса и его богатырей. Героика победоносных походов на пути приближения к землям предков — от Алтая до хребтов Тянь-Шаня,— составляет главный стержень содержания эпоса.

Достигнув вершины своей боевой славы, Манас задумал большой поход (чон чабуул) на столицу могучего соседа — Бейджин. Путь к Бейджину был полон неслыханных опасностей, но киргизы преодолели их. Они вошли в столицу огромного государства, и Манас занял золотой трон царя этой страны. Однако обида и гнев покоренного народа легли черной тенью на победу киргизских богатырей. Манас вернулся с чон чабуула тяжело раненным и умер.

Смерть Манаса и гибель его славных богатырей положили начало трагическим страданиям киргизского народа от внутренних распрей. Завистливые и алчущие богатства родичи узурпировали власть вожака киргизских племен, разорили и разграбили дом Манаса и пытались убить его малолетнего сына Семетея. Жена Манаса спаслась бегством. Она растила сына вдалеке от Таласа.

Вторая часть трилогии рассказывает о возвращении на родину достигшего совершеннолетия сына Манаса — Семетея, о его походе против вражеского богатыря Конурбая, о его безуспешных попытках восстановить былую сплоченность и боевую мощь киргизских племен. Семетей погиб не в бою с иноземными врагами, как его отец, а от руки изменников-родичей.

Герой третьей части трилогии Сейтек родился после трагической гибели отца. Изменники пытались уничтожить мальчика, но Айчурек — верная жена Семетея — сумела спасти сына.

Однажды во время охоты Сейтек встретил богатыря, оказавшегося одним из дружинников Семетея. Незнакомец открыл юноше его родословную и судьбу его родичей. Сейтек поклялся жестоко наказать изменников. Ему помогают чудесным образом воскресшие Семетей и его конь Тайбурул, Айчурек и Каныкей (мать и бабушка героя), старик Бакай (первый соратник Манаса).

В сюжете «Манаса» отчетливо прослеживаются как своеобразные отголоски исторических столкновений киргизов с враждующими соседями, так и типические черты эволюции общественной жизни этого народа от общинно-родового уклада до эпохи социального неравенства и ханско-феодальной деспотии. Не случайно во второй и особенно в третьей части трилогии меняется отношение масс к ханскому титулу. В первой части трилогии этот титул присваивается герою, избранному народом вожаку, за его

превосходство в мужестве и храбрости. В последующих частях повествования ханский титул носят уже узурпаторы и насильники. Меняется и облик героев. Вместе с уходом со сцены Манаса и его сподвижников в эпосе стираются гиперболизированные черты героев. Потомки Манаса утрачивают былую грозную силу могучих богатырей.

Грандиозный объем «Манаса» и его многоплановая структура обусловлены стремлением сказителей выразить *все,* что волновало народ, вызывая его восторг или сострадание на протяжении многовековой истории. В эпосе сконцентрированы картины, изображающие *все стороны* национальной жизни, как: охота, свадьбы, поминки, многодневные и многолюдные праздники, состязания, боевые походы, победы и поражения.

Обстоятельность рассказа со всеми бытовыми подробностями чудесным образом сплетена с необыкновенной патетикой, с романтической торжественностью, с цветистыми речами и ратными призывами. Эпос «Манас» является энциклопедией древнего киргизского красноречия, пословиц, поговорок, афоризмов.

Основная форма повествования в «Манасе» — это своеобразные монологи. В них раскрываются характерные черты героя, его душевного склада, его возвышенные или низменные помыслы. Следует отметить традиционность разнообразных форм монологов: это — речи-призывы, обращенные к воинам, речи-угрозы в адрес врага, речи-наставления, речи-воспоминания, речи-повествования, речи-душеизлияния т. д. Монологи демонстрируют самобытную речевую культуру древних киргизов, отличающуюся оригинальной выразительностью и меткостью характеристик, многообразием словесно-поэтических приемов.

С помощью канонизированных в киргизской народной поэзии звуковых повторов в виде внешней и внутренней аллитерации, с применением тирадных объединений строф в форме «джельдирме» или «джоргосёз», певцы достигали большой впечатляемости стихотворного сказа.

Вся жизнь героев «Манаса» проходит под открытым небом. Горы, степи, пастбища, звери, птицы, кони живут с героями эпоса единой жизнью, вместе с людьми они одинаково «чувствуют» горе и радость, приносимые нескончаемым потоком трудной походной жизни. Все события происходят на фоне соответствующего состояния природы. Дождь, буран, мороз или сияние весеннего солнца как бы аккомпанируют людским радостям или огорчениям. Характерно, что в трагические или радостные моменты жизни, произнося клятву или заклинание, герой обращается не к богу, а к природе, например:

Того, кто не выполняет обещание,
Пусть покарает бездонное небо,
Пусть покарает того лохматая грудь земли...

Обширное место в киргизском героическом эпосе занимают описания игр, в которых принимают участие все богатыри — в том числе сам Манас.

Жизнерадостный юмор — неотъемлемый компонент повествования. Страстная патетика в «Манасе» сочетается с мягким лиризмом, картины трагических событий проходят параллельно с комическими приключениями. Кровавые жестокости героев сочетаются с их сентиментальной жалостью.

Жизненный материал, лежащий в основе сюжетов повествования эпоса народов Сибири, Казахстана, Средней Азии — «Албынжи», «Манаса», «Кобланды-батыра», «Гёроглы», «Джангара» и других, имеет много сходных черт, характеризующих своеобразие исторического пути кочевников-скотоводов. И тем не менее художественная природа этих памятников отличается огромной оригинальностью.

В истории предков киргизов, слагавших трилогию «Манас», и калмыков, создавших «Джангариаду», имеется ряд одинаковых ситуаций. Например, предкам калмыков также пришлось преодолевать огромные расстояния, пережить длительные и трудные передвижения, прежде чем они обосновались в степных просторах южной России.

Слагатели калмыцкого героического эпоса, так же как и киргизы, казахи и другие кочевники, пережили множество вооруженных столкновений, завоевывая новые или отстаивая старые пастбища для своего скота.

Сравнивая «Джангариаду» с эпосом «Манас», мы, однако, видим огромную разность их художественной фактуры.

В отличие от эпопейной композиции «Манаса», «Джангариада» имеет форму свода отдельных песен-поэм. Стиль повествования в «Манасе» определен общей установкой на достоверность, тяготением к своеобразным реалистическим деталям жизнеописания. «Джангариада» же посвящена истории сказочной страны «Бумба». В отличие от летописной последовательности и детализированной обстоятельности в киргизском эпосе «Манас», в «Джангариаде» события и явления представляют обобщенную суть пережитого, как бы выражают определенное состояние народного сознания как итог длительных размышлений и наблюдений.

Каждая из двенадцати песен-поэм «Джангариады» представляет историю отдельных богатырских деяний, повествуя об удивительных приключениях героев, путешествовавших по неведомым странам на земле и в преисподней, вышедших на поиски попавшего в беду друга или ушедшего от возмездия врага. Героические походы богатырей переплетаются с романическими приключениями, в ожиданиях долгожданной встречи с девушкой, достойной невестой богатыря, и т. д.

В увлекательных и во многом фантастичных повествованиях «Джангариады» постоянно звучит мелодия древних народных идеалов о райской жизни и о «девяноста девяти человеческих достоинствах».

В отличие от киргизского эпоса, во многом поэтизирующего походную жизнь кочевника, в «Джангариаде», наоборот, отчетливо улавливаются мотивы тоски по оседлому и мирному существованию.

В калмыцком эпосе выражено своеобразное мироощущение народа, кочевавшего по землям многих государств, накопившего разнообразные впечатления и познания, лелеявшего мечту о стране, где нет «лютых морозов, чтоб холодать,— летнего зноя, чтоб увядать», где есть покой и благоденствие.

В песнях «Джангариады», как и в эпосе других народов, проживших долгую кочевую жизнь, можно встретить поэтическое изображение неотразимой красоты благоуханных просторов бескрайних степей, с небосводом, усеянным ночью яркими звездами, а днем залитым ласковыми лучами весеннего солнца. Одновременно здесь отразилось также и противоположное мироощущение, связанное с ужасами зимних буранов, пронизывающих своим ледяным дыханием ветхие кибитки простых табунщиков.

Горе и страдания, причиненные непрерывными столкновениями племен и набегами угонщиков скота, породили мечту простого кочевника о мирной жизни без войн и насилия. Эта мечта в калмыцкой «Джангариаде» воплотилась в образе сказочной страны «Бумбы», «где неизвестна старость, где молоды все», где люди живут в довольстве, ничего не деля на «мое» и «твое» и славят в дивных напевах «сладостное бытие».

Фантазия и мечта о желаемом, однако, сплелись в этом эпосе с впечатляющими картинами реальной действительности. Тяготение к реалистическому изображению жизненных событий в «Джангариаде» особенно отчетливо прослеживается в эпизодах, рассказывающих о действиях врагов Бумбы, об их несправедливых и жестоких делах.

В эпосе отчетливо прослеживается водораздел между моралью героев и их противников. На вопрос врага «кто ты такой», Хонгор отвечает: «Бумба — моя отчизна, где каждый богат, все родовиты, нет бедняков и сирот, смерти не знают в нетленной отчизне там, и мертвецы возвращаются к жизни там. Этой страною враг никогда не владел: стал я бронею мирских и духовных дел!»

И вот ответ завоевателя: «Я грозою народов слыву, хана злобного Киняса я исполин. Еду я, чтобы разрушить твою бумбулву, еду я, чтобы детей превратить в сирот, еду я, чтобы в раба превратить народ, еду я, чтобы нетленных жизни лишить, еду я, чтобы людей отчизны лишить...»

Нравственная несовместимость жизненных установок представителя народа и насильников здесь обозначена ясно и недвусмысленно.

В «Джангариаде» каждый богатырь чем-то знаменит и подчеркнуто отличается от своих соратников, являясь, однако, частицей единой когорты храбрых защитников бессмертной Бумбы. Один из старейшин, например, богатырь Алтан Цеджи,— мудрый ясновидец, он помнит то, что произошло девяносто девять лет назад, и знает то, что произойдет спустя девяносто девять лет. Другой батыр — славный Хонгор, прозванный за отвагу Алым Львом, «ста государств силой своей нападение способен повергнуть в прах». Савар Тяжелорукий величав, как гора. «Тщетно пытались тысячи биться с ним — падали богатыри без счету пред ним». Мингийан — «прекрасный воин вселенной, свет и краса державы нетленной».

Индивидуальные черты героев последовательно раскрываются в ходе развития единого сюжета.

Мир героев «Джангариады» весьма обширен и не ограничен пределами калмыцкой степи. Память о том, что видели далекие предки слагателей этого эпоса во время великих передвижений и странствований кочевых племен, причудливым эхом отозвалась в песнях «Джангариады», где то и дело мелькают слова: «берег океана», «двенадцать синих морей», река Ганг. Девятиярусный и пятибашенный дворец с железными воротами и «стеклами, красными, как огонь», «стеклами, белыми, как облака», «северная сторона которого покрыта была шкурою пегого быка, а полуденная сторона покрыта была шкурою сизого быка, чтобы зимовка была легка». Соединение идеала надежно сколоченной юрты (покрытой шкурою пегого или сизого быка) с фантастическим великолепием царского дворца — весьма характерная деталь для этого эпоса. Память о былом могуществе ойратского государства, в состав которого входили когда-то и первые сказители-джангарчи, несомненно, отразилась в этом народном и в своей основе демократическом эпосе. Очевидно, не случайно, что высшим эталоном силы и величия богатыря здесь все же остается ханский титул. Главный герой нередко именуется «владыкой семидесяти стран», хотя он и не является таковым, а чаще всего ничем и не отличается от других защитников сказочной Бумбы. Тем не менее идеал силы и могущества в «Джангариаде» все же обозначен великолепием ханского престола. И вместе с тем великий нойон в «Джангариаде» в конечном счете — это народный избранник, и роскошный дворец для него построен самими простолюдинами в знак почитания и любви. Образ идеального хана, сотворенный народной фантазией в «Джангариаде», таким образом, остается незыблемым, в то время как в киргизском эпосе этот идеал постепенно развенчивается.

Но в «Джангариаде», так же как и в «Манасе», в «Кобланды-батыре» и в эпосе других народов, прошедших большой путь кочевой жизни, имеются и общие мотивы, как, например, культ коня (его боевые качества, быстрота бега, отвага и сообразительность), что является постоянным предметом поэтического восторга и горячей патетики. Мчится конь, говорится, например, в «Джангариаде»,— ветер опередив; скачет он между небом и мягкой травой, «будто ветру завидовал он, будто пугался комков земли, что по дороге раскидывал он». «На расстояние бега целого дня ставил свои передние ноги скакун...» «Если сбоку взглянуть на него — сизо-белым зайцем летит, выскочившим из муравы...» «И полетел жеребец, как брошенный ком...» «Ветра быстрей поскакал отчаянный конь... и тогда показаться могло, будто в один ослепительный белый цвет с лохматогрудой землей слились небеса...»

В минуты опасности кони богатырей обретают дар человеческой речи, обращаясь к герою с советами и наставлениями. Ослабевшему в бою Хонгору конь говорит: «Ты ли из племени Шикширги, ты потомок ханши Мога!

Не тебя ли страшились враги, не тобой ли пугали врага? Не ты ли победителем стал, не ты ли покорителем стал ханов семидесяти держав, не ты ли воинов гордостью был?.. Разве стыда в твоем сердце нет?..»

Богатырские кони имеют свою «биографию», свое прозвище и устойчивый рисунок своего внешнего облика. Но в эпосе разных народов по-разному выражено обожествление коня и возвышенное отношение к нему. В башкирском эпосе, например, богатырский конь — крылатый Акбузат — тысячелетиями находился среди небесных светил. Обернувшись звездой, он ждал достойного седока. Много раз различные всесильные дивы, змеи и другие чудовища пытались завладеть им, но он достался Урал-батыру, совершившему подвиг для счастья людей.

В эпосе скотоводов-кочевников табуны являются незаменимой опорой жизни: источником пропитания и главным средством передвижения. Недаром война между кочевниками — это прежде всего взаимный угон табунов. Поимка коня, седлание коня, ловкость и мастерство табунщика — все это важные показатели достоинств героя. Возмужание богатыря измеряется его отважным участием в угоне табунов неприятеля.

Ошеломляющие события, головокружительная фантастика являются неизменным компонентом многих эпических повествований. Огромный пестрый мир народных представлений о вселенной, о возникновении человечества, о борьбе его героев, о нормах человеческого поведения вкладывается в фантастические сюжеты. Это особенно ярко обнаруживается в эпосах, сохранивших наиболее архаические сюжеты,— например, в якутском олонхо, карельских рунах, в бурятских улигерах или в алтайских и тувинских сказаниях.

Истории, составляющие основу сюжета якутского олонхо, происходят на фоне фантастического мира, который делится на три яруса: верхний (небо), средний(земля) и нижний (преисподняя).

Средний ярус в олонхо рисуется в виде плоского круга, края которого изогнуты, как носы охотничьей лыжи. Посредине среднего яруса (земли) растет вечнозеленое восьмиствольное священное дерево Аал Кудук Маас, в котором обитает дух Хозяйки Земли — Аан Алахчын-хотун. Средний ярус принадлежит племени айыы-аймага. Нижний ярус находится за горами, на севере, где лежит ледовитое море и где вечно пасмурное небо. Там живут исконные враги людей среднего яруса. Богатыри нижнего яруса хитры, коварны и неуловимы.

Верхний ярус имеет две половины — в одной обитают добрые племена главного божества Одун Дьылга — белого батюшки. В разных частях этого яруса находятся и другие добрые боги, как покровитель конского скота Дьесегей, богиня деторождения Айыысыт, хранительница людей, скота и собак Иэйхсыт и другие божества.

На западной стороне верхнего яруса живет племя злого божества Улуутуйар Уллу Тойона.

Каждое сказание олонхо начинается вступлением, которое содержит восторженное описание чудесной природы страны героя, историю его судьбы и причин, побудивших встать на путь борьбы.

Действие, как правило, начинается с нападения абаасы на улусы айыы-аймага и похищения жены или сестры героя. Иногда герой вступает в бой по просьбе родичей, терпящих бедствия от притеснителей абаасыларов.

Борьба между богатырями происходит во всех трех ярусах. В боях принимают участие духи — хозяева природы и небожители.

Волшебники-кузнецы нижнего и среднего ярусов изготовляют для богатырей своего племени всевозможное вооружение. Небесные шаманки излечивают раненых; кони, птицы, звери также являются участниками жестоких сражений и разыгравшихся трагедий.

Богатыри с той и с другой стороны обладают способностью перевоплощения, что усложняет ход действия. Трудная и затяжная борьба, полная смертельных опасностей, неизменно заканчивается победой богатырей айыы-аймага над абаасыларами и возвращением героя домой, к мирной счастливой жизни.

За фантастическим сюжетом олонхо легко угадываются черты межплеменных столкновений, происходивших в далекие исторические времена. Но военные стычки в олонхо не связаны с умножением материальных благ, как угон табунов, или оттеснением неприятеля с лучших пастбищ.

Главные мотивы вражды между героями носят морально-этический характер (нарушение прав и свободы племени айыы-аймага, нанесение оскорбления, похищение женщин). Победа богатыря не связана с приобретением добычи или возвращением награбленного. Цель победы героя — возвращение домой похищенных сестер, невест и соплеменников.

Заканчивается каждое сказание олонхо описанием свадебного пира победителя.

Якутские мифологические сюжеты отражают характерные черты истории человеческого общества далеких времен, оставивших определенные следы в памяти создателей фантастических повествований — олонхо. В образе главного божества якутов Одуна Дьылги отчетливо угадываются черты идеализированного патриарха, мудрого старейшины племени.

Сюжеты олонхо отличаются большой подвижностью. Образы и характеры свободно кочуют из одного сказания в другое, приобретая новые имена и получая новые задачи. Вместе с этим характерная устойчивая композиция сохраняется во всех вариантах эпоса. Разница проявляется лишь в объеме сказания, в количестве эпических картин, включенных в повествование. Сказители-олонхосуты, таким образом, обладали широкими возможностями для проявления своих импровизационных способностей, силы своей памяти и т. п.

В отличие от эпоса многих народов, якутское олонхо в значительной своей части не сказывается, а поется. Мелодии выполняют важную функцию в обрисовке образов. Каждый персонаж наделен соответствующей его

характеру и деяниям традиционной мелодией. Чтобы овладеть искусством олонхосута, требуется не только хорошая память и не только богатый разнообразными регистрами голос певца, но и выразительная мимика, способность перевоплощения, овладение традиционной манерой пения.

В каждом героическом сказании можно найти особый, самобытный рисунок фантастического повествования. Эпические произведения древней народной поэзии Карелии, известные под названием руны — это повествовательные песни о далеких временах сотворения мира и первых героях-созидателях.

Слагатели рун жили в дремучих лесах под суровым холодным небом, среди множества северных рек и озер, занимались охотой, рыболовством, выкорчевывали лес, чтобы пахать землю, изобретая свои нехитрые орудия труда и охоты.

Вот почему в рунах удивительно отчетливо выражена идеология человека-созидателя, противостоящего суровым силам природы.

Главный герой поэтического повествования — старый песнопевец Вяйнямёйнен — он и пахарь и охотник, умелец-мастеровой и храбрый богатырь.

Предмет восторга и прославления в карельской народной поэзии — не воинская доблесть и не богатая добыча, а *труд, песня* и *познание*. Все победы Вяйнямёйнена прежде всего основаны на его умении приобретать знания.

В рунах запечатлено восторженное удивление перед силой человеческой мысли, выраженной в слове. Ради такого единого слова, разрешающего трудную задачу постройки нового корабля, Вяйнямёйнен бесстрашно спускается в преисподнюю, к усопшему исполину Антеро Випунену и, преодолевая смертельные препятствия и опасности, возвращается с победой. Самое высокое восхваление в адрес Вяйнямёйнена — это эпитеты: *мудрый, прорицатель*.

В сказаниях нет религиозного культа или почитания магических церемоний. Традиционный антропоморфизм — очеловечивание природы — здесь тесно связан с таинственными и необъяснимыми для патриархального человека явлениями природы. Но образы языческих божеств — духа хозяина лесов (Тапио), хозяйки воды (Велламо), владыки волн (Ахто) и владыки облаков (Укко) не отличаются активностью и силой. Не случайно герои повествования стараются повлиять на поведение духов заклинаниями, призывами, а нередко и угрозами.

Противоборствующие силы в рунах представлены: с одной стороны — в образе солнечной страны Калевалы, где чтут труд и песнопение, а с другой — мрачной, холодной Похьолы — обиталища лютых извергов и колдунов.

Хозяйка Похьолы, злая ведьма Лоухи, хитростью и коварством завладела чудесной мельницей Сампо — творением калевальского кузнеца Илмаринена. Вспыхнула война. В ходе страшной битвы Сампо разбилась и упала в море. Но калевальцы не пали духом, собранные на берегу моря осколки

чудесной машины продолжали служить людям и приносили им жизненные блага.

Труд является источником непобедимости героев рун. Но есть еще одно неотразимое оружие у калевальцев — это песня. Люди Калевалы преклоняются перед знаниями мастерового и перед искусством певца. Культ песен в карельских рунах не имеет себе равного. Песня Вяйнямёйнена обладает неодолимой магической силой. Именно силой песни он погружает противника в болото, останавливает войска злобной ведьмы Лоухи и т. д.

Читая тексты сказаний о сасунских храбрецах, составивших знаменитый армянский эпос «Давид Сасунский», мы попадаем в совершенно иной мир. И дело не только в том, что армянское нагорье под лазурным небом своим солнечным колоритом является как бы антиподом хмурого края Калевалы или темной, тревожно-таинственной тайги героев олонхо. Нас поражает прежде всего глубокая разность художественного стиля повествования в этих памятниках. В армянском эпосе нет ничего похожего на буйные потоки манасовских монологов, страстных тирад в речах героев, с каскадом удивительных гипербол. Здесь нет также ничего похожего на причудливые словесные узоры якутского олонхо. Армянскому эпосу, может быть, ближе всего эмоциональная сдержанность и мягкий лиризм карельских рун. Но повествовательный стиль «Давида Сасунского» далек от поэтической архаики карельского эпоса. Подчеркнутая, как бы нарочитая простота и лаконичность повествования «Давида Сасунского» более всего роднит его с художественной фактурой традиционной восточной сказки. Но в нем сосредоточены специфические особенности древней армянской народной поэзии, в которой постоянно ощущается социальная заостренность идейного содержания, выраженная, однако, в своеобразной иносказательной форме. Идея братства и мира, которая красной нитью проходит через всю эпопею о сасунских храбрецах, заключена, например, в таких компонентах сюжета: враждующие богатыри — армянин Давид и араб Мсра-Мелик вскормлены грудью одной женщины — Исмир-ханум; исход кровопролитной битвы Давида против арабских полчищ решается обращением старика араба к Давиду не убивать простых воинов; сын Давида — Мгер-младший освобождает от чужеземного насилия не только армянские земли, но спасает от стихийного бедствия также земли и города далеких и близких соседних стран.

Совершая множество невероятных подвигов, Мгер спешит на помощь разным народам. Силой и отвагой он не уступает своим славным предкам, но для окончательной победы над злом еще не пришло время. Однако вера в торжество добра вечна. Это выражено в судьбе самого Мгера, в его бессмертии.

Многогранное идейное содержание «Давида Сасунского», обусловленное опытом многовековой борьбы армянского народа против не только внешних, но и внутренних насильников, выражено бесхитростной речью народных низов, нарочито простым разговорным языком, без патетических слов и сложных поэтических узоров. Главная художественная функция

эпоса решается своеобразием его композиции, которая позволяет вывести повествование за рамки одной страны, показывая героев во взаимодействиях с людьми других стран, соучастниками забот других народов.

Продолжая разговор о разнообразии художественной типологии героического эпоса народов Советского Союза, нельзя не обратить внимание на оригинальную структуру украинского эпоса, имеющего форму цикла песен, получившего общее название «думы», которые отличаются более непосредственной связью с исторической действительностью. Трагические картины опустошительных набегов разбойничьих отрядов турецкого султана и крымских ханов на украинские земли, угон мирных жителей на рынки работорговцев, предательство изменников-гетманов, ужасы неволи и другие невзгоды, обрушившиеся на Украину в XV—XVII веках, получили свое прямое отображение в этих оригинальных народных поэмах.

Гипербола, мифические сюжеты и фантастика — являющиеся атрибутами эпоса многих народов — почти совершенно отсутствуют в украинских думах. Здесь уже нет говорящих и летающих коней или птиц с железным клювом, фантастических небожителей и подземных чудовищ, с которыми богатыри вступают в сложные, подчас трагические взаимоотношения.

Более того, герои украинского эпоса зачастую имеют своих исторических прототипов, имена которых упоминаются в летописях и хрониках. Реальные события и реальные исторические лица оживают в думах в свете народного миропонимания, народной оценки и интерпретации. Это обстоятельство неизбежно наложило свой отпечаток на художественную структуру украинских народных поэм. Если эпос народов Кавказа «Нарты», также состоящий из отдельных сказаний, имеет ряд циклов, изображающих деяния главных героев, если армянский «Давид Сасунский» или киргизский «Манас» отличаются единым сюжетом о подвигах трех поколений богатырей, неразрывно связанных между собой не только узами родства, но и одной исторической задачей, то украинские думы состоят из множества сюжетов и множества параллельно действующих героев.

Известно, что в XIX веке были сделаны попытки циклизации украинских дум вокруг имен наиболее популярных героев. Однако эти попытки не увенчались успехом, ибо историческая природа украинского эпоса выражена главным образом в многотемности повествования. Думы посвящены не только героическим событиям истории; они повествуют также и о других явлениях жизни народа, имеющей бытовые, религиозно-обрядовые, свадебно-праздничные, юмористические и сатирические аспекты. В отличие, например, от «Манаса», эти многочисленные аспекты народной жизни не группируются вокруг какой-либо общей, доминирующей идеи, образуя единство эпического повествования. Каждый сюжет украинских сказаний существует отдельно, сам по себе.

В отличие от эпоса почти всех наших народов (за исключением, может быть, татарских баитов), думы как жанр устной эпической поэзии

выходят за рамки древности; народные сказания повествуют не только о том, «что происходило в старину»,— они откликаются на все, что волновало народ с древнейших времен до наших дней. И не случайно, что среди персонажей дум мы встречаем не только Богдана Хмельницкого, но и полководцев Красной Армии. Возникнув сотни лет назад, думы как повествовательный жанр вживались, таким образом, в процессе развития художественной культуры различных периодов духовной жизни украинского народа.

Надо сказать, что поэмная структура, с тяготением к реалистическому способу изображения жизни, встречается также в эпосе тюркоязычных народов. Казахский «Кобланды-батыр» более всего представляет именно этот художественный стиль народной эпической поэзии.

Здесь все происходит на фоне реальной действительности, без фантастики и символики. Герои эпоса отличаются от общей массы окружающих людей только храбростью и силой. Но и эти качества имеют свои пределы. Кобланды победил могучего богатыря кызылбашей — хана Казана, но и сам не раз испытывал страх перед превосходящей силой врага.

Герои казахского эпоса не владеют волшебством, это реальные, земные люди, мпроощущение которых не выходит за рамки представлений, обусловленных кочевой жизнью скотовода-степняка.

Обращает на себя внимание тяготение к точности деталей, красок изображения природы и народного быта. Постоянный предмет восторга в казахском эпосе — это восход солнца, богатые сочной травой луга, хорошо поставленная юрта, чистые водоемы с прозрачной студеной водой.

Художественные мотивы и образные картины в эпосе «Кобланды-батыр» заимствованы из реального окружения скотовода-кочевника: богатырь выскочил из ворот «быстрей, чем течение в устье реки», он набрал силы и «стал словно бурлящий поток», «Кобланды скачет и истребляет врагов, словно волк, напавший на отару овец». Самая лестная хвала джигиту — уподобление его «кошкару с изогнутыми, как месяц, рогами». Когда герой приходит в ярость, «с его век осыпается снег, его ресницы покрываются льдом, он завывает, как снежная вьюга». Снег, лед, вьюга — что может быть более мрачным и устрашающим для кочевника, проводившего свой век в степи под открытым небом.

Выносливость является важным признаком богатырской силы. Хан Казан только «раз в двенадцать дней ложился спать». Неутомимость в пути, способность быстро преодолевать пространство, является неотъемлемым качеством богатыря. Кобланды на коне Бурыл «перескочил через множество, мпожество, множество гор»; «миновав пустыни, озера, неприступные горные хребты, обрывы, песчаники, мчится, мчится дальше»...

Через весь эпос «Кобланды-батыр» проходит самобытный образ богатырши Карлыги. Любимая и единственная дочь сказочно богатого и сказочно храброго Казан-хана — красавица Карлыга, предмет мечтаний не одного витязя, гордо отказавшая в любви многим достойным батырам, впервые увидела Кобланды в темнице своего отца. При попытке угнать богатый

хорошими скакунами табун Казан-хана Кобланды был настигнут храбрым хозяином и попал к нему в плен. Казан-хан привел связанного батыра к себе домой, крикнув Карлыге с порога: «Ты дома или нет, дочь моя, выходи, хорошего раба тебе раздобыл».

Карлыга воспылала любовью к пленнику отца. Однажды ночью ей удалось бежать вместе с возлюбленным, захватив табуны отца, которые Кобланды хотел угнать, но не смог. Казан-хан догоняет беглецов. Разгорается жестокий бой. Только с помощью Карлыги Кобланды удается убить Казан-хана. Однако поспевает брат Карлыги, который, превосходя силой Кобланды, одолел бы его в единоборстве, но, получив предательский удар сестры в спину, погибает. Эти трагические поступки Карлыга совершает, одержимая любовью к Кобланды. Она хочет стать супругой батыра, а Кобланды отдает девушку своему другу вместе с частью угнанного у Казан-хана табуна — как дружескую долю военной добычи. Вскоре Карлыга убегает от непрошенного хозяина и находит Кобланды в момент его тяжелой борьбы с врагами, напавшими в его отсутствие на родное стойбище и захватившими в плен его родню. С помощью храброй богатырши Кобланды одолевает жестоких врагов. Но снова Карлыга тщетно ждет любви Кобланды. Она поселяется в одинокой юрте на вершине горы вблизи стойбища Кобланды и с тоской, со слезами на глазах смотрит, как мимо проезжает Кобланды вместе с женой Корткой на пиры и празднества.

Почему была отвергнута Карлыга? Образ Кортки — первой жены Кобланды — является прямым ответом на этот вопрос.

Кортка — воплощение добровольного подчинения мужу как своему непререкаемому господину. Она обладает качествами идеальной жены кочевника-скотовода. Кортка не богатырша, но превосходная хозяйка дома, искусно шьет и ткет, умело помогает кобылице ожеребиться, заботливо выхаживает жеребенка, вырастив из него богатырского коня. Кортка умеет унять гнев мужа, прощая его несправедливые нападки и грубость, она способна и лечить боевые раны батыра, какими бы опасными они ни были, бережет его сон, знает, как вернуть ему душевное равновесие, и т. д. Наконец, Кортка, как истинная мусульманка, не только не восстает против любовных домоганий Карлыги, но даже активно помогает ей стать второй женой своего мужа, требует от своего сына почитать Карлыгу и добавляет, что не простит сыну, если он даже нечаянно причинит Карлыге боль.

Образ Карлыги — лебединая песня степной амазонки, сохранившейся в эпосе со времен глубокой древности как воспоминание о далеком поколении прославленных богатырш, равных среди предводителей племени.

Карлыга побеждена, но она не отвергнута, она остается в ореоле древних идеалов кочевника-степняка. Она храбра, бесстрашна, неотразима в богатырском поединке, недосягаема в быстрой езде. В заключительной части эпоса побежденная Карлыга входит в юрту Кобланды покорной женой, но не лишенная обаяния степной амазонки.

Обычная для древних сказаний противоречивость в поэме «Кобланды-

батыр» проявляется и в других деталях. Например, каждый рассказ о том или ином факте преуспеваний героини предваряется словами: «Хотя она и женщина». Казалось бы, что это явная дань исламу, не допускающему превосходства женщины над мужчиной. Однако нетрудно заметить, что этот рефрен одновременно как бы полемизирует с пренебрежительным отношением к женщине. Напластования в эпосе ранних и поздних элементов морального кодекса казахских племен обусловлены не только древнейшими корнями этого памятника, но и его живым бытованием на протяжении многих столетий вплоть до эпохи XIX—XX веков.

Рассказ об удивительном многообразии художественной и исторической типологии героического эпоса народов СССР не может быть полным без хотя бы краткой характеристики латышского «Лачплесиса», который, в отличие от «Манаса», «Давида Сасунского», «Джангариады», появился не на устах безымянных певцов, а из-под пера выдающегося латышского национального поэта и вошел в сокровищницу культуры вместе с точной датой своего рождения (1888 г.) и с именем своего создателя Андрея Пумпура.

Появление латышского национального эпоса, как и карело-финской «Калевалы», а также и эстонского «Калевипоэга», было продиктовано самим ходом жизни — историческим процессом общественного пробуждения народов древней Балтии.

В течение столетий после захвата в XII—XIII веках крестоносцами балтийских земель латыши, как и другие народы Балтии, были крепостными рабами немецких помещиков. Все ключи духовной жизни народа — церковь, образование, судопроизводство, цензура, печать — находились в руках чужеземцев. Доступ латышей к образованию был весьма ограничен и служил лишь задаче подготовки грамотных прислужников иноземцам. Книги на родном языке являлись средством воспитания у латышей рабского смирения. Национальное словесное искусство на языке народа в то время существовало лишь в устной форме. И когда возникла историческая необходимость в героическом повествовании о судьбе народа, эта задача была решена в жанре народного эпоса. Не случайно, что до появления «Лачплесиса» были и другие попытки латышских прогрессивных писателей создать национальный эпос. Существовало мнение (А. Пумпура, Г. Меркеля) о том, что до прихода крестоносцев у латышей был народный эпос, но он исчез в эпоху рабства, потому что немецкие пасторы преследовали героические народные песни. Воспевание времен доблестных предков считалось прямым выпадом против господ.

Во второй половине XIX века, в атмосфере небывалого подъема национально-освободительного движения на Западе и на Востоке, произошли значительные сдвиги в общественном сознании латышского народа, появилась неодолимая потребность в героическом слове, обращенном к широким массам. Оно было произнесено на языке народа, через образы, созданные его художественной фантазией.

Легенды о затонувшем замке, в котором хранились свитки, оставленные первопредками латышей, с записями великих законов человеческого счастья и справедливости, о доброй фее Стабурадзе — дочери Латвии, о сотворении родных гор, долин, великой реки Даугавы, о зловещих шабашах ведьм, замышлявших зло против людей, о фантастическом крае Сампурни[1], о черте Вэлне и другие повествования, составляющие сюжетную канву «Лачплесиса», тесно связаны со стихией народной художественной фантазии.

Латышская сказка о юноше, получившем прозвище «Лачплесис»[2], оплодотворила творческий замысел А. Пумпура, создавшего образ бесстрашного и самоотверженного героя. Героический эпос латышей, таким образом, родился из органического сплава древних фольклорных образов с идеями современной борьбы народа за свое раскрепощение. Мотивы древних преданий сплелись с исторической достоверностью. Сказания о благородном витязе, о его борьбе против фантастических врагов человечества перекликаются с народной памятью о жестоких чужеземных завоевателях и об их прислужниках, предавших интересы народа. Популярные мотивы латышских волшебных сказок, в которых герой одерживает победу над различными чудовищами, обрели в «Лачплесисе» эпическое звучание.

Древние латышские мифы, народные поверия, обычаи, Яновы песни, а также своеобразная топонимика родного края составляют фольклорную основу национального эпоса.

Одним из примечательных явлений в истории эпоса народов СССР является многонациональное происхождение многих художественных памятников. Когда-то шли споры о том, кому принадлежит, например, эпос о нартах: осетинам или адыгам? Но дружной исследовательской работой советских ученых было доказано, что эпос о нартах, являясь неотторжимой частью устной эпической поэзии осетин, абхазов, кабардинцев, адыгейцев, балкарцев, карачаевцев и черкесов, неопровержимо свидетельствует о древней культурной общности народов Кавказа. О давних духовных связях между народами свидетельствует также эпос о легендарном певце и бесстрашном борце против тиранов, которого зовут в азербайджанском варианте Кёр-оглы, в туркменском — Гёроглы, в таджикском — Гуругли и т. д.

Всемирно-известная «Гэсэриада» представляет черты духовной жизни одновременно ряда народов Сибири и Дальнего Востока. Еще недавно шли споры о том, какой вариант «Гэсэриады» считать первозданным: монгольский, тибетский или бурятский. Одинаковые сюжетные линии, общие черты поэтики «Гэсэриады» у халха-монголов, ойратов, народов Тибета, а также и Бурятии, давали повод думать, что этот эпос сложился у одного из народов Востока, а затем он был заимствован соседями.

[1] Сампурни (песиголовый) — распространенный в латышских сказках образ.

[2] Лачплесис — «разорвавший медведя».

По мере накопления записей текстов и по мере углубления в материалы истории стало очевидным, что споры о приоритете того или иного варианта этого уникального памятника художественной культуры лишены объективного научного интереса.

Каждый национальный вариант «Гэсэриады» самобытен и отражает существенные черты исторической жизни своего народа. На территории Советского Союза бытует одна из ярких в художественном отношении и весьма монументальных по сюжетному составу версия «Гэсэриады». Это бурятский героический эпос «Абай-Гэсэр», записанный в многочисленных вариантах непосредственно от народных певцов в разных уголках Бурятии.

В исследовательской литературе встречается определение исторической природы эпических сказаний как художественного воспоминания народа о прошлом. Однако в эпосе взгляд народа устремлен не только в прошлое, но и в желаемое будущее. Описание в вавилонском эпосе «золотого века», когда все люди говорили на одном языке, живя в полном согласии, не было ядовитых насекомых, а быки и овцы паслись на зеленых лугах, не опасаясь нападения хищных зверей,— этот идиллический мир, так же как и священное дерево в эпосе якутов и алтае-саянских народов или страна Бумба в калмыцком эпосе, являются не воспоминаниями, а мечтой. Желаемое в эпосе зачастую изображается в форме былого.

Героический эпос хранит, как в гигантской копилке духовных сокровищ человечества, алмазные россыпи народной мудрости. Эпос рождается, формируется и развивается в течение веков, впитывая в свою плоть и кровь типические черты опыта общественного развития народа, накопленного на протяжении длительного исторического времени. В течение ряда веков многочисленные поколения безыменных поэтов и певцов шлифовали идеи и сюжеты сказаний, сохраняя для потомства жар души наших предков, их наставления, их мечты и ожидания. Именно в этом и заключена нетленность памятников устной поэзии, вечно живая жизнь эпоса, его способность оплодотворять идеями и художественными образами искусство социалистического общества. Именно этим объясняется тот факт, что многие спектакли театров оперы и балета всех республик Советского Союза, многие произведения живописи и скульптуры выдающихся мастеров и многие талантливые книги современных поэтов и писателей, выпускаемые советскими издательствами ежегодно и большим тиражом, созданы и создаются по мотивам народного эпоса.

Устные эпические сказания, дошедшие до нас из глубин минувших веков, как и героический эпос народов СССР, принадлежат сокровищнице духовных достижений человечества.

АРФО ПЕТРОСЯН

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДОВ СССР

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ

Едет богатырь выше леса стоячего, головой упирается под облако ходячее... Поехал Святогор путем-дорогою широкою, и по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра́ коня́ к тому прохожему, никак не может догнать его: поедет во всю рысь — прохожий идет впереди; ступо́ю едет — прохожий идет впереди. Проговорит богатырь таковы слова: «Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добром коне!» Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и клал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор-богатырь: «Что у тебя в сумочке?» — «А вот подыми с земли, так увидишь». Сошел Святогор с добра́ коня́, захватил сумочку рукою — не мог и пошевелить; стал вздымать обеими руками — только дух под сумочку мог пропустить, а сам по колена в землю угряз. Говорит богатырь таковы слова: «Что это у тебя в сумочку накладено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу!» — «В сумочке у меня тяга земная».— «Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, величают как по изотчине?» — «Я есть Микулушка Селянинович!..»

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга́,
Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубокиих морях,
Птицей соколом летать ему под о́болока,
Серым волком рыскать да по чистыим полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за о́болока,
Ускакали все звери за темные леса.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатыих.
Собирал себе жеребчиков темнокариих.
Вот посели на добры́х коне́й, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чисто́ поле́,
Услыхали во чисто́м поле́ ора́тая,
Как орет в поле ора́тай, посвистывает,
Сошка у ора́тая поскрипливает,
Оме́шики по камешкам почиркивают.

Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до ора́тая доехати.
Они ехали да ведь и дру́гой день,
Дру́гой день ведь с утра до вечера,
Не могли до ора́тая доехати.
Как орет в поле ора́тай, посвистывает,
Сошка у ора́тая поскрипливает,
А оме́шики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до па́бедья,
А наехали в чистом поле ора́тая.

Как орет в поле ора́тай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренье вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У ора́тая кобыла соло́вая,
Гужики у него да шелко́вые,
Сошка у ора́тая кленовая,
Омешики на сошке булатные,

Былины.
Худ. П. Соколов-Скаля.

Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у ора́тая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпа́ются.
У ора́тая глаза да ясна сокола,
А брови у него да чёрна соболя.
У ора́тая сапожки зелён сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У ора́тая шляпа пухо́вая,
А кафтанчик у него да чёрна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, ора́тай-ората́юшко,
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
А бороздочки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каме́нья в борозду валить!»

Говорит ора́тай таковы слова:
«Поди-ко ты, Вольга Святославович,
Мне-ко надобна божья помочь крестьянствовати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держи́шь?»

Тут прого́ворил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да ро́дной дядюшка,
Ро́дной дядюшка да крёстный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первыим городом Курцевцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою».

Тут прого́ворил ора́тай-ората́юшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в реке да во Смородине.
Я недавно там был в городе, третьёго дня,
Закупил я соли цело три меха́,
Каждый мех-то был ведь по́ сто пуд.

А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я ведь стал-то им грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».

Тут прогóворил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
Ты поедем-ко со мной во товарищах».

А тут ли орáтай-оратáюшко
Гужики шелкóвые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых конéй, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то с нее да завивается...

Говорит орáтай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится,—
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст».

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да могучиих,
К той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обóри вокруг вертя́т,
А не могут сошки из земли поднять,

Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую
Целым он да ведь десяточком.
Они сошку за обóри вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обóри вокруг вертя́т,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут ора́тай-ората́юшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добры́х коне́й, поехали.
Как хвост-то у нее расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У ора́тая кобыла сту́пью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У ора́тая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ко ведь, ора́тай-ората́юшко!
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу пятьсот бы дали́».

Тут прогóворил ора́тай-ората́юшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!

Я купил эту кобылу жеребёночком,
Жеребёночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу цены нé было бы».

Тут прогóворит Вольга Святославович:
«Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Называют тебя да по отечеству?»

Тут прогóворил орáтай-оратáюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скúрды сложу,
Я во скúрды сложу да домой вы́волочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем, со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косясчато,
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владею ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Вставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-ка калик к себе в дом».

Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьеца медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьеца медвяного,
Богатырско его сердце разгорелося,
Его белое тело распотелося.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будешь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана:
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею поленицею удалою;
А только не выходи драться со Святогором-
богатырем:
Его и земля на себе через силу носит;
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Всеславьича:
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в срубе на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому;
Как станет жеребчик через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону,—
Поезжай на нем куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшке
На тую работу на крестьянскую —

Очистить надо пал от дубья-колодья.
Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам пошел домой.
Встали отец с матерью от крепкого сна —
испугалися:
«Что за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?»
Работа-то была поделана,
Пошли они домой.
Как пришли домой,
Видят: Илья Муромец ходит по избе.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьецом медвяным,—
И с того он стал владеть руками и ногами
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика, косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой;
И прошло поры-времени три месяца.
Стал Илья жеребчика по три ночи в сад поваживать;
В три росы его выкатывал,
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурка через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону.
Тут Илья Муромец седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки прощеньице —
благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли-то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;

Он стоял заутреню во Муроме,
А-й к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев-град,
Да-й подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А-й черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А-й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А-й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужики ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуровела,
А-й по той ли по дорожке прямоезжею
Да-й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от него ли-то, от посвиста соловьего,
И от него ли-то, от покрика звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,

Все лазоревы цветочки отсыпаются.
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А-й окольноей дорожкой цела тысяча».
Он спустил добра коня да-й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да-й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да-й лазоревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися,
Его добрый конь да богатырскии,
А он на корзни да спотыкается;
А-й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то Илья да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да-й травяной мешок!
Или ты идти не хошь, или нести не мошь?
Что на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?»
Ай-тут старыя казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю
Мимо гнездышка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и трем дочерям,

А-й трем дочерям его любимыим;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косясчато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
Да везет он мужичищу-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да-й везет он мужичищу-деревенщину,
Да-й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичища-деревенщина,
Да-й сидит мужик он на добром коне,
Да-й везет-то наш батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то-й она да таковы слова:
«Ай же вы, мужевья наши любимые!
Вы берите-тка рогатины звериные,
Вы бегите-тка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичищу-деревенщину».
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да-й во чисто поле,
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичищу-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые,
Побросайте-тка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахáрною,
Да вы пойте его питьецом медвяным,
Да-й дарите ему дары драгоценные».
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные
А-й зовут-то мужика да-й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да-й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю

Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А-й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть, да пить, да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А-й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посеред двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко
кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тка, ты откулешный, дородный добрый
молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старыя казак да Илья Муромец,
Да-й давно ли ты повыехал из Мурома,
И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«А-й ты, славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
А-й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,

Мимо славную березу-ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же, мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал.
Птица черный ворон не пролетывал;
А-й у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А-й у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертво лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоем дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
Й он ко стремени булатному прикованный».
То Владимир-князь-от стольно-киевский,
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-тка, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тка, собака, по-звериному».
Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Илья Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
«Ай же старыя казак ты, Илья Муромец!

Прикажи-тка засвистать ты Соловью да-й
по-соловьему,
Прикажи-тка закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тка ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тка ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старыя казак ты, Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахáрные,
Не могу я засвистать да-й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
Ай вели-тка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да-й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-тот князю он Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина,
Ты не малу стопу да полтора ведра,
Подноси-тка к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скорешенько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-ту Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От его от посвиста соловьего,
А что есть-то людишек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольно-киевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А-й тут старой-от казак да Илья Муромец,

Он скорешенько садился на добра коня,
А-й он вез-то Соловья да во чисто поле.
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тка свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тка кричать да по-звериному,
Тебе полно-тка слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тка вдовить да жен молодыих,
Тебе полно-тка спущать-то сиротать да малых
детушек».
А тут Соловью ему и славу поют,
А-й славу поют ему век по веку.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ И НОВГОРОДЦЫ

В славном Великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил — не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи, Буслай состарился,
Состарился и переставился.
После его веку долгого
Оставалося его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое,
Молоды сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать —
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному —
Петье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такого певца
Во славном Новегороде
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,

С веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиватися,
А и, хотя в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку —
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу —
То из гузна ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта —
Тот кричит, ревет, окорачь ползет.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики новогородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить.
Журба Ваське невзлюбилася;
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатый стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
О мудрости слово поставлено:
«Кто хочет пить и есть из готового,
Вались к Ваське на широкий двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное!»
Рассылал те ярлыки со слугой своей
На те улицы широкие
И на те частые переулочки;
В то же время поставил Васька чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опускал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде,
Грамотны люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкий двор,
К тому чану, зелену вину.
Вначале был Костя Новоторженин;
Пришел он, Костя, на широкий двор,
Василий тут его опробовал:
Стал его бити червленым вязом,
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;

А бьет он Костю по буйной голове —
Стоит тут Костя, не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названый брат,
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярчонка
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкий двор;
Молоды Василий сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешенек.
Пришли тут мужики Залешена,
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи,
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатый стал:
Какой зайдет — убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич —
У мужиков новгородскиих
Канун варен, пива ячные;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Николшину:
«Немалу мы тебе сыпь платим,
За всякого брата по пяти рублев».
А за себя Василий дает пятьдесят рублев.
А и тот-то староста церковный
Принимал их во братчину в Николшину;
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молоды Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они тутo зелена вина
И пришли во братчину в Николшину.
А и будет день ко вечеру;
От малого до старого
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От той борьбы от ребячей,
От того бою от кулачного

Началася драка великая;
Молоды Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже, Ваську, меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новогородские!
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напускаюсь я на весь Новгород
Битися, дратися
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня с дружиною побьете,
Новым-городом,
Буду вам платить дани-выходы
По смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде же я вас побью
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне такову же дань!»
И в том-то договору руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая.
А мужики новогородские
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напускалися,
И дерутся они день до вечера.
Молоды Василий сын Буслаевич
Со своей дружиною хороброю,
Прибили они во Новеграде,
Прибили уже много до смерти,
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне:
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,

Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича».
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимой,
Притащила Ваську на широкий двор;
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-то девушка-чернавушка
На Волх-реку ходила по воду;
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного».
И тут девушка-чернавушка,
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородскиим,
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики новогородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробужается,
Он выскочил на широкий двор,
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная.
Побежал Василий по Новугороду,

По тем по широким улицам
Стоит тут старец Пилигримище,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Пилигримище:
«А стой ты, Васька, не попархивай,
Молоды глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов супротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримище!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новогородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебя, старца Пилигримища;
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною —
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нету.
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку;
Со теми мужики новогородскими
Он дерется-бьется день до вечера.
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли они записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Государыня-матушка,

Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякий год по три тысячи,
На всякий год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку-чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка-чернавушка;
Бежавши, та девка запыхалася;
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новогородскиих.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
«Мужики пришли новогородские,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне-матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,
Привела-то их к зелену вину.
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородских.
Скричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье на век залезено».
И повел их Василий обедати

К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новогородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мирова пошла;
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

САДКО

А как ведь во славном в Новеграде
А-й как был Садко да гусельщик-от;
А-й как не было много несчетной золотой казны,
А-й как только он ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на честных пирах.
А-й как тут над Садком теперь да случилося,
Не зовут Садка уж целый день да на почестен пир,
А-й не зовут как другой день на почестен пир,
А-й как третий день не зовут да на почестен пир.
А-й как Садку теперь да соскучилось,
А-й пошел Садко да ко Ильмень он ко озеру,
А-й садился он на синь на горюч камень,
А-й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день теперь до вечера.
А-й по вечеру как по позднему,
А-й волна уж в озере как сходилася,
А как ведь вода с песком теперь смутилася,
А-й устрашился Садко теперечку да сидети он,
Одолел как Садка страх теперь великиий,
А-й пошел вон Садко да от озера,
А-й пошел Садко как во Нов-город.
А опять как прошла теперь темна ночь,
А-й опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир.
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
А-й как третий-то день не зовут на почестен пир.
А-й как опять Садку теперь да соскучилось,
А-й пошел Садко ко Ильмень да он ко озеру,
А-й садился он опять на синь да на горюч камень
У Ильмень да он у озера.
А-й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.

А-й как по вечеру опять как по позднему,
А-й волна уж как в озере сходилася,
А-й как вода с песком теперь смутилася,
А-й устрашился опять Садко да новгородский,
Одолел Садка уж как страх теперь великий,
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Нов-город.
А-й как тут опять над ним да случилося,
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
А-й как тут опять другой день не зовут Садка да на
почестен пир,
А-й как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
А-й опять Садку теперь да соскучилось,
А-й пошел Садко ко Ильмень да ко озеру,
А-й как он садился на синь горюч камень да об озеро,
А-й как начал играть во гусли во яровчаты,
А-й как ведь опять играл он с утра до вечера.
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася;
А тут осмелился как Садко да новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
А-й как тут вышел царь водяной теперь со озера,
А-й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садко да новгородский!
А спотешил нас теперь да ты во озере;
А у меня было да как во озере
А-й как у меня столованье да почестен пир,
А-й как всех развеселил у меня да на честном пиру,
А-й любезных да гостей моих.
А-й как я не знаю теперь, Садка, тебя да чем пожаловать,
А ступай, Садко, теперя да во свой во Новгород,
А-й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
А-й как будет у купца столованье почестен пир,
А-й как много будет купцей на пиру много новгородскиих,
А-й как будут все на пиру да напиватися,
Будут все на пиру да наедатися;
А-й как будут все похвальбами теперь да похвалятися,
А-й кто чем будет теперь да хвастати,
А-й кто чем будет теперь да похвалятися;
А иной как будет хвастати да несчетной золотой казной,
А как иной будет хвастать добрым конем,
Иной будет хвастать силой-удачей молодецкою,
А иной будет хвастать, молодой, молодечеством,
А как умный-разумный да будет хвастати

Старым батюшком, старой матушкой,
А-й безумный дурак да будет хвастати
А-й своей он как молодой женой;
А ты, Садко, да похвастай-ка:
«А я знаю, что во Ильмень да во озере
А что есте рыба то перья золотые ведь».
А как будут купцы да богатые
А с тобой да будут споровать,
А что нету рыбы такой ведь,
А что теперь да золотой ведь,
А ты с ними бей о залог теперь великий.
Залагай свою буйную да голову;
А как с них выряжай теперь
А как лавки во ряду да во гостиноем
С дорогими да товарами;
А потом свяжите невод да шелковый,
Приезжайте вы ловить да во Ильмен во озеро;
А закиньте три тони во Ильмень да во озере,
А я в кажду тоню дам теперь по рыбине,
Уж как перья золотые ведь.
А-й получишь лавки во ряду да во гостиноем
С дорогими ведь товарами;
А-й потом будешь ты купец Садко как новгородский,
А купец будешь богатый».
А-й пошел Садко во свой да как во Новгород,
А-й как ведь да на другой день
А как позвали Садка да на почестен пир
А-й к купцу да богатому.
А-й как тут да много сбиралося
А-й к купцу да на почестен пир
А купцей как богатыих новгородскиих:
А-й как все теперь на пиру напивалися,
А-й как все на пиру да наедалися,
А-й похвальбами все похвалялися.
А кто чем уж как теперь да хвастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А иной хвастает как несчетной золотой казной,
А иной хвастает да добрым конем,
А иной хвастает силой-удачей молодецкою,
А-й как умный теперь уж как хвастает
А-й старым батюшком, старой матушкой,
А-й безумный дурак уж как хвастает,
А-й как хвастает да как своей молодой женой;
А сидит Садко как ничем да он не хвастает,

А сидит Садко как ничем он не похваляется.
А-й как тут сидят купцы богатые новгородские,
А-й как говорят Садку таковы слова:
«А что же, Садко, сидишь, ничем же ты не хвастаешь,
Что ничем, Садко, да ты не похваляешься?»
А-й говорит Садко таковы слова:
«А-й же вы, купцы богатые новгородские!
А-й как чем мне, Садку, теперь хвастати,
А как чем-то Садку похвалятися?
А нету у меня много несчетной золотой казны,
А нету у меня как прекрасной молодой жены,
А как мне, Садку, только есть одним да мне похвастати:
Во Ильмень да как во озере
А есте рыба как перья золотые ведь».
А-й как тут купцы богатые новгородские
А-й начали с ним да они споровать,
Во Ильмень да что во озере
А нету рыбы такой что,
Чтобы были перья золотые ведь.
А-й как говорил Садко новгородский:
«Так заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у меня нечего».
А они говорят: «Мы заложим в ряду да во гостиноем
Шесть купцей, шесть богатыих».
А залагали ведь как по лавочке
С дорогими да с товарами.
А-й тут после этого
А связали невод шелковый,
А-й поехали ловить как в Ильмень да как во озере,
А-й закидывали тоню во Ильмень да ведь во озере,
А рыбу уж как добыли перья золотые ведь;
А-й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озере,
А-й как добыли другую рыбину перья золотые ведь;
А-й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во
озере,
А-й как добыли уж как рыбинку перья золотые ведь.
А теперь как купцы-та новгородские богатые,
А-й как видят — делать да нечего,
А-й как вышло правильно, как говорил Садко да
новгородский,
А-й как отперлись они да от лавочек
А в ряду да во гостиноем
А-й с дорогими ведь с товарами.
А-й как тут получил Садко да новгородский

А-й в ряду во гостиноем
А шесть уж как лавочек с дорогими он товарами,
А-й записался Садко в купцы да в новгородские,
А-й как стал теперь Садко купец богатый.
А как стал торговать Садко да теперечку
В своем да он во городе,
А-й как стал ездать Садко торговать да по всем местам,
А-й по прочим городам да он по дальниим,
А-й как стал получать барыши да он великие.
А-й как тут да после этого
А женился как Садко, купец новгородский богатый,
А еще как Садко после этого
А-й как выстроил он палаты белокаменны,
А-й как сделал Садко да в своих он палатушках,
А-й как обделал в теремах все да по-небесному:
А-й как на небе печет да красное уж солнышко,
В теремах у него печет да красно солнышко;
А-й как на небе светит млад да светел месяц,
У него в теремах да млад светел месяц;
А-й как на небе пекут да звезды частые,
А у него в теремах пекут да звезды частые;
А-й как всем изукрасил Садко свои палаты белокаменны.
А-й теперь как ведь после этого
А-й сбирал Садко столованье да почестен пир,
А-й как всех своих купцей богатыих новгородскиих,
А-й как всех-то господ он своих новгородскиих,
А-й как он еще настоятелей своих да новгородскиих;
А-й как были настоятели новгородские
А-й Лука Зиновьев ведь да Фома Назарьев ведь;
А еще как сбирал-то он всех мужиков новгородскиих,
А-й как повел Садко столованье да почестен пир богатый.
А теперь как все у Садка на честном пиру,
А-й как все у Садка да напивалися,
А-й как все у Садка теперь да наедалися,
А-й похвальбами-то все да похвалялися,
А-й кто чем на пиру уж как хвастает,
А-й кто чем на пиру похваляется:
А иной как хвастает несчетной золотой казной,
А иной хвастает как добрым конем,
А иной хвастает силой могучею богатырскою,
А иной хвастает славным отечеством,
А иной хвастает молодым да молодечеством;
А как умный-разумный как хвастает
Старым батюшком да старой матушкой,

А-й безумный дурак уж как хвастает
А-й своей да молодой женой.
А-й как ведь Садко по палатушкам он похаживает.
А-й Садко ли-то сам да выговаривает:
«Ай же вы, купцы новгородские вы богатые,
«Ай же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как все вы на честном пиру,
А все вы у меня как пьяны-веселы,
А как все на пиру напивалися,
А-й как все на пиру да наедалися,
А-й похвальбами все вы похвалялися.
А-й кто чем у вас теперь хвастает.
А иной хвастает как былицею,
А иной хвастает у вас да небылицею.
А как чем будет мне, Садку, теперь похвастати?
А-й у меня, у Садка новгородского,
А золота казна у меня теперь не тощится,
А цветное платьице у меня теперь не держится,
А-й дружинушка хоробрая не изменяется;
А столько мне, Садку, будет похвастати
А-й своей мне несчетной золотой казной:
А-й на свою я несчетну золоту казну
А-й повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы товары я, добрые,
А что не будет боле товаров в продаже во городе».
А-й как вставали тут настоятели ведь новгородские,
А-й Фома да Назарьев ведь,
А Лука да Зиновьев ведь,
А-й как тут вставали да на резвы ноги,
А-й как говорили сами ведь да таковы слова:
«Ай же ты, Садко, купец богатый новгородский!
А о чем ли о многом бьешь с нами о велик заклад,
Ежели выкупишь товары новгородские,
А-й худы товары все, добрые,
Чтобы не было в продаже товаров да во городе?»
А-й говорил Садко им наместо таковы слова:
«Ай же вы, настоятели новгородские!
А сколько угодно у меня хватит заложить бессчетной
золотой казны».
А-й говорят настоятели наместо новгородские:
«Ай же ты, Садко да новгородский!
А хошь, ударь с нами ты о тридцати о тысячах».

А ударил Садко о тридцати да ведь о тысячах.
А-й как все со честного пиру разъезжалися,
А-й как все со честного пиру разбиралися
А-й как по своим домам, по своим местам.
А-й как тут Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й как он на другой день вставал поутру да по раннему,
А-й как ведь будил он свою ведь дружинушку хоробрую,
А-й давал как он да дружинушке
А-й как долюби он бессчетной золоты казны;
А как спущал он по улицам торговыим,
А-й как сам прямо шел во гостиный ряд,
А-й как тут повыкупил он товары новгородские,
А-й худы товары все, добрые.
А-й вставал как на другой день
Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й как он будил дружинушку хоробрую,
А-й давал уж как долюби бессчетной золоты казны,
А-й как сам прямо шел во гостиный ряд,
А-й как тут много товаров принавезено,
А-й как много товаров принаполнено
А-й на ту на славу великую новгородскую;
Он повыкупил еще товары новгородские,
А-й худы товары все, добрые.
А-й на третий день вставал Садко, купец богатый
новгородскиий,
А-й будил как он да дружинушку хоробрую,
А-й давал уж как долюби дружинушке
А-й как много несчетной золотой казны,
А-й как распускал он дружинушку по улицам торговыим,
А-й как сам он прямо шел да во гостиный ряд —
А-й как тут на славу великую новгородскую
А-й подоспели как товары ведь московские,
А-й как тут принаполнился как гостиный ряд
А-й дорогими товарами ведь московскими.
А-й как тут Садко теперь да поразумался:
«А-й как я повыкуплю еще товары все московские,
А-й на тую на славу великую новгородскую
А-й подоспеют ведь как товары заморские,—
А-й как ведь теперь уж как мне, Садку,
А-й не выкупить как товаров ведь
Со всего да со бела свету.
А-й как лучше пусть не я да богатее,
А Садко, купец да новгородскиий,
А-й как пусть побогатее меня славный Новгород,

Что не мог не я да повыкупить
А-й товаров новгородскиих,
Чтобы не было продажи да во городе;
А лучше отдам я денежек тридцать тысячей,
Залог свой великий!»
А отдавал уж как денежек тридцать тысячей,
Отпирался от залогу да великого.
А потом как построил тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черныих,
А-й как ведь свалил он товары новгородские
А-й на черные, на корабли,
А-й поехал торговать купец богатый новгородский
А-й как на своих на черных на кораблях.
А поехал он да по Волхову,
А-й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплыл да во Неву-реку,
А-й как со Невы-реки как выехал на сине море.
А-й как ехал он по синю морю,
А-й как тут воротил он в Золоту Орду,
А-й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А-й получал он барыши теперь великие,
А-й как насыпая он бочки ведь сороковки-ты
А-й как красного золота;
А-й насыпал он много бочек да чистого серебра,
А еще насыпал он много бочек мелкого он, крупного
скатного жемчугу.
А как потом поехал он с-за Золотой Орды,
А-й как выехал теперечку опять да на сине море;
А-й как на синем море устоялися да черны корабли,
А-й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А-й как ломат черны корабли —
А все с места нейдут черны корабли.
А-й воспроговорил Садко, купец богатый новгородский,
А-й ко своей он дружинушке хоробрыи;
«А-й же ты, дружина хоробрая!
А-й как сколько ни по морю ездили,
А мы Морскому царю дани да не плачивали.
А теперь-то дани требует Морской-то царь в сине море».
А-й тут говорил Садко, купец богатый новгородский:
«Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й возьмите-тка вы мечи-тка в сине море
А-й как бочку-сороковку красного золота».
А-й как тут дружина да хоробрая
А-й как брали бочку-сороковку красного золота,

А метали бочку в сине море.
А-й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А-й ломат черны корабли да на синем море —
Все нейдут с места корабли да на синем море.
А-й опять воспроговорил Садко, купец богатый
новгородскиий,
А-й своей как дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты, дружинушка моя ты хоробрая!
А, видно, мало этой дани царю Морскому в сине море,
А-й возьмите-тка вы мечи-тка в сине море
А-й как другую ведь бочку чистого серебра».
А-й как тут дружинушка хоробрая
А кидали как другую бочку в сине море
А как чистого да серебра.
А-й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А-й ломат черны корабли да на синем море —
А все нейдут с места корабли да на синем море.
А-й как тут говорил Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й как своей он дружинушке хороброй:
«Ай же ты, дружина хоробрая!
А, видно, этой мало как дани в сине море,
А берите-тка третью бочку да крупного, мелкого
скатного жемчугу,
А кидайте-тка бочку в сине море».
А как тут дружина хоробрая
А-й как брали бочку крупного, мелкого скатного жемчугу,
А кидали бочку в сине море.
А-й как все на синем море стоят да черны корабли,
А волной-то бьет, паруса-то рвет,
А-й как все ломат черны корабли —
А-й все с места нейдут да черны корабли.
А-й как тут говорил Садко, купец богатый новгородскиий,
А своей как дружинушке он хороброй:
«Ай же ты, любезная как дружинушка да хоробрая!
А, видно, Морской-то царь требует как живой головы у нас
в сине море.
Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й возьмите-тка уж как делайте
А-й да жеребьи да себе, волжаны,
А-й как всяк свои имена вы пишите на жеребьи,
А спускайте жеребьи на сине море;
А я сделаю себе-то я жребий на красное-то на золото.
А-й как спустим жеребьи теперь мы на сине море,
А-й как чей у нас жеребий теперь да ко дну пойдет,

А тому идти как у нас да в сине море».
А у всей как дружины хороброей
А-й жеребьи теперь гоголем плывут,
А-й у Садка-купца, гостя богатого,— да ключом на дно.
А-й говорил Садко таковы слова:
«А-й как эти жеребьи есть неправильны;
А-й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
А я сделаю жеребий да дубовый.
А-й как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
А-й спускайте-тка жеребьи на сине море;
А-й как чей у нас жеребий да ко дну пойдет,
А тому как у нас идти да в сине море».
А-й как вся тут дружинушка хоробрая
А-й спускали жеребьи на сине море,
А-й у всей как у дружинушки хороброей
А-й как все жеребьи как теперь да гоголем плывут,
А Садков как жеребий — да теперь ключом на дно.
А-й опять говорил Садко да таковы слова:
«А как эти жеребьи есть неправильны.
Ай же ты, дружина хоробрая!
А-й как делайте вы как жеребьи дубовые,
А-й как сделаю я жеребий липовый.
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спускать уж как будем жеребьи мы на сине море
А теперь как в остатних;
Как чей теперь жеребий ко дну пойдет,
А-й тому как идти у нас да в сине море».
А-й как тут вся дружина хоробрая
А-й как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребий себе липовый.
А-й как всяк свои имена да писали на жеребьи,
А-й спущали жеребьи на сине море.
А у всей дружинушки ведь хороброей
А-й жеребьи теперь гоголем плывут да на синем море,
А-й у Садка, купца богатого новгородского,— ключом на дно.
А как тут говорил Садко таковы слова:
«А-й как, видно, Садку да делать теперь нечего,
А-й самого Садка требует царь Морской да в сине море.
А-й же ты, дружинушка моя хоробрая, любезная!
А-й возьмите-тка вы несите-тка
А-й мою как чернильницу вы вальячную,
А-й несите-тка как перо лебединое,
А-й несите-тка вы бумаги теперь вы мне гербовые».

А-й как тут дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
А-й несли как перо лебединое,
А-й несли как лист-бумагу как гербовую.
А-й как тут Садко, купец богатый новгородскиий,
А садился он на ременчат стул
А к тому он столику ко дубовому,
А-й как начал он именьица своего да он отписывать;
А как отписывал он именья по божьим церквам,
А-й как много отписывал он именья нищей братии,
А как ино именьице он отписывал да молодой жене,
А-й достальное именье отписывал дружине он хоробpоей.
А-й как сам потом заплакал он,
Говорил он как дружинушке хоробpоей:
«Ай же ты, дружина хоробрая да любезная!
А-й полагайте вы доску дубовую на сине море,
А что мне свалиться, Садку, мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синем море».
А-й как тут он еще взимал с собой свои гуселки
яровчаты,
А-й заплакал горько, прощался он с дружинушкой
хороброю,
А-й прощался он теперечку со всем да со белым светом,
А-й как он теперечку как прощался ведь
А со своим он со Новым со городом.
А потом свалился на доску он на дубовую,
А-й понесло как Садка на доске да по синю морю.
А-й как тут побежали черны-ты корабли,
А-й как будто полетели черны вороны;
А-й как тут остался теперь Садко да на синем море.
А-й как ведь со страху великого
А заснул Садко на той доске на дубовой.
А как ведь проснулся Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й в океан-море да на самом дне,
А увидел — сквозь воду печет красно солнышко,
А как ведь очутилась возле палата белокаменна.
А заходил как он в палату белокаменну,
А-й сидит теперь как во палатушках
А-й как царь-то Морской теперь на стуле ведь,
А-й говорил царь-то Морской таковы слова:
«А-й как здравствуйте, купец богатый,
Садко да новгородскиий!
А-й как сколько ни по морю ездил ты,
А-й как Морскому царю дани не плачивал в сине море,

А-й теперь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках,
Ах, скажут, ты мастер играть во гусли во яровчаты:
А поиграй-ка мне как во гусли во яровчаты».
А как тут Садко видит — в синем море делать нечего,
Принужен он играть как во гусли во яровчаты;
А-й как начал играть Садко как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской теперь в синем море,
А от него сколебалося все сине море,
А сходилася волна да на синем море;
А-й как стал он разбивать много черных кораблей да на синем море,
А-й как много стало ведь тонуть народу да в синем море,
А-й как много стало гинуть именьица да в синем море.
А как теперь на синем море многи люди добрые,
А-й как многи ведь да люди православные,
От желаньица как молятся Николе да Можайскому,
А-й чтобы повынес Николай их угодник из синя моря.
А как тут Садка новгородского как чеснуло в плечо да во правое,
А-й как обернулся назад Садко, купец богатый новгородскиий,
А стоит как теперь старичок да назади уж как белый-седатый,
А-й как говорил да старичок таковы слова:
«А-й как полно те играть, Садко, во гусли во яровчаты в синем море!»
А-й говорит Садко как наместо таковы слова:
«А-й теперь у меня не своя воля да в синем море,
Заставлят как играть меня царь Морской».
А-й говорил опять старичок наместо таковы слова:
«А-й как ты, Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й как ты струночки повырви-ка,
Как шпинечики повыломай,
А-й как ты скажи теперь царю Морскому ведь:
«А-й у меня струн не случилося,
Шпинечиков у меня не пригодилося,
А-й как боле играть у меня не во что».
А тебе скажет как царь Морской:
«А-й не угодно ли тебе, Садко, женитися в синем море
А-й на душечке как на красной на девушке?»
А-й как ты скажи ему теперь да в синем море,
А-й скажи: «Царь Морской, как воля твоя теперь в синем море,
А-й как что ты знашь, то и делай-ка».

А-й как он скажет тебе да теперечку:
«А-й заутра ты приготовляйся-тка,
А-й Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й выбирай, как скажет, ты девицу себе по уму по разуму»;
Так ты смотри, первы триста девиц ты стадо пропусти,
А ты другие триста девиц ты стадо пропусти,
А как третьи триста девиц ты стадо пропусти,
А в том стаде на конце на остатноем
А-й идет как девица-красавица
А по фамилии как Чернава-то:
Так ты эту Чернаву-то бери в замужество;
А-й тогда ты, Садко, да счастлив будешь,
А-й как ляжешь спать первой ночи ведь,
А смотри не твори блуда никакого-то
С той девицей со Чернавою.
Как проснешься тут ты в синем море,
Так будешь в Новеграде на крутом кряжу,
А о ту о реченьку о Чернаву-то.
А ежели сотворишь как блуд ты в синем море,
Так ты останешься навеки да в синем море.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своем да ты во городе,
А-й тогда построй ты церковь соборную
Да Николе да Можайскому.
А-й как есть я Никола Можайский».
А как тут потерялся теперь старичок да седатыий.
А-й как тут Садко, купец богатый новгородский, в синем море,
А-й как струночки он повырывал,
Шпинечики у гуселышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
А-й остоялся как царь Морской,
Не стал плясать он теперь в синем море;
А-й как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садко, купец богатый новгородский,
А во гусли ведь да во яровчаты?»
А-й говорил Садко таковы слова:
«А-й теперь струночки как я повырывал,
Шпинечики я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилося».
А-й как говорил царь Морской:
«Не угодно ли тебе женитися, Садко, в синем море
А-й как ведь на душечке на красной да на девушке?»

Былины.
Худ. П. Соколов-Скаля.

А-й как он наместо ведь говорил ему:
«А-й теперь как волюшка твоя надо мной в синем море».
А-й как тут говорил уж царь Морской:
«Ай же ты, Садко, купец богатый новгородскиий!
А-й заутра выбирай себе девицу да красавицу
По уму себе да по разуму».
А-й как дошло дело до утра ведь до раннего,
А-й как стал Садко, купец богатый новгородскиий,
А-й как пошел выбирать себе девицы-красавицы,
А-й посмотрит — стоит уж как царь Морской.
А-й как триста девиц повели мимо них-то ведь,
А он-то перво — триста девиц да стадо пропустил,
А друго — он триста девиц да стадо пропустил.
А-й третье — он триста девиц да стадо пропустил.
А посмотрит — позади идет девица-красавица,
А-й по фамилии что как зовут Чернавою.
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А-й как тут говорил царь Морской таковы слова:
«А-й как ты умел да женитися, Садко, в синем море».
А теперь как пошло у них столованье да почестен пир
в синем море,
А-й как тут прошло у них столованье да почестен пир,
А как тут ложился спать Садко, купец богатый
новгородскиий,
А в синем море он с девицею с красавицей,
А во спальной он да во теплоей;
А-й не творил с ней блуда никакого да заснул в сон во
крепкий,
А-й как он проснулся, Садко, купец богатый
новгородскиий,
Ажно очутился Садко во своем да во городе,
О реку о Чернаву на крутом кряжу.
А-й как тут увидел — бегут по Волхову
А свои да черные да корабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синем море,
А-й Садка, кущца богатого, да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидела дружинушка,
Что стоит Садко на крутом кряжу да о Волхове,
А-й как тут дружинушка вся она расчудовалася.
А-й как тому чуду ведь сдивовалися,
Что оставили мы Садка да на синем море,
А Садко впереди нас да во своем во городе.

А-й как встретил ведь Садко дружинушку хоробрую,
Все черные тут корабли,
А как теперь поздоровались,
Пошли во палаты Садка, купца богатого.
А как он теперечку здоровался со своею с молодой женой.
А-й теперь как он после этого
А-й повыгрузил он со кораблей
А как все свое да он именьице,
А-й повыкатил как он всю свою да несчетну золоту
казну.
А-й теперь как на свою несчетну золоту казну
А-й как сделал церковь соборную
Николе да Можайскому,
А-й как другую церковь сделал пресвятой богородице,
А-й теперь как ведь да после этого
А-й как начал господу-богу он да молитися,
А-й о своих грехах да он прощатися;
А как боле не стал выезжать да на сине море,
А-й как стал проживать во своем да он во городе.
А-й теперь как ведь да после этого
А-й тому да всему да славы поют.

Давно, давно, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Где не жила ни одна душа,
Где не ступала ни одна нога.
И жили в том месте, говорят,
Только двое, так говорят,—
Янбирде — старик, давший жизнь,
Со старухой по имени Янбикэ.
Где край родной — они не знали,
Где отец и мать — позабыли.
Так и жили первыми на той земле —
Янбирде и Янбикэ.
А вскоре родились у них, говорят,
Два сына, так говорят,—
Шульген — имя старшему сыну,
Урал — имя младшему сыну...

Были у них лев, кречет и щука. На льве они ездили, кречет им птицу в небе сбивал, а щука рыбу ловила. И часто думал Урал — что такое Смерть, что это за сила? И спросил однажды у отца:

Урал

Отец, если Смерть упорно искать,
Найти ее можно ли?
А если настигнешь — к горлу ее
Нож приставить можно ли?

Янбирде

Сын мой, то, что смертью зовут,—
Нельзя увидеть глазами,
Услышать нельзя ушами.
Только знаю — против нее

Есть, говорят, средство одно:
Далеко, на земле падишаха-дива,
Течет родник — единственный в мире,
Человек, испивший из него воду,
Смерти становится не подвластен.

Однажды Янбирде и Янбикэ уехали на охоту, наказав сыновьям не пить крови из ракушек. Шульген нарушил их наказ — отпил по глоточку. Янбирде, вернувшись, начал бить его палкой. И тогда Урал, схватив его за руку, сказал:

Урал

Вот бьешь ты сына своего.
Не значит ли, что ты решил
На детях миру показать —
Как Смерть приходит... От кого?
От сильных к слабым... А потом,
Когда сила от тебя уйдет,
Подумай, не придется ли тебе
Встретить Смерть в своем жилье?

Янбирде, смутясь, задумался, собрал всех зверей и птиц, чтобы порасспросить — в каком обличье ходит Смерть. Молодой Урал горячо призывал не губить друг друга, не давать волю Смерти, поймать ее и задушить. Но хищные звери и Шульген с ним не согласились.

Старик Янбирде и старуха Янбикэ теперь не решались одни ходить на охоту и стали брать с собой сыновей. Однажды много дичи они добыли и среди птиц — белую лебедушку. И когда Янбирде приставил к ее горлу пож, заплакала лебедушка кровавыми слезами и так сказала, говорят:

Лебедушка

Я в небе летала,
Мир узнавала,
Я птица небесная, а не земная.
Есть род у меня, есть страна,
От отца Самрау я рождена.
Когда на земле было голо и пусто,
Отец мой искал себе пару,
Но на земле никого не нашел,
Из другого племени выбрать подругу,
Равную себе, тоже не смог.
И тогда полетел он высоко в небо,
Желая возлюбленную найти,
Луну и Солнце повстречал в пути,
Стал к ним присматриваться
И ласковым словом сразу обоих приворожил
И вскоре в жены себе взял,
Всем птицам главою стал

И зажил счастливо падишахом,
Не ведая горя, болезней и страха.
Две дочери у него родились,
Ничем они никогда не болели,
И отец до сих пор живет падишахом.
Отпустите меня, я к нему вернусь,
В пищу я вам все равно не гожусь,
Не режьте меня — я не съедобна.
Взяв воду из родника живого,
Тело мое мать омыла,
Потом в солнечных лучах искупала.
Имя матери моей — Койш,
Я же самого падишаха Самрау
Старшая дочь по имени Хумай.

Шульген хотел убить птицу, но Урал за нее заступился.

Хумай из здорового крыла выбросила три перышка, обрызгала их кровью из раны, и они упали на землю — появились три лебедя и, подхватив Хумай, ставшую красивой девушкой, унесли в небо.

Янбирде велел сыновьям идти вслед за лебедями и найти то место, где течет живой родник. А если в дороге встретится Смерть, срубить ей голову и принести ему.

Долго ехали на своих львах Шульген и Урал.

Однажды под огромным деревом увидели седобородого старца.

И сказал он им: «Налево пойдете — страну счастья падишаха Самрау увидите, направо пойдете — страну горя падишаха Катилы увидите».

Братья бросили жребий. Идти направо выпало Шульгену, но он, уговор нарушив, пошел налево. Урал не стал спорить со старшим братом и пошел направо — в страну горя. Много гор он перевалил, много рек переплыл и однажды в лесу увидел сгорбленную старуху. Она рассказала, плача, о страшных делах Катилы и умоляла Урала не ездить в эту страну. Но Урал так сказал:

Урал

Много я бурных рек переплыл,
Много хребтов перевалил,
Я людям зла не несу с собой,
Хочу я со Смертью вступить в бой.
И Смерть, которая прячется здесь,
Должен я непременно поймать
И с этой земли навсегда прогнать.
Если этого не сделаю я,
Что будет стоить вся жизнь моя?
Зачем мне ходить с именем Урал?

Такие слова, говорят, он сказал,
Сел на льва и поехал в страну падишаха Катилы.

Несколько дней прошло, говорят,
Урал подъехал к такому месту,
Где люди голые, словно только что рожденные,
Стоят, согнанные в большие толпы.

Смело к ним подошел Урал,
Горько плачущих утешал,
О своем намерении рассказал.
И один старик тогда сказал:
«Егет, по твоей одежде,
По тому, что ты на льве приехал,
Вижу, что ты человек нездешний.
Вон там — приближенные падишаха,
И среди них туре,
Взгляни — на стяге черные вороны
изображены —
Они отсюда хорошо видны.

Каждый год в день рожденья Катилы,
В честь колодца, где воду брали
И в этой воде его искупали,—
Приносят богу кровавую жертву.
Видел ли ты воронов черных?
Вон они, видишь, на гору сели,
Жертву кровавую ожидая,
Ждут, когда девушек бросят в колодец,
Потом, когда девушки мертвыми станут,
Их вынут, и воронов черная стая,
Грозно крича и крылами махая,
Начнет мертвым мясом насыщаться...

А там вон, видишь, стоят егеты,
Собранные из разных родов егеты,
Стоят со связанными руками.
Из них дочь падишаха Катилы
Выберет себе одного егета,
Других во дворец возьмут, остальных же
Принесут тенгри в жертву».

Старик замолчал.
Ряды колыхнулись —
Это дочь падишаха явилась,
На трон золотой молча села,
Взмахнув рукой, нести приказала.
Четыре раба несли ношу,

А по бокам слуги шагали —
Важные да спесивые,
Отчужденные, горделивые.
Видом своим страх нагоняя,
Взором своим спесь выражая.

Обошла всех егетов дочь падишаха,
Ни один по душе ей не пришелся,
Повернулась, увидела Урала,
Подошла, в глаза ему заглянула,
С улыбкою яблоко протянула.
Взмахнув рукой, села на трон
И приказала нести во дворец...
А к Уралу со всех сторон
Бросились слуги.
«Егет-молодец!
Дочь падишаха тебя полюбила,
Теперь ты станешь зятем Катилы!
Мы тебя отведем во дворец!»

И слышит народ — Урал отвечает:
«Ваших порядков я не знаю,
Во дворец идти не собираюсь,
К здешним обычаям хочу присмотреться.
А время придет — по любви, по сердцу,
Себе девушку я найду
И сам к ней подойду».

Слуги, обиженные таким ответом,
Отошли от Урала-егета
И девушке, которая во дворце ожидала,
Пошли рассказать об отказе Урала.

И вот на майдане затих гул,
Глашатай крикнул: «Падишах идет!»
Настороженно притих народ.
Рабы осторожно носилки несут,
На носилках — трон, а на нем падишах,
Четыре батыра сзади идут,
Не отставая ни на шаг.

Огромный, как обвешанный кладью верблюд,
Сопящий, как ожиревший медведь,
С налитыми кровью глазами,

Со вздутыми веками и бровями,
Со сросшимся, как у кабана, затылком,
С ногами, толстыми, как у слона,
С животом, раздувшимся, как хаба,
Кумысом наполненный до краев,
Явился Катила — злой падишах,
Видом своим нагоняя страх.

К толпе девушек он подошел,
Глазами красавицу отыскал,
Зубы велел слуге осмотреть,
Потом отбросил в сторону плеть,
Руку, закрывавшую румяное лицо,
Откинул резко, потрогал грудь,
Ладонями талию молча ощупал.

«Для дворца подойдет,— сказал Катила,—
Эй, слуги, других девушек осмотрите
И сколько надо — себе возьмите.—
Так падишах сказал, говорят,
К трону опять зашагал, говорят.—
А всех остальных в жертву отдайте
В честь колодца, где воду брали
И в этой воде меня искупали».

Тут дочь Катилы из дворца вернулась,
Подошла к Уралу и, в глаза ему глянув,
Со словами упрека обратилась:
«За что ты меня опозорил, егет?
Очернил лицо мое, гордый егет?
Я тебя среди сотни рабов отыскала,
Яблоко подарила, равным признала,
А ты отказался идти во дворец...»

Слова ее услышал отец,
Спросил: «Егет, из какого ты рода,
Что посмел опозорить нас перед народом?»

У р а л

Человека, который людей убивает
И при том падишахом себя называет,
Сколько ни странствовал я по дорогам,
Мне повстречать не приходилось.
Не только знать, но и думать об этом,
Разве я мог, скитаясь по свету?

Смерти я с детства привык не бояться
И с нею всегда я готов сражаться,
Не отдам ей не только человека,
Но даже самую малую птицу!
Зачем тебе предо мной гордиться?
Тебя я еще совсем не знаю —
Поживу, на дела твои погляжу,
Тогда все, что думаю,— прямо скажу.

Народ, приближенные и батыры
Смотрели с завистью на Урала:
Так смело говорит с самим Катилой,
А может, и зятем ему станет!

Дочери своей закричал Катила:
«Зачем ты себе глупца избрала?
Он же тебя совсем недостоин.
Не томись, моя дочь, напрасно,—
Он человек для нас опасный.
Вернись во дворец»,— так он приказал,
А слугам людей убивать приказал,
Урала велел в кандалы заковать.
Народ начал плакать, громко стенать,
Падишаха кровавого проклинать.

И тут увидел народ, говорят,
Как Урал рванулся вперед, говорят.

Урал

Я отправился в долгий путь,
Чтоб Смерть невидимую уничтожить,
Спасти людей от людоеда-дива.
Чтоб счастье людей приумножить,
Хотел из родника взять живую воду
И воскресить мертвых...
Вот для чего я рожден батыром.

Услышав такие речи Урала,
Катила, от гнева багровым ставший,
Крикнул своим четырем батырам:
«Пусть он землю запомнит нашу!
Хочет Смерть повидать? Ну что же,—
Надо нам его волю уважить,—
Покажите Смерть чужому батыру».

Этот грозный фарман выполняя,
Вышли вперед четыре батыра.
«Будешь биться или бороться?» —
Нагло смеясь, они спросили.

Сказал Урал, взглянув на Катилу:
«А вы подумали, хватит ли силы?
Смотрите — как бы вам не погибнуть...
Может, сильнее себя зверя
Вы на меня бы напустили?!»

Батыров эти слова рассмешили,
И, хохоча, они так говорили,
Над противником издеваясь:
«Ай-хай, оказывается, какой ты сильный —
Нас, четверых, один не боишься!»

Катила рукою взмахнул: «Ну, ладно,
Раз пришелец жаждет крови
И жить на земле ему надоело,
Из дворца быка приведите,
А вы, батыры, пока подождите».

Люди эти слова услыхали,
«Ой, пропадет егет!» — зашептали,
Головы низко склонив, стояли,
Слезы ладонями вытирали.
Дочь падишаха к отцу подбежала
И такими словами его умоляла:

«Отец мой, прошу — не губи егета,
Добрее его во всем свете нету.
Твою волю, отец, выполняя,
Я жениха себе выбирала
И выбрала лишь одного Урала.
Прошу — не проливай зря крови...»

Катила дочь свою не послушал —
Велел быка пустить на волю.
И вот, как гора, огромная туша,
Скребя копытами голую землю,
Брызжа слюной, вдруг появилась,
Из ворот дворцовых к майдану пустилась.
Народ испуганный разбежался.

Бык страшно всхрапнул и, рога склонивши,
Кинулся яростно на Урала,
Чтобы поддеть и поднять высоко
Рогами насквозь пронзенное тело.

Урал, говорят, не растерялся,
От удара ловко увернулся,
Руками крепко рога схватил,
Начал шею быку ломать
И голову ниже к земле пригибать.

Над майданом раздался страшный рык —
Не может вырваться грозный бык,
В землю уходит ногами бык,
Не может туловище повернуть,
Не может рогами Урала боднуть,
Из пасти черная кровь потекла,
Из челюсти выпал верхний зуб.
А Урал слово свое сдержал,
Убивать быка он не стал,
Из земли его выдернул, говорят,
На ноги поставил, так говорят.

У р а л

Твои прямые рога изогнулись —
И вечно будут теперь такими!
Плотные копыта твои разомкнулись —
И вечно будут теперь такими!
Не только у тебя — у всего рода!
Силу человека сейчас испытал ты,
Слабость свою сейчас узнал ты.
Рогами людей устрашить не пытайся,
Одолеть людей никогда не надейся.

Четыре батыра переглянулись,
Подошли к Уралу с гордым видом,
Один из них, кривя рот в усмешке,
Сказал егету слова такие:
«Если душа твое тело покинет,
В какую сторону его закинуть?
Если же в схватке ты уцелеешь,
В какую страну тебя забросить?»

Урал смело вышел вперед:
«Ну что же, настал и ваш черед,
Вчетвером сразу ко мне подходите,
И, если погибну, льву тело отдайте,
А если поднять вам меня удастся,
В живой родник мое тело забросьте».

Первый батыр, продолжая смеяться,
Сказал: «Коль меня одолеешь
И силой своей на спину повалишь,
Брось мое тело тогда под ноги
Моему властелину падишаху Катиле».

Разом кинулись четыре батыра,
За плечи егета они ухватились,
Но только не долго с Уралом бились.
Схватив одного левой рукою,
Кинул Урал его в ноги Катилы,
А трех других, схватив всех сразу,
Ударил о землю с такою силой,
Что горы вздрогнули и пошатнулись,
И ветры вихрем в небо взметнулись
И мотыльками затрепетавших
Приближенных Катилы, мукою ставших,
Самого Катилу, талканом ставшим,
Подхватив, развеяли в небе...

Все люди видели битву Урала —
Матери, рыдавшие от страха,
Отцы, плачущие кровью,
Дети со связанными руками —
Кинулись все к егету Уралу
И, окружив его плотной толпою,
Повели во дворец падишаха,
Куда раньше никогда не входили.

Урал объявил всем, говорят,
Справедливый фарман, так говорят:
Беглым в свои жилища вернуться,
Злодея Катилу не бояться,
Каждому роду избрать старших —
Самых доблестных и справедливых.

По совету старых людей Урал женился на дочери Катилы. После свадьбы через несколько дней он снова тронулся в путь и увидел в лесу, как огромный змей пытается проглотить оленя: проглотил бы оленя — рога не проходят, отпустил бы оленя — выплюнуть не может. Змей назвался Заркумом, сыном дива Кахкахи, и молил спасти его — сломать рога оленю, за что обещал дать много жемчуга и отвести во дворец отца. И тут же выдал отцовскую тайну: у Кахкахи, оказывается, есть волшебная палка — «с ней в воде не утонешь, в огне не сгоришь, а коль надо скрыться от страшных врагов, невидимым станешь, и сколько б враги тебя ни искали, найти невидимого не смогут»... Урал поверил Заркуму, сломал рога, Заркум проглотил оленя, превратился в красивого егета и повел Урала к отцу Кахкахи.

...Урал и Заркум, отправились в путь,
Много дорог, говорят, прошли,
Много переплыли быстрых рек
И вот увидели вдалеке
Что-то черное, говорят,
На гору похоже, говорят.
Вверху — огонь, зарницами полыхающий,
Внизу — серый дым, искрами сверкающий.
Что-то серое, туманом покрытое,
Увидел Урал и спросил: «Что это?»
Заркум немного помедлил с ответом
И сказал: «Это змей, дворец охраняющий,
Покой отца оберегающий».

Вскоре Урал увидел ограду
И не гору, а змея, лежащего рядом,
Девятиглавого страшного змея.
Заркум приказал сторожу-змею
Отпереть кованые ворота.
Змей зашипел и так свистнул,
Будто рухнули горы и скалы.
Раздался грохот — четыре змея
По земле ключ волочили
И этим ключом ворота открыли.

Заркум, широко распахнув ворота,
Пригласил Урала войти как гостя
И, поклонясь, сказал: «О твоем приходе
Я отца предупредить должен...»
Так сказав, он закрыл ворота,
Шаги Заркума вдали затихли.
Урал прислушался — за воротами змеи
Между собою так говорили:

«Я — одиннадцатиголовый,
Мой черед съесть егета,
Чтобы двенадцатая по счету
Отросла голова на моем теле.
И стану я визирем падишаха».

Но его перебил девятиголовый:
«Этот егет узнал нашу тайну,
Заркум, испугавшись, ему проболтался...
Его падишах есть не станет —
Он же спас любимого сына!
И вы зря тут не толпитесь,
На жертву не надейтесь —
Мне одному его есть придется —
Потому что секрет самого падишаха
Я один только и знаю...»

Расползлись змеи, в углах притихли,
Остался один лишь — девятиголовый
И, приняв девичий облик,
Неслышно прошел через ворота,
Протягивая руки к Уралу,
Завораживая взглядом.

Но коварство змея знал Урал,
Протянутые руки так крепко сжал,
Что кровь полилась...
Змей, снова став змеем,
Шипя набросился на Урала,
Стараясь хвостом с ног сбить,
Стараясь огнем лицо опалить.

За горло змея схватил Урал
И, говорят, так сказал:
«Это ты знаешь тайну
Своего коварного падишаха
И хочешь, чтоб все дрожали от страха
От одного твоего вида!»

Змей удивился: «Так ты *тенгри?*
Так ты, оказывается, сам тенгри?
А я-то думал, что ты человек!
Потому и подслушал наш разговор
И падишаху о нем рассказал...»

С такими словами змей в ноги упал,
Хребет свой низко к земле пригибал.
Но тут же снова голову поднял —
Он человеческий запах узнал.
«Нет, ты не тенгри, ты человек,
Ты — человек, узнавший тайну,
Ты, повстречавший Заркума случайно,
Заставил его проговориться
И хочешь теперь своего добиться».

Только хотел он дыхнуть огнем,
Урал размахнулся и так ударил,
Что девять голов с тела свалились,
На пол упав, они раскололись.
Из одной — ключи посыпались со звоном,
Из других — восемь батыров явилось.

«Когда-то мы с семьями жили,
В стране своей мужчинами были,
Всех нас страшный змей погубил,
Из тел наших головы отрастил.
И если ты рассечешь его сердце,
Ключ золотой там увидишь,
Этим ключом дворец тайн откроешь...»

Так и сделал Урал, говорят,
Ключ золотой достал, говорят,
Дворец тайн открыл, говорят,
И красавицу там увидал, говорят,
Шелком тело ее покрыто,
Шея обвешена жемчугами,
Только поблёк на лице румянец...
Открыл Урал дверь другую —
Там, возле трона, палку увидел —
Вся она хрусталем сверкает,
Вся изукрашена жемчугами.
Сказали батыры: «Возьми эту палку,
Она, егет, помощницей будет».

Тут еще одна дверь раскрылась
И белый змей из нее появился,
Окинул всех взглядом, говорят,
Дохнул ядом, так говорят.

«Кто посмел войти и взять палку,
Которой ничья рука не касалась?!»
Перед собою увидев Урала,
Он пасть раскрыл... Но егет ловкий
Его скрутил и о землю ударил.

«Я со Смертью пошел сражаться
И буду до тех пор за нею гнаться,
Пока не настигну
И не сдавлю ей горло.
И всех, на ее стороне стоящих,
Такая же участь ожидает...
С рожденья назвали меня Уралом,
И я на свет для того родился,
Чтоб сделать землю навек свободной.
А тот, кто Смерти злой помогает,
Пусть от меня пощады не знает!
Если ты — падишах, ты должен
Дать сейчас же приказ справедливый:
Пусть сползутся все твои змеи,
Головы низко к земле склоняя.
И пусть мой меч над ними сверкает,
Змеиные головы отрубает,
Людей из неволи освобождая».

Кахкахи, говорят, подчинился:
«Раз я палку не удержал
И ее хозяином ты стал,
Значит, ты меня сильнее,
Тебе противиться я не смею...»
И приказ отдал своим змеям.

Змеиные головы Урал отсекал,
Из них невольников освобождал,
Узников из темниц выпускал,
Во дворце все двери велел раскрыть,
А Кахкахи сказал: «Заркума найди
И ко мне живым приведи...»

Толпою народ на свободу вышел,
И с ними девушка тоже вышла,
И все Урала окружили
И такие слова ему сказали:

«Помощь, которую бог всемогущий,
Даже бог не мог оказать нам,
Ты, егет, принес народу.
И мы теперь решить не можем —
Какую дать тебе награду,
Какими словами тебя возвеличить?»

«Никакого величия мне не надо.
Ваша свобода — вот мне награда.
Батыром станет лишь тот мужчина,
Который любит народ всем сердцем.
Давайте на праздник все соберемся
И выберем лучшего из лучших,
Чтоб стал он отныне вождем вашим...»

И люди Алгыра вождем назвали —
Он много лет со змеем боролся,
А дочь его с именем Гулистан
Была рабыней белого змея —
Это ее Урал встретил,
Впервые ворвавшись во дворец падишаха.

Тогда меж собой порешили люди
Отдать Гулистан Уралу в жены...

А старший брат Урала Шульген шел по стране счастья и видел: в реках, в озерах рыбы — плотва, пескари да щуки плавают вместе, на ветках прыгают птицы — ястреб с жаворонком рядом, кукушка с соколом тоже рядом, а соловей им трели выводит, а на склонах гор ходят овцы рядом с волками, петухи да куры с лисою рыжей привольно пасутся на одной поляне. И подумал Шульген: «Сначала пойду к падишаху, тайну дворца его разузнаю, а когда стану домой возвращаться, много дичи себе добуду — зверей доверчивых, рыб не пугливых». Но вскоре ему повстречался Заркум, бежавший от Урала, и, назвавшись сыном Азраки-дива, уговорил его идти с собою, обещая много дать подарков и живой воды — сколько захочет. Подошли к дворцу, и тут — крылатые кони-тулпары навстречу вышли, а за ними огромные дивы, и повели Шульгена с почтеньем, как важного гостя...

...А во дворце два падишаха —
Хозяин Азрака и гость Кахкахи
Сидели в растерянности и страхе,
Сидели, думая об Урале.
Сынчи в разговоре им помогали
Разгадывать самые сложные тайны.

Старый сынчи сказал: «Падишах мой,
Когда однажды в неведомом крае

Родился неведомый нам ребенок
И первый крик того младенца
До твоего дворца донесся,
Летавшие в небе наши дивы
Все от страха на землю упали.
Ты послал тогда грозных дивов
С наказом — выкрасть, убить ребенка.
Но он так взглянул на них, что от взгляда
У дивов со страху сердца онемели.
А когда, вырастая, он к нам явился,
Чтоб взять воды из родника живого,
Родник забурлил, вскипел пеной
И обмелел наполовину.
И ты, падишах, впал в большое горе.
Сейчас нам нельзя сидеть сложа руки,
Надо найти храбреца такого,
Чтоб смог у Самрау-птицы
Акбузата — тулпара коня выкрасть.
Тогда и мы обретем силу».

Азрака

Чтоб Акбузатом-конем овладеть
И ко мне на нем прилететь,
Я посылал семерых дивов,
Где конь укрыт — им указал.
А коль не удастся коня поймать,
Тогда убить его приказал.
Долго они за тулпаром гонялись,
Лаской его подманить пытались,
Но Акбузат не подошел
И к себе не подпустил...
Дивы, страшась моего гнева,
В синем небе жить остались.
И теперь семь звезд ночью светят —
По имени Етиген — горят в небе.

Рожденную от Луны дочь Самрау
Все же сумел я похитить,
Но конь, подаренный ей отцом,
К своей хозяйке не прилетел —
Не вышло так, как я хотел.
И теперь я знаю: из рода людского
Надо найти егета такого,
Который бы мог Хумай — дочь Солнца

Завоpожить своею силой,
И если девушка его полюбит,
Тогда Акбузата и меч из булата
Она сама поднесет нам в подарок.
Тогда мы егета отблагодарим —
Любую страну ему отдадим,
Ничего для батыра не пожалеем,
Тогда и Урала мы одолеем!

И тут Заркум к Азраке подошел.
«Мой падишах, я к тебе привел
Шульгена — старшего брата Урала,
Его мне в дороге судьба послала...»
А когда Шульген во дворец вошел,
Падишах его ласковым взглядом обвел,
Гостеприимным, приветливым был,
Рядом с собою усадил.

Потом падишах хлопнул в ладоши,
Дворцовых девушек вызывая.
Вышли они, разбившись на группы,—
Стройные все, высокого роста,
Красотою и нежностью изумляя.

Из всех девушек самой красивой
Была Айхылу — как на камешках белых
Горсточка жемчуга сверкает,
Как в небе звездном Луна сияет,
Как на щеке у красавицы стройной черная
родинка,
Так и она, как цветок весенний,
Всех собой украшала.

Шульген смотрел и не мог насмотреться,
Не мог отвести от нее взгляда.
Спросил у Заркума: «Кто такая?»
Тот ответил: «Сестра родная,
Хочешь — сделаю тебя зятем».
Шульген усомнился, счастьем считая
Такую девушку взять в жены,
Но Заркум его утешил:
«Скажу отцу, и он вас поженит».
И тут же сказал Азраке — гость желает
Взять Айхылу себе в жены.

Азрака опять похвалил Заркума,
Дивов созвал на высокую гору,
А Айхылу запугал — чтоб молчала
О том, что похищена у Самрау,
И живет как невольница — не говорила.
«Если нарушишь мою волю,
Оторву твою голову, а тело
Брошу в огонь, чтоб оно сгорело...»

Славная свадьба неделю длилась.
Шульген, позабыв обо всем на свете,
Жил, нежданному счастью не веря,—
Айхылу его полюбила...

В один из дней падишах Азрака
Позвал Заркума к себе и Шульгена
И, обращаясь к нему как к зятю,
Велел в дорогу быстрей собираться.
«Ты славный егет из рода людского,
И верю — ты выполнишь мое слово.
Ты сможешь Хумай — дочь Солнца
Силой своею заворожить
И, если девушка тебя полюбит,
Тогда Акбузата и меч из булата
Она сама поднесет нам в подарок».
При этом осторожно глядел на Шульгена,
Желая думы его прощупать,
Обещая дивов дать на подмогу.

Заркум и Шульген собрались в дорогу,
На диве верхом так быстро летели,
Что даже глазом моргнуть не успели,
Как очутились в стране Самрау.
Снова короткий совет держали —
Как бы получше все обделать.
И тут в разговоре Заркум осторожно
Вставил слово и об Урале.

Заркум

Слышал я — недалеко отсюда
Есть страна Аждаха-змея,
Падишах там по имени Кахкахи
Жил, волшебной палкой владея.
Она, при желании, огнем вспыхнет,

А если надо — водой разольется
Или поднимет такие ветры,
Что страшнее, чем ураганы.
Но вот, я слышал, неизвестно откуда
Какой-то егет к нему заявился,
Уралом-батыром объявился
И не то лестью, не то обманом
Похитил эту волшебную палку
И назвал себя падишахом...

С радостью весть Шульген услышал.
«Жив и здоров младший брат»,— подумал.
Но вскоре зависть мутить душу стала:
«За что его счастье так одарило?
Неужели слабее моя сила?»

«Ничего,— они вместе с Заркумом решили
Вот обуздаем Акбузата,
Возьмем в руки меч булатный,
Тогда никто не сравнится с нами...»

Но Заркум, хотя и делился с Шульгеном
Своими помыслами и мечтами,
Черные мысли в душе лелеял:
«Нет, пока он мне доверяет,
Надо воспользоваться его силой.
А потом я убью Урала,
Палкой волшебной один завладею,
Непобедимым стать сумею...»

Вскоре они дворец увидали
И перед ним много-много
Белых птиц увидали.
Одна птица, взглянув на дорогу,
Махнула крылом своим подругам,
И птицы встревоженно разлетелись,
А та, что сигнал дала,— наблюдала.
Шульген и Заркум подошли поближе
И о Хумай-птице спросили.
«Ее дома нет»,— отвечала птица,
Знак подала, и вдруг вся стая,
Крылья свои высоко вздымая,
Разом скинула птичьи шубы
И в красивых девушек обратилась.

Шульген с восторгом смотрел на красавиц
И среди них увидел такую,
Какой на земле никогда не увидишь.
Красота этой девушки жизнь вдохнула,
И мир перед ней застыл в изумленье.

А та, что знаки подругам давала,
Подошла к пришельцам и как хозяйка
Слова приветливые сказала:
«Видно, прошли вы по многим странам
И в трудных дорогах утомились,
О Хумай узнав, вы к ней явились.
Что же, прошу — во дворец войдите,
Хумай вернется — ее подождите».

Шульген и Заркум догадались,
Что Хумай не хочет пред ними открыться,
Вошли во дворец, как желанные гости,
Сели на почетное место.
Так недолго они сидели.
И весь дворец окутался дымом.
Гости сознания лишились.
Во дворце страшный шум раздался —
Земля надвое раскололась,
И Шульген с Заркумом в подземелье,
В глубокую яму полетели.

Когда очнулись — глаза застилала
Тьма и так страшно было,
Что слова вымолвить не сумели,
Начали шарить друг друга руками,
Но так нащупать и не сумели.

Хумай за пришельцами наблюдала
И, когда Заркум превратился в змея,
Велела девушкам затопить яму
Холодной водой бурлящей.
Заркум опять заметался в страхе
И из змея в кушул превратился,
Теряя свои последние силы,
Водяною крысою плавал...

А Хумай подошла к Шульгену
И, говорят, так сказала:

Хумай

Когда ты летел в пропасть,
Сердце твое зашлось ли от страха?
То время, когда вы меня поймали
И нож точили и ноги связали,
Может быть, ты сейчас вспомнил?
За страх свой тебе отплачу страхом.
А сердце твое, живых губившее,
А сердце твое, злобой заплывшее,
Пусть от недоброго жира оттает
И от всего плохого очистится.
Пусть в тебе родится душа,
Любить способная.

Так сказала Хумай-птица
И во дворец к себе удалилась.
Вошла к ней девушка и рассказала —
Пришел незнакомец...
Хумай взглянула —
Узнала Урала,
А Урал не мог и подумать,
Что перед ним спасенная птица.
А голос ее серебристый
Давно знакомым Уралу казался.

Знаком Хумай войти пригласила,
И Урал вошел, спросил о здоровье.
Хумай, к Уралу обращаясь,
Такие слова тогда сказала:

Хумай

Егет мой, по лицу, по твоей одежде
Вижу — пришел ты издалека...
Расскажи о себе, о своем крае,
Где ты был, что видел в дороге.
Ты не станешь таиться — я знаю.
Если окажется в моих силах,
То помощницей тебе стану.

Урал

Хоть я и молод еще годами,
Известно мне о пяти странах:
В одной рожден, а две увидел,

Когда странствовал по свету.
А две последних — хочу увидеть.
И вот что странно:
В тех дальних странах —
Куда ни придешь, кого ни увидишь —
Один себя главою считает,
Другой перед ним спину сгибает,
Сильный слабого пожирает,
Сколько хочет — кровь проливает...

И еще я знаю,—
Есть сила такая —
Невидима глазу,
Никто ни разу
Ее, говорят, нигде не видел.
Злая Смерть — вот ее имя.
С ней-то задумал свести я счеты,
Людей от нее навсегда избавить.
Еще в детстве попала мне в руки
Лебедь и рассказала,
Что в ее стране есть средство,
Чтобы людей от смерти избавить.
Но что за средство такое — не знаю...

Хумай

Чтоб жить на свете, не умирая,
Чтобы не лечь в черную землю,
Есть родник с живою водою.
Но где течет он — никто не знает.
Им владеет падишах дивов.
И если ты хочешь найти эту воду
И отдать ее народу,
Я помогу тебе... Но прежде
Выслушай ты мое условье.

Муж, прошедший страну змея,
Где лево, где право — узнать сумеет,
Сам себе сможет выбрать дорогу,
В этом ему не нужна подмога.
Но если ты отыщешь птицу,
Если ты ее мне привезешь,—
Тогда и я тебе помогу,
Где течет родник — укажу.

Урал

Что же, тебе я послужу —
Твое доверие заслужу,
Птицу разыщу для тебя.
А на прощанье так скажу:
Нет воза у меня — золото грузить,
Нет любимой у меня — украшения дарить,
А в сердце, кроме добра,
Я не имею ничего —
Злобы на людей нет у меня,
Коварных дум нет у меня...
Награда твоя пусть будет такой:
Помоги мне людям добыть покой,
Счастье и радость всем им вернуть,
В силы людские веру вдохнуть.
А когда мне Смерть преградит путь,
Ты мне помощницей верной будь.

Хумай

Не сгорит, коль в огонь попадет,
Не утонет, коль в воду войдет,
Ветру не даст за собой угнаться,
Гор и скал не станет бояться,
Копытом ударит — горы расколет,
В прыжке грудью рассечет море,
Верный в трудностях и лишеньях
Своему хозяину батыру,
На небе рожденный, он в небе вырос,
На лугах земли его племени нет.
Дивы Азраки тысячи лет
Гонялись за ним, но не поймали,
Ласковым словом не подманили,
Этого коня мне мать подарила,
«Отдай любимому»,— говорила.
Акбузат-тулпар — мой конь крылатый —
Тебе его я отдам в награду.
А еще отдам тебе меч булатный.
Джинны и дивы знают о нем
И перед ним от страха трясутся,
Увидят — как стадо овец разбегутся.

Так сказала Хумай. Урал согласился
Желание девушки исполнить.

Но и тогда Хумай-птица
Не решилась Уралу открыться
И о Шульгене, что сидит в темнице,
Ничего не рассказала.
...И вот новое утро настало.
Проснулся, говорят, Урал на рассвете,
Умыл, говорят, лицо водою.
Хумай сытно его накормила,
Потом в дорогу проводила...

Долго странствовал Урал и наконец озеро увидал: берега его не из камня, дно его не из гальки,— берега и дно серебром покрыты. Цветы, росшие на берегу, даже на самом сильном ветру не колыхались, а гладь водяная застыла, будто бы ледяная. Тут он и увидел чудесную птицу, палкой волшебною помахал, и птицу околдовал, и привез ее к Хумай. Птица эта ее сестрой Айхылу оказалась, она, потеряв мужа, от дивов в далеких краях скрывалась.

И тут Хумай таиться не стала, свое имя Уралу сказала, о том, как он спас ее, рассказала и повела к отцу Самрау. И отец сказал: «Айхылу, уставшую от скитаний, испытавшую столько страданий, надо к матери Луне отправить в гости». Так и сделали — на своем коне Сарысае Айхылу улетела на Луну. А Хумай, после того как ей Урал в любви открылся, выпустила Шульгена из темницы.

Радостно встретились братья родные,
Не перестают улыбаться,
Говорят — не наговорятся,
Урал о себе все рассказал,
А Шульген о себе больше молчал
И в думах своих так рассуждал:
«За что его счастье так одарило?
Неужели слабее моя сила?..»

Так думал Шульген, и эта дума
Не давала ему покоя.
Ни про Азраку, ни про Заркума
Не рассказал он тогда брату.
А утаив однажды правду,
Он и на злое дело решился —
Брата родного убить замыслил,
Овладеть мечом булатным,
Оседлать коня Акбузата,
А Хумай — любимую брата
Взять себе в жены...

Урал заметил, что брат всегда хмурый.
Подумал: «Долго сидел в темнице,

Вот и не может развеселиться».
Однажды увидел: Шульген, насупясь,
Сидит один с лицом багровым.
Урал ободрить его постарался,
Говоря брату такие речи:

«Против огня — становись водою,
Против врага — вырастай горою,
В трудностях не себе — другим дай дорогу.
Батыр без лестницы на небо влезет,
Батыр без ключей землю откроет,
Добрый поднесет питье — выпьешь воду,
Злой поднесет — вода станет ядом...»

Глядя на хмурое лицо Шульгена,
Птица-Хумай насторожилась,
Чуяла — здесь какая-то тайна,
За братьями она с тревогой следила.

Однажды Шульген сказал Уралу:
«Многие страны ты, брат, объехал,
Многое увидел на свете,
Стал ты батыром, почет и слава
Тебя повсюду окружают...

Теперь ты в стране падишаха Самрау
Живешь привольно, забот не зная...
Но есть у меня дума другая.
Зачем нам Самрау поклоняться,
Когда мы сами
Страной можем править?
Я твой старший брат и желаю
Добыть себе настоящей славы».

Урал

Люди Самрау зла не знают,
Никого не мучают, не убивают,
Как же могу я коварством и злобой
Отплатить за добро падишаху Самрау?!
Невинную кровь проливать разве можно?
Злодеями стать — нам не пристало.
Как мы вернемся домой — подумай —
С кровью запятнанною душою?!
Если полюбит тебя дочь Самрау,

Станет тогда тебе женою
И сама Акбузата подарит.
Нет, Шульген, мы с тобою
Должны идти за мечтой другою —
Надо дивов злых уничтожить,
Открыть невольникам темницы,
Надо со злым Азракой сразиться
И воды из родника живого
Добыть народу для бессмертья.

Однажды к Хумай Шульген тайно явился,
Тихо положил на плечо ее руку,
Слово свое сказал, говорят,
Любовь открыл, так говорят.

Шульген

Сама ты, Хумай, как-то сказала —
По делам человеку воздается...
И я так думаю — между нами
Нет злого умысла, кровавой свадьбы.
К тебе свое слово я обращаю —
Дружбе сердце мое открыто,
И буду предан я ей неизменно.

Как только я во дворец явился,
Как только тебя увидел,
Сразу сердце мое ты пленила,
Но на меня и не взглянула,
Может быть, ты испугалась
И за зло испытать решила —
Уважения не оказала
И закрыла меня в темнице?!

Может быть, после беседы нашей
Или с приходом брата Урала
Сердце твое опять смягчилось —
Ты во дворец меня пригласила,
И вижу я, что во всем мире
Ты всех добрее и красивей.
Дашь ли ты мне свою руку?
Пойдешь ли за меня с любовью? —
Так я думал, душой встрепенувшись.
Захочешь — останусь рядом с тобой,
Полюбишь — сделаю женой,

А если откажешь — тогда придется
Мне выбирать другую дорогу
И совершить то, что задумал.

Хумай

Егет, я к тебе давно присмотрелась,
Узнала и думы твои и дело.
Я — старшая дочь падишаха Самрау,
Теперь ты, егет, меня послушай.
Пусть мысли твои делами станут
И никого никогда не обманут.
При всем народе, на большом майдане
Соберу я егетов на состязанье.
И там ты силу свою покажешь.
Есть у меня конь Акбузат,
Его мне мать подарила,
Он на майдан к народу прискачет.
И если ты за узду схватишь,
И ловким прыжком на коня сядешь,
И снимешь с седла меч булатный,—
Значит — ты батыр настоящий,
Тогда подарю тебе Акбузата,
И буду отца просить о свадьбе,
И одной тропою пойду с тобою,
И стану тебе любимой женою.

Так, говорят, Хумай решила,
И Шульген с ней согласился.

Устроила Хумай майдан, говорят,
Акбузата позвала, говорят.
Сразу гром загремел-загрохотал,
Буря поднялась на всей земле,
Белесый, как светлое небо,
Усеянный звездными крапинками,
Акбузат-тулпар разгоряченный
С неба слетел, говорят,
Словно звезда летящая,
К красавице Хумай подскакал
И голову перед ней склонил, говорят.

Потрепав по шее коня Акбузата,
Хумай слово свое сказала:

«Ты прискакал ко мне без батыра,
Ни одного не счел себе равным.
Взгляни — здесь собрались егеты,
Они ждут тебя, надеясь,
Что ты изберешь, который по силе,
По красоте тебе не уступит.
Тогда тебе он товарищем станет,
А для меня возлюбленным станет».

Акбузат

Красивый егет мне не подходит,
Вряд ли в седле моем усидит он.
Когда тучи с громом в небо приходят,
Когда над землею буря бушует,—
Птицы в небе еще летают,
И даже перекати-поле
В овраге укрытье себе находит.

Но я поскачу, и буря такая поднимется сразу,
Что даже скалам не удержаться,
Даже воды в реках взбурлятся,
И рыба плыть по волнам не сможет.
Ударю копытом — и Каф-тау —
В одно мгновенье рассыплется прахом.

К золотой луке седла дорогого
С алмазным лезвием меч привязан —
Долгие годы его закаляло
На своем пламени солнце.
Огонь, способный всю землю обуглить,
Его не сможет даже расплавить,
Ничто на свете его не затупит.

Кто не поднимет и в небо не кинет
Тяжесть в семьдесят батманов,
Тот не достоин батыром зваться.
Тот, кто мечом взмахнуть не сможет,—
Мне в наездники не годится.
Слабосильный мне не товарищ.
Только тот меня получит,
Которому равных нет — ни по силе,
Ни по ловкости, ни по сноровке...

Так Акбузат сказал, и люди,
Чтобы узнать — кто всех сильнее,
Весом в семьдесят батманов
Разыскали огромный камень.
Подошли к нему и руками
Хотели все вместе сдвинуть с места.
Толкали месяц, год толкали —
Но так и не сдвинули этот камень.
Хумай посмотрела на Шульгена
«А ну подними!» — ему сказала.

Бросился Шульген к тяжелому камню
И от земли отрывать начал.
Так он напрягся, что по колено ушел в землю...
Месяц с камнем Шульген возился,
Год, говорят, поднимал камень,
Но сдвинуть не смог...
Изнемогая,
Отошел в сторону, совсем уставший.

Хумай взглянула тогда на Урала,
Поднять ему камень приказала.

Урал рассердился,— камень тяжелый
Покрыл позором его брата,—
И так кулаком по нему ударил,
Что камень по земле покатился.
Урал подхватил его ловко и кинул
Высоко в небо со всего размаха.
Стрелою, свистя, улетел камень —
И вскоре из глаз скрылся...
А люди стояли
И головы в небо задирали.
Утро прошло, и настал полдень,
Полдень прошел, и настал вечер,—
А камня в небе еще не видно...

Пронзительный свист над землею
раздался
Это камень назад возвращался.
Люди, попадав, прикрылись руками.
А Урал ловко схватил камень,
Поймал, говорят, на лету камень,

Спросил — где живет падишах Азрака
И в ту сторону камень бросил.

И тут Акбузат подошел к Уралу,
Склонил перед ним голову низко,
Сказал: «Теперь мною
Ты один владеть будешь...»
А Самрау руку подал,
Сказал Уралу: «Будь моим зятем...»
Всю страну на пир созвали,
Несколько дней свадьба длилась,
И все люди Уралу сказали:
«Будь отныне страны батыром!»

Шульген, увидев, как славят Урала,
Все больше и больше хмурил брови.
Хумай и Урал, его жалея,
Решили отдать Айхылу ему в жены
И посоветовались с Самрау.
Падишах согласился с ними,
Решил вернуть Айхылу и снова
Большой туй устроить,
Сказал: «Проведем свадьбу,
Сердце Шульгена подобреет,
И все кончится тихо и мирно...»

...Шла еще свадьба Хумай и Урала,
И вдруг, говорят, земля задрожала,
Народ, ничего не понимая,
Смотрел в небо, а там — пламя,
А что там горит — никто не знает,
Отчего земля затряслась — непонятно.
Разные думы думали люди,
Но так ничего и не узнали...

Наконец увидели:
С плачем, с воплем
Что-то черное, одетое в пламя,
Клубком катится прямо на землю.
Урал схватил клубок руками,
И весь народ от испуга замер —
Это клубком Айхылу катилась.
Когда она домой возвращалась,
Пламя ее, говорят, охватило.

Былины.
Худ. П. Соколов-Скаля.

Айхылу

Видела я, как Урал подбросил камень в небо
И как снова, поймав на лету, в сторону кинул.
Летел камень со свистом,
Через моря летел, через горы
И в стране падишаха Азраки
Упал, и земля раскололась,
И пламя взметнулось высоко в небо.
Оно меня собой захлестнуло,
Повергло в ужас, лишило силы,
И я упала, изнемогая...
А придя в себя, сюда поспешила...

Люди ее словам удивились,
А Самрау, радуясь, думал:
«Вот наделали Азраке шуму!
Сколько хлопот ему причинили!»
Тут и Шульген, говорят, понял,
Смекнул, говорят, что все изменилось,—
Девушку, которая с неба скатилась,
Ему Азрака отдал в жены,
За дочь свою ее выдавая.
Но все тогда обманом было —
Айхылу, оказывается, дочь Самрау,
Вот, оказывается, она какая!

Шульген подвел Айхылу к Самрау
И рассказал, что они женаты,
Их Азрака женил, но вскоре
Оба они испытали горе —
Азрака их счастье разрушил,
Заточив Шульгена в подземелье,
Но ему удалось бежать из плена...
Айхылу, любившая Шульгена,
Сразу поверила обману.
А Самрау думал: «Два брата,
Два батыра со мной породнились...»

И только Хумай насторожилась,
В ней сомнение зародилось.
Шульген — она знала — пришел с Заркумом,
Так где же он со змеем сдружился
И почему вместе с ним явился?

Она осторожно сошла в подземелье —
Хотела правду узнать у Заркума.
За нею Шульген следил и понял —
Заркум его выдаст и, ради спасенья,
Всю вину на него свалит.
Теперь он решил волшебную палку
Во что бы ни стало взять у брата,
Потом всех затопить водою,
Всех уничтожить, все разрушить,
Сесть верхом на Акбузата
И, захватив Хумай с собою, бежать к Азраке...
Так Шульген задумал.
А брату сказал:
«Хочу добыть славу —
Пойду в страну падишаха Азраки,
Один завоюю... Дай мне палку!»
«Пойдем вместе»,— Урал ответил,
Но Шульген не согласился.
Урал не стал с братом старшим спорить
И палку отдал...
С женой не встречаясь,
На глаза Самрау не попадаясь,
Шульген к подземелью прокрался,
Он одного опасался,
Как бы Хумай у Заркума правду
О его предательстве не узнала
И брату Уралу не рассказала.

У двери подземелья остановился,
Волшебной палкой о землю стукнул,
И сразу вода все захлестнула.
Заркум, превратясь в большую рыбу,
Схватил Хумай... и тут же Солнце
В небе безоблачном затмилось —
Оно знать Акбузату давало,
Что дочь Хумай в беду попала.

Бросился Акбузат в воду —
Вода с гулом вскипела.
Загородив поток своим телом,
Акбузат отрезал Заркуму дорогу.
Заркум отпустил Хумай и скрылся...
И Солнце в небе опять засияло,
Вода, укрощенная, спадала,

Уже не поток, а ручьи журчали,
С каждой минутой все больше мелея...

Хумай во дворец к Уралу вернулась,
О коварстве Шульгена рассказала —
Молча сидела рядом с Уралом,
Ни одним словом не утешала.
Теперь только понял Урал, говорят,
Что Шульген — его родной брат
С душою предателя оказался,
Из зависти врагам предался...

И начал Урал страшную, многолетнюю битву с падишахом Азракой, дивами, драконами и змеями, которых возглавляли Кахкахи, Заркум и предатель Шульген. Азрака, чтобы в небе птицы не летали и по земле люди не ходили, велел водою залить землю, а небо поджечь. И залилась земля водою, небо пламенем озарилось. Но Урал ни огня, ни воды не боялся, месяц бился, год бился, защищая небо и землю, людей тонущих защищая.

В битвах прошло много лет.
Дети, рожденные на свет,
Давно выросли, возмужали,
Многие егетами стали.
И вот однажды к батыру Уралу
Группа всадников подскакала —
Впереди четыре батыра,
За ними следом еще четыре...

Это Урала разыскали его три сына — Идель, Яик и Нугуш. Четвертым был сын Шульгена, рожденный от Айхылу, егет по имени Хакмар. И с ними четыре друга-батыра. Нугуш, рожденный от матери по имени Гулистан, рассказал, как убил змея Заркума. Урал по-отцовски обнял сыновей, радуясь, что они выросли богатырями, вскочил на Акбузата и повел своих сыновей-батыров в бой.

И вот, когда битва разгорелась,
Когда в небе пламя забушевало,
Когда разлились морские воды,
Ревели и грозно вскипали,—
Сошлись две силы — Урал с Шульгеном,
Лицом к лицу они столкнулись,
Два брата сцепились между собою.

По-разному братья в бою бились —
Шульген, держа волшебную палку,
Бросался на Урала коварно —

Хотел его огнем спалить,
Хотел ему голову снести.

Урал коварства не испугался,
Быстро выхватил меч булатный
И, собрав всю свою ярость,
По волшебной палке ударил,—
Палка вдребезги разбилась,
На кусочки разлетелась.
Громы по небу прокатились,
И море в озеро превратилось,
А дивы, оказавшиеся на суше,
Силы лишились и ослабли.
Сыновья Урала их крушили,
А Шульген, теряя силы,
Не смог Уралу сопротивляться,
На землю упал и не мог подняться.
Хакмар мечом на него замахнулся,
Но Урал задержал его руку,
И Хакмар отца не ударил.
Урал собрал всех людей —
Перед ними у всех на виду
Шульгена поставил.

Урал

С детства ты коварным был,
Тайком от отца крови испил,
Добрый совет мой не послушал
И отцовский запрет нарушил.
Еще тогда от добра отвернулся
И вот теперь кровью захлебнулся.

Сердце твое камнем стало,
Лицо отца чужим тебе стало,
Вкус молока материнского забыл ты,
Землю родную огнем спалил ты.
Людей для себя сделал врагами,
А злобных дивов назвал друзьями,
Ты зло конем себе оседлал
И всюду на этом коне скакал.

Так кто же сильнее — добро и правда
Или зло, с которым ты сжился?
Что человек всех сильней на свете,

Разве ты не убедился?
Отныне тела убитых дивов,
Которых ты считал друзьями,
Превратились в каменные груды,
В скалы, где прячутся дикие звери.
Отныне войско Кахкахи-злодея
Будет ползать, ног не имея.
И если ты, землю целуя,
Не склонишь голову перед правдой,
Не поклянешься словом егета,
Если ты слезы людские
На совесть свою не примешь,
А у отца и матери при встрече
Не станешь вымаливать прощенья,
То я твою голову, как точильный камень,
Метну в небо,
А душу,
Ту, что сейчас мотыльком порхает,
Превращу в туман.
Окровавленную тушу
Зарою в горах Яман-тау,
Возникших из тела твоего друга —
Кровавого падишаха Азраки.

И ты превратишься в скалу черную,
И ни одна душа людская
Добрым словом тебя не вспомянет.

Эти слова брата Урала
Шульген выслушал и испугался,
Зная, что брат не пожалеет
И убить его прикажет.

Шульген

Позволь, Урал, брату умыться
В озере, что осталось от моря,
Сотворенного моей злой волей,
Позволь поцеловать ту землю,
По которой нога твоя ступала.
Зло не творя, жить буду,
Наши обычаи не нарушая.
Со всеми людьми в согласии буду,
Всюду, всегда с тобою буду.

Урал

Лицо от крови растолстевшее,
Разве отмоет вода озерная?
Душа твоя очерствевшая
Найдет ли к добру дорогу торную?
Кровью умытые, огнем опаленные,
Разве забудут люди прошлое
И другом тебя посчитают ли?
От проклятий ставшее каменным,
Против добра восставшее,
Твое сердце ядом наполнилось.
Верю — камень может расплавиться,
Но сердце твое навсегда останется
Твердым, нерастаявшим.

Если любишь людей и вместе со всеми
Хочешь помочь живущим в бедствии,
Помогай поднять страну на ноги.
А тех, кто против людей идет,
Врагами назови,
Кровь их в озеро преврати.
О прошлом своем задумайся.
И пусть боль обожжет сознание,
Что за горе, тобой причиненное,
Тело твое раздутое черной кровью наполнилось.
Пусть просветлеет душа в страданиях,
Пусть высохнет в сердце кровь черная
И заалеет по-прежнему...
Только тогда ты изменишься,
Тогда ты в стране останешься,
Тогда ты батыром прославишься,
Снова человеком станешь ты...

Молча слова эти выслушав,
Снова Шульген начал каяться,
Просьбу свою высказывал.

Шульген

Дважды споткнулся мой лев верховой,
И дважды я ударил его
Так, что на теле показалась кровь...

Но и третий раз споткнулся он,
И с мольбой посмотрел на меня,
И поклялся, что никогда
Спотыкаться не будет.
Поверил я, не стал упрекать,
Не стал камчою полосовать.

Вот и я, брат твой — Шульген,
Дважды сбивался с пути,
Как дважды споткнувшийся лев.
И тревогу вселил в сердце твоем.
Поверь — в третий раз не споткнусь.
Кровью дивов смою позор,
От злобы умою лицо свое
И с просветленною душой
Другом предстану перед тобой,
Поцелую землю у ног твоих,
Буду любить всех людей простых,
И вместе с тобою
Жилище построю...

У р а л

Мужчина, потерявший честь,
Теряет вместе с нею и жизнь.
Мужчина, считающий кости людей,
День свой превращает в ночь.
Для жестокой души нет дней —
День для нее ночи черней.
Того, кто ходит с черной душой,
Всегда радует темнота,—
Потому что в темноте
Легче жертву свою поймать.

Когда для людей была ночь,
Ты, Шульген, торжествовал,
Потому что кромешную темноту
Ты — днем называл.
Убивая слабых людей,
Ты себе славы искал,
Потому-то и дивов злых
Ты друзьями называл.
Не знал ты, что среди темноты
Все равно для людей взойдет Луна,

А за нею заря взойдет,
А потом и Солнцу дорогу даст.

Теперь ты видишь — день настал
Для всех обиженных людей,
А для тебя и для дивов твоих
Теперь наступила черная ночь.
Смотри — оживает наша страна.
Поднимаются снова — и млад и стар.
Неужели не понял:
Людей победить злою силою нельзя.
Никому, кто на земле живет,
Коварство победы не принесет!

И если клятву твоего льва,
Как говоришь, запомнил ты,
Тогда запомни и мои слова:
Ради нашего отца,
Ради матери, что жизнь нам дала,
Испытаю тебя еще раз...

...Проводив Шульгена в путь,
Урал всех людей собрал
И, радости не тая,
Так, говорят, сказал:

«Смерть, доступную нашему взору,
Мы в жестоких боях победили,
Уничтоженные нами дивы
Превратились в угрюмые скалы.
Сейчас у нас забота другая,
Из родника, где вода живая,
Черпать все вместе воду будем
И отдадим ее людям.
Тогда от Смерти, невидимой глазу —
От болей, от болезней разных,
От немощи, недугов,
Телесных страданий —
Мы всех людей избавим,
Принесем им счастье и радость,
И бессмертными люди станут».

Тут из толпы старик дряхлый
Подошел, горестно вздыхая,
С мольбою Смерть к себе призывая,—

Все тело его иссохло,
Кости в суставах расшатались,
Подошел и сказал слова такие:

Старик

Пережил я многие поколенья —
Ни отца, ни матери не помню,
Забыл и деда, забыл и внуков...
Во многих краях был,
Знал горе и муки.
Я жил тогда еще, когда люди
Страха не знали,
Чувств не имели —
Отец сына не признавал,
Сын отца не признавал...
Видел потом я,
Как люди стали
Собираться вместе —
В один род, в одно племя.
Сильные племена грабили слабых.
От змей, дивов и падишахов
Житья не было человеку.

Теперь я новый мир увидел;
Радостные лица людей увидел
И в том, что человек всех сильнее,
Сам воочию убедился.
Глаза у людей, гляжу, просветлели,
Вижу — вы дивов злых одолели,
И я принес вам слова привета.

Урал, ты батыром оказался,
Ты, как один зрачок у глаза,
На земле единственным оказался
Батыром, достойным восхваленья
Из поколения в поколенье.
Для того отец подарил тебе жизнь,
Для того мать тебя молоком вскормила,
Чтоб ты стране принес счастье.
Они тебе сердце такое дали —
К врагу оно камнем становилось,
А к другу делалось всегда добрым.
Они вырастили тебя батыром
И первыми на льва посадили.

И вот сейчас я к тебе явился.
Взгляни на меня: я стар и сгорблен,
Крови во мне — не больше капли,
Силы мои давно иссякли,
Скрипят мои иссохшие кости,
Давно развеялись ум и память,
Дышу я пока — и тем существую.

Молил я:
Пусть Смерть подберет мое тело,
Но принять мою душу
Она не хотела,
Сказала:
«Воды ты живой напился,
И я умертвить тебя не в силах.
Пусть иссохнет твое тело,
Пусть его источат черви,
Но и тогда ты не умрешь,
Из этого мира не уйдешь
И будешь ждать меня напрасно».

К тебе я пришел, егет, не случайно,
Явился поведать тебе тайну,
Ты меня, старика, послушай:
Если мы жизни закон нарушим,
Будем к бессмертию стремиться,
Не желая Смерти подчиниться,
Этим мы счастья не достигнем.
Потому говорю:
Живую воду из родника живого не пейте,
Не обрекайте себя на муки,
Которые меня сейчас терзают.

Мир вокруг нас —
Это сад цветущий,
И в этом саду людские души —
Только цветы, что всегда отцветают,
Живут в предназначенные сроки,
А потом без мук умирают...
Одни потомство оставляют,
Другие вянут пустоцветом.
Весною, осенью или летом —

Каждый в свой срок — цветы умирают.
Сад с каждым сроком себя обновляет
И становится еще краше...
В этом и есть бессмертие наше,
Всей земли бессмертие — в этом!

И я говорю: не ищите бессмертья,
Из родника живого не пейте.
То на нашей земле бессмертно,
Что жизни цветущий сад украшает,
Красоту мира собой дополняет.
Имя бессмертью тому — добро.
Добро — в небо взлетит,
Добро — в огне не сгорит,
Добро — в воде не утонет,
Добро — молва возвеличит,
Всех дел оно выше.
И тебе самому,
И всем людям
Пищей будет добро вечно.

...Урал слова старца услышал
И всю тайну понял.
И людей позвал идти за собою,
Идти к роднику с живою водою.
Припал к воде, но ни капли не выпил,
Набрал в рот и, распрямившись,
Начал обрызгивать горы, долины,
Луга и холмы, леса и поляны —
Брызгал направо,
Брызгал налево,
Во все стороны брызгал водою,
Живою родниковою водою.

И так говорил:
«Леса и горы,
В зеленый наряд оденьтесь, цветите
И всему живому приют дайте.
Пусть мир возликует в своем цветенье,
Пусть птицы радость земли воспевают,
А люди в песнях ее прославляют».

Там, куда больше воды попало,
Сосны и ели вырастали,
Украшая горы, долины,
Возрождая мертвую землю.
В холод цвет не меняющие,
В жару не увядающие,
Развернулись листья вечнозеленые,
Распустились цветы нежные.

Весть об этом дошла до Шульгена,
И, радуясь, он так подумал:
«Значит, Смерть остается в мире,
Ей опять пришло раздолье,
Опять помощницей она мне станет.
По одному людей хватая,
Понемногу уничтожая,
Я заставлю их покориться».

Тайком он собрал уцелевших дивов,
На дне озерном укрывая,
И змеи к нему приползли по зову...
И вот беда началась снова —
Люди, построившие жилища,
Песни поющие в час досуга,
В гости ходившие друг к другу,
Стали недобрые вести слышать.

Девушек, что за водой ходили,
Мужчин, что в дорогу отправлялись,
Дивы начали караулить,
Хватать и, сердца вырвав,
Высасывать кровь из тела.
А змеи, те, что в камнях скрывались,
Людей начали жалить.

И опять люди пришли к Уралу,
Обо всем ему рассказали,
Снова прося у батыра защиты.
Урал собрал свое войско,
Во главе отрядов сыновей поставил —
Иделя, Яика и Нугуша
И Хакмара — сына Шульгена.
Снова взял свой меч булатный,
Снова вскочил на Акбузата,

Направился к озеру Шульгена,
Бури на земле поднимая,
Волны на воде поднимая.

«Озеро это выпью до капли,
До дна его высушу,
Чтобы от дивов,
От вероломного Шульгена
Защитить нашу землю...»

Сказав так,
Припал он к воде губами
И начал пить...
Вода забурлила,
Волной заходила, закипела —
Это спрятавшиеся дивы
В страхе по топкому дну метались.

Все пил и пил Урал воду
И дивов вобрал в себя вместе с нею.
Озеро, с каждым глотком мелея,
До самого дна упало,
А дивы, вошедшие в Урала,
Начали грызь его сердце и печень.
Урал распрямился
И выплюнул воду,
Но было уже поздно...
Батыр повалился, теряя силы,
Не смог подняться на ноги,
Не мог повести за собой войско
И упал...
Вокруг собрались люди,
Плакали горько, говорили:
«Был он для всех людей счастьем...»

У р а л

Все вы видели — вместе с водою
В тело мое дивы проникли,
Сердце мое они истерзали,
Лишили рук богатырской силы.

Народ мой, к тебе последнее слово,
Дети мои, к вам обращаюсь:
Знайте — в озерах, в лужах
Всегда дивы будут водиться,

И стоит только воды напиться,
Как дивы к вам в нутро проникнут
И, зло творя, обрекут вас на муки...
Поэтому, люди, себя жалейте —
Никогда из озер воду не пейте!

Против дивов я шел войною,
Моря от них очистил,
Помогал жилье на земле построить,
Был конь у меня, как птица, крылатый,
Был солнцем каленный меч булатный,
И много друзей у меня было,
Много помощников отважных,
Но я, возгордясь своей силой,
Понадеялся только на свой разум,
Ни с кем не держал совета
И поплатился за это...

Народ мой, к тебе последнее слово,
Дети мои, к вам обращаюсь:
Слушайте все — я с вами прощаюсь
И говорю:
Пусть ты самый сильный,
Пусть ты самый смелый и ловкий,
И рука крепка, и грудь могуча,
Но пока ты в скитаниях не закалился,
Пока всю страну не прошел с боями,
Сердце свое не считай отважным,
Зло в спутники не бери,
Без совета дела не твори.

Сыновья мои, к вам обращаю слово:
На земле, которую я очистил,
Создайте людям такое счастье,
Чтоб каждый радовался жизни.
За мудрость — старшего почитайте,
Его советов не отвергайте,
Молодых голоса не лишайте,
Молодость тоже уважайте...

Чтобы глаза не могли ослепнуть,
Их охраняют густые ресницы,
Соринки, летящие по ветру,
Всегда собою задержат ресницы...

Хочу я, чтоб вы такими же были,—
Будьте ресницами для народа,—
Собою любую беду заслоняйте.
Акбузат крылатый и меч булатный
Пусть в награду останутся людям,
Кто смел и ловок, владеть ими будет.

А матерям привет передайте,
Пусть простят меня и скажут:
«Прощай, Урал...» — и меня не забудут.
А вы по-сыновьи их берегите.

А всем я скажу слова такие:
«Гордясь званием человека,
Добро для себя конем оседлайте,
От хорошего в сторону не уходите,
Плохому дорогу не уступайте!»

Так сказал Урал свое слово
И, закрыв глаза, умер...

Все люди, скорбя,
Над ним склонились.
По небу звездочка прокатилась,
От нее Хумай весть узнала
О смерти батыра Урала,
Снова Хумай перья надела
И попрощаться к нему полетела.

Х у м а й

Ах, Урал мой, Урал,
Лежишь ты мертвый,
Тебя живым я не застала
И слов последних не услыхала.
...Я небесная, а не земная
И без тебя буду жить в небе,
Не снимая птичьего наряда,
Не привлекая чужого взгляда.

А тебя схороню у дороги,
По которой скакал ты на Акбузате,
Схороню в горе, по которой ходил ты,
И гора, омываемая морем,

Скроет тебя в своих объятьях.
Все люди тебе родные братья
И будут помнить тебя вечно...

Так Хумай на прощанье сказала...
И гора, в которой его схоронили,
С тех пор называется Уралом.

...Прошло много лет. И Хумай, тоскуя,
К Уральским горам прилетела,
На скалу у могилы села
И задумалась об Урале.
Потом она лебедушкой стала,
Вывела птенцов и вскоре
Дружные лебединые стаи
По всему Уралу расселились,
И люди на белых птиц дивились,
Детьми красавицы Хумай считая,
На них охотиться не стали.

И были Уральские горы
Пристанищем птиц перелетных,
И бык Катилы привел свое стадо,
Чтоб на отрогах пастись привольно.
И Акбузат пригнал табун свой
И подружил коней с человеком,
И стали кони послушны людям.

Каждый день и каждый месяц
На Урал приходили новые звери,
И, отмечая дни их прихода,
Люди названья месяцам дали.

Еще годы прошли...
И тело захороненное истлело.
И земля вокруг засветилась.
Люди диву такому дивились,
Принесли к могиле земли по горсти...
Позже на том месте, говорят, золото появилось.

Годы все шли.
На просторах Урала
Все живущее процветало,
Птицы и звери размножались...

Воды для питья не стало,
А из озер пить воду боялись...
И тогда пришли люди
К четырем батырам —
К Иделю, Яику, Нугушу и Хакмару,
«Что нам делать?» — спросили.
Идель взял в правую руку меч булатный,
Вскочил на крылатого Акбузата
И призвал пойти войной на Шульгена,
Чтобы отнять у него воду.

Но тут Хумай к нему подлетела
И такие слова, говорят, сказала:

Х у м а й

Егет, я вижу, ты растерялся,
А к лицу ли растерянность батыру?
Разве забыл ты — Урал, умирая,
Призывал жить в мире,
Злобы не зная. Не сказал ли он:
«Люди, себя жалейте,
Из озер воду не пейте,
Себя опасностям не подвергайте...»
Пусть ты пойдешь войной на Шульгена,
Пусть разгромишь его,
Но пользы от его воды не будет —
Не утолит она жажду людям,
Не станет им молоком материнским...

Идель задумался, сошел с Акбузата,
Выхватил меч отцовский, булатный,
Взошел на гору, встал половчее
И поднял меч над головою.

И д е л ь

Эта булатная сталь сверкала
В руке отца моего Урала.
Без воды тоскует земля родная,
Люди задыхаются от жажды.
Вправе ли я
Называться мужчиной,
Если бессилен найти воду?!

Так Идель воскликнул
И, ударив мечом булатным, рассек гору,

И серебристый ручей с журчаньем
Побежал вдоль горы проворно,
Но на пути преградой черной
Встала гора Яман-тау,
Возникшая из тела Азраки.

Яростно Идель размахнулся —
Пополам перерубил гору,
И ручей побежал дальше
И, наполняясь белой водою,
Стал настоящей, большой рекою.

Гора, на которой стоял Идель,
Иремель-горою стала зваться,
А место, по которому меч ударил,
Стало Кыркты именоваться,
А реку назвали в честь егета —
И теперь ее Иделью называют.

К берегам реки подбежали люди,
С наслаждением пили воду,
Радостно говорили друг другу:
«Белую реку открыл Идель,
Она с журчаньем бежит по долине
И грустные думы уносит...
Отныне сладкие воды реки Идель
Смоют с лица нашего слезы...»

Братья — Яик, Хакмар и Нугуш
Пошли искать новые реки
И так, как Идель, они прорубили
В горах высоких ручьям дорогу.
И, по-братски разделив землю,
Вдоль этих рек построили жилища.

...Спят Уральские горы спокойно,
Их сон баюкают четыре речки
С именами четырех батыров.
Не замутняются белые воды,
И все живущие здесь народы
Из поколения в поколенье
Помнят и чтут славных батыров.

ВЕТВЬ ДЕВЯТАЯ

ПОРАЖЕНИЕ ТРЕХ ШАРАГОЛЬСКИХ ХАНОВ

ПОЛЕТ ЖЕЛЕЗНОЙ ПТИЦЫ

Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?

В поединках побеждены,
С многооблачной вышины
Наземь сброшены были три сына —
Три опоры Атай-Улана.
Утвердились три злобных хана,
Шарагольских три властелина,
Там, где Желтой реки долина.

Самый старший был стар и бел,
Прозывался Саган-Гэрэл,
Табунами коней владел,
Что светились белою мастью.
Черный люд, подневольный люд,
У него находился под властью.
Средний сын, тот Шара-Гэрэл,
Что соловым конем владел,

Был для мира людского напастью.
Черный люд, подневольный люд,
Под его находился властью.
Самый младший, Хара-Гэрэл,
Сероцветной кобылой владел,
На расправу был крут и лют.
Под его находился властью
Черный люд, подневольный люд.

Вот подумал Саган-Гэрэл:
«Не пора ли свату отправиться,
Чтоб для первенца-сына красавицу
На просторной земле присмотрел?»
Стали хитрым трудом трудиться
Три владыки, три колдуна.
Сотворили огромную птицу,
Что, казалось, земле равна.
Хан Саган-Гэрэл белолицый
Создал голову этой птицы
Из белейшего серебра,
Чтоб возвысилась, как гора.
Желтоликий Шара-Гэрэл
Отлил грудь из желтого золота,
Чтоб сверкала жарко и молодо.
Черноликий Хара-Гэрэл
Из железа выковал тело,
Чтобы черным блеском блестело.
Сын Сагана, Эрхэ-тайжа,
Чародействуя, ворожа,
Сделал крылья и оперенье
И вдохнул в нее душу живую
Для полета и для паренья.

Рукотворную птицу большую,
Что была, как земля, велика,
Угощают мясом быка,
И тогда существо рукотворное,
Непомерное, туловом черное,
Шевельнуло клювом по-птичьи
И сожрало все мясо бычье.
Дали целого ей жеребца —
Съела птица мясо и сало
И еще еды пожелала,
Чтоб насытиться до отвала.

Дали целого ей верблюда,
Чтоб насытилась птица-чудо.
Клюв у птицы как мощный молот —
Кое-как утолила голод!

Три владыки, три злобных брата,
Наставляют разбойного свата:
«Троекратно ты облети
Землю круглую, нежную, юную,
Осмотри все дороги-пути,
Ибо девушку надо найти,
Чтоб сияла прелестью лунною,
Ты четырежды осмотри,
Чтоб сияла светлей зари,
А потом уже отбери
Ту, чьи щеки алее дня,
Ту, чьи губы жарче огня,
Ту, чье сердце — пахучий цветник,
Ту, чьи думы — кипучий родник!»

С этим твердым ханским наказом
Рукотворная птица разом
На высокое небо взлетела —
Как земля, велико ее тело!
Распростертые мощные крылья
И луну и солнце закрыли,
Расширялась когтистою тучею,
В небе тварь пожирая летучую.

Троекратно она облетела
Ширь и даль земного предела,
Выполняя слово наказа,
Облетела четыре раза
Землю круглую, нежную, юную,
Но нигде с красотою лунною
Не находит она невесты
Совершенной и наилучшей,
Той, чье сердце — цветник пахучий,
Той, чьи думы — родник кипучий.

Над вселенною пролетая,
Увидала железная птица:
На просторах счастливого края,
Где река Мунхэ, закипая,

По долине Морэн струится,
Расстилается величаво
Ранних жаворонков держава.
Опустилась птица большая,
Землю крыльями закрывая,
Посреди благодатных трав,
Распростершихся без предела,
И на лиственницу присела,
Ветви красные обломав.

А Гэсэра вторая жена,
Дорогая Урмай-Гохон,
Светоносная, как луна,
Озарившая небосклон,
Блеском правой своей щеки
Затмевая закат высокий,
Блеском левой своей щеки
Затмевая свет на востоке,
Как трава степная, звеня,
В это время зарей-восходом
Засияла перед народом,
Возвестив наступление дня.

В это время дядя Гэсэра,
Многомудрый нойон Саргал,
Все измерив, чему есть мера,
Дальновидным умом познал,
Что́ за птица вдруг прилетела,
Распластав железное тело.
И, с обличьем обеспокоенным,
Он сказал Гэсэровым воинам —
Храбрецам тридцати и трем:
«Прилетела к нам не с добром
Рукотворная эта птица.
В ней опасность большая таится.
Надо справиться с ней, с проклятой,
А не то беда разразится.
К нам проникла, как соглядатай,
На разведку примчалась птица!

У нее голова бела,
Голова блестит серебром,
Пусть взлетит стальная стрела,—
Эту голову разобьем.

Пусть стрела засвистит, взлетая,
Чтоб разбилась грудь золотая,
Пусть и третья взлетит стрела,
Чтоб разбились оба крыла!»

Но Гэсэровы тридцать и три —
Эти грозные богатыри —
Стали робки, стали несмелы,
Не метнули проворные стрелы
В эту птицу величиной
В необъятный простор земной.
И тогда по хребту земли
Поднялась огромная птица,—
На восток, на восток стремится,
Уменьшаясь все время вдали:
То в пылиночку сокращается,
То в былиночку превращается.

На летунью Алма-Мэргэн
Посмотрела с видом расстроенным:
Ведь Гэсэра третья жена
Родилась настоящим воином!
Тетиву натянула она
И пустила стрелу Хангая,—
От большого пальца большая
Сила этой стреле дана!
Восемь верхних высот пронзая,
Сотрясла их до самого дна,
Семь глубин и низин потрясая,
Их стрела пронзила насквозь.
Говорит воитель-красавица:
«На ладони отозвалось,
И в ушах моих отдалось.
Пусть вдвоем верховые отправятся,
Пусть посмотрят, что там стряслось».

По верхушкам трав луговых
Двое двинулось верховых:
Там, где зелень светом дышала,
Там, простреленное, лежало
Из крыла, что было остро,
Быстро выпавшее перо.

Двое славных и сильных бойцов
Пятьдесят притащили возов,

Пятьдесят возов запрягли,
На возах поместили перо
Из крыла, что было остро,
Из крыла, что скрылось вдали,
Из крыла той птицы, чье тело —
Словно ширь земного предела.

На пятидесяти возах
Кое-как притащили перо.
Вспыхнул гнев у Саргала в глазах.
Он, всегда защищавший добро,
Убеленный годов серебром,
Так сказал тридцати и трем:

«Далеко-далеко на востоке,
Желтоцветной долиной владея,
Пребывают, хитры и жестоки,
Три владыки, три хана-злодея,
Ненавистники рода людского.
Зависть, злоба и месть — их основа,
Ложь и мерзость — их клятва и слово,
А разбой и грабеж — ремесло.
Чтоб узнать, что у нас творится,
Чтоб людей победило зло,
Ими послана эта птица
Рукотворная, величиной
В необъятный простор земной.

Жаль, что мой племянник Гэсэр
О державе мало заботится,
Где-то в дальнем краю охотится,
Жаль, что наша Алма-Мэргэн
Не сразила стрелой соглядатая
И разведчица эта пернатая
За далекими скрылась пределами.
Жаль, что вы, тридцать три храбреца,
Растерялись — и стали несмелыми
И беспечными ваши сердца,
Жаль, что в птицу я сам не стрелял:
Постарел, ослабел ваш Саргал...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ПТИЦЫ-РАЗВЕДЧИЦЫ

В это время птица, чье тело,
Как сама земля, велико,
К устью Желтой реки прилетела,
В облаках паря высоко,
И губительным блеском блестела,
В гуще множеств небес кружа.
И тогда, сын Саган-Гэрэла,
Кликнул птицу Эрхэ-тайжа.
Кличет, кличет ее, но птица
Не желает на землю спуститься.

Заколол он кобылу буланую
С жиром в восемь перстов толщиной,
Отвергает еду нежеланную
Птица, равная шири земной.
Из бесправного черного люда
Отобрал он раба одного,—
Не спустилась птица, покуда
Ханский сын не зарезал его,
А потом с небосвода раскрытого,
Два крыла широко распахнув,
Опустилась на грудь убитого
И, серебряный вытянув клюв,
Грудь раба насквозь проклевала
И, насытившись до отвала,
Утолила жажду свою
Человеческой кровью красною
И глотала с алчностью властною
Остывающую струю.

Все три хана Желтой долины,
Шарагольские властелины,
Птицу-хищницу, соглядатая,
Напоив и насытив сперва,
Стали слушать ее слова.
Вот разведчица эта крылатая
Сыплет речи свои свысока,
Как монеты из кошелька:
«Молодую круглую землю

Облетела я троекратно
И теперь вернулась обратно.
Молодую круглую землю
Осмотрела четырехкратно.
И, хотя земля необъятна,
Я красавицы ни одной
Не нашла на шири земной,
Что сравнилась бы с солнцем-луной
Что сияла бы ярче созвездий!
Ничего не узнав о невесте,
Я достигла счастливого края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн величаво
Устремила чистые воды,
Где цветет, не зная невзгоды,
Ранних жаворонков держава,
Где Гэсэр — предводитель племен,
Где — Гэсэра жена вторая —
Всех чарует Урмай-Гохон,
Блеском правой щеки затмевая
Свет вечерний, закатный свет,
Блеском левой щеки затмевая
Свет восточный, ясный рассвет.
Как пройдет походкою гибкой,
Ей навстречу травы звенят,
Улыбнется светлой улыбкой —
Одарит овец и ягнят.

Подчиняясь вашим наказам,
Я оценивала ее
Острым разумом, острым глазом,
Проницательностью удвоенным,
Но, заметив меня, с приказом
К тридцати и трем своим воинам
Обратился дядя Гэсэра.
Так нойон Саргал повелел:
«Залетевшую в наш предел,
Эту птицу вы повалите,
Пусть пронзят ваши стрелы остро́
Головы ее серебро,
Золотую грудь прострелите,
Прострелите оба крыла,
Чтобы гибель она обрела.
Наш Гэсэр сейчас на охоте,

Где-то скачет на вольном просторе.
Если птицу вы не убьете,
Будет нашей державе горе
От пернатого соглядатая!»

И тогда, испугом объятая,
Улетела я на восток,
Я в пылиночку сократилась,
Я в былиночку превратилась.
Но какой-то красивый стрелок,
С юной силою удалою,
Вдруг настиг меня меткой стрелою.
Я с трудом свою жизнь спасла,
Уронив перо из крыла...

Я летала в небесном пространстве,
Я устала от дальних странствий,
Поистерлось груди моей золото.
Я на родину вечного холода
Улечу и лягу на отдых
В ледовитых холодных водах.
Я три года там отдохну!»

Так сказав, она улетела
В чужедальнюю ту страну,
И ее огромное тело,
Растолкав на пути облака,
Рассекая лучи восхода,
Застилало шов небосвода,
Что белел белей молока.

Призадумались властелины,
Эти ханы Желтой долины,
Услыхав донесенья слова,
И решили: птица права.
Но они испугались: «Птица,
Что всей шири земной равна,
Даже в думах своих — кровопийца,
Изверг даже в объятиях сна!
Нам сулит она горькое горе:
Вдалеке отдохнув до поры,
Эта птица очистит вскоре
Наши изгороди и дворы
От животных четырехногих,

От людей очистит двуногих
Наши юрты-дома при дорогах
И кочевья в степной глуши —
Не оставит нам ни души!»

Так подумав, Саган-Гэрэл
Сыну-первенцу повелел:
«Ты возьми плетеный ремень
И ступай — будет ночь или день —
По следам непомерной птицы,
Что равна всей шири земной.
Как дойдешь до холодной границы,
Как дойдешь до страны ледяной,
Как дойдешь до воды ледовитой —
Ты ударь плетеным ремнем
Эту птицу, объятую сном:
Может белый ремень знаменитый
На пятьсот растянуться шагов.
Так во время сна излови ты
И свали в поток ледовитый
Ту, что всех опасней врагов,
Ту, что даже во сне — кровопийца,
Ту, что создана для грабежа,
Ту, что в помыслах даже — убийца!»

Сын Сагана, Эрхэ-тайжа,
Стал преследовать черную птицу,
Что равна всей шири земной.
Перешел он страны ледяной
Вечно стынущую границу
И увидел птицу-убийцу,
Что спала долголетним сном
Возле серой воды ледовитой.
Он взмахнул своим белым ремнем,
И плетеный ремень знаменитый
На пятьсот растянулся шагов.
Был конец этой птицы таков:
Он поймал ее, черную, сонную,
В воду бросил ее ледовитую,
Неожиданно потрясенную
И поэтому гневно-сердитую!

ТРИ ШАРАГОЛЬСКИХ ХАНА, В ОТСУТСТВИЕ ГЭСЭРА, ИДУТ ВОЙНОЙ НА ЕГО СТРАНУ

Порешили тогда властелины,
Все три хана Желтой долины,
Кликнуть воинов с двух сторон,
На Гэсэра пойти войною,
Чтоб его завладеть женою —
Светлоликой Урмай-Гохон.
Зашумело Севера воинство,
Ополчилась южная рать,
Чтоб Гэсэра страну отобрать,
Чтоб унизить ее достоинство.

Обе рати сильны, как гроза.
Их начальник — нойон Бируза.
Грохоча и гудя, как буран,
И желая лихих перемен,
Поскакали к долине Морэн,
Ворвались в долину Хатан.

Верховые передовые
Топчут свежие травы живые,
Верховые, что в середине,
Топчут пыльные листья полыни,
Те, что скачут в задних рядах,
Топчут зноем выжженный прах.

Если спереди встать и взглянуть,
То покажется: двинулась в путь,
Все деревья взметнув, тайга,
Если сзади на рать поглядишь,
То подумаешь: на берега
Наступает густой камыш.
Страшно воет зимой пурга,
Но страшнее — войско врага,
Быстро веет ветер весны,
Но быстрее — кони войны!

В это время в краю Гэсэра
Достославные богатыри
Догадались — тридцать и три,—
Что от Желтой реки, с истока,
Устремилось войско с востока,

Войско трех ненавистных владык,
Войско ханов, что правят жестоко.
Это полчище — как мурава,
Как дремучих лесов дерева,
Это движутся для боев
Муравейники муравьев,
Это вырос камыш шумливый,
Это — полой воды разливы!

Два нойона, Саргал и Зутан,
Богатырский возглавив стан,
Порешили двинуться в бой.
Повели они за собой
Триста храбрых ратных вождей
И три тысячи воинов грозных,
А они — как потоки дождей,
Как дыханье буранов морозных!

Чтобы встретить войну войной,
По холмистой земле родной
Поскакали в одежде бранной,
Прискакали к горе песчаной.
За песчаной горой сказал
Многомудрый нойон Саргал:
«Как на поле сражения выйдем,
Столько надо врагов одолеть,
Сколько мы под плетью увидим».
Взял он в руки длинную плеть —
Оказалось, что вражью рать
Невозможно узнать-сосчитать.
Он воскликнул, отбросив плеть:
«Надо нам через лук посмотреть,
Чтоб узнать: на поле войны
Скольких мы победить должны».
Лук широкий он в руки берет,
Смотрит прямо, смотрит вперед —
Не вмещается в лук большой
Войско, хлынувшее в поход.
И, старик с великой душой,
Объявляет нойон Саргал:

«Будьте зорки, мои сыны,
Будьте бдительны и умны.
Все вы знаете дело войны:

Если можно, вытянув плеть,
Вражье полчище разглядеть,
Мы идем, разгромом грозя,
Но теперь смотрю я: нельзя
Вражью рать под плетью вместить.
Мы могли врагам отомстить,
Если в лук их гуща вмещалась,—
Но с такой воевать не случалось:
Вражья рать, что нахлынула вдруг,
В боевой не вмещается лук».

Но не вняли тридцать и три
Тем словам, что сказал белоглавый,
Ибо только собственной славы
Эти жаждали богатыри,
И пока погружалось время
Всеми днями в безвестность и тьму,
Поскакали не стремя в стремя —
Поскакали по одному,
Поскакали за собственной славой,
Восклицая: «В битве кровавой
Пусть послышится звон мечей,
Пусть послышится хруст костей!»

Только славы своей им хотелось.
Лишь она им была дорога.
На свою уповали смелость —
И не поняли силу врага.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРИВОДУШНОГО НОЙОНА ХАРА-ЗУТАНА

Криводушный, с черною злобою,
Брат Саргала, Хара-Зутан,
Говорит: «Попытаюсь, попробую
Я напасть на вражеский стан».
Так сказав, на синем коне
Из рядов он вырвался вдруг.
Муравьиного цвета лук —
За спиной, а спина — в броне.
Знал Саргал, что душа Зутана
Состояла из зла и обмана.
Он сказал тридцати и трем:
«В младшем брате не вижу опоры,

С ним погибнем, с ним пропадем,
Он погубит наш край и дом».
Тут пошли меж бойцами споры:
«Пусть пойдет!» — одни говорят,
А другие: «Ваш младший брат
Ни за что с врагами не справится,
Если он пойдет — обесславится!»

Но Хара-Зутан, лиходей,
Говорит, говорит без конца,
Уговаривает силачей.
Вот на синего жеребца
Он садится и скачет вперед,
А навстречу войско идет,
На страну Гэсэра нагрянув,—
Войско трех ненавистных ханов.

Это — многодеревный лес
Поднимается до небес,
Это движутся для боев
Муравейники муравьев,
Это — ветер сорвался с гор,
Это — шумный камыш у озер,
Это — буйное половодье,
Это — душных песков бесплодье,
Это — черный, густой туман!
Испугался Хара-Зутан,
Увидав, что́ за сила скопилась,
Сколько вражьих полков впереди.
Серо-пестрое сердце забилось
У него в дрожащей груди.
Стали гнуться короткие ребра,
Он забыл свое имя тогда,—
Лишь о черной душе, о недоброй,
Сразу вспомнил, не зная стыда.
Ждал нойон в неоглядном поле,
Чтобы ночь пришла потемней,
А дождавшись, напал на коней,
Что стояли в ночи на приколе.
Сто поводьев разрезал он,
Сто угнал скакунов нойон.

Услыхав об этом захвате,
Предводитель вражеской рати,

«Гэсэр».
Худ. А. Сахаровская.

Осудил его Бируза,
Злым весельем наполнил глаза:
«Разве слабость для мужа опора?
Разве, если б он был сильней,
Он угнал бы, с повадкою вора,
Темной ночью наших коней?
Так не делает честный воин,
Званья мужа он недостоин!
Он — грабитель, разбойник, тать,
Надо вслед за ним поскакать,
Захватить его надо в плен!»
Два стрелка — Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай,
Одержавшие много побед,
За нойоном Зутаном вслед
Сквозь ночной помчались туман.
Слышит, слышит Хара-Зутан,
Что все ближе во мраке ночи,
Настигают его враги.
У коня его стали короче
И беспомощнее шаги.
Своему покорясь бессилью,
И покрытый горячей пылью,
И от угнанных ста коней
Отделившись в притихшем поле,
С жеребца, что стрелы синей,
Соскочил он, дрожа до боли,
И в байбачьей скрылся норе,
В страхе думая о расплате.

Прискакали туда на заре
Два стрелка из вражеской рати.
Осмотрели они нору,
Разожгли дрова на ветру
В поле диком и нелюдимом
И окуривать стали дымом
Ту байбачью нору поутру.

Из норы долгоспящей твари,
Задыхаясь от дыма и гари,
Выползает Хара-Зутан
Он забыл свое имя и сан,
Он забыл о роде и племени!
Два стрелка, не теряя времени,

Потащили его за волосы,
В пыльном поле выдавив полосы,
И за голени взяли сухие,
Стали бить нойона с размаха
О сыпучие камни сухие.
Завопил он от боли и страха:
«Старика пожалейте седого!
Льется кровь, если режут скотину,
А когда убивают мужчину,
Пусть прольется из уст его слово!»
Так молил он, валяясь у ног
Двух стрелков из войска чужого
И облизывая песок.

Тут стрелки Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай
Говорят: «Не кричи, не стенай.
Если слово имеешь — скажи,
Два имеешь — слова свяжи,
Все, что хочешь, скажи, кроме лжи,—
Или твой мы вырвем язык!»

Начал слово Хара-Зутан,
В чьей душе — навет и обман,
Начал брата чернить клеветник,
Чтоб спасти свою черную душу:
«Пожалейте меня, я старик,—
Обращается к двум стрелкам,—
Верьте, клятву я не нарушу,
Вам сполна за это воздам!

Мой племянник Абай-Гэсэр,
Тот гордец, что возглавил державу,
Ускакал на охоту-забаву.
Хоть и выехал он из дворца —
Тридцать три удальца-храбреца
Берегут его честь и славу.
Не пронзит их стрела, а меч
Удальцов не сможет рассечь.
Если стрелы кончаются в сече,
То без стрел стреляют их руки,
Тетива разорвется — так плечи
Превратятся в мощные луки!

Тридцати и трем крепкостанным
Храбрецам, что у нас в чести,
Только хитростью, только обманом
Вы сумеете смерть нанести.
Мне отдайте сто кляч захудалых,
На войне истощенных, усталых.
Дайте волю мне и коню.
Я обманывать вас не стану:
Этих кляч к богатырскому стану,
К тридцати и трем пригоню
И скажу, прибегнув к обману:
«Повернули три хана вспять,
Еле-еле спасли свою рать.
Посмотрите: их скакуны
Обессилены, истощены!»

Так людей отчизны своей
Я сочту ниже жизни своей,
Их мечта, что живет издревле,
Для меня — моей шкуры дешевле!
Над племянником-богатырем
Занесу я возмездия руку,
Отомщу тридцати и трем,
Обреку их на смертную муку!

К ним вернусь я с речью такой:
«Наступили мир и покой.
Свой наряд вы снимите бранный,
Спрячьте луки, спрячьте колчаны,
Наши дни теперь не тревожны,
Спрячьте сталь смертоносную в ножны,
Не скачите в железной броне!»
Храбрецы, доверившись мне,
Скажут: «Скатерти мы расстелем!»
Будут пить, наслаждаясь весельем,
До беспамятства, до глухоты.
Вот тогда-то, сраженных хмелем,
Я вам выдам богатырей.
Только действуйте побыстрей:
Приходите условной порою,
И ворота я вам открою!»

Черен помыслом, черен душой,
Двух стрелков из рати чужой

Так молил он, валяясь в пыли.
Два стрелка, не веря слезе,
За два уха его повели
К предводителю, к Бирузе.
С речью льстивой, с низким поклоном
Криводушный Хара-Зутан
Пред могучим предстал нойоном,
Возглавлявшим вражеский стан.
Повторил он подлое слово:

«Наших воинов обману:
«Время мира настало снова!» —
Все напьются вина хмельного —
И тогда вторгайтесь в страну.
Снимут панцири, снимут шлемы
Наши тридцать и три храбреца.
Я открою ворота дворца.
Будут глухи и будут немы
Покорившиеся вину —
И тогда вторгайтесь в страну!

Ждите лучшего часа и мига:
Есть у брата священная книга.
Только глянет мой брат Саргал
В эту желтую книгу священную,
Чтобы правду узнать сокровенную,—
Повернитесь всей гущей ратной,
Поскачите стезей обратной,
Не оглядываясь в дороге,
Чтоб развеять его тревоги,
Чтобы сразу был успокоен
Проницательный старый воин».

Так нойон, изменивший стране
И погрязший в своих преступленьях,
Пред врагом стоял на коленях,
Возвышался тот на коне,
А предатель, стоя внизу,
Умолял и просил Бирузу.
Вражьих полчищ ответил глава:
«Произнес ты со смыслом слова.
Сто коней у нас отбери,
Пусть побоище будет устроено,

Пусть погибнут тридцать и три
Удалых Гэсэровых воина!»

Криводушный Хара-Зутан
Выбрал сто захудалых коней,
На войне усталых коней,
По земле, как будто в болоте,
Сто едва ползущих теней,
Сто имен без души и плоти,
И в родные места их погнал.
Вот он стана достиг боевого.
Перед ним — его брат Саргал,
Что смотрел на него сурово,
Перед ним — все тридцать и три.
Он сказал им: «Богатыри,
Вы — родного края основа!
Время мира настало снова,
Время пира, время потехи.
Боевые снимите доспехи,
Вам не нужно стрел и колчанов!
Трое грозных вражеских ханов
Повернулись к сраженью спиной,
Потесненные в битве со мной!
Обессилев, боясь погони,
Ускакали их кровные кони,
И воители трех властелинов
Убежали, оружье раскинув
Посреди равнины степной,
Позабыв, что пришли с войной.

Начинайте праздник счастливый!
Скакунов с шелковистою гривой
На зеленый пустите покров.
Отберите из табунов
Самых вкусных и самых жирных.
Будем гнать арзу и хорзу.
День пришел — и развеял грозу,
День пришел для радостей мирных!»

Многомудрый Саргал-нойон
Со вниманием слушал брата,
Но ему не поверил он:
Подозреньем душа объята.
Он сказал тридцати и трем:

«Только правильный путь изберем!
Быстро скачет порой собака,
Но она не скакун, однако,—
У того, чья душа крива,
Только кривдой полны слова.
Вы не верьте Хара-Зутану,
Вы не верьте его обману!
Три властителя Желтой страны,
Что нагрянули для разбоя,
Распахнув ворота войны,
Не уйдут отсюда без боя,
Так легко не вернутся назад.
Справедливо у нас говорят:
«Кто виновен — дождется суда,
Кто соврет — умрет от стыда!»

Всей душой негодуя черною,
Чуть не плача, Хара-Зутан
Отвечает с обидой притворною:
«Если слово мое — обман,
Загляните в книгу священную,
Чтобы правду узнать сокровенную!»

Вот, умом постигший вселенную,
Раскрывает нойон Саргал
Желтоликую книгу священную...
Долго всматривался, искал —
И увидел: три злобных хана,
Повернув скакунов нежданно,
Верховых повернув поток,
Удаляются на восток...

ВОРОН СООБЩАЕТ БОГАТЫРЯМ ГЭСЭРА О ТЯЖЕЛОМ РАНЕНИИ ЭРХЭ-МАНЗАНА

Зашумели тридцать и три,
Загремели богатыри —
Эта весть была им желанна:
«Если в страхе ушли с войны
Злобных три шарагольских хана,
Властелины Желтой страны,
То к чему нам раны и муки?
То к чему нам стрелы и луки?
Нужно ль мучить напрасно людей?

Разбивать мослаки лошадей?
Что нам делать на поле бранном?
Возвратимся лучше домой,
Насладимся вином и айраном!»

Но Саргал, великий душой,
Опечаленным был и расстроенным.
Он сказал Гэсэровым воинам:
«Вы хотите вернуться, чтобы
Враг разрушил наш мир и покой?
Есть предел у небесной злобы,
Нет предела у злобы людской!»

Так Саргал говорил в печали.
Но бойцы Гэсэра не вняли
Речи твердой, речи прямой
И коней повернули домой.
В золотые вступили ворота,
Прискакали к Алма-Мэргэн,
Говорят ей: «Ушла забота,
И веселье пришло взамен!
Удалились жестокие ханы,
Убежали в испуге вспять,
Убоялись они воевать.
Спрячем стрелы свои в колчаны
И начнем опять пировать!»

И тогда Гэсэра супруга
Стала с севера, стала с юга
Люд-народ на пир созывать.
Гору мяса и гору масла
Перед всеми ставит она,
Чтобы радость в сердцах не гасла.
Разливает озера вина.
Восемь дней веселие длится,
Длится пир девять дней и ночей.
Покраснели желтые лица
Тридцати и трех силачей.
И от хмеля и от курения
Богатырского табака
Ослабели до одурения
Эти тридцать и три смельчака.

Буйный пир Саргала тревожит.
Говорит: «Сыновья-сыны,

Будьте бдительны, будьте умны!»
Но бойцов успокоить не может.
Говорит он: «Дочери-снохи,
Полно пить, будут дни ваши плохи,
Хватит хмеля и табака,
Станьте снова бодрыми-бодрыми!»
Но не слушают старика,
Пьют вино они ведрами-ведрами
И в беспамятстве валятся-валятся —
Над собою сами не сжалятся!

И подумал Саргал: «Не к добру
То, что вижу я на пиру!»
В чутком сердце взметнулась тревога,
Посмотрел он печально и строго,
И увидел старик, что не пьян
Юный воин, Эрхэ-Манзан,
Богатырь пятнадцатилетний.
Подозвал храбреца Саргал,
На разведку его послал —
Не стоят ли враги наготове?

На коне, что краснее крови,
Юный воин пустился в путь,
Чтоб на видимое взглянуть.
На песчаную выехал гору —
И предстали острому взору
Из чужих, далеких краев
Густо движущиеся дружины
Трех властителей Желтой долины —
Муравейники муравьев
В мураве под горой песчаной!
Стало чаще, стало сильней
Биться сердце Эрхэ-Манзана.
Скакуна, что крови красней,
Он ударил, боец сильнорукий,
И стрелу из бухарского лука
Он направил в гущу врагов.
Десять сотен убил он стрелков,
Уложил десять сотен коней,
А потом повернул назад,
Чтобы весть доставить скорей
О врагах, что смертью грозят.

В быстро скачущего верхового
В это время вперил глаза
Предводитель войска чужого,
И стрелкам приказал Бируза:
«Эй, вдогон! Это что там за пьяница?
Пусть он вам немедля достанется,
Или смерть ему — или плен!»
Два стрелка — Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай —
Погнались за Эрхэ-Манзаном,
Поднялись по скатам песчаным,
С храбрецом на вершине столкнулись.
Сабли острые перехлестнулись,
С белым стременем встретилось стремя.
Закричали оба стрелка:
«Чей ты сын? Где твой род и племя?
Для того ли издалека
Прискакал ты, разбойное семя,
Чтобы в нашу вторгнуться рать,
Чтобы грабить нас, разорять,
Отнимать у отцов-матерей
Их богатство — богатырей?»

Супостатам Эрхэ-Манзан,
Богатырь пятнадцати лет,
Говорит с издевкой в ответ:
«Видно, вашим богатырям
Всем на радость отцам-матерям
Надо битву затеять кровавую,
Чтобы с нашей покончить державою,
Чтоб отнять у нас государство?»

Тут Бухэ-Санган-Маньялай
В ход пускает обман-коварство:
«Не мели языком, не болтай.
Если есть в тебе гордость мужчины,
Докажи, что отвагой богат.
Видишь, вороны в небе летят?
Если к ним взметнешься с вершины,
То навряд ли вернешься назад!»

Был доверчив Эрхэ-Манзан,
Разгадать не сумел обман.
Он скосил в ту сторону взгляд,

И стреле Зургалдай-Мэргэна
Две подмышки его насквозь
Прострелить тогда удалось.
Не оглядываясь, мгновенно
Унеслись, от горы отпрянув,
Два стрелка трех свирепых ханов.

А воитель юный схватил
Ту стрелу из последних сил
И сказал: «Плохо дело мое,
Ранен я нежданно-нечаянно.
Наконечник ли, острие —
Не узна́ет стрела хозяина!»
Он морщины на лбу разгладил,
Ту стрелу к тетиве своей,
Заговаривая, приладил:
«Полети — и врага не жалей,
Зургалдаю не дай вздохнуть,
Прострели его черную грудь!»
Полетела стрела — и, сраженный
Той стрелою заговоренной,
Зургалдай свалился с коня
И простился со светом дня,
Кровью собственной обагренный.

Что же делать Эрхэ-Манзану?
С жеребенка величиной,
Поднял камень в пыли степной
И закупорил правую рану.
Что же дальше делать бойцу?
Наклонился всадник к кургану,
Поднял камень размером с овцу
И закупорил левую рану.
Крепко-накрепко перевязав
Раны шелковым кушаком,
Посреди запылившихся трав
Он поехал тихим шажком.
Кровь его запеклась на седле,
И скакун его — крови красней.
Сколько надо ночей и дней
По пустынной скакать земле!

Повстречался в степи широкой
Богатырь с полосатой сорокой.

Продвигаясь едва-едва,
Говорит ей свои слова:
«Ждут известья Гэсэровы воины —
Удалые тридцать и два,—
Ждут известья, обеспокоены,
Триста храбрых знатных вождей
И три тысячи ратных людей.

Принеси им черную весть:
Три властителя Шарайдай
Вторглись в наш благодатный край.
Их коней и бойцов не счесть.
Попирая волю и честь,
Поднимаются для боев
Муравейники муравьев
На песчаную нашу гору.

Приготовиться надо к отпору,
Уничтожить врага пришедшего!
Ваш соратник Эрхэ-Манзан
Поступил в бою опрометчиво,
И теперь по степной стороне,
Где пылится чахлая зелень,
Чуть дыша, полужив, на коне
Он плетется, насквозь прострелен.
Он товарища просит в подмогу:
Чтоб его спасти, пусть в дорогу
Снарядится Нэхур-Нэмшэн...»

Слышит воин в ответ от сороки:
«Полететь не могу я туда.
Яйца класть наступили сроки,
Ветки надобны мне для гнезда».
Так сказала и улетела,
А Эрхэ-Манзан — полужив,
Ослабели душа и тело,
И упал он, глаза смежив,
А земля — сухая и жаркая,
Ни души на глухой равнине...
Вдруг, в беспамятстве, слышит он: каркая,
Ворон кружится черно-синий.
И зажегся в уме расстроенном
Свет сознанья едва-едва,
И услышал ворон слова:

«Полети к Гэсэровым воинам
И печальную весть передай:
Три властителя Шарайдай,
Три злодея из Желтой долины,
Привели для битвы дружины,
Поднимаются для боев
Муравейники муравьев
На песчаную нашу гору.
Приготовиться надо к отпору.
А в степи угасает от ран
Ваш соратник Эрхэ-Манзан».

Ворон каркает черно-синий:
«Я в полет отправился ныне,
Чтоб детишкам найти ночлег,
Но коль просит меня человек,
Надо просьбу исполнить сперва!»
И, прокаркав эти слова,
Он поднялся в небесную ширь.
Посмотрел ему вслед бедняга,
Тяжко раненный богатырь,
Пожелал ему счастья и блага:
«Если с трех ты увидишь курганов,
С тридцати кругозоров прянув,
Каплю крови не больше наперстка,
Или мяса покажется горстка,
Пусть твоими будут вовек —
Так желает тебе человек!»

Черный ворон летел всю ночь,
Он спешил, чтоб Манзану помочь,
Торопил он время полета.
Засверкал перед ним наконец
Златоглавый Гэсэров дворец.
Ворон сел на его ворота,
Прокричал, поднимая шум,
Он воззвал к тридцати и двум:

«Наказал мне Эрхэ-Манзан,
Чтобы вы услыхали речь его!
Он в бою поступил опрометчиво
И теперь страдает от ран.
Он прострелен насквозь, полужив,
И лежит он, глаза смежив,

Тот, чья верность была совершенна.
Вы пошлите Нэхур-Нэмшэна,
Чтобы вашего друга спасти...
Он велел передать, что в пути —
Войско ханов Желтой долины,
Что спешат на битву дружины,
Муравейники муравьев
Поднимаются для боев
На песчаную вашу гору.
Приготовиться надо к отпору,
Надо встретить войну войной,
Уничтожить надо злодеев,
Их разбойное войско развеяв
На дорогах шири земной.
Надо встать железной стеной,
Надо край защитить родной!»
Так сказав, от ворот твердыни
Удалился гонец черно-синий.

ВОИТЕЛЬНИЦА АЛМА-МЭРГЭН ПРИНИМАЕТ ОБЛИК ГЭСЭРА

Услыхали эти слова
Сильнорукие тридцать и два,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Им готовиться надо к отпору,
Но они были пьяны в ту пору,
По два, по три в обнимку сидели,
Ослабев от пиров и безделья,
Одурев от вина и похмелья.

Услыхав, что вражьи полки
По зеленому скачут простору,—
Разом, разуму вопреки,
Понеслись на песчаную гору
Без рассудка и без порядка,
Без доспехов и снаряженья.
Началась кровавая схватка.
Распахнулись ворота сраженья.

На горе, где песчаные склоны
Обливал жидкий жир зловонный,
Разрастался холм из костей,

Возвышался из мяса курган.
Кровь текла — за ручьем ручей,
Низко стлался черный туман,
Пыль взметнулась в разные стороны.
Прилетевшие с юга вороны
На ночь мясо уносят далёко.
Войско трех владык Шарайдай,
Разбежавшееся широко,
Утопает в красной крови,
Задыхается в гуще потока,
И плывут к голове голова.
А Гэсэровы тридцать и два,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей
От вина, что лилось в изобилии,
Стали страшной томиться жаждой —
Каждый крови напился в бессилии,
И упал в бессилии каждый.

В это время войско трех ханов,
Вновь на ратном поле воспрянув —
Муравейники муравьев,—
Окружило со всех краев
И дома и дворцы Гэсэра.
Горе вам, храбрецы Гэсэра!
Но Гэсэра третья жена,
Что была для битв рождена,—
Принимает Алма-Мэргэн
Облик мужа, облик Гэсэра,
Не желает сдаваться в плен,
Во врагов направляет стрелы.
Видит вражий стан оробелый:
Где взвилась за стрелой стрела,
Там в траве дорога прошла,
Где стрела за стрелой взлетела,—
Там земля навек опустела!

Три владыки, лишенные чести,
Завопили будто от боли:
«О Гэсэре мы слышали вести:
«Он на дальнем охотится поле...»
Обманули нас вестники, что ли,
Иль Гэсэр возвратился домой?
Что случилось? Нам непонятно!»

Войско ханов дорогой степной
Повернуло в смятенье обратно,
Порешило покончить с войной.

Лишь узнал об этом угрюмый,
Криводушный Хара-Зутан —
Вспыхнул, злобою обуян,
Всполошились черные думы,
Сел на синего скакуна,
Поскакал вдогонку владыкам —
К трем врагам, чья совесть черна,
И нагнал их с воплем и криком,—
Этим трем проехать мешая.

У Бухэ-Саган-Маньялая
Дыбом встала тогда седина.
Заскрипели белые зубы:
«Твой обман мы увидели грубый,
Воздадим за это сполна!
Ты сказал, что Гэсэр на охоте,
Посреди далеких раздолий...
Он вернулся негаданно, что ли?
Все вы так, предатели, врете!
Ты решил погубить нашу рать,
Потому и замыслил соврать!»

Рассердился стрелок буйноокий,
Раздувая упругие щеки,
За подмышку схватил Зутана,
Сердце-легкие хочет выдавить.
Кто бы стал Зутану завидовать?
Закричал он истошным криком,
Перед воином грозноликим
Низко ползая в душной пыли:
«Почему вы назад ушли?
Промах вы совершили ныне!
Здесь Гэсэра нет и в помине,
Приняла его облик жена.
Иль Алма-Мэргэн вам страшна?

Вас обманывают обманом,
Одурманивают дурманом!
Если дикая кобылица
Вдруг отстанет от табуна,—

Опечалится, убоится,
Растеряет стрелы жена
И с мужской расстанется славою,
Снова станет женщиной слабою!»

Злобных три шарагольских хана,
Вновь поверив словам Зутана,
Чья душа черна и низка,
Вновь на бой повели войска,
С трех сторон повернув обратно.
Эта рать — грозна, необъятна —
Ставку славной Алма-Мэргэн
Окружила вновь троекратно.
Вновь, рожденная сильной и статной,
Облик мужа Алма-Мэргэн
Приняла для работы ратной.

Где взвивалась ее стрела,
Там дорога в траве прошла,
Где стрела за стрелой летела,
Там земля навек опустела.

Так, воюя упорно и смело,
Разметала войско врага,—
Будто сена летят вороха,
Будто стебли дрожат камыша,
Пригибаясь и робко шурша!
Но кончаются стрелы в колчане
У бесстрашной Алма-Мэргэн.
Иль настало время страданий,
Время быть захваченной в плен?
Нет, была у женщины сила —
Тридцать чар, двадцать три волшебства
Их по пальцам пустила сперва,
А потом по ладони пустила —
И дворец раздвинула с тыла,
Скрылась, быстрая, из дворца
И направилась в глубь океана
В дом царя морского Лусана,
Чтоб найти приют у отца.

Не сумели с женщиной справиться
Три бахвала, три злобных хана,
И, покинув низины Хатана,

Вверх решили они отправиться,
Чтоб Урмай-Гохон захватить,
Чтобы им досталась красавица —
Та, которой мир озарен!
Но ждала их Урмай-Гохон
На пороге, расписанном златом,
С обнаженным мечом-булатом.
Вот булата раздался звон,
Вот послышался хруст костей,
Посмотрите: Урмай-Гохон
Так встречает незваных гостей,
Обладая сноровкой и хваткой:
Если враг на порог ступит пяткой,
Голова его сразу скатится,
Если ступит враг на порог,
Головой за это поплатится...

Трех властителей войско редело.
И Эрхэ, сын Саган-Гэрэла,
Засучив за локоть сперва
Два широких своих рукава,
За блестящий заткнув кушак
Два подола, шелком расшитых,
По телам, по крови убитых
К ней направил с бесстрашием шаг.

Но Гэсэра жена вторая
Меч держала, красой сверкая,
Домом-родиной дорожа,
И как только Эрхэ-тайжа
Попытался просунуть ногу —
Рассекла она его шею,
Только пятку приблизил к порогу —
Головой поплатился своею!

Вражью рать эта смерть потрясла.
Оглянулись ханы, подавленны,
А кругом лежат без числа
Их соратники, обезглавленны.
Для сражения силы не стало,
Нет решимости воевать.
Опозорились три бахвала
И свою поредевшую рать
Повернули, унылые, вспять.

Вслед за войском, скакавшим с унынъем,
Поспешил на коне своем синем
Криводушный Хара-Зутан.
Он увидел, что ханы в тревоге,
И тогда поперек дороги
Пред вождем — Бирузой-нойоном —
Он со словом предстал и поклоном:

«Неразумные, где же ваш разум?
Не дождавшись победы обещанной,
Почему повернули вы разом,
Побежденные слабой женщиной?
Если дикая кобылица
Вдруг отстанет от табуна,—
Сразу женщина убоится,
Растеряется, смущена...
Разве так ведется война?
Вы поймите: вам хитрость нужна.
Если скопом в сражение хлынете,
Понесете вы тяжкий урон.
Если войско обдуманно двинете,
Если с двух пойдете сторон —
Победите Урмай-Гохон».

Властелины Желтой долины
С одобреньем услышали то,
Что сказал им язык змеиный,
И повел их предатель презренный
По дороге своей измены.
Так исполнилось наконец
То, что он посулил им раньше:
Он привел их в родной дворец,
Он привел их к прекрасной ханше.
Окружили Урмай-Гохон,
Окружили, взяли в полон.

Все три хана повеселели:
Наконец-то достигли цели,
Завершили победой борьбу!
А красавицу подхватили,
Взяли под руки, посадили

На серебряную арбу,
Запряженную иноходцами,
И враги, совершив разбой,
Возглавляемые полководцами,
Повернули к себе домой.

В это время затрепетала
У Хара-Зутана душа.
Вскрикнул он, тяжело дыша,—
Он боялся брата Саргала
И Гэсэровых богатырей.
Он воззвал: «Три могучих хана,
Помогите мне поскорей —
Вы уходите слишком рано!
Взяли то, что хотели взять,
Повернули дружины вспять,
Видно, вам, глупцам, невдомек:
День победы еще далек.
Слишком рано ликуете вы,
И напрасно рать успокоена:
Не мертвы еще, не мертвы
Тридцать три Гэсэровых воина!

Иль не знаете вы, что, доколе
Будет жить Саргал на земле,
Не подвластны на ратном поле
Тридцать три мечу и стреле:
Если вечером будут убиты
Храбрецы, что славой покрыты,—
Оживут они утром опять,
Чтобы с хитрым врагом воевать!
В камышах у озера белого
Ныне прячется старый Саргал.
Вы отправьте воителя смелого,
Чтобы, крадучись, отыскал
И сразил его наповал!»

Так изменник упрашивал ханов,
Ядом зависти напоен.
На него с пониманьем глянув,
Приказал Бируза-нойон:
«Эй, Бухэ-Саган-Маньялай,
Ты немедля приказ выполняй!

В камышах у озера белого
Ты Саргала, дядю Гэсэра,
От годов и трудов поседелого,
Обезглавь проворной стрелой,
Привяжи к коню его голову,
Как велит обычай седой,
Привязав, привези с собой,
Отруби две руки до плеча,
Преврати две руки в два бича!»

Изготовил воитель свой лук
И пробрался в те камыши,
Где Саргал от позора и мук
Притаился в озерной тиши.
Снял он голову старца с плеча
И, лишив его крепких рук,
Две руки превратил в два бича,
И с добычею боевой —
С той отрубленной головой —
Он вернулся, предстал пред главой
Непотребной, разбойной рати.

Словно солнышко на закате,
Покидающее небосклон,
Зарыдала Урмай-Гохон,
Обратилась к свирепым ханам:
«Криводушным Хара-Зутаном
Вам я выдана на позор.
Нет мне радости с этих пор.
Край родной покидаю ныне,
Чтоб в неволе жить на чужбине,
В ненавистной мне стороне,
Но, прошу, подарите мне,
Полонянке вашей, рабыне,
Эту голову дяди Саргала!»
Так она к трем ханам взывала.

Младший хан сказал: «Отдадим!»
Средний хан сказал: «Не хотим!»
Старший хан прохрипел слова:
«Превратилась та голова
В жалкий вьюк, в беспомощный вьюк.

От нее нам какая беда?
Убежит от нас? Но куда?»

И красавице, что сверкала,
Словно утренняя заря,
Дали голову дяди Саргала,
Многомудрого богатыря.

По тропинке сошла крутой
Та, что славилась красотой,
С этой мертвою головою
И омыла ее живою
Девятиродниковой водой,
А потом умастила жиром
Неприступных скал девяти
И сказала ей: «Полети
К той, что правит заоблачным миром,
К нашей бабке Манзан-Гурмэ,
Опустись на ее на колени!»
И ее закинула ввысь.

Устремилась к небесной сени
Голова, что была седой,
Голова, целебной водой
Девяти родников освященная,
Жиром скал девяти умащенная,—
Хороша и светла, как разум,
Поднялась она к облакам.
Обратились три хана с приказом
К самым метким своим стрелкам,
Чтобы стрелы в нее метнули,
Чтоб на землю ее вернули.
За стрелой засвистела стрела,
Ни одна догнать не могла:
Голова Саргала седая,
Метких стрел быстрее взлетая,
Облаков пробила покров
И оставила за собою
Поднебесных тринадцать миров,
Голубой покатилась тропою
К мудрой бабке Манзан-Гурмэ,
К той, что радость дарует и милость,—
На колени ее опустилась.

ГЭСЭР ВОЗВРАЩАЕТ ЖИЗНЬ БОГАТЫРЯМ, ПРЕВРАЩЕННЫМ В КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

В небе Западном восседая
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,
Удивилась бабка седая,
Как на эту голову глянула:
Что за горе на землю нагрянуло?
Стукнув левой рукой по коленям,
Бабка вскрикнула с изумленьем,
Властной правой своей рукой
Материнскую книгу раскрыла
И прочла строку за строкой
Многослезного повествованья —
От вершины до основанья,
И открыла ей книга святая:

«На просторах могучего края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн течет,
Где раскинулась величаво
Ранних жаворонков держава,
У песчаных горных высот,
Где клубится горячая сера,—
Тридцать три храбреца Гэсэра,
Человеческие сыны,
В изваянья превращены,
В изваянья из каменной плоти!
А Гэсэр — далеко на охоте,
И, открыв ворота войны
И пойдя дорогой обмана,
Злобных три шарагольских хана
Захватили Урмай-Гохон,
Что подобна заре беззакатной,
И умчались дорогой обратной».

Многомудрая бабка к Гэсэру
Трех послала его сестер —
На земной опустила простор.
Облик приняли соловьиный
Три сестры, волшебством владея.
Озирая хребты и долины,

Там, где десять лесов Хухэя,
Над деревьями пролетая,
Там, где двадцать холмов Алтая,
Повстречали брата Гэсэра,
И поведали брату рассказ —
От вершины до самых корней:

«Тридцать три твоих друга сейчас
Стали грудой безгласных камней.
Там, где серный поток зловонный
Обливает песчаные склоны,
Триста знатных твоих вождей
И три тысячи ратных людей
В изваянья превращены.
Властелины Желтой страны
Распахнули ворота войны.
Окружили Урмай-Гохон,
Озаряющую небосклон,
Окружили и взяли в плен.
Одолели Алма-Мэргэн,
Что врагов уложила немало,
И она к отцу убежала.
А Бухэ-Саган-Маньялай
Обезглавил дядю Саргала:
Эту голову в жалкий вьюк
Превратил его черный лук...

Брат Гэсэр! А другой твой дядя,
Криводушный Хара-Зутан,
Как слуга на врагов твоих глядя,
Выбрал подлость, измену, обман.
Вражьей силе помог он ратной,
И стране твоей благодатной
Много зла враги принесли,
Чтоб ее уничтожить навеки.
На просторах твоей земли
Красной кровью наполнили реки,
Возвели холмы из костей,
Твой народ, несчастных людей
Всей державы многострадальной,
Заразили болезнью повальной,
А твои стада-табуны
Ныне язвой-чумой больны».

Опечалив брата известьем,
Три его непорочных сестры
Удалились к верхним созвездьям.
Встал Гэсэр на вершине горы,
Глянул вправо — заплакал в голос,
Глянул влево — душа раскололась.
И когда из правого ока
Уронил богатырь слезу —
Та слеза разлилась широ́ко,
И Байкал засинел внизу.
А слеза из левого ока
Стала нашей рекой драгоценной —
Нам сверкающей издалёка,
Полноводной, широкой Леной.

И Гэсэр, в тяжелой броне,
На Бэльгэне — гнедом коне,
Крепкокостный и крепкотелый,
Поскакал в родные пределы.

Широко разлился Байкал,
Высоки вершины Алтая,—
Он спешил, как стрела взлетая,
И на родину прискакал.
Тихо-тихо грустной тропою
Он приблизился к водопою.
Опечалился он, увидев
Край родной, врагами раздавленный,
Опечалился он, увидев
Свой народ, бедой окровавленный.
Становилось добычей тлена
Все, что прежде цвело кругом...
Взял он в спутники Сэнгэлэна
И с отцом помчался вдвоем
На свою песчаную гору.
Что ж предстало тоскливому взору?
Там, где буйная, словно пламень,
Вырывалась кипящая сера,
Превратились в безгласный камень
Тридцать три храбреца Гэсэра,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
Каменея в своем бессилье,
Изваяниями застыли.

Дрогнул сердцем Гэсэр могучий,
Опечален печалью жгучей.
Глянул вправо — заплакал в голос,
Глянул влево — душа раскололась.
Чтоб вдохнуть в них пламя деяния,
Вольный дух отцов-матерей,
Обнимать он стал изваяния
Неподвижных богатырей.
На раздавленной, ядом отравленной
На земле своей молодой
Он упал, богатырь прославленный,
Окровавленный горем-бедой.

Охватил Сэнгэлэна испуг.
Он в тоске оглянулся вокруг.
Как помочь несчастному сыну?
Как развеять его кручину
И кручины этой причину?
Он, владея чарами смолоду,
Светло-синюю выдернул бороду
И в огне освятил ее, сжег,—
Так воителю-сыну помог.

Сердцем светел, обличьем строг,
Встал Гэсэр, озаренный сознанием,
Тридцати и трем изваяниям
Счастье жизни вернул он вновь,
Вновь забилась в их жилах кровь.
Оживил чародейной силой
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,—
Стала жизнь желанной и милой,
И на мир он взглянул веселей.
И о́живших богатырей
Обласкал он, довольный снова
Многотрудной своей судьбой.
Их Гэсэр повел за собой,
И достиг он дома родного,
Где, в сиянии полной луны,
Отогнав на время печали,
Две прекрасные ханши-жены
На пороге его встречали.

Вновь ожившие богатыри
Поскакали — тридцать и три,—
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
Чтобы правой подвергнуть мести,
За измену и за бесчестье,
Криводушного Хара-Зутана.
И предатель, полный обмана,
Понял, выведал: быть беде!
Но, спасенья не видя нигде,
Убоявшись прежних собратьев,
Ловкость-хитрость в страхе утратив,
Прибежал к Гэсэру с мольбой:

«Виноват я, Гэсэр, пред тобой,
Но я старец слабый и хилый,
Ты укрой меня, пожалей,
Защити мою кожу и жилы
От возмездья богатырей!»

Минул день. После жаркой погони
Прискакали к Гэсэру воины.
Притомились быстрые кони,
А бойцы неудачей расстроены.
Говорят они, с гневом глядя:
«Где, ответствуй, твой подлый дядя?
Где сокрылся изменника след?
Нет вблизи, в отдалении нет,
Ни в лесу, ни в селении нет,
Нет его у озер-прудов.
Не жалели мы сил и трудов,
Не поймали на этот раз.
Уж не ты ли изменника спас?
Если этот предатель старый,
С кем связали вас племя и род,
У тебя укрытье найдет
От возмездья, от правой кары,
То запомни, Гэсэр, наперед,
Что готовиться надо к бою:
Будем стрелами биться с тобою!»

И Гэсэр тридцати и трем,
Воевавшим с отвагой и славою,

Протянул свою руку правую,
И увидели смельчаки,
Что в мизинце правой руки
Притаился Хара-Зутан.
Был он темен, как тень, как туман,
Был он черен, как ночь, и невесел.
Губы свесил и нос повесил,
Он в мизинце правой руки
Плакал-каялся, полон тоски,
Бегал-клацялся, в страхе немея.
И Гэсэровы богатыри
Удалились, прокляв злодея,
Но отрезать палец не смея:
Не исполнилась правая месть...

Длится время, разносится весть,
Что скончался Хара-Зутан,
Чьи дела — навет и обман.
«Он мне дядя,— подумал Гэсэр,—
В путь последний его провожу,
Где положено — положу:
Я свой долг нарушать не стану».

Прискакал он к Хара-Зутану
И вошел, никем не встречаем.
Поднимался пахучий пар
Над недопитым крепким чаем,
А над трубкою недокуренной
Поднимался душистый дым...
И, свой глаз не закрыв прищуренный
И не видя глазом другим,
С правой вывернутой ногою,
С левой вытянутой рукою,
Бездыханный, лежал у стены
Криводушный Хара-Зутан.
Поглядишь с любой стороны —
Из одной состоит кривизны!

Но, в его проникая обман,
Так промолвил Абай-Гэсэр,
На безгласного старца глядя:
«Некрасиво умер мой дядя!
Если глаз один не закрыт,
Значит, надо ждать вероломства,

Надо ждать беды для потомства.
Но потомству я помогу,
Этот глаз я золой закрою!»

Он направился к очагу,
Возвратился назад с золою,
Но в испуге Хара-Зутан
Черный глаз прикрывает разом
И моргает закрытым глазом.
Продолжает Абай-Гэсэр:
«Если с вытянутой рукою,
Если с вывернутой ногою
Возлежит мертвец у стены,
То навеки внуки-потомки
Будут светлого дня лишены.
Он отцу моему был братом,
Но я должен подрезать булатом
Сухожилья руки и ноги,
Чтоб не радовались враги».

Но как только Абай-Гэсэр
Вынул меч, причиняющий муку,—
Лжемертвец, хитрец, лицемер
Сразу выпрямил ногу и руку!
Тут воскликнул Гэсэр: «Наконец
Так, как должно, лежит мертвец!
В путь последний его провожу,
Где положено — положу!»

Соболями-бобрами укрыли
Опочившего хитреца.
Путь один у него — к могиле!
Синецветного жеребца
Запрягли в арбу погребальную
И пустились в тайгу чужедальнюю.

Вырвал с корнем Гэсэр деревья,
Их собрал посреди корчевья,
Возле трупа Хара-Зутана,
И поджег с четырех сторон.
Тут вскочил покойник нежданно,
Крикнул: «Больно мне от огня,
Помогите, спасите меня!»

Но схватил обманщика злого
И сказал Гэсэр свое слово:
«Если подлый воскреснет снова,
То не ждать отчизне добра»,—
И низверг его в пламя костра.
Стал гореть, исполненный злобы,
Криводушный Хара-Зутан
Посреди таежной чащобы.
С криком: «Жжет! Спасите меня!» —
Снова вырвался он из огня,
Но Гэсэр схватил его снова
И сказал: «Пусть запомнит каждый,
Что беда для всего живого —
Враг людей, воскресающий дважды!»
И в огонь его бросил опять.
Стал злодей гореть и кричать:

«Я навеки отныне твой данник,
Делать зло я не буду впредь.
Пожалей ты меня, племянник,
Я не в силах больше терпеть!»
Справедливый Абай-Гэсэр
Так ответил Хара-Зутану:
«Если клятву-слово даешь,
Что отверг ты подлость и ложь,
То казнить я тебя не стану».

И лжеца с душою преступной
Отпустил Гэсэр, говорят.
А деревья и ныне горят
Посреди тайги неприступной.

ГЭСЭР РЕШАЕТ ОСВОБОДИТЬ ИЗ ПЛЕНА УРМАЙ-ГОХОН

Возвратился Гэсэр домой.
Он уселся за стол золотой.
Насладился вкусной едой.
Насладился влагой хмельной.
У него лицо раскраснелось.
Стал он думу думать о том,
Что такое робость и смелость,
И о том, что бесславно и славно,
Что случилось давно и недавно.

«Разве сын, что становится мужем,
Должен зло утверждать оружьем?
Разве стать рабыней должна
Та, что женщиной рождена?»
Так подумав, решил он мгновенно,
Что пора ему вырвать из плена
Дорогую Урмай-Гохон,
И, решеньем своим возбужден,
Богатырь запел вдохновенно:
«Желтый лук, мой военный лук,
Верный друг, драгоценный друг,
Ты по-прежнему крепок и туг!
Золотая моя стрела,
Ты, как прежде, быстра и смела!
Грозный меч, оружье мое,
Ты на все закален времена,
Чародей — твое лезвие,
На твоем обушке — письмена!»

Вся душа этой песней полна.
На гнедого сел скакуна
И отправился на восток
Удалой, отважный седок.
Поскакал по хребтам и отрогам,
По объезженным ханским дорогам,
Поскакал по дороге окольной,
Где народ проезжал подневольный,
Поскакал по теснинам безвестным,
Поскакал по вершинам древесным.
Так достиг он чужой страны.
Посредине простора степного
У подножья красной сосны
Спрыгнул всадник с коня гнедого.

Чародейных двенадцать сил
Он по пальцам своим пустил,
Двадцать три волшебства — по ладони.
Удивились бы люди и кони:
В жеребеночка-лончака
Превратил своего гнедого,
А себя самого — в старичка,
Слабосильного, еле живого.
Жеребенка того старичок
Оседлал седлом деревянным,

Подложил кой-какой потничок
И поехал путем чужестранным,
И хотя бесконечна река,
А земля — широка, велика,
Прибыл к трем шарагольским ханам.

Эти ханы, полны свирепости,
Все закрыли дороги-пути,
Все луга превратили в крепости,
Чтоб и червь не сумел проползти.
Колдовство призвав на подмогу,
Две огромных воздвигли горы,
Чтоб они преградили дорогу.
Из утесов и острых скал
Вырывался губительный пламень,
И зубами, сердясь, скрежетал
Каждый выступ и каждый камень.
Две горы на посту своем
Наблюдали за всеми вдвоем
На земных и небесных дорогах
И проглатывали живьем
Всех двукрылых и четвероногих.

К двум горам подъехал Гэсэр.
Над горами клубился туман.
Превратил седой старичок
Жеребеночка в кремешок
И упрятал его в карман.
У подножья саранки росли.
Он их выкопал из земли
И проткнул ими горные жилы.
Колдовские ослабли силы,
И проход меж горами возник.
И прошел по проходу старик,
Опираясь на посох кривой,
И оставил он за собой
Две горы — две волшебных преграды.

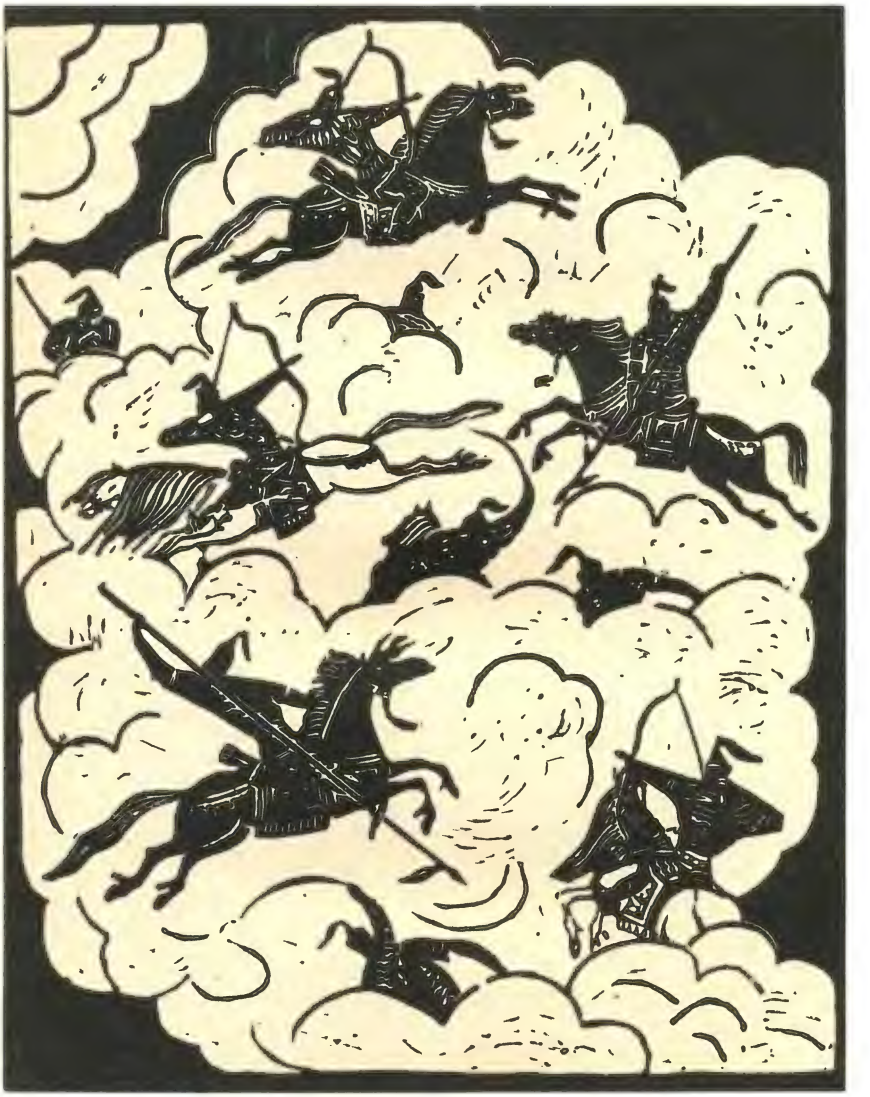
Вот почуял дыханье прохлады
И прилег старик на траве
У ключей-родников на полянке.
В это время семьдесят две
Шарагольских ханов служанки
Через старца перешагнули,

Родниковой воды зачерпнули.
Но сказала семьдесят третья:
«Не могу на это смотреть я!
Вы нарушить обычай дерзнули,
Через старца перешагнули,
Погляжу я, вы слишком горды!»
И кругом обошла девица.

«Для чего вам столько воды?» —
Вопросил старик у служанки.
Но, забыв, что старцы хитры,
Что, невидимые до поры,
Ямы есть на старой стоянке,
Та сказала: «Пойдя на войну,
Три могучих отняли хана
У Абай-Гэсэра жену,
И она томится в плену.
Порешили властители те,
Что нойон Саган-Гэрэлтэ
На жене Гэсэровой женится,
Но когда отказалась пленница,
Поместили ее в сарай,
Низкий, темный, холодный, сырой,
Кормят-поят одной лишь водой,
Притесняют ее лиходеи».

У Гэсэра тогда сильнее
Стало биться сердце в груди.
Он сказал: «Погоди, погоди!
Потому ли ее терзают,
Что она из страны чужой,
Потому ли, что не желает
Нелюбимому стать женой?
Почему вы ее не спросите?
Или воду в сарай не вносите?»

Та сказала в ответ старику:
«Нет, не вносим: по желобку
Звонко катится к ней вода».
И, услышав слово такое,
Поступил богатырь хитро:
Он кольцо свое золотое
Опустил незаметно в ведро.
Догнала подружек девица,



«Гэсэр».
Худ. А. Сахаровская.

И, как только по желобу литься
Родниковая стала вода —
Золотое кольцо покатилось,
Покатилось и очутилось
На ладони Урмай-Гохон.
Показалось: со всех сторон
В том сарае заря засветилась!
Опечаленное лицо
Озарилось надеждой живою,
И Урмай над своей головою
Подняла золотое кольцо.
В сердце вспыхнула жаркая вера:
Здесь он, близко, людей оплот,
Золотое кольцо Гэсэра
Ей свободу и счастье вернет!

На земле шарагольских ханов
День зажегся, для мира воспрянув.
А Гэсэр трое суток подряд
Находился у водопоя:
Для грядущего смертного боя
Он выведывал, говорят,
Мощь и хитрость врагов непотребных.
Три и двадцать уловок волшебных,
Чародейных двенадцать сил
По ладони и пальцам пустил,
Превратился в мальчонку-мальца
И пошел к задворкам дворца,
Где Саган-Гэрэлтэ обитал.
Как приблизился к тем задворкам,
Мальчик плачем заплакал горьким.

Услыхав, что ревет мальчуган,
Подошел к нему хан Саган,
По щеке ударил сперва,
Чтобы выведать: мощь какова?
В храбреца превратится ль ребенок,
Как в коня-скакуна жеребенок?
Он дитя недолго испытывал,
И домой мальчонку отнес,
И растил его, и воспитывал.
Не по дням — по часам он рос:
Уж не к битве ли мальчик готовится?
Тесно в шкуре овечьей становится,

Перерос он и шкуру быка.
Ненароком его затронешь —
Сдачи даст Олзобой-Найденыш:
Так назвали озорника.

ПОДВИГ НАЙДЕНЫША

Шарагольские ханы-владыки
Затевают праздник великий.
В золотой они бубен бьют —
Созывают северный люд,
Бьют в серебряный барабан —
Кличут жителей южных стран.
Мяса целую гору ставят,
Льются вина, как влага ключей.
Восемь суток веселие правят,
Длится пир девять дней и ночей.

Вот Бухэ-Саган-Маньялай,
Богатырь и стрелок умелый,
На пиру расхвастался вдруг:
«Посмотрите на этот лук!
Из него я выпустил стрелы,
И Гэсэровы богатыри —
Знаменитые тридцать и три —
Полегли у степных курганов!»

Все собравшиеся вокруг
Силачи шарагольских ханов
Этот желтый с крапинкой лук
Растянуть-изогнуть пытаются —
А не могут! Им трудно дышится,
Только волосы дыбом вздымаются,
Только скрежет зубовный слышится,

Попросил малыш Олзобой:
«Дайте лук, растянуть попробую».
Кто же знал, что он взыскан судьбой,
Что владеет он силой особою?
Стал Найденыш натягивать лук,
А народ смеется вокруг:
«Потяни посильней, сынок,
Не робей, не робей, стрелок!»

Покраснел мальчуган с натуги,
Стал растягивать лук упругий,
А кругом кричат силачи:
«Потяни и других поучи!»
Мальчик плечи свои расправил,
Мощь умножил, уменье прибавил,
Сила вспыхнула в нем удалая,
Потянул — и как дернет вдруг:
На три части рассыпался лук
Силача Саган-Маньялая!

Рассердился могучий стрелок:
«Этот лук я для битвы берег,
Чтобы местью сразить моей
Всех Гэсэровых богатырей,
Ну, а ты еще глуп и мал —
На три части мой лук сломал!»
Он ребенка схватил за предплечья
И Найденыша начал трясти.
Закричали одни: «Отпусти,
Не нанес бы мальчишке увечья!»
А другие кричат: «Нужен бой,
Бей его, не робей, Олзобой!»

В схватку ринулся мальчик сердитый
Раскраснелся, как утром восток,
А противник, могуч и высок,
Пышет ненавистью ядовитой.
Мальчуган на него напал,
Будто беркут слетел на добычу.
Ухватился за шею бычью,
Силача под ребра берет,
Под колени берет и за пятки,
Крутит-вертит он взад-вперед
Наглеца, побежденного в схватке.
Как ударит оземь с размаха —
Разлетаются комья праха,
Вырываясь из глубины,
И силач погружается в землю:
Только уши одни видны!

Властелины Желтой долины,
Все вожатые войск, все дружины
Поразились мальчишечьей силе,

Закричали, заголосили:
«Будет смелым богатырем,
Учинит он Гэсэру разгром,
Будет недруг сломлен заклятый!»
Тут воители подошли,
Кто с колом, кто с широкой лопатой,
Чтобы выкопать из земли
Силача Саган-Маньялая.
А мальчишка, важно ступая,
К трем приблизился грозным ханам
И сказал: «Если вкопан воин
В прах земной в поединке бранном,
То такой богатырь достоин,
Чтобы выкопали его
Не лопатами, не колами —
Чтоб другими спасли делами».

Вот ударил о прах земной
Мальчуган тяжелой ступней,
И, злодея хранить не желая,
Разом выбросила земля
Силача Саган-Маньялая!

А Гэсэр, врага победив,
Произнес чуть слышный призыв,
Чтоб его поняла река.
Удлинилась его рука,
И призыв своего вожака
Услыхали издалека
Мощнорукие богатыри —
Знаменитые тридцать и три,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Тот призыв был для них приказом.
Как приказывал ясный разум,
Поскакали воины разом,
Заставляя скрыться в пыли
Небеса с облаками размытыми,
Заставляя сердце земли
Трепетать-стучать под копытами,
Оглушая звоном кольчуг
Все, что жило, росло вокруг.

Шарагольские властелины,
Повелители Желтой долины,
Сообразно рассудку и опыту,
Догадались, прислушавшись к топоту:
Это скачут с силой утроенной
Тридцать три Гэсэровых воина,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Приказали: да будет построена
Их несметная буйная рать,
И Найденышу-Олзобою
Знамя боя велели поднять —
Пусть полки поведет за собою!

Погружая в пыль небосвод,
С двух сторон на дороги нахлынув,
Злое полчище трех властелинов,
Грохоча, устремилось в поход,
А полки Найденыш ведет.
По горам-вершинам скалистым,
По лугам-низинам душистым
Разлетаются стрелы со свистом.
И тогда-то Гэсэр воинственный
Принимает свой облик истинный,
На коня садится гнедого,
И его увидели снова
Мощнорукие богатыри —
Знаменитые тридцать и три,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Приумножили силу свою,
Словно вихрь, на врагов нагрянув,
Перебили войско трех ханов,
Разгромили его в бою
Так, что небо вдруг потемнело,
Распростершееся без предела,
И земли зеленое тело
Неожиданно почернело.
Из костей воздвиглась гора,
И река разлилась кровавая.
Бранный гул затих до утра —
Так закончилась битва правая.

Злобных три шарагольских хана,
Потерпев пораженье нежданно,

Растерялись, испугом охвачены.
Увидав, что войска перебиты,
Призадумались, озадачены,
Смысл желая найти сокрытый,
И увидели три лиходея,
Что недаром конец таков,
Что Гэсэр оказался хитрее —
Обманул он трех простаков.

Проклиная себя и ругая,
В золотой они бьют барабан,
Бьют в серебряный барабан,
Чтобы рать собралась другая
Из полночных и южных стран.
Силача Саган-Маньялая
Впереди головным поставили.
Под водительством Бирузы,
Чтоб дрожали верхи и низы,
Эту рать на битву отправили.

ЖЕЛАННОЕ ВРЕМЯ

Видишь: движутся для боев
Муравейники муравьев?
Это — грохот и гул половодья,
Это — ветер в пустыне бесплодья,
Это — в поле взвихренный снег,
Это — буйного леса набег!
Но Гэсэровы богатыри,
Остроглазы и мощноруки,
Натянули грозные луки,
Обнажили мечи-булаты
Ради правды, во имя расплаты,
Устрашая сотни полков,
Превращая в козлят волков.

День померк, за тучами скрытый.
Были все враги перебиты.
Из костей, из вражеских тел
Вырастала гора большая.
Словно беркут, вдруг налетел
На Бухэ-Саган-Маньялая,
Гневом яростным обуян,
Храбрый воин Буйдан-Улан —

Из Гэсэровых богатырей.
Оказалось, что он сильней
Силача Саган-Маньялая.
«Ты убийца! — врагу он сказал,
Бычью шею к земле прижимая.—
Обезглавлен тобою Саргал,
Досточтимый старик белоглавый.
Ты стрелу напоил отравой,
Был ты мерзок, коварен в бою,
И за зло я злом воздаю,
За несчастье расплата — несчастье!»

Так сказал он, подлость карая,
И булатным мечом на две части
Разрубил Саган-Маньялая.

В это время Абай-Гэсэр,
И его тридцать три храбреца,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей
Прискакали к воротам дворца
Шарагольских коварных владык.
Закричал Гэсэр — показалось,
Что могучий подняли крик
Десять тысяч, сто тысяч изюбров!
Был испуг мирозданья велик.
В страхе тело земли разверзалось,
И небесная твердь сотрясалась.
Разрушались горы и скалы,
В море вал восставал небывалый,
Падал с грохотом камень стоячий,
И дробился камень лежачий,
По священной Сумбэр-горе
С гулом трепет прошел первозданный!

Шарагольские злобные ханы,—
Растерялись три хитреца,
Заметались в безумном страхе,
Зарыдали, валяясь в прахе
У ворот своего дворца:
«Мы лишились власти и силы,
Наши души, Гэсэр, пожалей,
Пожалей нашу кожу и жилы!»

Так ответил Гэсэр — мощнокрылый
Предводитель богатырей:

«Вашим жалким слезам я не внемлю.
Разоряли вы бедную землю,
Убивали безвинных людей,
С каждым днем становясь лютей,
Ваша злоба крови алкала.
Страшной казнью казнили Саргала,
Увели вы мою жену —
Вы Урмай-Гохон захватили,
Чтоб она зачахла в плену.
Столько зверств совершив и насилий,
Искупите свою вину!»

Побелели от страха три хана —
Три коварства, три зла, три обмана,
И, поняв, что конец недалек,
Облизали пыль и песок:
«Не карай нас карою строгой,
Ты нам кости и жилы оставь,
Наши алые души не трогай!»
И в пыли, у Гэсэровых ног,
Распростерлись они, как мох.

Так сказал им Гэсэр в ответ:
«Мне противны обман и навет,
Я сюда явился с победою,
Ибо зависти-зла не ведаю,
Ибо ложным путем не следую.
Навсегда запомните то,
Что я ныне вам заповедую:
Ваши стрелы, что злобой отравлены,
Пусть теперь будут в вас направлены,
Пусть падут на вас беды-страданья,
Что всегда причиняли вы людям.
Мы людским судом вас осудим —
Да не будет вам оправданья!

Но искупится ваша вина:
Поклянитесь на все времена,
Что болезни распространять
Перестанете с этого времени,
Что не будете зла причинять

Человечьему роду-племени,
Что, в сознанье своей вины,
Вы откажетесь от войны!»

Поклялись шарагольские ханы
Соблюдать до скончанья времен
Человеческой жизни закон,
Зла не делать людскому роду.
А Гэсэр возвестил свободу
Светлоликой Урмай-Гохон,
Что была подобна восходу,
Озарявшему небосклон.
Он с любимой встретился снова,
Он сказал ей хорошее слово.

Сокрушил он врагов земли,
Завершил победой борьбу.
Приказал он, чтоб запрягли
Трех коней-иноходцев в арбу,
На серебряной той арбе
Он повез во дворец к себе
Дорогую Урмай-Гохон,
Озаряющую сердца.
Вслед за ним тридцать три храбреца,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей
Поспешили с победой домой.
Поскакали чужой стороной
То дорогой лесной, то степной.

Вот последний проход-перевал.
Каждый воин возликовал,
Оказавшись на почве родной,
Оказавшись у той воды,
Что их в детские годы поила,
На земле, что свято хранила
С первых, детских лет их следы!
Удалого Абай-Гэсэра,
Тридцать трех его смельчаков,
Триста ратных его вожаков,
И три тысячи седоков,
Претерпевших горя немало,
И Урмай-Гохон, что познала
Униженье и тяжкий плен,—

Вышли встретить отец Сэнгэлэн
И Гэсэровы две жены.

В честь отважных, пришедших с войны,
В золотой они бубен бьют,
Созывают северный люд,
Бьют в серебряный барабан,
Чтоб услышали жители юга,
Чтоб они, поздравляя друг друга,
Шли к извечному морю Манзан,
Чтоб к священному водопою,
Кто лесной, кто степной тропою,
Устремились из разных стран.
У привольных речных побережий,
У прозрачной воды проточной
Угощали их пищей свежей,
Угощали пищей молочной.

Из похода вернувшись домой,
Порешил Гэсэр удалой:
Наступило желанное время!
Ни к чему походное стремя,
Ни колчанов не надо, ни стрел,
Не нужны ни мечи, ни луки!
Он с любовью на землю смотрел,—
Долго пробыл с нею в разлуке,—
И увидел покой и мир,
И устроил великий пир.

Восемь дней веселие длилось,
Девять дней земля веселилась,
Раздавались присловья и шутки.
По домам на десятые сутки
Разъезжаться начал народ.
А Гэсэр, сокрушитель невзгод,
Ниспровергший насилье и горе,
Отпустил своего коня,
Состоявшего из огня,—
Пусть пасется на вольном просторе.
Богатырь упрятал в сундук
Свой колчан, и стрелы, и лук.

Там, где вечное море Манзан,
Где бессмертья шумит океан,

Где в цветущей долине Морэн
Каждый камень благословен,
Где раскинулась величаво
Ранних жаворонков держава,—
На земле, где родился и рос,
У реки, чью испил он воду,
Богатырь, защитивший свободу,
Тот, кто счастье народу принес,
Мир и благо людскому роду,—
Стал Гэсэр, заступник добра,
Светлой жизни вкушать веселье.
Эта радостная пора
Продолжается там доселе.

От забот освобождены
Каждый род и каждое племя.
Наступило желанное время!
Так живут, не зная войны,
Там, где ярки зари переливы,
Богатырь Гэсэр Справедливый,
Три прекрасных его жены
И отважные богатыри —
Знаменитые тридцать и три,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
И народ, чья земля благодатна:
В день питается он троекратно,
Наслаждаясь, у всех на виду,
Троекратным счастьем в году!

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

СЛОВО О НАРТАХ

Здесь собраны древнейшие сказанья
О нартских героических деяньях.
Сказители их завещали миру,
Отдав всю душу звучному фандыру.
Во времена далекие, седые,
Проникли нарты в небеса впервые.
Они не раз пересекали страны,
Где жили уаиги — великаны.
В скитаниях не находя покоя,
Они спускались и на дно морское.
К донбетрам шли, терк-туркам и гумирам,
Они всегда кончали битвы пиром.
В подземном царстве жили далимоны.
У всех — свой нрав, у всех — свои законы.
Но вот огонь сверкнул во мгле зарницей,
Чтоб до конца земли распространиться.
И люди, озаренные огнем,
Не в силах были позабыть о нем.
Герои-нарты, мощь огня изведав,
Считать устали славные победы.
Так утверждались нарты на земле,
С огнем в глазах, со славой на челе.
На пиршествах, в сраженьях, на охоте
Вела их смелость, честь была в почете.
Отвергнув зло, насилие и гнет,
Искал свободы нартовский народ,

Он даже небу бросил смелый вызов —
И ринулся к воздушным далям снизу.
Но в этих битвах, страшных и неравных,
Погибло много нартов достославных.
Как воск на солнце, таяли полки,
Под женский стон у вспененной реки.
А те, которые в живых остались,
Опять, как прежде, с силами собрались.
Народный дух рождал живое слово,
И крепло мужество в борьбе суровой:
В полях, ущельях, на вершинах горных
Сражались нарты долго и упорно.

СОЗЫРКО В СТРАНЕ МЕРТВЫХ

Вот в царство мертвых нарт огненноокий
Однажды утром двинулся до срока.
Привратник царства мертвых Аминон
Пришедшему сказал: «Таков закон,
О храбрый муж, о нарт огненноокий,
Всему предел есть, для всего есть сроки.
Вернись обратно в светлые края,
Не наступила очередь твоя.
Никто здесь до кончины не бывал».
Тогда Созырко гневом воспылал,
В железные ворота он ударил
И в преисподню скакуна направил.
Он на коне объехал царство мертвых,
Увидел там супругов распростертых
В изнеможенье на воловьей шкуре,
На ней они лежали, брови хмуря.
Хоть шкура и громадная была,
Казалось, что для них она мала.
Они глядели друг на друга хмуро,
Не зная, как же разделить им шкуру.
На шкурке зайца в двух шагах от них,
Заметил путник пару молодых.
Короткой шкуркой укрываясь нежно,
Покоились супруги безмятежно.
Он едет дальше. Вот, едва живая,
Прорехи гор вдовица зашивает,
Пот градом катится с ее чела.
Сверкает мрачно толстая игла.

Вот — женщина и жернова над ней.
Но не муку, а пыль лишь от камней
Разбрасывает мельница большая.
Встает картина перед ним другая:
Старушка надоила молока,
Полна им бочка, хоть и высока.
Но сыр, как ни трудилася она,
Не превышал ячменного зерна.
Другая ж в ложку с птичий ноготок
Чуть надоила молока глоток,
Но сыр ее — и сочный и большой,
Пред ней он белой высится горой.
Он едет дальше. Вот под бугорком
Сидят супруги за большим столом,
Что яствами уставлен дорогими.
И не пустеет пышный стол пред ними.
Он едет дальше, видит старика,
Что носит кучи щебня и песка.
В мешке дырявом днем и ночью носит,
Но снисхожденья у судьбы не просит.
Нарт едет дальше. На траве зеленой
Вол отдыхает, солнцем озаренный.
Жует он рьяно чей-то ус седой,
Не соблазняясь сочною травой.
Созырко, онемев от изумленья,
Путь продолжает в прежнем направленье.
Вот остров, словно пост сторожевой,
Как лезвие, там мост волосяной.
На острове, что перед ним возник,
В яичной скорлупе живет старик.
Вот кто-то бороды седые бреет
Каких-то старцев, брить их не умея,
У жертв своих не может сбрить никак,
При всем старанье даже волоска.
А дальше — сука старая лежит
И чей-то вход безмолвно сторожит,
И слышен лай двенадцати щенят,
Что из утробы вырваться хотят.
Вот видит он: бегут чувяк и арчи.
Созыр подумал: «Что же это значит?
Как в состязанье нартов огнеоких.
Для бегунов кто установит сроки?»
Чувяк был впереди, и вот, казалось,
Ему уже победа улыбалась,

Но арчи обогнал его внезапно,
Сноровкою напоминая нарта.
Созырко дальше едет по дороге.
Вот средь равнины стол стоит треногий,
Стол ломится от яств, напитков редких,
А за столом он видит славных предков.
Он созерцает вид обычный кувда.
Но вдруг он вздрагивает: «Что за чудо?
Лежат на блюде среди сочных лакомств
Зажаренные кошка и собака».
Всем виденным ошеломлен был нарт.
И вот спросил Созырко их как брат:
«О предки нартов, расскажите мне,
Откуда столько бед у вас в стране?
Я на коне объехал царство мертвых,
Увидел и супругов распростертых
В изнеможенье на воловьей шкуре,
На ней они лежали, брови хмуря.
Хоть шкура та громадная была,
Казалось, что для них она мала.
Они глядели друг на друга хмуро,
Не зная, как же поделить им шкуру».
Созыру предки дружно отвечали:
«Был потому их облик так печален
И потому судьба их так плачевна,
Что ссорились супруги ежедневно».
«На шкурке зайца в двух шагах от них
Супругов наблюдал я и других.
Короткой шкуркой укрываясь нежно,
Они лежали дружно, безмятежно».
«А эта пара любящих была,
Которая смогла прожить без зла.
Они любили жизнь и в дни печали
Друг друга никогда не покидали».
«Потом я видел, как, едва живая,
Прорехи гор вдовица зашивает.
Катился пот, как град, с ее чела,
Сверкала мрачно толстая игла».
«А это, друг, была одна блудница.
Беда, коль и во сне она приснится!
Дружку белье строчила строчкой мелкой,
А мужу крупной — вот ее проделки».
«По царству мертвых дальше проезжая,
Я видел сам, как женщина другая

Лежала молча; жернова — над ней.
Но не муку, а пыль лишь от камней
Выбрасывала мельница большая».
«А это вот что, милый, означает:
Всю жизнь свою она была воровкой,
Муку чужую воровала ловко.
Вот здесь и платит долг она примерно
И на груди тяжелый держит жернов».
«Поехал дальше и увидел я
Корову и старуху у ручья.
В огромную она доила бочку,
И молоко лилось по ободочкам.
Но сыр, как ни трудилася она,
Не превышал ячменного зерна».
«А это, друг, хозяюшка скупая,
Она для ближних, как собака злая.
Она имела больше ста коров,
Но был всегда ответ ее готов,
Когда попросит молока сосед:
«Ни капли молока сегодня нет»,
То: «Не доила нынче я корову»,
То: «Скисло молоко, к несчастью, снова».
«Другая ж в ложку с птичий ноготок
Чуть надоила молока глоток.
Но сыр ее и сочный и большой,
Пред ней он белой высится горой».
«А это — щедрая хозяйка крова.
Она владела лишь одной коровой,
Но просьбе обездоленных людей
Вовек отказа не было у ней».
«В пути увидел я под бугорком
Супругов за обеденным столом,
Что яствами уставлен дорогими.
И не пустел обильный стол пред ними.
Лишь выпит ронг, как пенится опять».
«О них мы тоже можем рассказать,—
Супруги эти часто пировали,
Но без гостей к еде не приступали».
«Я на пути заметил старика.
Носил он кучи щебня и песка
В дырявом таске, выбившись из сил,
Но у судьбы пощады не просил.
Вздыхал он только, будто от забот.
С его лица катился градом пот».

«А этот отнимал у бедных землю,
Ни разуму, ни совести не внемля
Жил краденым, хотел он всем владеть
И все ж никак не мог разбогатеть».
«Я видел остров — пост сторожевой,
Как лезвие — там мост волосяной.
На острове, что предо мной возник,
В яичной скорлупе сидел старик».
«А это, солнышко, был нелюдим,
Он равнодушен был всегда к другим.
Он не имел ни близких, ни друзей,
К столу ни разу не позвал гостей».
«Заметил я вола в траве зеленой,
Среди равнины, солнцем озаренной.
Жевал он рьяно чей-то ус седой,
Не соблазняясь сочною травой».
«Судьба карает всех скупцов сурово
И это — участь каждого скупого.
Когда пахал он с другом иль знакомым,
То их волу подсовывал солому,
А своего кормил душистым сеном.
Так поступал он в жизни неизменно».
«Я видел: сука старая лежит
И чей-то вход безмолвно сторожит.
Был слышен лай двенадцати щенят,
Что из утробы вырваться хотят».
«А это означает: будет время,
Когда придет младое поколенье,
Которое сочтет себя всех краше
И разуму учить захочет старших».
«Потом я видел бег чувяк и арчи.
Я не могу понять, что это значит.
Чувяк был впереди, и вот, казалось,
Ему уже победа улыбалась.
Но арчи обогнал его внезапно,
Сноровкою напоминая нарта».
И улыбнулись предки, отвечая:
«А это, солнышко, то означает,
Что бедняки, судьбой так суждено,
Богатых перегонят все равно».
«Я видел, стариков обледенелых
Тупая бритва брила неумело,
И не могла она у них никак
При всем старанье сбрить и волоска».

«А это, пусть тебе известно будет,
Судьба плохих несправедливых судей,
Что богачам вину за мзду прощали,
А бедняков невинных осуждали».
«О предки, вы собрались здесь для кувда,
Так объясните мне и это чудо.
Зачем лежат среди обычных лакомств
Зажаренные кошка и собака?»
«А это, гость наш славный и желанный,
Совет дала нам мудрая Сата́на:
«Придет Созырко скоро в царство мертвых,
Там встретит предков доблестных и гордых,
Когда же он придет домой обратно
О виденном поведать смелым нартам,
О кошке и собаке он расскажет.
И только этим нартам он докажет,
Что хоть недолго в царстве мертвых был,
Но видел вас и с вами говорил».
Созырко был ответами доволен,
И с предками поговорил он вволю.
А под конец, не скрыв от них волненья,
Он рассказал о цели посещенья:
«Дочь Солнца полюбил я всей душой,
Но требует она калым большой.
Я должен к свадьбе предоставить ей
Оленей, туров и других зверей,
В долине выстроить дворец стальной,
Блистающий волшебной красотой,
Углы же зданья по ее веленью
Украсить должен я аза-растеньем.
Зверей разнообразных я достану,
Мне обещала славная Сатана
Их выпросить у щедрого Афсати,
Но как дворец построю я богатый?
Где аза я теперь возьму, о предки?
Встречаются цветы такие редко».
Сказали предки нартскому герою:
«Возьми кольцо Бедухи золотое.
Стальной дворец ты выстроишь без рук:
Кольцом ее ты очерти лишь круг,
И на равнине, что была пустой,
Дворец стальной возникнет пред тобой.
Цветы ж аза, столь редкие для мира,
Есть у владыки мертвых, Барастыра.

Их выпросит Бедуха для тебя,
Живого мужа мертвая любя.
Обычай давний есть в стране у нас —
Неведом нашим женщинам отказ».
Бедухе Барастыр не отказал,
Цветы аза он для нее сорвал.
Бедуха же, придя от Барастыра,
Дала цветы аза с кольцом Созыру.
Нарт взял кольцо с цветком аза столь редким,
Поклон отвесил достославным предкам.
На землю он спешил вернуться быстро.
Но Аминон сердитый был неистов,
Созырко не хотел он выпускать.
«Закон превратник должен соблюдать,—
Сказал он, путь рукою преграждая,—
Тебе уехать я не разрешаю.
Ты задом наперед подкуй подковы
И лишь тогда поедешь к нартам снова.
Все мертвые иначе за тобой
Повалят бесконечною толпой».
Созырко вмиг коня перековал
И в путь-дорогу собираться стал.
А мертвые за нартом наблюдали.
И Аминону так они сказали:
«И нас наверх ты отпусти за ним,
Ты видишь, мы от холода дрожим,
Вода и хлеб здесь вкуса не имеют,
Здесь солнце нас своим теплом не греет».
Но Аминон одно ответить мог:
«Другого счастья не послал нам бог.
Из царства мертвых нам возврата нет.
Вот поглядите вы на конский след,
Ведет он внутрь, а не на землю, правда?»
Никто не разгадал уловки нарта.
И мертвые, поверив Аминону,
Вернулись вновь дорогой погребенных
И неохотно расходиться стали
На те места, что раньше занимали.
Когда на землю храбрый нарт вернулся,
Кольцом провел он круг и оглянулся —
Пред ним, сияя дивной красотой,
Утесом высился дворец стальной.
Цветы аза, что Барастыр любил,
По четырем углам он рассадил.

Сатана у Аҕсати попросила
Его свирель и нарту подарила.
Вот заиграл Созырко на свирели.
И стаями к нему сбегались звери.
На зов его, как будто по веленью,
К нему пришли и туры и олени.
Тогда семь братьев отдали в супруги
Дочь Солнца славному Созырко-другу.
В селенье нартское ее послали
И радостно на свадьбе пировали.

РЕШЕНИЕ БОГА

Батрадз погиб, и все в немой печали
О самом храбром нарте вспоминали,
Объятые тоской необычайной,
Как в самый страшный год неурожайный.
Сердца героев кровью обливались,
И юноши с тех пор не улыбались.
Печально было на ныхасе нартов,
Ушел Батрадз от нартов безвозвратно.
Поник главою Урызмаг старейший,
Из лучших нартских мудрецов мудрейший,
И на ныхасе он сидел суровом.
Но вот, подумав, произнес он слово:
«Немало бед мы в жизни испытали,
Но эти беды дух наш закаляли.
Нас не смутят тяжелые потери,
В победу над врагами свято верим.
Как прежде, будем с ними яро биться
И сохраним мы в памяти Хамыца.
Ценя порыв души живой и пылкой,
Век будем помнить славного Созырко.
Не запятнаем честь свою ни разу
И сохраним мы в памяти Батрадза.
Мы победили на земле врагов,
Не побоимся и самих богов.
В былые дни мы жили с ними дружно,
Но час настал, и нам решиться нужно.
Должны мы все откинуть всякий страх,
Теперь сражаться будем в небесах.
Раз зэды на Батрадза нападали,
То и они врагами нартов стали.

Час пробил, нартов наступило время,
Чтоб рассчитаться с недругами всеми.
Во имя счастья нартов на земле
Пусть наше горе скроется во мгле.
Теперь все наши мысли и стремленья
Направлены должны быть к наступлению.
А на богов мы не хотим смотреть.
Чем в рабстве жить, уж лучше умереть!»
И от села к селу промчались вести
О предстоящей беспощадной мести,
О наступленье на врагов жестоких,
Чья жизнь проходит в небесах высоких,
И клятву дал весь нартовский народ,
Что в бой с богами смело он пойдет.
И в небе поднялось тогда смятенье,
И замелькали зэды, словно тени,
И стали у небесного порога,
Объятые мучительной тревогой.
Уастырджи примчался на коне.
В лучах закатных был он, как в огне.
Казалось, бурка белая горела
И жгла в боях испытанное тело.
Афсати, бросив всех зверей в лесах,
Мгновенно очутился в небесах.
Курдалагон на молоте верхом
Летел в смятенье в небе голубом,
А вор Тутыр пришел туда последним,
Хоть он бодрился, но был страшно бледен.
Собравшись вместе, так они решили:
«В своих делах без бога мы бессильны.
Нет выхода у нас теперь иного:
Должны мы к богу обратиться снова».
Сказали: «Боже, что нам делать ныне?
Как воевать без божьей благостыни?
Настали снова времена крутые,
Возносим мы моления святые.
Дай силу нам, чтоб нартов победить,
Ведь с ними в мире невозможно жить.
Ты знаешь сам, что не идет на убыль
Их ненависть, что нартами погублен
Сайнаг-алдар, наш почитатель славный,
За нас погиб и мощный Карадзау,
Они убили самого Балсага,
Прославленного силой и отвагой.

А сколько зэдов враг наш уничтожил,
И сосчитать, наверно, невозможно.
Но нартам этих злодеяний мало,
От дерзости их нам житья не стало.
Они подняли бревна косяков,
Чтоб и на миг не наклонять голов,
Чтоб никогда на собственном пороге
Не появилась даже мысль о боге.
Они боятся, чтоб мы не сказали:
«И вы пред богом головы склоняли».
Тебя ж они врагом считают главным
И, страх забыв, грозят концом бесславным».
Разгневанный гордыней небывалой,
Бог проклял вскоре нартские кварталы.
Он богу солнца приказал на землю
Послать два солнца, гласу злобы внемля,
Чтоб накалилась бедная земля
И высохли все нартские поля.
И богу мора также приказал он
Послать болезни в нартские кварталы.
А богу урожая приказал,
Чтоб все посевы он уничтожал.
Тутыру, что служить всегда готов,
Велел на нартов выпустить волков.

БОРЬБА С НЕБОЖИТЕЛЯМИ

Свершилось вдруг неслыханное чудо:
Взошли два солнца в небе изумрудном.
И вот, как два единокровных брата,
Остановились над землею нартов.
И в ярости они кору земли
Своим огнем с двойною силой жгли.
И треснула тогда земля от жара,
Охваченная солнечным пожаром.
С раскрытым клювом пролетали птицы,
Но не было росинки, чтоб напиться.
Не стало трав, иссякли родники,
И люди изнывали от тоски.
Болезни, голод в этот трудный год
Одолевали и людей и скот.
Тем временем с густыми облаками
Сам Бардуаг пронесся над полями.

Стенаньям нартов благосклонно внемля,
Дождь проливной он ниспослал на землю.
Все прославляли щедрость Бардуага.
Насытилась земля живящей влагой.
Как будто вспомнив вдруг о человеке,
Опять в ущельях забурлили реки,
На склонах гор зазеленели травы
И зашумели пышные дубравы,
В густых ветвях запели песни птицы,
И звери в чащах начали резвиться.
Но вот внезапно мор напал свирепый,
Не успевали нарты строить склепы,
Бродила смерть опять средь нартских сел.
Тогда Сырдон лекарство изобрел.
Он крикнул громко жителям селений:
«Ко мне спешите все на излеченье.
Авдадз-лекарство вмиг излечит вас,
То средство я испытывал не раз.
Лекарства нет целебней и дороже,
Оно с постели встать больным поможет».
Народу помогло оно, и скоро
Все нарты были спасены от мора.
И дауаги стали говорить,
Что гордых нартов трудно победить,
Что нелегко их уничтожить мором,
И возвратились в небеса с позором.
Когда в полях посевы пожелтели
И нарты их собрать уже хотели,
На их глазах вдруг чудо совершилось,
Им зрелище нежданное открылось:
Лишь серп прильнет к пшенице золотой,
Становится она травой простой.
Они Сатану стали донимать:
«Ты объясни, как это все понять?»
Ответила Сатана им, вздыхая:
«То злые козни бога урожая.
Он сделал так — должны вы это знать,—
Что урожая днем вам не собрать.
Лишь прикоснется острый серп к пшенице,
Она в траву мгновенно превратится.
Чтоб недруга скорей перехитрить,
Вам надо будет в поле выходить
Лишь ночью. И тогда идите смело,
Возьмите разветвленные вы стрелы,

Срезайте быстро стрелами колосья.
Об этом вас Сатана очень просит».
Спать не ложились нарты лунной ночью,
Колосья собирали в поле молча,
Пока рассвет не начинал сиять.
Но много ли они могли собрать?
Афсати им не посылал оленей,
И жили нарты впроголодь в селеньях.
Бог урожая, проклиная нартов,
Ушел домой, досадою объятый.
Поднялся к зэдам он и так сказал:
«До нартов я рукою не достал,
И мне не удалось их уничтожить.
Примите вы в бою участье тоже.
Тутыра также мы должны призвать,
Чтоб сообща жестокий бой начать».
К сраженью начали приготовленья,
И зэды ждали часа наступленья.
Тутыр же злобный, всех волков собрал,
К отарам нартским ночью подослал.
Надеялся Тутыр, что наконец
Лишатся нарты всех своих овец.
Но был Тутыр Сатаною обманут,
Умом недаром славилась Сатана,
И хитростью и ловкостью своей
Она сковала челюсти зверей,
А нарты стрелами их осыпали
И стаю злобную уничтожали.
С небес в то время зэды прилетели,
От нетерпенья их мечи звенели.
Вот начался ожесточенный бой,
И нартских стрел летел за роем рой,
Одна стрела семижды семь врагов
Сражала разом, к ужасу богов.
Семижды семь от ран изнемогали
И на земле беспомощно лежали.
Тут зэды все от страшного испуга
Бежали ночью, прячась друг за друга.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Хоть боги вóйны с нартами вели,
Но уничтожить нартов не могли
Ни голодом, ни холодом, ни мором.

Прогнали нарты, как врагов, с позором,
Дуагов, зэдов, мести не боялись
И с небесами вовсе не считались,
На кувдах больше их не вспоминали,
Как будто их вовеки не знавали.
Собрались как-то нарты на ныхас,
И все они решили в тот же час:
«Враждебны нам и зэды и дуаги,
Их гложет зависть к нартовской отваге.
А бог на небе, первый небожитель,
Их злобных козней — друг и покровитель,
Считаем бога первым мы злодеем.
Коль мы его в бою не одолеем
И не отгоним за небес пределы,
Он будет снова запускать в нас стрелы,
Покоя в жизни никогда не даст,
И весь народ проклятью он предаст».
Узнав об этом, зэды, впав в тревогу,
С дауагами вновь устремились к богу.
Хоть знал владыка о разгроме, все же
Хитро спросил их: «Что же вас тревожит?»
И те сказали, стоя на пороге:
«О, как нам не испытывать тревоги!
Ты видишь сам: вернулись мы обратно.
В бою разбили наше войско нарты,
Немало зэдов преданных они
Убили в эти горестные дни.
Покрыты наши имена позором,
И наш позор тебя коснется скоро».
Тогда владыка яростный и властный
Сказал, волнуясь, ласточке прекрасной:
«Лети скорее в нартское селенье,
Оповести их злое населенье,
Что бог готовит нартам наказанье,
И передай словесное посланье:
«Сыны земные, совесть вы забыли,
Дауагов, зэдов обрекли на гибель,
И сам владыка впал у вас в немилость».
Тут ласточка с небес к земле спустилась,
Над крышами селá мелькнули крылья.
В то время нарты на ныхасе были.
Посланье бога сообщила им.
Прослушав речь с терпением большим,
Они сказали, правды не тая:

«Ты передай пославшему тебя:
«Мы все в своем решении упрямы,
И знать отныне не хотим тебя мы.
И в трудный час ты нам не помогал,
Зато всегда поддерживал врага.
Ты нас лишил великого Батрадза,
Который не был побежден ни разу,
На землю нартов посылал ты войско,
Чтоб уничтожить наш народ геройский.
Зачем болезни ниспослал и мор?
Зачем хотел увидеть наш позор?
Иль тучные тебе мешали нивы?
Иль надоел тебе народ счастливый?
Мы ни одной обиды не простим,
Тебя, владыка, мы уже не чтим,
Тебе не будем больше мы молиться,
И от тебя мы отвратили лица,
Как равные, мы говорим с тобой
И вызываем на открытый бой».
И ласточка, ответ прослушав нартов,
Вмиг улетела в небеса обратно.
Едва она пред богом появилась,
Как в божий дом уже стрела вонзилась.
Владыка вспыхнул, яростью объятый,
И ласточку опять направил к нартам:
«Спроси, что мой противник предпочтет:
Чтоб я совсем искоренил их род,
Коли сломлю я нартское упорство,
Иль им оставил жалкое потомство?»
И снова к нартам ласточка слетала
И божии слова пересказала.
И ласточке, смеясь, сказали нарты:
«Лети к пославшему тебя обратно
И передай ответ: «Чем в рабстве жить
И жизнь свою позорную влачить,
Уж лучше нам тогда погибнуть вместе.
Мы нартовской не опозорим чести,
Мы не хотим ничтожного потомства,
Идти готовы на единоборство».
И ласточка явилась к богу снова,
Пересказала нартовское слово.
Бог молвил: «Ласточка, лети обратно
В последний раз к забывшим бога нартам.
Пусть на заре по божьему приказу

Подымутся на гору, на Уазу.
Пусть выйдут все от мала до велика.
Приду я с войском утренней порой,
И вступим мы в ожесточенный бой!»
И нарты смело собрались в дорогу,
Они готовы были к битве с богом.
Вот на горе Уаза, на вершине,
Под пологом расположились синим.
Палатки развернув, в молчанье строгом
Все ожидали появленья бога.
Но в этот миг природа взбунтовалась,
Все сокрушая, буря разыгралась,
И молния, как молот, ударяла
И разрушала каменные скалы,
И сломанные падали деревья.
Не испугалось войско нартов гнева
И терпеливо бога ожидало.
Вдруг цепь небесная загрохотала,
И зэды все, летя под облаками,
На землю нартов низвергали пламя.
Тогда и нарты быстро луки взяли
И стрелами все небо забросали.
Летели в цель отточенные стрелы,
И стая зэдов в небесах редела.
И охватила ангелов тревога,
И вновь они бежали в страхе к богу.
Еще сильней разгневался владыка,
И у него сомнение возникло:
Посильную ль взял на себя задачу
И будет ли конец войны удачен?
Но ненависть его ожесточила,
На землю он послал двойные силы.
Все поле загорелось от огня.
Сражались нарты до исхода дня.
Дрожали горы, разбегались тучи,
Бежали звери из лесов дремучих.
От грома в небе и огней палящих
И птичьи стаи покидали чащи.
И дал совет Сырдон во время боя:
«Нам надо в горы уходить, герои,
В ущельях мы укроемся глубоких
От гнева неба и от стрел жестоких».
И нарты в горы двинулись толпою,
Великого не прекращая боя.

Так год еще они средь гор блуждали,
Потом друг другу так они сказали:
«Что делать нам? Ответили мы сами,
Когда вступили в битву с небесами:
Чем в рабстве жить нам и позор терпеть,
Уж лучше всем со славой умереть».
Таков конец был мужественных нартов.
Пусть помнит мир о подвигах их ратных!

АДЫГСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

КАК СОСРУКО ДОБЫЛ ОГОНЬ

Нарты скачут в поход,
Нарты скачут вперед,
Чтоб врагов покарать,
Чинтов рать разгромить,
Скачут в бой по степям,
А Сосруко с собой
Порешили не брать.
Нартов страшный мороз
Настигает в пути.
Как проехать-пройти?
Каждый всадник прирос
К этой мерзлой земле,
И в седле он дрожит
В этих Кумских степях:
Мир — в цепях ледяных!
Горе нартским бойцам,
Горе нартским коням!
Стала стужа сильней,
Сила мужа — слабей.
Старцы-нарты кричат
Среди Кумских степей,—
Снег у них на глазах,
Злоба в их голосах:

«Эй, Имыс, есть огонь?»
«Нет огня у меня».
«Эй, Сосым, есть огонь?»
«Нет огня! Нет огня!»
«Эй, Химиш, есть огонь?»

«Нет огня у меня».
«Ашамез, есть огонь?»
«Нет огня! Нет огня!»

Нет огня у нартов смелых.
Разве так в походы скачут?
Тут Насрен Длиннобородый
Обратился к нартам смелым:
«Смертным стал наш путь отныне,
Все в пустыне мы погибнем,—
Тот, кто стар, и тот, кто молод.
Горе нартам: холод смертный
Свалит, превратит нас в трупы!
Ох, мы глупы, глупы, нарты,
Будет нам вперед наука:
Надо было взять с собою
Смуглолицего Сосруко,
Всадника того, чье имя
Чинты в страхе произносят,
Чьи следы приносят счастье,
Чье участье в деле бранном
Все напасти побеждает,
Чье копье готово к бою,
Пролагает путь к победе,
Чей высокий шлем сверкает
Нам звездою путеводной,
Чьей отвагой благородной,
Как кальчугой, мы прикрыты,
Чья стрела воюет с вьюгой,
Из беды людей выводит,
В трудный час находит выход.
Мы напрасно, братья-нарты,
Поскакали без Сосруко!»

Нарты смелые — в печали:
Надо было взять Сосруко!

Кто там в холоде-тумане
На кургане показался?
То примчался нарт Сосруко:
Там Сосруко, где опасность,
Где нуждаются в подмоге!
Посреди дороги вьюжной
Нартов дружный клич раздался:

«Здравствуй, наш воитель грозный,
Предводитель знаменитый!
Мы в ночи морозной гибнем.
Помоги ты, если можешь,
Если можешь, разожги ты
Поскорей костер горячий!»

«Всем удачи я желаю,—
Говорит в ответ Сосруко,—
Кто же в путь коня седлает,
Без огня в пустыню скачет?
У меня и малой искры
Не найдется, потому что
Без огня я в путь пускаюсь,
Холода не опасаюсь.
Не растраивайтесь, нарты,
Я сейчас огонь добуду.
Не отчаивайтесь, нарты,
Я для вас огонь добуду!»

Он достал стрелу стальную
И пустил в звезду ночную,—
Падает звезда ночная,
Шумно рассыпая искры.
Хвалят всадника Сосруко,
Нарты руки подставляют,
Чтоб согреться хоть немного,
Но тревога снова в сердце:
Сразу же звезда погасла
И растаяла в пустыне,—
И опять в кручине нарты!

Что же делать Сосруко?
Он, могучий, решает
Из беды неминучей
Смелых вызволить нартов.
Он садится, упрямый,
На лихого Тхожея,
Не робея, летит он
На вершину Харамы.
Вот он видит, бесстрашный:
Дым из башни старинной
Вьется, тонкий, и тает,
И скрывается в тучах.

И, дымком осчастливлен,
Он тайком подъезжает,—
Семь оград, семь колючих
Замечает Сосруко:
То — жилище Иныжа.
Подъезжает поближе,
Видит — пламень высокий
В сердце круга пылает:
То Иныж одноокий,
Мощным кругом свернувшись,
Спит, храпит, головою
Опершись на колени.
Озарен головнею,
Рот раскрыт, не хватает
В нем переднего зуба,
А костер все пылает
В сердце мощного круга,
Ни на миг не слабея...
А Сосруко Тхожея
Вопрошает, как друга:
«Нартам нужен огонь,
Что же делать нам, конь?»

Конь проржал семикратно:
«Ой, Сосруко булатный,
Сильнорукий и статный!
Не поедем обратно,
А подъедем к Иныжу.
Как поближе подъедем,—
Бег свой конский, горячий
Обращу в шаг собачий,
Как поближе подъедем,
Не пойду по-собачьи,—
Подкрадусь по-кошачьи
Я, рожденный из пены!
Перепрыгну я стены
Этой башни старинной,
Над Иныжем, бесстрашный,
Встану я на дыбы.
Победим без борьбы:
Наклонись ты к огню
И хватай головню».

Полетел к старой башне
Конь, советчик всегдашний

Удалого Сосруко.
Как подъехал поближе,—
Конский бег свой горячий
Обратил в шаг собачий,
А подъехал поближе,—
Обратил шаг собачий
В легкий шорох кошачий,
А приблизился к башне,—
Быстрым вихрем рванулся,
Легкой пылью взметнулся
Над старинною башней.
А бесстрашный Сосруко
Наклонился к огню
И схватил головню,
Да неловко схватил —
Отскочил уголек,
На Иныжа упал,
Опалил ему бровь —
Бровь густая зажглась.
Приоткрыл великан
Свой единственный глаз,
Головни сосчитал —
Не хватает одной:
Смелый нарт с головней
Ускакал далеко!

Заорал великан:
«Кто меня обокрал?
Чтоб тебя, сучий сын,
Мой отец покарал!»

Не вставая, Иныж
Руки вытянул вдруг,
Опустил за порог.
Стал он шарить вокруг,
Семь обшарил дорог.
А Сосруко скакал
День за днем — семь ночей,
А подъехал к реке,—
Оказался Тхожей
У Иныжа в руке!

Посмотрел великан
На того, кто посмел

Сказания о нартах.
Худ. Э. Левандовская.

Ускакать с головней,
Видит — весь он стальной.
И подумал Иныж:
«Этот парень крепыш.
Хоть и глуп коротыш,
А заменит мне зуб!»
Так во рту великана
Очутился Сосруко.
Не смутился Сосруко,
Вынул меч смертоносный,
Резать начал он десны
Великана Иныжа.
Не стерпел сильной боли
Великан одноглазый:
Сразу выплюнул нарта.
Оказался на воле
Смуглолицый Сосруко!
Тут воскликнул Иныж:
«Слушай нартский малыш
Похититель огня!
Недруг есть у меня —
Смуглолицый Сосруко.
Отвечай поскорей:
Где он — сын Сатаней,
Смуглолицый Сосруко?
С великанами в ряд
Нарты ставят Сосруко,
Так о нем говорят:
«Он сильней на земле
Всех, сидящих в седле,
Великанов сильней
Смуглолицый Сосруко!»
Говори же скорей:
Где он — сын Сатаней,
Смуглолицый Сосруко?»

Отвечает Сосруко:
«У подножия гор
Я у нартов пастух,
Мало видел мой взор,
Много слышал мой слух.
Не видал я Сосруко,
Но слыхал о Сосруко,

Где храбрец — не скажу,
Но о нем расскажу».

Отвечает Иныж:
«Если, нартский малыш,
Ты не смог мне сказать,
Где гуляет Сосруко,
То сумей показать,
Как играет Сосруко!»
Тут Сосруко встрепенулся,
Усмехнулся, молвил слово:
«Нет такого человека
Среди нартов, что сумел бы
Игры повторить Сосруко.
Нарты верят: нет такого
Великана, что сумел бы
В играх победить Сосруко!»

Рассердился одноглазый:
«Не болтай, пастух плюгавый
А начни свои рассказы
Про Сосруковы забавы!»

«Я слыхал, для Сосруко
Нет милее игры:
Он стоит, наш Сосруко,
У подножья горы:
Абра-камень бросают
Нарты с этой горы:
Но Сосруко булатный —
Богатырь настоящий:
Лбом толкает обратно
Абра-камень летящий!»

«Мне ли это не под силу?
Ну-ка живо, пастушонок,
Камень ты пусти с обрыва!»

Нарт берет огромный камень
И с горы его бросает,
Великан огромный камень
Ловит лбом и лбом толкает,
Возвращает на вершину,
Громко восклицает: «Право,

Хороша забава эта!
От нее — поесть охота,
А работа — лбу на пользу:
От ударов лоб крепчает!
Мне игра пришлась по нраву,
Но забаву потруднее,
Может быть, пастух, ты знаешь?..»

Где, Сосруко, твой разум?
Ох, беда с одноглазым:
Смерть к нему не приходит!
Тут уводит подальше
Великана Сосруко,
Говорит великану:

«Тот, чье имя — Сосруко,
Так твердит нартский род,—
Опускаясь на землю,
Открывает свой рот:
В рот кладут ему стрелы.
А Сосруко умелый
Их головки жует,—
Он жует и смеется,
А концами плюется!»

«Рот набей мне до отказу:
Не боюсь такой работы!»
Усмехается и сразу
Опускается на землю
Великан широкоротый,
Открывает пасть большую.
Набивает до отказу
Стрелами ее Сосруко.
Нипочем Иныжу злому
Нарта юного уловки!
Великан жует головки,
А концами стрел плюется
И смеется над Сосруко:

«Пастушонок нартский! Право,
Хороша забава эта:
Придает слюне свирепость,
А зубам — стальную крепость!
Мне игра пришлась по нраву,

Но забаву потруднее,
Может быть, пастух, ты знаешь?..»

Где, Сосруко, твой разум?
Ох, беда с одноглазым:
Смерть к нему не приходит!
Тут уводит подальше
Великана Сосруко,
Говорит великану:

«Тот, чье имя — Сосруко,
Тешит душу такою
Удалою забавой:
Перед ним, храбрецом,
Нарты ставят котел,
Наполняют свинцом
Исполинский котел,
На огонь его ставят,
И свинец они плавят
Девять дней и ночей —
Вот игра силачей!
Ой, Сосруко недаром
Среди нартов прославлен!
Вот в свинец он садится,
Что кипит, что расплавлен,
И сидит он в котле,
Словно всадник в седле,
Ждет, когда наконец
Затвердеет свинец!»

«Мне ли это не под силу? —
Говорит Иныж с зевотой,—
Я в котел с охотой сяду!»

Юный нарт огонь разводит —
На огонь котел поставлен.
Девять дней-ночей проходит —
И свинец в котле расплавлен.
Великан в свинец садится,
Вместе с ним затвердевает,
Но рывком могучим тело
От свинца он отрывает,
Восклицает одноглазый:
«Я своим доволен делом,

Телом стал стократ сильнее,
Захотелось пообедать!
Мне игра твоя по нраву,
Но забаву потруднее,
Может быть, пастух, ты знаешь?
А не знаешь — будет худо:
Сам себя позабавлю,
Я живьем тебя расплавлю!»

Где, Сосруко, твой разум?
Ох, беда с одноглазым:
Смерть к нему не приходит!
Смуглолицый Сосруко
Речь такую заводит:

«Ой, двужильный, двуглавый,
Не спеши пообедать,
Чтоб успел я поведать
О забаве последней:
Там, где в океан глубокий
Устремляются, вскипая,
Всех семи морей потоки,—
Опускается в пучину,
Дна стопой не доставая,
Ртом воды не набирая,
Тот, кого зовут Сосруко.
Дуют, дуют старцы-нарты,
Семь ночей, семь дней колдуют,
Замораживают море,
Смуглолицего Сосруко
Замораживают в море.
Он в пучине, в лед одетый,
Семь ночей, семь дней проводит,
Дожидается рассвета,
Гордо плечи распрямляет,
Лед ломает и выходит».

«Мне ли это не под силу!» —
Восклицает одноокий.
Нарт его туда приводит,
Где семи морей потоки
В океан глубокий, грозный
Устремляются, сливаясь.
Опускается в пучину

Великан Иныж, стараясь
Не коснуться дна стопою
И в воде не захлебнуться.
Холод напустил Сосруко
И в пучине океана
Великана заморозил.
В той пучине великана
Семь ночей, семь дней держал он,
А потом сказал он: «Выйди!»

Не был великан в обиде.
Поднатужась, одноглазый
Сильными повел плечами —
Лед могучий треснул сразу.
«Погоди,— вскричал Сосруко.—
Я нагнал не все морозы,
Трещины не все заделал,
Лед еще не очень крепок!»

Дунул нарт — взвились метели,
Затрещал мороз жестокий,
И семи морей потоки
На бегу оцепенели!
Нарт в пучине океана
Великана заморозил,
Крепким льдом сковал он воду,
Злобному уроду крикнул:

«Эй, Иныж, попробуй, вырвись,
Ты из плена ледяного!»

Поднатужась, одноглазый
Плечи распрямляет снова,
Гневно силы напрягает.
Вот на лбу надулись жилы,
Глаз единственный моргает,—
Поздно: в этом льду могучем
Заморожен одноглазый!
Вынув быстрый меч из ножен,
Тут подумал нарт Сосруко:
«Я врага сковал надежно,
Душу можно позабавить —
Обезглавить великана!»

Но подул Иныж свирепый,
И отбросил он Сосруко
Сразу на два перехода.
Прискакал назад Сосруко,
Сзади подскакал к Иныжу,
Осадил на льду Тхожея,
Чтоб злодея обезглавить,
Но бессилен меч двуострый:
Волоска снести не может
И царапинки оставить!

Загремел одноглазый:
«Если б не был я глупым,
Догадался бы сразу
По твоим тонким икрам,
По твоим хитрым играм,
Что я вижу Сосруко:
Смерть приходит к Иныжу!

Ой, Сосруко булатный,
Ратный всадник ты нартский!
Не трудись понапрасну,—
Головы не отрубишь,
Только меч ты затупишь!
Поднимись-ка ты лучше,
На порог моей башни,
На дверях моей башни
Меч увидишь могучий.
Этот меч ты прославишь:
Обезглавишь Иныжа!»

Повернул коня Сосруко,
К башне великана скачет.
«Нет ли хитрости, обмана,
Западни в речах Иныжа?»
Так подумав, нарт Сосруко
Открывает двери башни,
Только сам не входит в башню,
А полено он бросает,
И срывается мгновенно
С притолоки меч могучий
И вонзается в полено.

Нагибается Сосруко,
Меч за рукоять хватает,
И назад с мечом Иныжа
Возвращается Сосруко.
Великан, его увидев,
Зарыдал рыданьем громким:

«Ой, Сосруко, всадник ратный,
Нарт булатный, статный воин!
Я спокоен был, я думал,
Что моим мечом ты будешь
Обезглавлен, что навеки
Буду от тебя избавлен.
Меч в твоих руках я вижу,
Смерть пришла к Иныжу ныне.
Если так — в моей кончине
Пусть отраду, нарт, найдешь ты.
Обезглавь меня скорее,
Вытяни из шеи жилу,
Опоясь себя, и силу
Великана обретешь ты,
И тогда никто из нартов
И никто из великанов
Одолеть тебя не сможет!»

Отвечал ему Сосруко:
«Не за сказками я прибыл,—
Прибыл на твою погибель,
Чтоб добыть огонь для нартов,
Чтоб спасти друзей от смерти.
Не нужна твоя мне жила,
Полная отравы мерзкой:
Только сила человека
На земле достойна славы!»

Так воскликнув, нарт Сосруко
Обезглавил великана
И коня к друзьям направил,
Захватив огонь Иныжа...

ПЕСНЬ О БАДЫНОКО

Нартский муж Бадыно́ко,
Быстроокий, бесстрашный,
Был для нартов душою,
Был грозою для чинтов.
Был он сильным, уда́лым,
Ста ударам был равен
Взмах меча Бадыноко.
Был повсюду он славен —
И вблизи, и далёко.
И повадкой особой,
И посадкой особой,
И особою хваткой.
Говорили повсюду:
«Всех сильней Бадыноко!
Всех смелей Бадыноко!»

Жажда славного дела
Овладела им снова.
Он седлает гнедого,
Надевает доспехи,
Со двора выезжает.
Конь поджарый, могучий
Едет-скачет горами,
Впереди мечет пламя,
Позади — словно тучи —
Поднимаются птицы.
А ездок смуглолицый,
Как шатер возвышаясь,
Мчится, сталью сверкая.
Справа скачет борзая,
Слева скачет борзая,
И, крыла расправляя,
Два орла приученных
По бокам реют плавно.
Славный муж Бадыноко —
Одинокий наездник,
Никогда не искал он
Легких троп для похода:
Вот он мчится по скалам,
Переходит без брода
Псыж, глубокий, бурливый,
И сухим из потока

Выбегает на берег
Конь гнедой Бадыноко.

Вот и пастбище нартов
Разбежалось широко.
Семь дорог видит всадник,
Пастуха — на распутье.
Обращается всадник
К пастуху на распутье:
«Да умножится стадо!»

«Век живи, добрый всадник,
Нартский муж Бадыноко!
Прибыл ты издалека,
Прибыл ты из-за Псыжа.
В первый раз тебя вижу,
Но давно тебя знаю:
Стал ты нартскому краю
Самой крепкой защитой.
Богатырь знаменитый,
Мой шалаш посети ты,
Побеседуй со мною,
Хлеба-соли отведай.
Я корову зарежу,
Я зарежу барана,
В честь тебя я открою
Бочку светлого сано,
И пшена золотого
Тридцать мер я достану,
Я не стану скупиться,
Накормлю я гнедого
Самой вкусной травою!»

«Тридцать мер,— молвил всадник,
Сам ты съешь на здоровье,
Хочешь — съешь и барана,
Съешь и мясо коровье,
Бочку светлого сано
Выпей сам на здоровье,
Самой вкусной травою
Накорми свое стадо,
Пусть пребудут с тобою
Изобилье, отрада!
Лишь поведай мне честно,

Что слыхать повсеместно,
Чтобы знал я, какою
Мне тропою помчаться!»

Так ответствовал старый:
«Днем отары пасу я,
Ночью сплю как убитый,—
Ничего я не знаю,
Богатырь знаменитый!»

«Как, пасешь ты отары
На таком людном месте,
А не знаешь ты, старый,
Что за вести у нартов?»

Это слово промолвив,
В гневе гонит гнедого
Нартский муж Бадыноко.
Два орла реют сверху,
Две борзых скачут сбоку.
Едет всадник суровый,
А пастух вспомнил слово,
Закричал издалека:

«Эй, герой Бадыноко!
Ты душой стал для нартов,
Ты грозой стал для чинтов!
Я ценю твою славу,
Мне по нраву твой облик,
Не по нраву беспечность!
На тебя погляжу я,—
Ты смельчак знаменитый.
Не прими ты за сплетню,
Что тебе расскажу я.

К дому Алиджа
Вьется тропинка,
Вьется и рвется,
Как паутинка.
Этот старинный,
Белый и длинный
Дом покосился,
Да не свалился:
Дом подпирают

Сотни столбов,—
Каждый тащили
Восемь волов!

Есть там ворота,—
Вряд ли проедешь,
Есть там болото,—
Конь твой застрянет,
Стыдно, обидно
Всаднику станет.
В доме Алиджа
Поздно ли, рано
Нарты гуляют,
Нарты лихие,
Пьют они сано,
Пляшут, играют
В игры мужские,—
Многим на зависть!
В доме Алиджа
Много красавиц,
Но превосходит
Их красотою
Та, что проходит
Лисьей походкой,
Что колдовскою
Силой владеет,
Что не стареет,
А молодеет.
Это Гуаша
С ликом девичьим,
С нежным обличьем,
Так величава!
Нартам желанна
Больше, чем слава,
Больше, чем сано,—
Мать Сатаней.
Старый и юный
Тянутся к ней!

В доме Алиджа
Встретишь Насрена:
Нарт бородатый
Там завсегдатай,
Там завсегдатай

Славный Сосруко!
В доме Алиджа
Будешь утешен
Пеньем и пляской,
Будешь опутан
Девичьей лаской!»

Рассердился Бадыноко,
Распалился Бадыноко,
Словно дерево сухое:
«Эй, старик, пастух болтливый,
Как ты молвить мне решился
Слово глупое такое:
Что скакун мой горделивый
Станет пленником болота,
Что в ворота я не въеду,
Что победу надо мною
Тонкобровые одержат?
Никогда я не стремился
К угощениям богатым,
К песнопениям веселым,
К наслаждениям любовным.
Не шатаюсь по лагунам,
К юным женам и девицам
В гости я не приезжаю,
Презираю их утехи.
А доспехи боевые
Я надел для дел высоких:
Мой удел — защита правды!»

Так сказав, он машет плетью,
Сплетена из кожи зубра,
Плеть свистит, и этот посвист
Слышится в семи ущельях
И восьмого достигает,
Робких, спящих коз пугает,—
Робких коз собаки ловят.
Упускают их собаки,—
Два орла их настигают.
Убегают от пернатых,—
Конь гнедой их настигает,
Мечет пламя, обжигает
Придорожные он травы.
Жаркий пар над ним клубится,

Неотступной мчится тенью.
Едет-скачет всадник смелый,
Тот, чьи стрелы реют в небе...

Вот из каменного дома
Вышла девушка с кувшином.
С исполином повстречалась
И увидела гнедого,—
В старый дом назад вбежала,
Госпоже сказала слово:

«Сатаней, сиянье наше,
Кто тебя умней и краше?
Кто сравнится красотою
С тонкобровою Гуашей,
Что гадает на фасоли?
Золотом подол твой вышит,
Облик — молодостью дышит,
Очи — солнце, зубы — жемчуг.
Ум твой славится повсюду,
Кто ни явится, воскликнет:
«Ты — красавица, ты — чудо!»
Прибыл к нам могучий всадник.
Я не ведаю, откуда,
Я в лицо его не знаю,—
В нашем крае он впервые».

Сатаней вышивала,
Красотою сияла,
А шитье золотое
На коленях держала.
Как девица вбежала,
Эту весть рассказала,
Сатаней задрожала,
И шитье уронила,
И спросила в смятенье:

«Каков этот муж?
Куда он спешит?
Каков его вид?
Каков его конь?
Поди разгляди!»

Вышла девушка и скоро
Возвратилась и сказала:

«Вид его необычаен.
Конь его могуч, красив он,
Горделив он, как хозяин.
Ах, какими я словами
Расскажу об этом альпе?
Из ноздрей он мечет пламя,
Наши травы обжигая.
Впереди — туман клубится,
Или туча то густая?
Сзади мчится стая галок.

Всадник несется,
К нам приближаясь
И возвышаясь,
Точно шатер.
Справа — борзые,
Слева — борзые,
Сверху большие
Реют орлы.
Справа, сквозь тучи,
Солнце сияет,
Слева сыпучий
Падает снег.

То выдвигаясь,
То опускаясь,
Меч исполина
Сталью блестит.
Муж несравненный
Важен и статен,
Солнце вселенной —
Над головой.
Видно, что всадник
Грозен в сраженье,
Видно, трепещет
Враг перед ним.
Кто этот всадник,
Чье снаряженье
Золотом блещет
И серебром?
Нет, я не знаю,
Кто этот всадник:
Нашему краю
Он незнаком!»

Сатаней, солнце нартов,
Подбегает к оконцу,
Раскрывает оконце
И, раскрыв, восклицает:

«Это — нарт Бадыноко,
Одинокий наездник,
Слава нартского края.
Он, врагов сокрушая,
Стал для нартов душою,
Стал грозою для чинтов.
То не туча густая
Впереди его мчится,
То не галочья стая
Позади его мчится,
Это конь его дышит
Горячо и сердито,
Это комья взметают
Прямо в небо копыта.
Не огонь обжигает
Придорожные травы,
Это конь величавый
Наземь пену роняет.
Не седок солнцеликий
Нам шатром показался,
То двуглавая пика
Нам шатром показалась!

Богатырь Бадыноко —
Нартской силы вершина,
Исполина сильнее
Не найти во вселенной.
Но хочу я проверить:
Этот витязь бесценный,
Этот муж устоит ли
Пред моей красотою
Молодою, нетленной?
Быстро зеркальце дай мне,
Принеси-ка мне гребень,
Расчеши-ка мне косы,
Насурьми мои брови:
Надо быть наготове,
Чтоб завлечь Бадыноко!»

Ой, жилище Алиджа,
Игрищ древнее место!
Сатаней, как невеста,
Надевает цветные
Дорогие наряды,
Щеки белит, румянит
И сурьмит свои брови.
Сатаней — наготове:
Кто соперничать станет
С красотою нетленной?
Сатаней приказала
Черноокой девице:
«Приведи Бадыноко!»

Та пошла по дороге,
А гнедой тонконогий
Скачет, бег замедляя:
То седок его строгий,
Уваженье являя
Незнакомой девице,
Бег коня замедляет.
Восклицает девица:
«Нартский муж Бадыноко,
Воин, славой покрытый,
Воин с пикой двуглавой,
Величавый, суровый:
Обернись на мгновенье!»

Шаг замедлив гнедого,
Храбрый нарт обернулся,
Молвил слово привета,
И в ответ он услышал:

«В дом Алиджа вступи ты,
Знаменитый воитель.
Здесь обитель веселья.
В честь тебя мы зарежем
И быка и барана,
В честь тебя мы откроем
Бочку светлого сано,
Пир богатый устроим.
Здесь услышишь ты много
Звонких песен и здравиц,
Здесь увидишь ты много

Тонкобровых красавиц.
Витязь добрый, удалый,
К нам пожалуй ты в гости!»

Черноокой девице
Бадыноко ответил:
«Дом Алиджа да будет
Изобилен и светел!
Пусть отведают гости
И быка и барана,
Бочку светлого сано
Ваши гости осушат!
Пусть все чаши для здравиц
Ваши гости поднимут,
Тонкобровых красавиц
Ваши гости обнимут!
Одержим я иною
Благородною целью,
Не стремлюсь я к веселью,
К угощеньям богатым,
К песнопеньям красивым,
К наслажденьям любовным!
Не хожу по лагунам
В гости к женщинам юным,
Я не сплю в их объятьях!
Я люблю одарять их
Справедливой добычей,
Против зла я сражаюсь,
И добро — мой обычай.
С черной силой воюя,
Светлой силой владея,
Лиходея ищу я,
Чтоб его уничтожить!
Вольный витязь и воин,
Другом я называю
Лишь того, кто достоин
Званья смелого нарта!»

«Светлой силой владея,
Ищешь смелого нарта?
Приведу Шауея!»
«Шауей мне не нужен:
Он из рода строптивых».
«Приведу я Пануко!»

«Мне Пануко не нужен:
Не терплю я кичливых!»

Так сказав, Бадыноко
Ускакал от девицы...
И тогда надевает
Сатаней ноговицы,
Сатаней надевает
Златотканое платье,
И платком свои косы
Сатаней покрывает,
И берет она в руки
Позолоченный посох.
Сатаней на ходули
Ставит стройные ноги
И спешит по дороге,
Как лиса молодая,
Мягко-мягко ступая,
К Бадыноко навстречу.
К Бадыноко подходит,
Обращается с речью:

«Бадыноко знаменитый,
Отдохни ты в нашем доме!
Стал для нартов ты душою,
Стал грозою ты для чинтов,
Ты, чьи подвиги известны,
Но кого в лицо не знаем!
Прославляем ты повсюду,
Ты красив, могуч и строен.
Не приравнивай меня ты
К женщинам болтливым, вздорным:
Я в седле сижу, как воин!
Не считай, герой, зазорным
В нашем доме пребыванье,
Если в доме нет Сосруко!
Я устрою пированье,
Я открою бочку сано,
На обед быка зарежу,
Дам на ужин я барана.
Если будет нужен отдых —
Отведу покой богатый:
Снимешь латы и вздремнешь ты,
Отдохнешь ты, Бадыноко!»

«Я не вижу соблазна
В этом праздном веселье,
В угощеньях богатых,
В песнопеньях красивых,
В наслажденьях любовных.
Не хожу по лагунам
В гости к девушкам юным.
С черной силой воюя,
Силой правды владея,
Лиходея ищу я,
Чтоб его уничтожить!»

Так сказал Бадыноко,
Одинокий наездник.
Тут срывает Гуаша
Свой платок златотканый,
Обнажает Гуаша
Белоснежную шею,—
Храбреца не прельщает
Белоснежная шея.
Опускает Гуаша
Златотканое платье,
Обнажает Гуаша
Белоснежные груди,—
Храбреца не прельщают
Белоснежные груди.
Обижает Гуашу,
Обижает жестоко
Гордый взор Бадыноко.
Обнажает Гуаша
Белоснежные бедра,—
Не глядит Бадыноко
На Гуашу нагую,
Говорит Бадыноко:

«Не старайся впустую,—
Ты себя опозоришь.
Никогда не ночую
Я в гостях у красавиц.
Для беседы ищу я,
Вольный витязь и воин,
Лишь того, кто достоин
Званья смелого нарта!»

Сатаней, устыдившись,
Покрывалом накрылась,
Бадыноко сказала:

«Если ищешь ты нартов,
Богатырь Бадыноко,—
Недалёко отсюда
Дом стоит кособокий,
Невысокий, старинный.
Там пируют мужчины,
Там идет санопитье:
Это — нартов услада.
Смех звенит, громкий говор...
А Насрен — их тхамада,
А Сосруко — их повар.
В этот дом кособокий
Ты вступи, Бадыноко,
Осиянный победой.
Нартов сано отведай,
Нартов силу изведай!»

Поскакал Бадыноко,
Одинокий наездник,
Нартской силы вершина.
Вот и дом кособокий,
Невысокий, старинный.
Там пируют мужчины,
Чаши ходят по кругу,
Все желают друг другу
Долголетья и счастья.
Как взмахнул всадник плетью
Дом старинный качнулся,
Потолок пошатнулся,
На пол чаши упали.
Тот, кто пил,— захлебнулся,
Кто сидел — встал в испуге,
Кто стоял — прочь пустился:
Все бегут врассыпную.
Но булатный Сосруко
Глянул в щелку дверную,—
Бадыноко увидел.
И воскликнул Сосруко:

«Э-эй, глупые нарты,
Почему вы в испуге?
Не узнали вы, что ли,
Исполина в кольчуге?
То — отваги вершина,
Богатырь Бадыноко,
Одинокий наездник,
Что душой стал для нартов,
Что грозой стал для чинтов!»

Все вздохнули глубóко,
С плеч их бремя упало!
Слез с коня в это время
Богатырь Бадыноко,—
Слышит слово тхамáды:

«Нарт прославленный! Рады
Твоему мы прибытью:
К санопитью ты прибыл.
Нам рожден ты на радость,
А врагам — на погибель.
Так изведай ты сладость
Сано, светлого сано,
Осиянный победой,
Заходи, нарт-сподвижник!»

Бурки стелют пред гостем
Нарты, семеро счетом,
И в кунацкую вводят
Бадыноко с почетом,
Гостю чашу подносят
И сплясать его просят.
Хоть устал он с дороги,
А вскочил на треногий,
Круглый, маленький столик,
В пляс веселый пустился,
Закрутился он вихрем,
Не колебля приправы,
Не пролив даже капли,
И, сплясав, спрыгнул на пол.
Тут булатный Сосруко
В пляс веселый пустился,
По краям закружился
Чаши с острой приправой,

Не пролив даже капли.
Он, сплясав, спрыгнул на пол.
Тут Насрен белоглавый
В пляс веселый пустился,
По краям закружился
Чаши с острой приправой,
Но и капельки малой
Он не пролил ни разу.

Именитые нарты
Говорят Батаразу:
«Покажи, как ты пляшешь!»
Подчиняясь приказу,
В быстрый пляс он пустился.
Батараз для забавы
Вкруг приправы кружился,
Но и капли не пролил,
Спрыгнул на пол дощатый
И такой поднял грохот,
Будто грома раскаты
Пронеслись над полями.
Хаса нартов — в тревоге:
«Грозной молнии пламя
Отвратите, о боги!»

В гнев приходит Сосруко.
В землю меч он вонзает,
По его рукояти
На носках пробегает.
В гнев пришел Бадыноко:
Меч прославленный в землю
Рукоятью вонзает
И по лезвию гордо
На носках пробегает,
И дрожит пол дощатый!
И, восторгом объяты,
Все воскликнули громко:
«Век живи, Бадыноко,
Наш отважный вожатый,
Ты душой стал для нартов,
Ты грозой стал для чинтов!»

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

КАК НАРТ ЁРЮЗМЕК УБИЛ КРАСНОЛИКОГО РЫЖЕБОРОДОГО ФУКА

Ёрюзмек, сын Схуртука,— всем нартам глава.
Обладал он отвагой и силою льва.
Был он рода простого, но, правдой ведом,
С детских лет он становится нартским вождем.
Большеглазый, с усами, что цвета каштана,
Верный слову и враг лицемерья, обмана,—
Вот каков Ёрюзмек, этот нартский уздень!
В детстве много невзгод он терпел каждый день,
И он понял, что самая тяжкая мука —
Безграничная власть красноликого Фука,
Что для нартов страшней притеснителя нет!
Стал он с Фуком бороться с двенадцати лет,
А с двенадцати лет мальчик стал чабаном.

Фук приехал на пастбище, вспомнив о нем.
«Дай баранов!» — потребовал у мальчугана.
Ёрюзмек ему выбрал худого барана.
Поднялась красноликого Фука рука,
Дважды плетью своей он огрел смельчака,
И увел он двенадцать баранов из стада,
И решил мальчуган: «Отомстить ему надо!»
Глубоко, до поры, он таил свою месть,
И росли его сила, бесстрашье и честь.
Сатанай многомудрую выбрал он в жены,
Рассказал ей однажды, врагом возмущенный:

«Фук приехал, внезапно и злобно нагрянув,
У меня он потребовал много баранов.
Я и выбрал худого, притом — одного,
Отказался жестокий мой враг от него,
По спине отхлестал меня плетью сердитой,
А на пастбище прибыл он с дьявольской свитой,
Был я молод, ему я казался в забаву,
Учинил надо мной, над мальчишкой, расправу,
Он двенадцать баранов увел у меня,—

Не забуду я этого черного дня!
И язвит он, и жалит меня, краснолик,
И насмешками жарит меня, как шашлык.
Не прощу красноликому Фуку обиду,—
С нартской местью на битву с противником выйду!
Скачет недруг верхом на свирепом драконе,—
Не догонят крылатого ветры и кони:
Как рассердится, пламя взметнется в глазах,
Как встряхнется,— обрушит утесы в горах!»

Ёрюзмеку совет подала Сатанай:
«Чтобы месть совершить, в камыши ты ступай.
Там живет алмосту́, безобразна лицом,
Каждый день она зайца съедает живьем.
Яму вырой глубокую в тех камышах,
Вслед за зайцем направь свой внимательный шаг,
И, поймав, привяжи возле ямы косого.
В той же яме ты спрячься до часа ночного.
Как придет алмосту,— ты ее задуши,
И чудовища шкуру надень ты в тиши,
И ступай к завидущему Фуку в сарай,
Там его ты схвати, там его покарай».

Принял этот совет Ёрюзмек и в тиши
Осторожно отправился в те камыши.
Там он выкопал яму,— упорный, упрямый,
Там и зайца поймал, привязал возле ямы,
Да и спрыгнул, и спрятался в яме глубокой.
Стал высматривать чудище нарт сильноокий.

Всюду рыскало чудище сквозь темноту,—
Запах зайца почуяла вдруг алмосту,
И на зайца набросилась, жадная, сдуру,—
Тут возник Ёрюзмек и содрал с нее шкуру!
Облачившись в ту шкуру, пошел он в сарай,
Поступил, как велела ему Сатанай.
Он в сарае засел, у врага во дворе.
В свой сарай понаведался Фук на заре,—
Тут схватил его нарт, полон силы великой,
И утратил сознание Фук красноликий,
В прах зарылось багряного цвета лицо.
Золотое, с печатью, носил он кольцо,—
Ёрюзмек снял кольцо, что так ярко лучилось,
Рассказал Сатанай обо всем, что случилось...

Вместе с джиннами двигался Фук красноликий,
С нартов дань собирал он по праву владыки:
Каждый год шестьдесят изобильных столов,
Столько ж ва́лухов, столько ж коров и волов.
Ёрюзмек, рассердившись, затеял с ним спор:
«Тяжкой дани от нас не возьмешь с этих пор.
Много нартам принес ты невзгод и страданий,
Нартской клятвой клянусь: не получишь ты дани!»

Ёрюзмек был могуч, хоть незнатной породы.
Перед ним, красноликий и рыжебородый,—
Перед гневом его грозный Фук трепетал.
Коль хотел Ёрюзмек, то по небу летал,
Разгонял, словно ветер, небесные тучи,
Рассекал он булатом гранитные кручи,
В сердце скал прорубал он ворота с размаху.
Фук не выдержал, скрылся на небе со страху,
В жажде мести раскрыл он со злобою рот,
Проклиная весь нартский воинственный род:
«Да не выпадет с неба ни капли воды,
Да сожжет солнце мира поля и сады!»

Как сказал — так свершилось. Горела земля.
От жары высыхали сады и поля.
Без воды на лугах погибали стада,
Перестало живое родиться тогда.
От беременных женщин, кобыл и овец
Ничего не рождалось. Иль скоро конец.

Нарты думают думу: «Как биться со злом?
Ёрюзмека,— решили,— мы к Фуку пошлем».
Поклонились они мудрым женам селенья:
«Как нам быть? Посоветуйте без промедленья!»
Помогли эти женщины в скорби великой:
«Пушку старую прячет семейство Али́ка
Глубоко под землей. Откопайте орудье,—
Да не будет бесплодье, не будет безлюдье,
Да низвергнется влага из туч и туманов!
В пушку пороха сорок насыпьте батманов,
Пусть ее зарядит молодой Джамболат,
А в жерло пусть войдет Ёрюзмек — нартский брат.
Пушка выстрелит,— выпустит нарта в полет,

Ёрюзмек попадет на заоблачный свод,
Долетит до гнезда красноликого Фука,—
И на этом да наша окончится мука».

Ёрюзмек, как велели те женщины, влез
В старый ствол. Грянул выстрел до самых небес —
И взлетел Ёрюзмек на заоблачный свод,
В то гнездо, где — он знал — красноликий живет.
Он воскликнул: «Твой день да пребудет благим!
Слушай, Фук, помириться с тобой мы хотим.
Как покинул ты нас — солнце землю спалило,
Ни одна жеребиться не хочет кобыла,
Ничего не растет — ни цветок и ни колос,
И в селеньях младенца не слышится голос:
Перестали-то женщины наши рожать!
Долго ль будешь ты нартский народ обижать?
Да не знаешь ты горя,— однако, взгляни,
Как страдает народ в эти трудные дни!»

Фук ответствовал нарту: «Будь проклят вовек.
О, пусть день твой пребудет плохим, Ёрюзмек!
О, на трупе твоем пусть воссядут орлы!
Я бежал от тебя до заоблачной мглы,
Ты не дал мне приюта на тверди земной,
Ты не дал мне господства над нартской страной!»

Так ответив, на землю глаза он уставил.
Вынул меч Ёрюзмек и его обезглавил.
И тогда супостат покорился безглавый,
До полудня в тот день лился ливень кровавый,
Но полился потом чистый дождь, светлый дождь,—
В сердце нарта умножил он радость и мощь.
Стала ярче земля, плодороднее, чище.
Ёрюзмек находился в небесном жилище,
Но воздушному, преданному скакуну
Сатанай приказала взлететь в вышину.

Гром гремит,— Ёрюзмек на воздушном коне
Приближается к нартской желанной стране.
От насилия Фука людей он избавил,
И его нартский род благодарно восславил.

ДОЧЬ СОЛНЦА И ЛУНЫ САТАНАЙ

Сатанай рождена милоокой Луной,
Солнце, неба властитель,— отец ей родной.
Джелмауз, бог морской, отнял дочь у Луны
И на остров унес, в дальний край тишины.
Много лет он держал ее в крепком плену,
Он в отчаянье Солнце поверг и Луну.

У Луны потускнели от горя глаза,
Выжигала их солью печали слеза.
Потому-то на небе и шум, и волненье,
И Луны происходит и Солнца затменье,
Потому-то порою все небо во мгле,
Недостаточно света на нашей земле.

Кличут звезды они, чтоб наплакаться вволю,
И на землю взирают с надеждой и болью.
Всем вопрос задают: где их дочь Сатанай?
Где ее заточенья неведомый край?
Но не знает никто, где сокрыта девица,
А спросить Джелмауза — не могут решиться.

Вот и плачет Луна день за днем, день за днем,
Низвергаются слезы на землю дождем,
В сердце Солнца — палящее пламя смятенья,
От него на земле высыхают растенья.
Но пылает ли Солнце, Луна ль горько плачет,—
Их дитя похититель на острове прячет,
Возвратить не желает родителям дочь,
Этот остров окутал он темным, как ночь,
Непроглядным туманом, а сам, в глубине,
На морском, на просторном покоится дне.

Лишь богиня воды лаской девушку тешит
И волос ее золото пальцами чешет,
Но сжимается пленницы сердце тоской,
Ей отрады рассвет не приносит морской.
А слезами легко ль каждый год провожать?
И надумала ночью однажды бежать.
Вот, покрасив лицо, эта узница горя
По земле островной вышла на́ берег моря.
Увидала она сквозь счастливые слезы,
Что плывет ей навстречу доска из березы.

Села, стала грести, и на влажной дороге
Послужили ей веслами руки и ноги.
Ветер гнал ее к суше, придав быстроту,—
На земле подобрали ее алмосту.

Увели Сатанай,— в темной чаще густой
Угостили обильной и вкусной едой.
Ей высокий почет оказали при встрече,
Только чудища дара не ведали речи.
Занялись они как-то игрой-беготней,—
И увидели холм на поляне лесной.
Исходила тяжелая вонь от холма,
Унесла от чудовищ остатки ума,
Алмосту без сознанья упали мгновенно:
Этот холм дряхлолетнею был эмегеной.

В темной чаще она прожила семь столетий.
Алмосту от нее убежали, как дети.
Сатанай растерялась, на месте осталась,
И все ближе чудовище к ней придвигалось,
Одноглазая к ней приближалась беда!
Сатанай на нее посмотрела тогда,
Красота Сатанай светозарно зажглась,
Ослепив эмегены единственный глаз.

Стала камни кидать она с местью горячей,
Стала глину глотать она в злобе незрячей,
На скалу поднялась и с обрыва свалилась,
О подводные острые камни разбилась.

Сатанай сквозь листву побрела поутру.
Ей одной-одинешенькой страшно в бору.
Листья, звери со всех обступают сторон,—
Не пойти ли ей к богу земли на поклон?
Проходила она сквозь глухие места,—
Камни гор озаряла ее красота,
Ветры, встретив ее, замедляли свой бег,
Перед ней замирало течение рек.
Устремит она вдаль светоносные очи,—
И становятся яркими темные ночи.
Но безлюдны и лес, и гора, и равнина,
Чтоб поесть, не найдется и крошки гарджына.

Шла и шла и неделям не знала числа,
Наконец до селения нартов дошла.
На окраине встретилась с женщиной мудрой,—
Эта женщина сжалилась над златокудрой,
И в кладовке своей Сатанай поместила,
И, от нартов скрывая, кормила, растила.
Ёрюзмеку о девушке весть принесла,—
Сатанай за отважного замуж пошла,
И, уму-разуменью учась у жены,
Ёрюзмек превратился в опору страны.
Сатанай стала матерью нартского рода,
Ёрюзмек стал отцом и вожатым похода.

САТАНАЙ СПАСАЕТ ЁРЮЗМЕКА ОТ ГИБЕЛИ

Жил у нартов сын Фука, бесчинства творя.
Зложелатели в нем обрели главаря.
Он решил умертвить, уничтожить отравой
Ёрюзмека со всей его громкою славой.
Сатанай догадалась о замысле злобном
И пришла к Ёрюзмеку с рассказом подробным.
Ёрюзмеку она продырявила горло,
Хитроумная, трубочку вставила в горло
И сказала: «Тебе не опасен злодей,
Только помни,— бузу через трубочку пей».

Собрались зложелатели в доме Алика.
Ёрюзмек их от мала страшил до велика,
И боялся позвать его недругов круг.
«Я пойду! — закричал мальчуган Сосурук.—
Приведу его, ваши обрадую души,
Если ушки да ножки дадите от туши».

Он пришел, передал приглашение-зов:
«Если хочешь, иди, но поклясться готов,
Что тебя не добро ожидает, а зло».
Закричал Ёрюзмек: «До чего же дошло,
Коль посмели за мною прислать малыша!»
У могучего нарта вскипела душа.

Он явился на пир, что возглавил сын Фука.
«Испытаем, кто лучше стреляет из лука,—
Он сказал.— Цель — подпорка железная дома».
Всем была его нартская меткость знакома,

Испугались и стали стрелять, но вошла
В ту мишень одного Ёрюзмека стрела.

Хоть старается каждый, усилия множит,—
А никто ее вытащить, право, не может.
«Я попробую!» — крикнул малыш Сосурук,
И стрелу без усилий он выдернул вдруг.

Посмотрел Ёрюзмек на врагов-силачей:
«А теперь мы начнем испытанье мечей».
Принесли два отчаянных головореза
Толстый вертел, что был сотворен из железа.
Вынул меч Ёрюзмек и сказал сыну Фука:
«Ты вглядись, да вперед тебе будет наука,
Твоего обезглавил отца этот меч,
Но когда голова его падала с плеч,
Я случайно задел его зуб коренной,
С той поры и зазубрился меч мой стальной».
И мечом на две части он вертел рассек,
И, погладив, упрятал свой меч Ёрюзмек.

Предлагают воителю место почета,
Но занять это место ему неохота.
Пьют хмельную бузу всей веселой оравой,
И ему предлагают бузу, но с отравой.
Через медную трубочку пьет он бузу,
Льется наземь буза,— лужа, лужа внизу!
«Пьян старик, под себя он мочиться привык,
Да умрет он сейчас!» — поднимается крик.

Поднял чашу свою злоязычный смутьян,—
Поднял чашу с проклятием Гиляхсыртан:
«У врага, у которого зубы кабаньи,
Да затупятся зубы в тоске и страданье,
Да съедят кабана до кости муравьи!»
Но слова Ёрюзмек возглашает свои:
«Да вовек не затупится зуб кабана,
Муравьиная рать да не будет страшна!»

Как сказал он,— так сразу же дверь на запор,
Вынул меч,— да врагов покарает, остер!
Зложелателей кровь заалела вокруг.
«Всех убил, порубил!» — закричал Сосурук.
Вышиб стену ударом, ворвался он в дом,

Ёрюзмека он на́ руки поднял с трудом,
И отнес его мальчик к воде ручейка,
И от грязи и крови омыл смельчака.
Посадил на коня и отправил домой.
Стал беседовать нарт с многомудрой женой.

Вопросила его Сатанай: «Подобру,
Поздорову ль пришел? Что узнал на пиру?»
«Был там ловкий малыш. Как в года он войдет,
Будет всюду его славословить народ».
«Ты хотел бы, чтоб это был младший твой брат?»
«Не хотел бы: недаром у нас говорят:
Коль сильнее ты брата,— имеешь ты брата,
Коль слабее,— имеешь ты в нем супостата».
«Ты хотел бы, чтоб мальчик был сыном твоим?
«Я хотел бы, да счастьем богат ли таким?»
«Так узнай: он твой сын. Он — опора-скала,
Чтобы старость твоя опереться могла».

НАРТСКИЙ КУЗНЕЦ ДЕБЕТ

Это было в давнишнее время седое.
Обитало в пещерах все племя людское.
В те года, когда каменным было корыто
И повсюду из дерева делалось сито,
Бог огня стал супругом богини земли.
Загремело вблизи, загремело вдали,—
И земля зачала. Становясь все круглей,
Ожидала дитя девять лет, девять дней.
Вот разверзлась земля, и родился Дебет,
И богиня воды искупала чуть свет,
Напоила водой родниковою, звонкой,
И кормить, и воспитывать стала ребенка,
И учила его, и следила сама,
Чтобы нартского мальчик набрался ума.

У Дебета в груди ярко пламя горело,
Было крепким и твердым железное тело,
И растягивались, точно лук, сухожилья
И при этом сжиматься могли без усилья,
А сустав его каждый, круглясь и играя,
Разгибался легко, точно петля дверная.
Были кровь и душа у него из огня.

Сказания о нартах.
Худ. Э. Левандовская.

Как рукою дотронется он до кремня —
Раскален докрасна, расплавляется камень:
Сочетались в Дебете железо и пламень.
Бог огня научил его пламенной речи,
Бог земли научил его каменной речи,
Бог воды ему пищу давал и питье,
И открыл он Дебету наречье свое.

Вот, взобравшись однажды на горный хребет,
Там беседовать начал с камнями Дебет,
Он узнал их совет, услыхал наставленье,
И набрал он камней, и спустился в селенье.

В душу каждого камня он чудно проник,
Потому что камней понимал он язык.
Как лепешкой ячменной, камнями питался
И камней существо он постигнуть пытался.
Бог огня помогал ему, полон веселья,
Из камней всевозможные делать изделья,
А железо, как тесто, покорно, любовно
Подчинялось могучему беспрекословно.

Говорил он с огнем, говорил он с водой,
И наречье земли понял нарт молодой.
Он впервые постиг кузнеца ремесло.
Все, что в камне таилось, Дебета влекло,
Извлекал из камней все, что людям потребно,
Ибо в их естество проникал он волшебно.
Он из камня щиты мастерил и кольчуги,
Он искусством прославился в нартской округе
И такого умения даже достиг,
Что из гладких камней делал вкусный шашлык!

На скалистой вершине он кузню поставил.
На земле он впервые железо расплавил,
Он впервые стал каменный уголь сжигать,
Сделал кожаный мех, людям стал помогать.
Добывал он руду, прорубая скалу,
И растягивал, точно густую смолу,
Он железо своими большими руками
И, чтоб нарты расправились быстро с врагами,
Делал стрелы, в кольчуги людей одевал,
Днем и ночью для войска оружье ковал.

Смельчаки восхваляли его мастерство,
И такая гремела молва про него:
Есть в мечах его сила! Возьми что попало,—
Всё резрежут они, как курдючное сало!
Метким стрелам его не преграда — скала,
Не пройдут сквозь кольчугу ни меч, ни стрела!

Он готовил на северном склоне оружье,
Потрясая и громом, и звоном окружье,
А потом, протянув через горы, на юге
Закалял в Черном море мечи и кольчуги.
Не пугала стрелу безграничная даль,
Превращал он железо обычное в сталь.
Для воителей много он выковал стрел,
Скакуна Гемуду́ он в кольчугу одел,
И кольчугу чудесную эту рассечь
Не могли ни стрела супостата, ни меч,
Ну, а стрелы, которые делал Дебет,
Пробивали насквозь даже горный хребет,
И, надменно с громадою каменной споря,
Достигали просторного Черного моря.

От кузнечного, нужного всем ремесла
Сила нартского войска росла и росла.
Чем хитрее кузнец, тем храбрее боец.
Вот каков был Дебет, первый нартский кузнец:
Он деянья помог совершить боевые,
Из руды раздобыл он железо впервые,
Он железную силу дал нашему телу,
Научил он потомков кузнечному делу.

КЛЯТВА КОНЯ И ЮНОШИ

Был прославлен Карашауай, великан.
Был отцом его доблестный нарт Алауган.
Мать младенца была рождена эмегеной.
Ледники были пищей его неизменной.
Он, трехдневный, погнался за белым маралом,
Но по росту казался он трехгодовалым.
Мальчугана скрывали от матери жадной,—
Чтоб не съела, томима алчбою нещадной.
А как только он вырос и силой своей
Эмегеновой дочери стал он сильней,

Посмотрел на него Алауган: юный воин
Впрямь ли сыном его величаться достоин?

Он увидел, что сын — богатырь и храбрец,
И почувствовал сильным себя и отец.
Мальчугана Карашауаем тогда
Он назвал и сказал: «Вот тебе Гемуда.
Если нартом ты станешь,— поскачешь на нем,
Познакомься с бесстрашным и верным конем».
Поклялись конь и юноша клятвою чести:
«Если жить,— так вдвоем. Умереть,— значит,
вместе!»
Перешли они реки, ущелья, низины,
Поднялись на вершины, спустились в долины.
Если конь ненароком вздыхал среди луга,
Не выдерживала никакая подпруга.
Попросил удалец, чьей отваге — хвала,
Чтобы кожу сама Сатанай закляла,—
Получилась подпруга булата прочнее!
Скромный юноша бурку надел победнее,
Гемуда еле ходит: скакун-то хромой! —
Опустив свои уши, плетется домой...
Все смеялись над всадником и над конем:
О их мощи не ведали в крае родном.
Но устроило скачки Схуртука-селенье,—
И хромой Гемуда всех привел в удивленье...

Хочет в скачках участвовать всадник забитый,
Но с собой не берут его нарты-джигиты.
Наконец Ёрюзмек разрешил: «Будь смелей,
Да не падай, смотри, под копыта коней».
И Карашауай, средь ущелий и скал,
Всех поздней поскакал, всех быстрей прискакал.
На коня его ставку не делал никто.
Крикнул некто: «Вручить ему дар? Ни за что!
Не достоин такой богатырского счастья:
В наших скачках он даже не принял участья!»

Тут Карашауай вспыхнул жарче огня.
На руках он обидчика поднял коня,
Опустил его около клеветника,
Перед этим помяв ему крепко бока,
И сказал: «И коня и награду возьми!» —
И ушел он, безвестный, обижен людьми.

Был он сыном воителя и великанши,
Но сильнейшим никто не считал его раньше.

Он с приветом и лаской встречал бедняка.
На богатых и сильных смотрел свысока.
У Карашауая был сладок язык,
Богатырь злоязычных прощать не привык.
Он седло от отца получил с малолетства
Да хромого коня Гемуду — друга детства.
Он не знал, что такое сомненье и страх,
Не боялся преград в чужедальних краях.

КАРАШАУАЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПОХОД

Ёрюзмеку сказал он такие слова:
«Ты возьми и меня, о похода глава».
«Для похода ты мал,— отвечал Ёрюзмек,—
Не под силу тебе смелый нартский набег.
Наш поход — это вихрь, что летит напролом.
По три дня мы без сна и без пищи живем».
А Карашауай: «Не страшусь я невзгод,
Разреши мне отправиться с вами в поход».
Не берут его нарты: «Сам будешь не рад,
Оставайся-ка дома»,— ему говорят.
«Пусть идет,— согласился вожатый седой,—
А помехой нам будет — отправим домой».

Нарты скачут в поход урагана быстрей,
И трясется земля под ногами коней.
У людей на виду Гемуда отстает,
Но, отстав,— он стремится, как сокол, в полет
И отряд догоняет опять, хромоногий.
Долго скачут по длинной и узкой дороге,
Впереди — горный лес, позади — перевал.
На поляне устроили краткий привал.
«Табуны мы угоним»,— решает отряд,
А Карашауаю остаться велят:
«Возвратимся мы скоро, нам дров заготовь»,—
Так сказав, сели в седла и двинулись вновь.

А Карашауай, богатырь крепкостанный,
Стал валить да волочь дерева-великаны,
Кош построил, и дров наломал, и костер
Он развел посреди вечереющих гор,

И пошел на охоту. Вернулся усталый,
А добычей охотника были маралы.
Снял он шкуры, чтоб крыша простерлась над кошем,
Он решил угостить нартов мясом хорошим.

Без коней возвращается поздно отряд.
«Эй, приятель, да чей это кош?» — говорят.
«Здесь людей было много, а нынче их нет»,—
Слышат нарты Карашауая ответ.
«А куда эти люди ушли? Отвечай!»
Говорит любопытным Карашауай:
«Я сказал им, что нартами принят я в слуги,
И они от меня разбежались в испуге».

Нарты юноше верят в своем простодушье,
И маралов едят с наслаждением туши,
И, отведав навара, ложатся на отдых,
Вспоминают, бахвалясь, о прежних походах.

Не могло даже в голову нартам прийти,
Что Карашауай — их опора в пути!
Как проснулись — отправились в путь раным-рано,
Чтобы кошa хозяев не встретить нежданно.
Перед ними открылась поляна другая.
Ускакали, оставив Карашауая.
Повторил юный всадник свой подвиг вчерашний,
Ибо не было нарта скромней и бесстрашней.

За холмами закатное солнце горит.
Возвращения старших ждет юный джигит.
Прискакали — коней не сумели угнать.
Видят кош, видят шкуры маралов опять.
Удивляются нарты: «Вот чудо так чудо!
Этот кош, эти шкуры маралов — откуда?»
А джигит: «Помогла ваша слава нам снова!»
Вновь польстило отряду обманное слово.

Многократно проделывал так,— наконец
Удаль нартов решил испытать удалец.
Кош построил, на ужин зажарил он мясо
И взмолился к судьбе: «Сделай с этого часа,
Чтобы холод настал, леденя все живое!»
И туманы покрыли пространство земное,
Ураган зашумел, потемнел небосвод,
И замерзла земля, облаченная в лед.

Тускло-тускло мерцает во тьме огонек.
Нарты скачут, угнав небольшой табунок.
Еле живы, качает, шатает их вьюга,
И, сбиваясь с тропы, нарты давят друг друга.
На беспомощных смотрит с насмешкой джигит.
«Гей, сюда! Гей, сюда!» — верховым он кричит.
Нарты крепко примерзли к подушкам седельным,
Слезть не могут с коней в этом вое метельном.
Расстегнул их безвестный соратник подпруги,
В теплый кош, что возник средь туманов и вьюги,
Вместе с седлами нартов занес, и отменно
Накормил их, и дал скакунам вдоволь сена.

Нарты ожили, пищи отведав горячей,—
Не спросили про кош, смущены неудачей.
А Карашауай говорит: «Неужели
Есть враги на земле, что и вас одолели?
Почему вы так жалко вернулись с похода,—
Иль помехою может вам стать непогода?»
Нартам стыдно, молчат, осрамился отряд,
И Карашауаю в глаза не глядят.

А джигит поутру говорит: «Ёрюзмек,
Вместе с вами пойти я желаю в набег.
Поскачу, посмотрю я, каков белый свет».
«Хорошо!» — нартский вождь произносит в ответ,—
Вижу сам, что скучаешь, но будь осторожен».

Был скакун Гемуда в это время стреножен.
Стал седлать его всадник в назначенный день,
Но, видать, Гемуде с места тронуться лень.
Мяса нет на нем; кости виднеются; уши
Обвисают; хромает... В своем простодушье
Нарты были обмануты хитрым конем.
Рассуждали: «Как всадник поедет на нем?»

Ёрюзмеку сказал Сосурук свое слово:
«Отдадим молодому джигиту рябого».
Всадник сел на рябого, а на поводу
Он повел свою клячу — хромца Гемуду.
Но хромца отпустил он, отстав от отряда.
Оказалось: и высь Гемуде не преграда,
Он взлетел, как орел, канул в облачной сини,
И собрал он коней, что паслись на равнине,

И погнал их, и пыль заклубилась густая,
Тех, что были получше,— изранил, кусая.

Так пригнал он к Карашауаю коней
И джигиту сказал: «Поступи поумней.
Ты возьми тех, кто ранен, Карашауай,
А коней невредимых ты нартам отдай.
Ты о раненых скажешь: «Их волки подрали».
Начинай же: построить загон не пора ли?»

Оградил он огромный загон, и без счета
Он загнал всех коней, крепко запер ворота.
Он сподвижникам-нартам навстречу помчался:
«Посмотрите, какой мне табун повстречался!»
Прискакали — табун увидали в загоне.
Удивились: «Отличные, ценные кони!»

Приходило ли нартам на ум, что табун
Угнан тем, кто, казалось, неопытен, юн,
Кто, однако, воистину был смельчаком?
Пожелали забрать весь табун целиком.
Но джигит попросил Ёрюзмека: «Дана
Пусть мне будет хоть малая часть табуна».

Нарты даже и слушать его не хотят:
«Часть получишь свою, как вернемся назад».
Не понравилось юноше грубое слово.
Оседлал свою клячу и сел на хромого,
В лес помчался,— таков был джигита ответ.
С удивленьем глядели воители вслед.

Под копытами сухо трещали чинары,
Как бурьян; топора раздавались удары.
Он построил загон и ворвался в табун:
Был как ветер его хромоногий скакун!
Перебрасывал всадник коней, как овец,
Брал себе только раненых юный храбрец,
Оставляя соратникам крепких, здоровых.
Удивил этот юноша нартов суровых,
Смотрят всадники,— что он еще сотворит?
А Карашауай храбрецам говорит:

«Разделил я табун: вам — здоровых коней,
А израненных — мне, станут долей моей.

Кто из вас недоволен таким дележом?»
Не дождавшись ответа, взмахнул он бичом,
Поскакал, словно вихрь, на хромом скакуне,
С табуном своим скрылся в степной стороне.

Кто он? Нарты не знали о нем ничего.
«Не узнав, отпустить мы не можем его!»
За джигитом посланцев отправили дважды,—
Без ответа вернулся к соратникам каждый.
Поскакал за неведомым сам Ёрюзмек
И, догнав, закричал: «Кто ты есть, человек?
Мы, все нарты, хотим твое имя узнать.
Я Агунду отдам тебе,— будешь мне зять!»

Отвечает Карашауай главарю:
«Да послушают нарты, что я говорю.
Алауган, сын Дебета,— отец мой почтенный,
Мать моя — великанша и дочь эмегены.
На горе Минги-тау я рос в ледяной
Неприступной пещере зимой и весной,
Я провел свое детство поверх облаков,
И не грудь я сосал, а сосцы ледников.
Если нартам угодно, то долю мою
От всего табуна вам теперь отдаю».

Так сказав, он в степной удалился предел,
Как орел, на своем Гемуде он взлетел.
Ёрюзмек с удивленьем смотрел ему вслед,
Поразил его юноши гордый ответ.

АБХАЗСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

ИМЯ ЕЕ САТАНЕЙ-ГУАША

Сатаней-Гуаша была матерью ста нартов-богатырей, а их отца звали Хныш. Слава ее была выше мужней. К ее мудрым советам прислушивались не только нарты, но и весь народ. За ум и красоту Сатаней-Гуашу величали Золотой Владычицей.

Сыновья ни в чем не перечили ей. Мать одна, а их-то сто! Если бы возвысили они свой голос против матери, что она могла бы поделать с ними? Женщина у апсуа пользуется особым уважением и по сей день. Разве удивительно, что Сатаней-Гуаша в те

далекие времена благодаря своему уму и красоте была окружена великим почетом?

Хотя Сатаней-Гуаша и родила сто детей — тело ее, подобно свежему сыру, было тугим и белым. И любой человек, сдержанный в чувствах и с большим самообладанием, приходил в замешательство, если в глаза ему вдруг бросалась хотя бы частичка ее оголенного тела. Белая кожа Сатаней-Гуаши была такой ослепительно яркой, что отражение блеска ее, падавшее на море и от моря на горы, часто сбивало корабли с верного направления. И немало мореходов погибло именно по этой причине. Обломки кораблей находят и до сего дня на берегу нашего моря.

Для своих прогулок Сатаней-Гуаша выбирала долины рек Бзыби и Кубины, особенно Кубины. Она стирала на берегах этих рек, когда это приходилось делать.

Сатаней-Гуаша выходила обычно в долину Бзыби, и шла вверх до самого истока, и через перевал направлялась к истоку Кубины. Затем ее видели у самого устья Кубины, и тем же путем возвращалась она к ее истокам, а оттуда — к верховьям Бзыби и мимо озера Рица — к Черному морю.

В Апсны уже знали, когда Сатаней-Гуаша купалась в Рице. Подымаясь в горы или спускаясь в долину, она любила окунуться в холодную воду этого озера. И тогда от нагой купальщицы исходил свет, похожий на свет восходящего солнца. По временам чудесные зарницы освещали берег нашего моря. И жители уже знали, что Сатаней-Гуаша — в воде хрустально-чистой Рицы и что скоро прибудет на побережье.

Случалось и так, что Сатаней-Гуаша, прогуливаясь по долинам Бзыби и Кубины, пряла пряжу. Отдыхая, она купалась в реках. И от нее постоянно исходил все тот же чудесный свет, она сверкала без солнца и без луны.

Как уже говорилось, одежду своих сыновей стирала она где-нибудь на берегах Бзыби или Кубины. И не раз Зартыжв и другие пастухи зачарованно глядели на Сатаней-Гуашу. А стада тем временем разбегались, и пастухам подолгу приходилось их собирать.

Так проводила время Сатаней-Гуаша в своих путешествиях.

Однако чаще всего находилась она дома, где с превеликим умением и старанием вела немалое хозяйство. Ни утром, ни в полдень, ни вечером не знали ее руки покоя от домашних дел.

О ТОМ, КАК ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ ГЕРОЙ САСРЫКВА

Нарт Сасрыква был самым младшим сыном Сатаней-Гуаши. Он был сотым и самым любимым.

Вот как он родился.

Приближался заветный день, когда должен был появиться на свет Сасрыква, и Сатаней-Гуаша принялась ткать полотно из белоснежной шерстяной пряжи. Ткала она так усердно, что содрогался каменный нартский дом. Из полотна она сшила белоснежную черкеску для новорожденного. Да, для новорожденного! И недаром удивленно спрашивали друг друга люди, увидя черкеску, повешенную на солнце: «Что это значит?»

Она сшила и черкеску и башлык, сшила архалук из шелка, а затем начала кроить и шить рубашки из тонкой нежной ткани.

Она обшивала в течение одного дня девяносто девять своих сыновей. И, разумеется, ей не доставляло большого труда сшить одежду для одного младенца. И все-таки она выглядела усталой и грустной.

Да, она ждала ребенка, и сердце подсказывало ей, что будет он необыкновенным. Но каким именно?

Колыбель, в которой Сатаней-Гуаша поочередно баюкала девяносто девять своих сыновей, была в полной сохранности, но матери казалось, что новорожденный будет достоин иной, лучшей колыбели.

Вот почему Сатаней-Гуаша отправилась к Айнару-кузнецу и сказала ему:

— Случилось со мною, Айнар, нечто такое, что только ты один должен знать, и никто другой. Окажи мне помощь — я нуждаюсь в ней.

— Гуаша, золотоногая, можешь рассчитывать на Айнара: мой молот всегда готов к работе, и наковальня тоже, да и огонь горит в горне, подобно солнцу. В чем же ты нуждаешься, Сатаней-Гуаша?

— Мне нужна колыбель,— сказала мать девяноста девяти нартов,— но не простая. Мне нужна колыбель из железа, но шум ее, когда она будет качаться, не должен тревожить ребенка. Вот что мне нужно!

— Хорошо,— сказал Айнар-кузнец,— но дай мне срок. Надо расплавить железо не простым, а особым огнем, и нужно выковать колыбель не из простого, а из особого железа.

— Приступай же к делу,— сказала Сатаней-Гуаша.— Приступай, и я посмотрю, на что твои руки способны.— И еще доба-

вила Сатаней-Гуаша: — Спасибо, просьбу мою уважил, но я опасаюсь...

— Чего же ты опасаешься, золотоногая Сатаней-Гуаша?

— Я боюсь, что высота, ширина и длина колыбели будут обычными...

— Золотоногая Сатаней-Гуаша! — воскликнул Айнар-кузнец.— Брат нартов, которому суждено родиться, не будет похож на остальных нартов. Его рост не будет равен росту его братьев, а геройством он превзойдет всех. Вот почему его колыбель должна быть необычной. Но зачем же говорить о размерах колыбели до появления младенца? Узнают люди, и злые языки скажут: нарты собираются приручить жеребенка, который еще в утробе матери. Если доверяешь — предоставь это дело мне.

— Я верю в твои золотые руки,— сказала Сатаней-Гуаша.— Даже враги нартов признают твое искусное мастерство. Но я бы хотела сказать еще кое-что.

— Говори же, Сатаней-Гуаша. Когда это бывало, чтобы слова твои не доходили до ушей моих?

— Вот ты примешься за колыбель. Огонь в твоем горне будет гореть и днем и ночью, и молот твой будет греметь, как гром. Мои сыновья могут неожиданно появиться и спросить, чем ты занят. Что ответишь ты им? Неужели скажешь, что куешь колыбель для нарта, который должен появиться на свет. Тогда они спросят меня: «О мать, откуда это дитя?» Что отвечу я им? Пусть уж лучше узнают о нем, когда на свет появится, а потом думают что угодно!

— Не беспокойся, Сатаней-Гуаша,— сказал Айнар-кузнец,— я умею не только ковать, но и тайны хранить. Не будет никакого шума, ведь железо в моих руках — что воск.

Ночью дул сильный ветер. Громыхал гром. По кровлям бил град. Но люди спали спокойно. Спали все, кроме Сатаней-Гуаши и Айнара-кузнеца.

Мог ли уснуть Айнар, если всю ночь ковал железо?

Могла ли уснуть Сатаней-Гуаша, если всю ночь ждала ребенка?

Она родила девяносто девять нартов, но такой тяжелой ночи, как эта, у нее не было. Всех девяносто девять сыновей она воспитала, по обычаю, на стороне. Но этого, который должен был появиться на свет, она решила ни за что не отдавать на воспитание чужим.

Всю ночь ходила она взад и вперед: ей казалось, что непременно родится мальчик, и она придумывала имя для него. Наконец выбрала самое звонкое: Сасрыква!...

Начало светать. Прошло ненастье. Лучи солнца коснулись снежных вершин. И вот раздались возгласы женщин:

— Мальчик родился! Мальчик!

Верно, родился воистину необыкновенный мальчик. Огненно-красный, он пылал, точно огонь в очаге. Попробуй дотронься!

Одна из женщин поднесла ему грудь и тут же вскрикнула:

— Ой, обожглась!

То же случилось и со второй и с третьей. Нет, невозможно было притронуться к младенцу: не знали, как с ним и поступить! А ребенок, словно взрослый, смотрел вокруг ищущим взглядом, словно кого-то высматривал.

...Да, ребенок был горячий, как огонь. Поэтому немедля вызвали кузнеца Айнара. Тот не замедлил явиться — словно на крыльях прилетел.

Он долго разглядывал мальчика.

— Пусть разрастается, не кончаясь, род великих нартов! — произнес Айнар и своими огромными щипцами, которыми вытаскивал из горна раскаленное железо, приподнял мальчика за ногу и перенес в свою кузню.

А в кузне у него закипало расплавленное железо. В эту страшную солнцеподобную жидкость он и опустил мальчика.

Это случилось утром, а купался маленький нарт в расплавленном железе, словно в теплой воде, до полудня. И только в полдень Айнар-кузнец решил, что мальчик достаточно закалился в солнцеподобном железе, и вытащил его оттуда. Лишь правая нога ребенка, за которую ухватился Айнар-кузнец щипцами, навсегда осталась незакаленной.

Мальчик закричал:

— Я голоден, мама! Накорми меня!

И Айнар-кузнец напоил его солнцеподобным железом. А потом подал ребенку целую лопату солнцеподобных угольев. И ребенок съел их все до последнего.

— Хочу спать, мама, хочу спать! — закричал мальчик.

Сатаней-Гуаша беспокойно ходила вокруг кузницы. Услыхав голос своего сына, заторопилась к нему и на руках понесла к себе. Несла и поражалась: совсем недавно он был горячее огня, а теперь стал теплым, как обыкновенный человек.

— Куда ты меня уложишь, мама? — вдруг спросил мальчик.

— Вот сейчас принесут твою колыбель, дитя мое,— сказала Сатаней-Гуаша и велела послать за колыбелью.

Но посланный вернулся ни с чем, едва переводя дух.

— О, золотоногая Сатаней-Гуаша! — воскликнул он.— Я не мог донести колыбель. Она слишком тяжела.

— Ах ты немощный! — сказала в гневе Сатаней-Гуаша.— Как ты смеешь меня обманывать! Неужели детская колыбель не под силу тебе?

И попросила сходить за колыбелью другого. Но и тот вернулся с пустыми руками.

— Неужели ты без костей, словно улитка? — поразилась Сатаней-Гуаша.— Неужели и ты детскую колыбель не смог донести?

— Оставь их, мама. Мне самому хочется поразмяться.

Это говорил маленький Сасрыква. Он был одет в черкеску, на ногах — шерстяные ноговицы, голова повязана башлыком.

— Как? Ты сам притащишь колыбель? — сказала в отчаянии Сатаней-Гуаша.— Что же скажут люди? Скажут они вот что: родился сын у нартов, а колыбели не оказалось для него. Твое ли дело таскать колыбель? Найдем человека для этого.

Однако Сасрыква был уже у ворот.

Мать бросилась за ним.

Маленький — не выше травы — Сасрыква шел себе вперед. А мать, едва поспевая, бежала за ним.

Сасрыква нашел свою колыбель в кузне и вскарабкался на нее. Не успел он в ней растянуться, как колыбель сама стала качаться, усыпляя удивительного ребенка.

Так, рассказывают старики, родился нарт Сасрыква. О том, как он родился, сложили еще и песню.

ОГНЕПОДОБНЫЙ КОНЬ БЗОУ

Только родился Сасрыква, как вернулись из похода его девяносто девять братьев. Они добывали славу и добыли ее. А по дороге домой убили много туров, серн и оленей.

Приближаясь к дому, братья затянули боевую походную песню, давая знать матери, что сыновья ее целы и невредимы.

— Какая радость! — воскликнула Сатаней-Гуаша.— Все целы, все здоровы! Пусть умру я за них!

И вот стала она у колыбели в раздумье: «Что скажут сыновья, когда увидят новорожденного? Что отвечу им, если спросят об отце ребенка? Но младенца невозможно скрыть! А раз так — пусть узнают о нем сегодня же».

И Сатаней-Гуаша вынесла колыбель и поставила ее в тени ветвистого ореха.

Въехали сыновья во двор, увидели свою мать, сверкающую без солнца и без луны.

Разом спешились нарты.

Разом ударили кнутами по земле. И удары эти отозвались громом в горах.

Нарты по старшинству вошли в дом. Расселись за столом по старшинству. Выпили за свою мать, превознося ее превыше гор.

А тем временем им прислуживали младшие братья. Таков уж был застольный обычай у нартов. А разве иной у нас, у апсуа?

Вот трое молодых нартов вышли во двор. И что же они увидели? Под ореховым деревом, верхушка которого достигала неба, стояла диковинная колыбель; мало того, что была она выкована из железа, она к тому же сама качалась. В колыбели спал ребенок — богатырь с виду.

Один из нартов попробовал остановить колыбель, но отпрянул в сторону, точно его лягнул горячий жеребец. То же самое в точности повторилось и со вторым и с третьим нартом.

— Что же это такое?! — сказали молодые нарты.— Мы побеждали великанов, а тут не можем остановить качающуюся колыбель?

И втроем взялись за дело. Бились они, бились, но остановить колыбель так и не смогли. Утомленные, они тут же повалились от усталости.

А ребенок спал и рос. Он спал и рос. От него веяло богатырским здоровьем. Его ноги уже достигли края колыбели — и он проснулся. Потянулся, ухватился за перекладину колыбели и крикнул:

— Мама!

— Я здесь! — ответила Сатаней-Гуаша, не покидавшая стола, за которым пировали ее сыновья.

— Где мой конь, мама? Где мой конь? — кричал Сасрыква.

Братья удивленно переглядывались. Наконец они поняли, в чем дело. Но никто не высказал ни единого слова вслух.

— В день твоего рождения появился на свет огнеподобный жеребенок — араш,— сказала Сатаней-Гуаша.— Сейчас ты увидишь его.

Она попросила тех, кто помогал ей по хозяйству, привести коня. Один из них побежал на задворки в конюшню и вскоре вернулся, держась за голову.

— Меня лягнул жеребенок,— простонал он.

— Ну и мужчина! — сказала Сатаней-Гуаша и попросила сбегать за конем другого.

Но и этого постигла неудача: его чуть не ошпарило паром, который шел из ноздрей жеребенка, словно дым из трубы.

— И ты не лучше твоего друга,— упрекнула его Сатаней-Гуаша.— Точно из воска!

Но тут вмешался Сасрыква, разгуливавший по двору. Он сказал так:

«Отчего ты волнуешься, мать? Не пойму!
Я-то знаю, где Бзоу, пойду я к нему!»
Говорит Сатаней: «Я лишилась покоя,

Дай мне слово сказать, о дитя дорогое!
Нас кругом засмеют, никогда не простят:
Мол, как только родился на свет нартский брат,
Для себя стал искать боевого коня,
Ибо жадной его оказалась родня...
Эй, пойдите туда, где прозрачные воды,
Скакуна приведите нам нартской породы!»
Верховые направились быстро в табун —
И назад, и предстал пред Сасрыквою вскоре
Под богатым седлом быстроногий скакун.
«Чоу!» — крикнул Сасрыква с отвагой во взоре,
И, подпрыгнув, проворно вскочил он в седло,
Но ни шагу скакун, стал дышать тяжело,
В землю ноги мгновенно вошли по колено.
«Хайт! Соседи меня засмеют, несомненно:
Мол, родившись едва, не прожив даже дня,
Младший нарт загубил боевого коня!»

Так воскликнув, на землю сошел он с досадой.
«Дорогое дитя мое, сердце порадуй,
Если вправду решил ты коня отыскать,
Так возьми ты уздечку, пусть все убедятся,
Что обычные кони тебе не годятся,—
Лишь единственный в мире Сасрыкве под стать!
Позовешь — и услышишь ответное ржанье»,—
Так сказала ему Сатаней на прощанье.

Молвил мальчик: «Пойду к своему скакуну».
Взял уздечку и на руку сразу повесил.
Он пришел и в горах разбудил тишину.
«Бзоу! — крикнул Сасрыква, беспечен и весел.—
Что я слышу: не любишь ты, губишь людей?
Не поверю, что конь мой — такой лиходей!..»

Подошел к нему Бзоу, покорный, счастливый,
И, заржав, прикоснулся к наезднику гривой.
Обуздал его мальчик, повел скакуна.
Сатаней его встретила, счастья полна.
«На, возьми»,— говорит, улыбаясь светло,
И железное сыну вручает седло.
Мальчуган оседлал скакуна боевого,
А Гуаша сказала коню свое слово:

«Бзоу, Бзоу, до балки железной расти!»
Бзоу начал расти, вширь и ввысь растянулся
И со ржанием балки железной коснулся.
«Будешь ты знаменит, будешь всюду в чести,
Только сталью литою питайся отныне!»
И дала ему сталь, и скакун молодой
С хрустом, лязгом насытился сталью литой,
И Сасрыква повел скакуна по долине.

Нарты сытно позавтракали поутру,
Перед крепостью начали битву-игру.
«Посмотрите, малыш ростом ниже травинки
За уздечку ведет скакуна по тропинке!»
«Чей ты сын, мальчуган? Из какой ты земли?»
«Нарты, нарты мои, что за странные речи!
Разве сразу меня вы признать не могли?
Я — ваш брат, младший брат; с вами радуюсь
встрече!»
«Эй, не важничай, мальчик, малыш-коротыш,
Эй, не умничай: с нартами ты говоришь!
Мы-то знаем прекрасно, каков младший брат:
Самый младший из нартов — высок да усат!»
«Все ж я младший ваш брат, хоть не славлюсь
усами,
В том, что младший я нарт, убедитесь вы сами...
Бзоу, милый мой конь, подожди меня здесь,
Дело есть у меня: ненавижу я спесь!»

К нартской коновязи мальчуган подошел.
Но какой из коней для Сасрыквы тяжел?
Он схватил одного и подбросил, как мяч,
И над домом коня полететь он заставил,
И, кругом обежав, быстроног и горяч,
Он коня подхватил и на место поставил.
Одного за другим младший сын Сатаней
Стал бросать девяносто и девять коней,
Через крепость подбрасывал до облаков,
Девяносто и девять проделал кругов,
Девяносто и девять коней мощнотелых,
Девяносто и девять подбрасывал раз,
Девяносто и девять воителей смелых,
Нартов, славных мужей, удивил и потряс.
Бзоу в это мгновенье, у всех на виду,
Так заржал, роя землю в волненье нежданном,

Будто с неба схватить он задумал звезду!
Из ноздрей его пар поднимался туманом.

«Вы не верите мне? Что ж, готов я опять
Удаль нарта свою показать, доказать.
Не смотрите на то, что годами я молод!» —
Так сказал и на Бзоу вскочил мальчуган.
Вместо плети железный служил ему молот.
Конь, как ястреб, взлетел, полетел сквозь туман,
Конь, как ястреб, исчез: нет, не в поле исчез —
Он исчез в неоглядном просторе небес.

Он хотел, чтоб настигла наездника смерть,
Чтоб разбился малыш о небесную твердь,
Но, как только Сасрыква достиг вышины,
Переполз он под брюхо коня со спины.
Бзоу вниз устремился, как бурный поток,
Чтоб о землю разбился отважный седок,
Но Сасрыква опять у него на спине,
Над землей пролетает верхом на коне!

Конь задумал разбить седока о закат,
Но смотрите, каков нартский брат, младший брат:
Оказался Сасрыква на левом боку!
Конь задумал разбить седока о восход,
Но смотрите, как скачет Сасрыква вперед!
Оказался наездник на правом боку!
Бзоу вновь его к выси взметнул голубой,
Чтоб ударился он о нее головой,—
Поднял молот Сасрыква, пылая, как жар,
И по темени Бзоу нанес он удар.

Полетели от молота искры вокруг,
Пред конем закружилась вселенная вдруг,
А в глазах у коня — мрак тяжелый, густой,
И скатился он с неба падучей звездой.
Он слетел на Эльбрус, на вершину горы,
Распластался и брюхом припал он к вершине.
Раздвоился Эльбрус-великан с той поры,
Седловина возникла — осталась поныне.

Стал на отдых Сасрыква на миг на горе,
И ударил он молотом Бзоу, и снова
Устремил он в полет скакуна молодого,

И скакун опустился на нартском дворе.
А Сасрыква сошел как ни в чем не бывало,
Оказалось, пока прискакал с перевала,
Вырос мальчик на локоть и целый вершок.
Нарты смотрят — вот это прыжок так прыжок!
Удивляются, шепчутся старшие братья,
Вникнуть в дело хотят,— не хватает понятья.

«Где находишься ты, наша добрая мать?
Кто пред нами? Скажи, мы не можем понять.
Нет ошибки,— и в этом легко убедиться,—
Нечто нартское в нем, и твоя в нем частица.
Наш отец — дряхлый, слабый, незрячий старик.
Целый век возле печи он греться привык.
От него-то не мог этот мальчик родиться!
Знаем — с матерью так говорить не годится,
Но стыда пусть не ведает нартов семья.
Ты прости, но скажи: кто он? Родом откуда?
Чей же сын этот мальчик, не мальчик, а чудо?»

«О великие нарты, мои сыновья,
Ради вас умереть буду счастлива я!
Нарты, вам за него не придется стыдиться:
Мальчик — истинный нарт, вы могли убедиться!
Не уступит он вам, если вас не затмит.
Будет силой и доблестью он знаменит.
Вы достойным себя мальчугана сочтете.
Не из плоти людской, а из каменной плоти
Сотворенный, теперь он живет на земле.
Образ мальчика высечен был на скале,
Что стоит над речною кубанскою далью.
Он кормился из миски расплавленной сталью,
А потом поднесли ему жар горновой...
Этот мальчик, сыны мои,— нарт боевой!»

ЗА ЧТО ПОЧИТАЛИ НАРТОВ

Могучие витязи в давнишние дни,
Великими нартами их нарекли в старину,
Абхазами были они,
Абхазов они населяли страну.
Они были статны, стройны,
Отважные, рослые эти сыны.

От матери были одной рождены.
Когда они, голову локтем своим подпирая,
Лежали на ложе простом,
То кошка могла бы большая,
Со вздыбленным, пышным хвостом,
Пройти меж рукою и станом свободно.
Так были они сложены благородно:
Тонки были в поясе, в бедрах крепки,
В плечах широки.
Увидев их, очи закрыл бы ты сразу,
Невольно боясь, чтобы не было сглазу.

Воспитаны были Елхвы́зами эти сыны
Все, кроме Сасрыквы, из камня рожденного сына.
У честных Елхвызов и нартов все было едино:
И радость и горе делили друзья.
Такой была нартов семья:
Прекрасная мать Сатаней,
Родившая богатырей.
Сто братьев с единственной Гундой-сестрой,
Чья прелесть блистала зарей.
Был старшим воинственный Сит,
Был младшим Сасрыква, из камня рожденный,—
Его не страшили, молва говорит,
Свинец раскаленный, бу́лат закаленный.

С открытой душой
За правду боролись отважные братья,
Повсюду карая неправду и зло,
Откуда б оно ни пришло,
Без всякого лицеприятья.
Не шли они в бой напоказ,
Они воевали для славы, для чести,
С обеих сторон охраняли Кавказ
От злобы и мести.

Гора иль долина, полночная тьма или рань —
Не делали нарты различья.
Исполнены были величья,
И там они жили, где Бзыбь и Кубань
Текли, то светлы, то суровы.
У них бы́ли кони и овцы, быки и коровы,
И нартскою меткой отмечены были стада.
Врагов человечества нарты карали всегда,
Владык, притеснявших и грабивших бедных людей

Противен был нартам злодей,
Что алчно смотрел на богатство народа,
И скот угонял, и терзал стариков и детей,—
Была ненавистна им эта порода.
Все знали, какая у нарта природа:
Со злыми он злой, а с хорошим — хорош,
Со взрослыми — взрослый, с младенцем — ребенок.
Охотно ты с ним разговор поведешь,
В беседе остер он и тонок.

Известно, что витязи нартской земли
Любили свои табуны и стада,
Что каждое стадо отдельно пасли,
Что зорко животных они берегли,
Чтоб не было им никакого вреда.
Коней охранял, их броня и защита,
Пастух Уахсит, сын отважного Сита.
Мужи, не жалея труда,
Особенно зорко следили за стадом овечьим,
Чья шерсть одеяньем была человечьим.
Мы скажем о Куне, о нарте совсем молодом —
Следил он за мелким рогатым скотом.
Быков охранял Кятаван, а коров — Атлагуца.
Мы нартов других упомянем потом,
Пусть мирно стада их пасутся!

У нартов, длиною с их каменный дом,
Была из железа скамья.
На это сиденье семья
Садилась, довольная честным трудом,
Всегда старшинство соблюдая:
Сит — первый, Сасрыква — на самом конце,
А солнце сияло на чистом крыльце.
У нартов стояла витая
Железная коновязь: к ней
Привязывали богатырских коней —
Сто веток — и сто скакунов.

У нартских сынов
Стрела не летела впустую ни разу,
Мишень подчинялась их зоркому глазу;
Но младший, Сасрыква, в те давние дни
Из лучников метких был самым умелым:
Куда он приказывал стрелам,

Туда и летели они.
На голову матери птичье яйцо
Сасрыква, бывало, поставит,
Посмотрит он матери милой в лицо,
Стрелу поточнее направит
И вышибет это яйцо, не задев волоска.
Да, более меткого в мире не знали стрелка!

Охота доставила витязям славу,
Она им была не в забаву,
Не знали привычки они за собой
С пустыми руками вернуться домой,
Прельстить их нельзя было мелкою дичью:
Бывало, породу помилуют птичью,
И зайца, и даже лису,
Но зубров, оленей — большую добычу —
Всегда настигали в лесу!

Сестру свою Гунду, коль верить рассказам людей,
Кормили охотники мозгом костей.

Вели с великанами нарты войну.
Ужасное бедствие ту постигало страну,
В которую, быстрой добившись победы,
Врывались враги-людоеды.
Они отбирали добро и стада
И жен и детей угоняли всегда,
В рабов превращали свободных людей
И ели, как лакомство, мясо детей.

Но храбрые нарты, с отвагой нагрянув,
Громили убийц-великанов,
Преграду при этом сломав не одну,
Несли они гибель злодейскому роду!
Рабам, что в живых оставались в плену,
Они возвращали покой и свободу,
Они возвращали родную страну.
Наверно, за это с почтеньем и лаской
О нартах в стране вспоминают абхазской.

КАК ПОЯВИЛИСЬ У НАРТОВ ПЕСНИ И СВИРЕЛЬ

Хотите вы знать, как у нартов возникла свирель
И песнь, о которой не знали досель?

У нартов был брат Кятаван.
Охотником был он отважным и метким стрелком.
Долины прошел он пешком,
И брал он легко, быстроногий,
Вершин высочайших отроги.
Был многим охотник знаком,
Но слава его лишь тогда загремела,
Тогда лишь высокий обрел он удел,
Когда он впервые запел.
Вот так началось это дело.

Случилось, что нарт Кятаван
Пошел на охоту в погожий денек,
Сказал, что вернется в назначенный срок,
Стреляя, забрел он в глухие края,
Где дичи была благодать,
Но в ногу ужалила нарта змея,
Он стал умирать.
С трудом до реки он дополз, чуть живой,
Он к дереву жаркой прильнул головой.
Дрожа, обжигая кору,
Пылая в недужном жару,
Услышал он — голос звенит за листвой:

«Скажи, Кятаван, что с тобой?
Ты лучшим из нартов считался всегда,
Ужели теперь ты погибнешь бесславно?
Взгляни-ка сюда:
Огромные бревна уносит вода,
Тебя же поднимет подавно!
Садись на бревно, для воды не тяжел,
Домой поплыви ты дорогой речною».

Тот голос в сознание нарта привел:
«Да что это вправду со мною?
Пора мне вернуться давно!»
И в реку свалил он бревно.
И сам на бревне он уселся с ружьем за спиною,
А рядом сложил он убитую дичь.
Звенел в его сердце таинственный клич,
И вот на бревне по реке
Поплыл он, поплыл понемногу,
Все время во влажном держа холодке
Распухшую ногу.

Почуяли братья тревогу,
Стоят и глядят: не покажется ль брат?
В назначенный срок не пришел он назад!
Один из них вышел тогда на дорогу,
А нарт Кятаван по реке на бревне
Уже приближался к родной стороне.

Боясь, что, теченьем влекомо,
Бревно уплывет мимо дома,
На помощь позвал он, от боли совсем ослабев,
И голос протяжный звучал, как напев:
«Уа, рари́ра, ра́йда, ра́ша!»

Услышала крик Сатаней:
«Эй, кто-то плывет,
Да это же брат вас на помощь зовет,
О дети, спасите его поскорей!»

Тут нарты к реке побежали стремглав.
Бревно повернулось, лежало уже на мели.
«Скажи, Кятаван, что с тобой?» — закричав,
Пошли и на берег пловца понесли.
Увидели: весь он распух.
«Скажи, Кятаван, что с тобою?»
«Пришла моя смерть, я ужален змеею,
И гаснет мой дух».

Домой понесли они брата в печали,
Потом человека послали
За мудрой седой Аиргав:
Старуха людей исцелила немало,
Она от болезни любой врачевала.
Недуг Кятавана узнав,
Старуха присела к больному
И свой заговор повела по-чужому.

Страдал Кятаван. От недуга совсем ослабел он.
Слова повторял он, которые пел он,
Когда его вниз уносила вода:
«Уа, рарира, райда, раша!»
Вполголо́са братья ему подпевали тогда,
Они полагали,
Что песня от боли спасет, от вреда,
От горькой печали,

И вторили брату, желая развеять болезнь:
«Уа, рарира, райда, раша!»

С тех пор среди нартов рожденная песнь
В народе жива.
Поэтому нет у абхаза
Ни песни, ни сказа,
В которых не слышатся эти слова:
«Уа, рари́ра, райда, ра̀ша!»

Узнайте о том, как тростник-ачарпын
Стал музыкой нартских вершин и долин.

В горах Кятаван находился со стадом.
Жарой истомленный дневной,
На камне прилег он с овечками рядом,
Сморил его зной.
Когда погрузился он в дрему,
Во сне головою поник,
Рассыпались овцы по лугу большому,
Ломая тростник:
То был ачарпын, только здесь он и рос!
Тут кто-то над спящим слова произнес:

«Эгей, Кятаван, что с тобой, нартский брат
Заснул, головою не вертишь,
Не жди ты, пока твои овцы съедят
Все то, чем себя обессмертишь!»

Вскочил Кятаван, посмотрел на овец:
Ломают, едят ачарпын.
Все заросли съедены были вконец,
Остался лишь корень один.

Вбежал он в средину, овец разгоняя,
Он срезал тот корень пастушьим ножом
И долго стоял, озираясь кругом,
Что дальше с ним делать, не зная.
Внезапно схватил этот корень баран,
Но дернул рукой Кятаван,
Чтоб корень барану тому не достался.
На корне зубов отпечаток остался,
Когда он сломался,
И сдавленным верхний конец оказался.

Подул в этот полый тростник ветерок —
Пройти не сумел он, хотя и пытался,
Но чудные звуки оттуда извлек:
Пленительный голос раздался.
Был нарт Кятаван поражен.
Ножом понадрезав с обеих сторон,
Он дунул в ту дудку, что стала свирелью;

Пастух заиграл в первый раз,
И песня его разлилась по ущелью.

С тех пор на свирели играет абхаз,
И песня о нартах великих звучит величаво,
И в мире бессмертна их слава.

ГУНДА ПРЕКРАСНАЯ

У ста братьев нартов была одна-единственная сестра. Звали ее Гунда, а за красоту несравненную прозвали Прекрасной. Говорили, что она похожа на богиню. Во всяком случае, в крови Гунды, несомненно, таилась божественная сила.

Нарты горячо любили сестру свою, воспитывали с большим тщанием, берегли и холили. Жила она в хрустальной башне. Ноги ее никогда не касались земли. Все, что бы ни пожелала Гунда, подавалось ей прямо в руки — и без промедления.

Братья кормили сестру только костным мозгом дичи. Тело девушки было подобно свежему сыру — белым и нежным. Кожа отсвечивала, точно зеркало. Не может описать Гунду язык человеческий. Молодые люди севера и юга, прослышав о красоте сестры нартов, домогались руки Гунды, бились друг с другом и погибали.

— Излишняя красота очень вредна,— решила Гунда Прекрасная и перестала следить за собой, чтобы меньше отличаться от остальных женщин. Переоделась она в простое, залатанное платье, разлохматила свои золотые волосы.

— Что с тобою? — удивились братья.— Ты хочешь опозорить нас? Приведи же себя в порядок.

Гунда отвечала так:

— Пожалуй, лучше будет, если покажусь я людям неряхой. Боюсь, что красота моя доставит вам много неприятностей. Не хочу навлекать беду.

— Кто посмеет тронуть тебя? — вскричали братья и стали просить ее снова стать прежней, Прекрасной Гундой.

Братья отправились на охоту, а пока они охотились на туров и оленей, Гунда нарядилась в лучшие одежды, причесалась и умылась молоком. И встретила братьев сияющая.

— Я исполнила вашу просьбу,— сказала Гунда братьям,— но смотрите, как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

Не обратили нарты внимания на эти слова. А Гунда намекала на невесток, ненавидевших ее за красоту и всеобщее почитание. И когда однажды братья уехали на охоту, жены их наготовили разных кушаний. Зажарили молоденьких курочек и индюшек, цесарок и уток, мясо серны и медвежье мясо, отварили телячьи лопатки, а из свежего сыра и муки сварили айладж — тягучую мамалыгу, неописуемо вкусную. И тогда средняя из жен поднялась в хрустальную башню и обратилась к Гунде с такими словами:

— Гунда Прекрасная, мы знаем — братья запрещают тебе ступать на землю. Но мы очень хотели бы пообедать с тобой. Если бы явилась ты к нам, то нам показалось бы, что мы владеем целым светом.

Гунда колебалась. Она боялась оставить хрустальную башню и тем самым нарушить запрет братьев. Но ей очень хотелось походить по земле. И она согласилась. Сошла Гунда с башни. Заняла место среди невесток.

Разбежались у Гунды глаза: что есть? С чего начинать? Она ведь ничего, кроме костного мозга дичи, не ела!

А самая старшая из невесток подносит Гунде кусочек айладжа и говорит медовым голоском:

— Золотая ты наша Гунда! Съешь этот кусочек из моих рук. Ну, доставь мне удовольствие и радость.

А сама подмигивает заговорщицам. И те подмигивают ей. И ждут, что будет, ибо в кусок айладжа старая ведьма положила свое кольцо.

Не подозревая худого, Гунда Прекрасная проглотила кусок айладжа, а вместе с ним и кольцо. И вдруг поперхнулась. Закашлялась. Посинела... Не успела даже крикнуть.

Бездыханную Гунду унесли невестки в лес и бросили в глубокую волчью яму. Казалось, погибла Гунда Прекрасная.

Но нет!

Скажите мне, остается ли в мире какое-либо преступление безнаказанным? Рано или поздно любая подлость раскрывается и правда торжествует. Так случилось и здесь.

Некий охотник по имени Алхуз бродил по лесу вместе со своими друзьями. Они-то и нашли Гунду и доставили в свое село.

Гунда не приходила в себя, и никакими стараниями Алхуз и его друзья не могли вернуть ей жизнь. Алхуз приподнял девушку за плечи и посмотрел в ее тусклые глаза. Он горестно вздохнул

и уронил Гунду на подушки. И — о, чудо! — Гунда Прекрасная закашлялась, изо рта ее выпало золотое кольцо и покатилось по полу...

Что рассказывать дальше?

Гунда снова встретилась с братьями.

Ты спросишь, что сделали нарты со своими жестокими женами? Как ни пыталась Гунда скрыть от братьев происшедшее, они все-таки узнали всю правду.

Нельзя подымать на женщину руку, но выгнать негодную следует.

Так нарты и поступили.

А Гунда Прекрасная не пожелала больше оставаться в хрустальной башне, и от этого не стала она менее прекрасной.

САСРЫКВА СБИВАЕТ ЗВЕЗДУ

Однажды девяносто девять братьев собрались в поход. Все было готово: оружие проверено, обувь цела, лепешки медовые — в переметных сумках. Коней своих нарты выкупали в Кубине, оседлали их. Братья попили, поели. И Сатаней-Гуаша сказала им:

— Счастливого пути, дети мои!

Разом поднялись братья со своих мест. Каждый из них держал в руке кнут. Садились на коней по старшинству.

Ударил кнутом нарт Сит, и показалось всем, будто гром ударил. Стрелою вылетел из ворот нарт Сит. А за ним понеслись его братья.

Опустел двор. Только нарт Сасрыква остался со своей матерью.

Он печален.

Легонько держит повод своего огнеподобного коня Бзоу.

Печален нарт Сасрыква, ибо никто не пригласил его в поход.

Проснулись нарты поутру, шум, хохот во дворе.
Со всеми братьями и он проснулся на заре.
Коня почистил, оседлал, стоял, исполнен сил,
Но брата младшего к столу никто не пригласил.
Вот каждый в руки плеть берет, он тоже плеть берет —
Никто ему не предложил отправиться в поход.
Помчались нарты с удальством и песней боевой,
Для них Сасрыква, младший брат,— как будто не живой!
Как буря, братья понеслись — победа впереди,
А он как вкопанный стоит, и руки на груди.
Зачем оставили его? Чтоб он стерег телят?
Чтоб на дворе пугал ворон Сасрыква, младший брат?

Заплакал нарт Сасрыква. Поплелся к матери.

— О мать,— проговорил он.

— Здесь я, сын мой, что тебе?

— О мать, братья мои отправились в поход, и никто не пригласил меня. В чем причина?

— О свет моих очей! Разве старшие должны приглашать младшего? Следуй за ними.

Сасрыква не долго раздумывал — вскочил на верного Бзоу и в мгновение ока исчез за воротами.

Быстро нагнал он своих братьев и, не смея опережать старших, поехал сзади.

— Кто ты? Куда путь держишь? — спросили его.

— Как кто? Я брат ваш! — воскликнул Сасрыква.

— Не знали,— с усмешкой произнес Гутсакья.

— Ты не от нашего отца рожден,— сказал Сит.

— И еще лезешь к нам в братья? — сказал нарт Гутсакья.

Что делать? Сасрыква вернулся домой точно побитый.

— Что случилось? — с тревогой обратилась к нему Сатаней-Гуаша.

— Ничего,— ответил Сасрыква,— я позабыл лепешки. Накорми-ка меня. И если это возможно — приготовь мой любимый айладж.

Сатаней-Гуаша живо просеяла муку, взяла свежего сыру и приготовила айладж. Она подала сыну кушанье, исходившее паром.

— Садись и поешь вместе со мной,— попросил Сасрыква.

Сатаней-Гуаша положила перед собой горячий айладж. Она коснулась горячего айладжа пальцем. Но тут Сасрыква схватил ее руку и воткнул палец глубоко в горячий-прегорячий айладж. Мать вскрикнула.

— Пока ты не объяснишь, кто я,— сказал Сасрыква,— не выпущу твоей руки.

— Ты — мой сын,— сказала Сатаней-Гуаша, с трудом преодолевая боль.— И ты лучше всех.

— Я не спрашиваю, лучше я или хуже,— сказал пылающий гневом Сасрыква.— Кто мой отец? И почему братья мои смеются надо мной?

Сатаней-Гуаша не растерялась. Она сказала твердым голосом:

— Пусть твои братья, которые пренебрегают тобой, вечно нуждаются в твоей помощи... А ты, мой сын,— часть скалы. В тебе чудодейственная сила. Пусть лучше расскажет об этом кузнец Айнар.

Сасрыква выбежал во двор, сел на коня и помчался вслед за своими братьями.

Сатаней-Гуаша подняла к небу глаза и молитвенно проговорила:

— Пусть вас, братья Сасрыквы, обидевшие сына моего, настигнет невиданный дождь — страшнее любого града, и ветер пусть дует в глаза — страшнее любого ветра, и пусть жизнь ваша зависит от сына моего Сасрыквы.

Между тем огнеподобный Бзоу летит вперед, и все ему нипочем — ни дождь, ни град, ни ветер, ни встречные реки. Он несется по долинам и горам, точно быстроногая серна.

Двое суток ехал Сасрыква, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось — Сасрыква увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибали от холода.

— Что с вами? — спросил Сасрыква братьев.

Они очнулись словно ото сна и заговорили все разом:

— Сасрыква, брат наш! Мы умираем! Мы замерзаем! Спаси нас!

— Я с вами! — сказал Сасрыква.— Не бойтесь: я здесь!

И подумал: «Что же делать? Где раздобыть огонь на этой голой земле?»

Над ним раскинулось широкое небо, и было оно усыпано звездами. Они горели так ярко! «Их спасет только звезда!» — сказал про себя Сасрыква. Он натянул тетиву лука, прицелился в самую яркую из звезд и выпустил стрелу. И сбил Сасрыква яркую, самую яркую звезду! Она упала на землю, излучая тепло и свет. Насквозь промерзшие нарты собрались в кружок и стали греться. Но как ни была ярка и тепла эта звезда, согреть нартов она не могла. Их мог обогреть только земной огонь!

Сасрыква сел на коня и въехал на гребень горы. Видит — вьется дым. И он поехал на этот дым, решив, что там, где есть дым, есть и огонь. Но не так-то просто оказалось до огня добраться. Пришлось Сасрыкве переплывать бурные реки и проходить глубокие овраги, прежде чем ощутил он тепло огромного костра, в котором сгорали даже камни.

Однако путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Великан спал, и Сасрыква не смог разбудить его.

Тогда обратился нарт к своему коню с такими словами:

— Будь шустрым, как белка, а я стану легким, как пух!

И нарт разогнал коня своего Бзоу и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел. Набрал Сасрыква угольев и уже хотел было прежним путем возвратиться назад.

Но, по несчастью, обронил пылающий уголек, и лохматое великанье ухо загорелось. Чудовище проснулось, и Сасрыква вместе со своим конем очутился у него на ладони.

— Эй, ничтожный апсуа! — вскричал великан.— Как попал ты ко мне? И как тебя звать?

Сасрыква ответил:

— Я всего-навсего слуга нарта Сасрыквы.

— Ах, вот оно что! Скажи, ничтожный апсуа, а правда ли, что живет на свете Сасрыква, совершающий удивительные подвиги?

— Да, живет,— ответил Сасрыква, а сам с беспокойством думал о своих братьях. «Как бы отделаться от этого великана?» — размышлял он.

— Расскажи-ка мне о его подвигах,— сказал великан, тараща огромные глаза на нарта.

— Долго рассказывать,— сказал Сасрыква.

— Ничего, что долго, рассказывай...

— Ну что ж,— начал Сасрыква,— расскажу, только не вздумай следовать его примеру.

— Это почему же?

— Потому что не всякий это сможет... Вот, скажем, поднял однажды Сасрыква валун величиной с дом, поставил его на скалу, а сам стал под скалой. Он приказал мне сдвинуть с места валун, который едва держался на самом краю утеса. И что бы ты думал? Валун разбился о голову Сасрыквы! Только не вздумай повторить его подвиг!

Однако великан только рукой махнул и через мгновение уже тащил на гору преогромный валун. Рядом с валуном поставил ничтожного апсуа — слугу Сасрыквы и попросил помочь совершить подвиг. Сасрыква столкнул валун, и полетел валун с превеликим грохотом. Ударился о голову великана и тут же рассыпался, точно был слеплен из сухого песка.

Огорчился Сасрыква, но что поделаешь — силен великан!

— На что же еще способен твой Сасрыква? — взревел великан.

Нарт сказал:

— Этот Сасрыква собрал однажды куски железа, сварил их в котле и выпил, точно молоко. Ему понравилось расплавленное железо.

Великан приступил к делу: живо расплавил в котле куски железа и выпил.

— Да,— проговорил он,— знает твой Сасрыква толк в еде — очень приятно пить железо.

Огорчился Сасрыква, но что делать — силен великан!

— Ну, расскажи еще что-нибудь о Сасрыкве,— просит великан.

— Сасрыква,— говорит нарт,— очень любит в морозный день окунуться в реку и стоять в ней неделю, а порой и больше. Войдет в воду и ждет, пока она не замерзнет, а потом ломает лед и выходит на берег цел-невредим.

— Так вот оно что! — говорит великан.— Сумел Сасрыква — сумею и я!

В это самое время Сатаней-Гуаша чудом узнает о тяжелом положении, в которое попал ее любимый сын. И произносит такое заклинание:

— Ударьте, морозы, посильнее, чтобы накрепко замерз великан в воде!

И в самом деле ударили морозы. Замерзли горные реки. Вот тут и пришлось великану испытать свою силу.

Залез он в воду, и она замерзла вокруг него. Но великан легко изломал лед. Тогда Сасрыква раздобыл стог сена, разбросал сено по льду, и сделался лед во много раз прочнее.

Стоит великан во льду — одна голова торчит над гладкой ледяной поверхностью. А когда захотел он выбраться, то уже не смог. Пытался было изломать лед, но все напрасно. Пытался было уговорить Сасрыкву, чтобы тот помог ему, но все напрасно. Видит великан — грозит ему погибель.

— Эх, проклятый,— говорит великан нарту,— наверное, ты и есть Сасрыква, ибо обхитрил меня, вокруг пальца обвел.

— Ты угадал,— ответил Сасрыква и обнажил шашку, чтобы отрубить голову ловко пойманному чудовищу.

— Эй, Сасрыква! — кричит великан.— Нет, ты не сумеешь отрубить мне голову. Но раз ты такой молодец, одарю я тебя перед смертью. Слушай меня: шашка твоя погнется, точно соломинка. Возьми лучше мою, если только сумеешь вытащить ее из ножен. Вытащи ее и толкни по гладкой поверхности льда так, чтобы она ударилась о мою шею и перерезала толстую жилу. Жила эта чудодейственная. Сделай из нее пояс для прекраснейшей и умнейшей из женщин — Сатаней-Гуаши и для себя — непревзойденного героя. И вы станете бессмертными.

Что долго раздумывать! «Попытка не пытка»,— сказал себе Сасрыква и послушался великана. В самом деле, отрубив голову, нарт обнаружил на шее толстую жилу. Вырезал он эту жилу. Но не был бы Сасрыква нартом, если бы полностью доверился чудовищу.

Сасрыква набросил жилу на высокую липу, стоявшую неподалеку, и она свалилась, точно подрубленная. Коварный замысел великана раскрылся!

Расправившись с великаном, нарт поднял горящую головешку и на верном коне Бзоу прискакал к братьям.

Звезда, согревавшая нартов, понемногу гасла, теряла свое тепло.

— Не падайте духом, братья мои! — крикнул Сасрыква.— Вот я привез вам огонь земной взамен огня небесного.

— Огонь-то есть,— уныло сказали братья,— а где же хворосту взять, вокруг все голо.

Сасрыква сказал:

— Выньте газыри свои, расщепите их — и разгорится костер!

Братья послушались Сасрыкву. И запылал костер, а вскоре в котлах уже варилось мясо серны и оленей, убитых Сасрыквой.

Напились нарты мясного отвара и досыта наелись мяса. Ну можно ли было после всего этого не уважать Сасрыкву, если даже у него и другой отец?

НЕСРАВНЕННАЯ НЕВЕСТКА НАРТОВ

Неприступна была вершина, на которой жили братья из племени аиргъ. Еще неприступней был их дворец, воздвигнутый из птичьих костей на этой вершине.

Один лишь ветер долетал до стен дворца, ветер да солнечные лучи и тучи небесные. В ненастные дни дворец казался серой тучей среди серых туч. А в безоблачный день он голубел на голубом небе, и трудно было глазу различить его голубизну.

В этом-то дворце и жила красавица, сестра семи братьев аиргъ. Невозможно описать лицо ее, сверкавшее, точно месяц, ее походку, напоминавшую бег лани, и стан ее — стан молодой серны. Первородная красота ее казалась вечной.

Добрая слава о сестре братьев аиргъ разнеслась во все стороны света. И не удивительно, что в один прекрасный день, оседлав своих коней, направились ко дворцу братьев аиргъ нарт Сасрыква и герой Нарджхоу.

Ехали витязи разными путями. Но мысли их были сходными. И не мудрено, что сошлись их дороги.

Разве надо было объяснять им, куда и зачем едет каждый из них? Куда же могут стремиться молодые и сильные, как не к сестре братьев аиргъ?

Встретившись, они обнажили шашки. Они обнажили их ради предосторожности. Узнав друг друга, они протянули руки в знак дружбы и отправились дальше, к цели своего путешествия.

ÆD

Сказания о нартах.
Худ. А. Белюкин.

Доподлинно неизвестно, сколько дней и ночей ехали витязи. Известно одно: прибыли они к подножию высокой и желтой скалы. Отсюда приметили они яркий луч на вершине горы, которая высилась совсем рядом. И они догадались, что находятся неподалеку от дворца семи братьев аиргъ и что это она, сестра их, излучает свет своего мизинца, приветствуя братьев, возвращающихся с добычей, приветствуя их и освещая им путь.

В то время как витязи стояли у подножия скалы и любовались ярким лучом, исходящим из дворца, братья аиргъ въезжали во двор с победной песней и богатой добычей.

— Прекрасное время! — воскликнул нарт Сасрыква.— Братья дома, и мы можем потолковать с ними.

— Что верно, то верно,— согласился Нарджхоу,— однако добраться до них не так просто...

Оба витязя разглядывали следы копыт на желтой скале. Все следы вели вверх, и ни один из них не показывал дорогу вниз. Стало быть, никто из тех, кто поднимался на скалу, никогда не возвращался обратно. У иных душа могла бы уйти в пятки от черных мыслей, но не у героя Нарджхоу и не у нарта Сасрыквы!

— Поднимайся первым ты,— сказал Сасрыква,— ты старше меня.

— Прошу тебя,— сказал учтивый Нарджхоу,— ведь ты — герой, слава о котором идет по всей земле.

Сасрыква сказал:

— Ты больше совершил славных дел, чем я. Тебе и подниматься первому.

Не говоря более ни слова, Нарджхоу огрел плетью коня и взмыл вверх по скале. Из-под огнеподобного коня вылетали желтые камни, и поднимались они до самых небес и со свистом, подобно ярким звездам, падали на землю.

Вот достиг Нарджхоу выступа скалы, а впереди еще полдороги. И вдруг оступился огнеподобный конь! Вот он пятится задом...

— Погиб, Нарджхоу, погиб! — восклицает Сасрыква, и сердце его тревожно сжимается.

Но не таков был Нарджхоу, чтобы погибнуть! Он сумел удержать коня и повести его вперед. И вот вцепился конь копытами, словно орел когтями, в желтую скалу, пошли в ход даже зубы. И вот кажется, что недалеко уже до вершины. Но нет! Снова срывается конь...

Еще одна попытка не удалась. И Нарджхоу повернул назад.

— Что ж, Сасрыква,— сказал он,— как видно, не суждено мне взобраться на скалу, и не суждено мне жениться на сестре братьев аиргъ. Желаю тебе счастья!

Сасрыква подоткнул полы своей черкески, чтобы не развева-

лись и не мешали быстрому взлету, повязал за спиной концы башлыка и взбодрил зычным криком своего чудесного Бзоу...

Вот уже искры сыплются со скалы, подобно звездопаду. Словно куница в ствол дерева, впивается несравненный Бзоу в желтую скалу. И, словно куница — быстро-быстро,— возносится на вершину смелый Бзоу. И зубы идут в ход: он хватает ими малейший выступ скалы. Даже хвост приходит ему на помощь: он рассекает воздух, помогая взбираться.

И вот на вершине скалы нарт Сасрыква!

Здесь ровная, зеленая полянка. На ней растут горные цветы — яркие и пахучие. Но костей человечьих больше, чем цветов! Откуда они?

И вдруг к усталому нарту подходит незнакомый старик.

— Привет тебе, бесстрашный нарт! — говорит старик.— Я знаю, по какому важному делу ты приехал. Не падай духом, глядя на эти кости. Это останки неудачливых молодцов. Но выслушай меня, и будет тебе благо.

Сасрыква поблагодарил старика за добрые слова и выслушал его внимательно. И вот что сказал старик:

— У девушки, к которой ты стремишься, семеро братьев, и все они злые и могучие. Они берегут ее пуще глаз своих. Погляди, сколько отважных пало в поединках! Здесь слабым спуску не дают! Но ведь и сильный, одержавший верх над братьями, не может сказать, что завладел девушкой. Ибо и сильный должен ей понравиться. Вот почему мой сын, прошедший через все испытания, сидит во дворце уже много лет, ибо не понравился он ей. А он, мой сын, поклялся своими глазами увидеть жениха, полюбившегося сестре братьев аиргь. Сидит мой сын, и играет он песни на апхярце. Если играет он грустные песни,— стало быть, она спит. Вот тогда-то и надо идти к ней в комнату и пальцем тронуть ее косу. Она проснется и скажет: «Почему ты разбудил меня? Я только что видела во сне того, кто нравится мне!» Если скажет она именно так, то ты, наверное, догадаешься, что ответить. И она будет твоей, и ты увезешь ее отсюда, а сын мой вернется ко мне, и я буду счастлив. Но имей в виду: если погонится мой сын за тобой — не убивай его. А убей коня его. Запомни это — и будет тебе благо.

Сасрыква поклонился старику, сказал ему: «Большое спасибо»,— и поехал ко дворцу.

Главные ворота были открыты настежь. Во дворе — ни души. Привязал Сасрыква коня к коновязи и поднялся по ступенькам на седьмой ярус дома.

На костяном балконе седьмого яруса сидел юноша и играл на апхярце. Он едва касался струн своим смычком и тихо напевал печальную песню:

Она не стареет и не молодеет,
Ахаха́ира гу́шадза.
Но кто ее любящим сердцем владеет?
Ахахаира гушадза.

Кого же во сне она видит глубоком?
Ахахаира гушадза.
Могу ль с отважным сойтись ненароком,
Ахахаира гушадза?

Когда наши кони примчатся друг к другу,
Ахахаира гушадза?
Когда же ударится меч о кольчугу,
Ахахаира гушадза?

Когда к мертвецам он отправится в гости,
Ахахаира гушадза?
Чтоб тлели со всеми и череп и кости,
Ахахаира гушадза?

Она не стареет, не ведает тягот,
Ахахаира гушадза,
А я, горемыка, состарился на год,
Ахахаира гушадза!

Послушал Сасрыква песню и пошел дальше. Отворил дверь в спальню — и застыл, ослепленный красотою спящей девушки. Девушка излучала чудесный свет — свет красоты несравненной, его излучали белая кожа и черные волосы ее.

Нарт осторожно, очень осторожно подошел к спящей и тронул ее за длинную косу.

Девушка проснулась.

— Зачем помешал ты мне! — сказала она с укором.— Я только что видела во сне героя Сасрыкву.

Нарт ответил:

— А теперь он здесь, перед тобой. И все это наяву!

Девушка не смутилась.

— Ну что ж,— сказала она,— я — твоя. Однако сын старика, играющий на апхярце, скорее умрет, нежели выпустит меня отсюда.

— Это уж моя забота,— сказал нарт.

— Если мы и вырвемся из его плена, нас где-нибудь подстерегут мои братья.

— И тогда найдется выход!

— Если ты решил,— сказала красавица,— садись на своего коня, подскочи к окну моему и — забирай меня!

Сасрыква послушался ее. А сын старика все сидел и все напевал свое:

Взлети на скалу — ничего не добудешь,
Ахахаира гушадза!
Красавицу спящую ты не разбудишь,
Ахахаира гушадза!

Не скажешь ты ей даже слово привета,
Ахахаира гушадза,
Напрасно пришел — и уйдешь без ответа,
Ахахаира гушадза!

Зато к черепам на дороге суровой,
Ахахаира гушадза,
Прибавится новый, прибавится новый,
Ахахаира гушадза!

Эти колкие слова были нестерпимы для нарта, но взял он себя в руки и незаметно прошел мимо поющего.

Нарт спустился во двор, сел на коня своего Бзоу, пришпорил его и в мгновение ока подскочил кверху, к самому окну, у которого ждала его красавица.

Девушка вылетела, словно птица, на лету подхватил ее лихой нарт — и был таков!

Сын старика отбросил в сторону смычок и апхярцу и завопил не своим голосом:

— Сестру похитили вашу, братья аиргь! Сестру похитили! Слышите ли вы?

Как из-под земли выросли двое юношей на конях. Под одним — гнедой конь, а под другим — вороной. И сломя голову бросились догонять нарта-похитителя.

Как только огнеподобный Бзоу вырвался на простор, несравненная сестра братьев аиргь посоветовала нарту, чтобы он возвращался назад не той дорогой, по которой приехал во дворец.

— По другой? — удивился нарт.— Я появился здесь не как вор и удалюсь отсюда на виду у всех! Земля широка, и для настоящего мужчины везде отыщется дорога.

Бзоу не скачет, а почти летит над землей, летит по равнине, простирающейся за дворцом. А два молодца пуще ветра гонятся за ним.

Сасрыква торопит своего Бзоу, но как ни торопит, а проскочить через равнину не может. Не так уж велика, казалось бы,

равнина, однако не кончается, словно без конца она, без края. Вдруг Сасрыква замечает, что скачет конь его мимо знакомых мест. Что за чудо! Хочется задержаться немного, обдумать положение, все взвесить. Но куда там! За ним, наступая на задние копыта Бзоу, мчатся с шашками наголо два брата аиргь.

И нарт погоняет коня своего...

Братья заметно отстают, а вскоре от неимоверной усталости издыхают их кони...

Все это видел с высоты дворцового балкона сын старика, безнадежно влюбленный в сестру братьев аиргь. Не мешкая, оседлал он коня своего из породы нартских коней и помчался вослед нарту-похитителю. Сасрыква уже знал, кто за ним гонится и какой под ним конь.

— Мой верный Бзоу! — воскликнул он.— Опасность близка!

И только сейчас, только сейчас понял великий нарт, что мчится Бзоу не по прямой, а по кругу, на равнине. Поэтому-то нет конца-края этой равнине!

«Не к добру это»,— подумал нарт.

Вот уже начал уставать огнеподобный Бзоу. Не так уж низко стелется он над землей. Вот нагоняет нарта беспощадный влюбленный!

И тут Сасрыква поступил так, как советовал ему старик: пустил стрелу в самое сердце коня, настигавшего их. Дрогнул конь, вздыбился и грохнулся наземь, подминая седока.

— Теперь ты можешь ехать по любой дороге,— сказала сестра братьев аиргь, облегченно вздыхая.

Сасрыква без особого труда отыскал следы копыт своего Бзоу и по желтой скале спустился вниз, где ждал его герой Нарджхоу. Он встретил нарта и его невесту с большим радушием, накормил их и напоил ключевой водой.

И отправились они втроем в обратный путь. Доехали до перекрестка, где герои повстречались впервые, и нарт Сасрыква сказал:

— Герой из героев Нарджхоу! Я знаю, как жаждал ты видеть хозяйкой своего дома эту красавицу. Верно, добыл ее я, но никто об этом не узнает. Бери ее!

На что только способны высокая честь и уважение к другу! А иначе разве мог бы высказать такие слова великий нарт?! Возможно ли отдать другому чудо-красавицу, добытую с таким трудом?!

— Нет,— возразил герой Нарджхоу,— не смог я преодолеть желтую скалу. Девушка по праву и по справедливости твоя. Настоящий мужчина должен радоваться вашему счастью!

На что только способна высокая честь и уважение мужчины

к мужчине! А иначе разве мог бы высказать такие слова герой Нарджхоу? А иначе мог бы отказаться он от такой красавицы?

Сестра братьев аиргь — несравненная красавица — могла по достоинству оценить благородство одного и другого.

Сасрыква упросил своего друга Нарджхоу сопроводить их до нартского села и погулять на свадьбе. С удовольствием принял это приглашение герой Нарджхоу.

Ехали все трое, встречные узнавали Сасрыкву и приветствовали его и невесту.

Вперед, к нартам, был послан гонец, и нарты ждали своего брата с невестой. Они держали совет, как быть, ибо не положено справлять свадьбу незаконнорожденному брату. После долгих споров, ссылаясь на то, что неудобно, дескать, перед людьми, решили нарты встретить брата с почетом и сыграть свадьбу.

Семь дней и семь ночей продолжался пир. Семь дней и семь ночей пелись песни и танцевались танцы. На самом почетном месте восседал герой Нарджхоу.

Вместе с другими прислуживала за столом красавица Гунда, сестра нартов. Она то появлялась среди гостей, то уходила к кипящим в стороне котлам. Нарджхоу приметил ее, а приметив, влюбился, да еще как — без памяти.

Именно здесь, на пиру, увидел впервые красавицу Гунду герой из героев Нарджхоу.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

О ПОРАЖЕНИИ СВИРЕПОГО ХАНА ШУЛМУСОВ ШАРА ГЮРГЮ

Так он устроен: имел он пред собой
Бумбой зовущийся океан голубой,—
Тот океан государство пересекал,
Море к тому океану стремило прибой;
Высился он меж двенадцати гор-клыков
И в межеустье реки Стеклянный Сандал;
Расположился на скате хребтов седых;
Был он — великого Джангра дворец — таков:
Стоил он семьдесят саев семейств людских.
Было в нем восемьдесят решеток складных,
Нежною красною краской покрасили их,
Бивнями крупных слонов разукрасили их,
Смазали жиром девственного зверья.

Было по десять сотен на каждой из них
Острых стропил, тисненных клыками львов,
Были же сделаны этих стропил острия
Из одиноко растущих сандалов цветных.
Двери дворца — из могучих сандалов цветных,
Дымники — из пахучих сандалов цветных,
Прутья под войлоком выложены серебром,
Чистым таким, как сиянье Джангра Богдо!

Тысячестворчатый вырос забор кругом,—
Восемьдесят изваяний Джангра Богдо
Было на каждой створке его золотой.
И восхищали створки искусной резьбой,

Изображавшей двенадцать богатырей,
Избранных, Бумбы прославленных сыновей,
С Хонгром львиноподобным своим во главе.
Шлем золотой у каждого на голове,
А на бедре нарисован меч, говорят.
Десять огненных лезвий в ножнах горят,
В твердой руке зажат золотой черенок.
Грозные лезвия обнажены на вершок,—
Кажется, что приготовились к бою бойцы!

Так благодарным народом славной страны
Увековечены были резьбою бойцы,
Избранные из тюменов народа сыны,
Оберегавшие родину крепкой стеной
От ненасытных, что рады край их родной
Опустошить, подобно заразе чумной.

К югу от башни, где берег зелен лежит,
Где голубой океан беспределен лежит,
Десять раз десять тысяч молелен стоит.
В самой средине белый покатый хурул,
Благочестивого Джангра богатый хурул,
С благостной верой неразделен, стоит.
Жили бесчисленные шебенеры там,
Под покровительством Джангровой веры там,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славили в песнях радостное бытие.

К северу разбежались пространства Богдо,
Их населяло несметное ханство Богдо,
Не умещающееся в пределах земли.
Семьдесят две реки по стране текли.

Бумбой звалась благодатная эта страна,
Ясная, вечно цветущего лета страна,
Где не ведают зим, где блаженно все,
Где живое бессмертно, нетленно все.
Где счастливого племени радостный мир,
Вечно юного времени сладостный пир,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.
В неувядающей блещет она красе.
Там и дожди подобны сладчайшей росе,
Освежающей мир, предрассветной порой

Освещаемый неугасимой зарей.
Волны зеленой травы бесконечны там.
Вольные, легкие дни быстротечны там.
Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто из людей
Этой страны владетель?» — ответствуют там:

«Будучи трехгодовалым — трех крепостей
До основанья разрушивший ворота;
И на четвертом году — четырех крепостей
До основанья разрушивший ворота,
Переломавший древки сорока знамен;
И пятилетним — пятидесяти знамен
Переломавший древки, пяти крепостей
До основанья разрушивший ворота;
Лета шестого достигнув,— шести крепостей
До основанья разрушивший ворота,
Хана Зулу подчинивший державе своей;
Одинокий на этой земле сирота;
В лето седьмое жизни — семи крепостей
До основанья разрушивший ворота
И победивший хана восточных степей —
Злого мангаса, пред кем трепетали враги;
Взявший власть в свои руки из рук Шикширги;
И в одиночестве свой разводивший очаг;
И не лелеемый днем, не хранимый в ночах;
Не обладавший даже остатком хвоста,
Чтобы сумел удержаться внизу — сирота,—
Редкою гривой, чтоб удержаться вверху.
Неоперившийся, в комлях еще, в пуху,
Слабый орленыш, паривший под солнцем один...

Но и не мужа простого воинственный сын,—
Славного Зула-хана потомок прямой,
Славного Узюнг-хана единственный сын,
В битву вступивший даже со смертью самой;
Родине счастье давший, врагов разогнав;
Названный Джангром; круглым слывя сиротой,
Ставший двенадцати западных стран мечтой,
И сновиденьем семи восточных держав,
И упова̀ньем владык четырех сторон,—
Имя чье — Джангар державный, великий нойон
Всюду прославлено, и вблизи и вдали,
Эхом лесным отдается в ушах земли».

И еще вопрошающим скажут потом:
«Восседающий в белом покое своем
Под балдахином шелковым, цвета зари,
И вдавивший свой локоть в подушку лаври,
И глядящий на землю свирепым орлом,—
Джангар владеет этой нетленной страной,
Этой бессмертной, благословенной страной!»

На берегу океана, что снега белей,
На бесподобном скате горы ледяной,
В самом стыке семи священных морей,
Желтая башня высится над крутизной.
На золотом она основанье стоит,
На сорока подпорах в сиянье стоит,
Сорок ее поддерживают столбов
И украшают чистейшие чиндаманй,
Стройно ступени бегут, опираясь на львов,
Красные стекла окон горят, как огни,
В рамах из красных сандалов пылают они.
Купол увенчан скипетром из серебра,
И разукрашена бумбулва бахромой,
Чьи золотые махры развевают ветра.

Если же спрошено будет: «Кто из людей
Башней владеет?» — ответ найдется прямой:
«Скакуна приучивший к борьбе силачей,
Лютых врагов поражать приучивший копье,
Приучивший, подобное тетиве,
К всевозможным лишениям тело свое;
Восьмивековый, со снегом на голове,—
Башней владеет старик Шикширги издавна,
Перед которым трепещут враги издавна!»

К югу от башни, в зеленой долине — там
Множество златостенных молелен стоит
Белый покатый хурул посредине там,
С благостной верою неразделен, стоит.
Это — хурул седокудрого Шикширги.
Под покровительством мудрого Шикширги
Неисчислимые шебенеры живут,
В благоуханье истинной веры живут,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славят в напевах радостное бытие.

Синей водой омываемая морской
И голубой орошаемая рекой,
Не умещающаяся в пределах земли,—
Расположилась, теряющаяся вдали,
Вотчина многотюменная Шикширги,
Вотчина благословенная Шикширги.
Люди его сопричастны счастью его
И благоденствует всё под властью его.

В самом предгорье, словно воздух, легка,
Дивная башня белеет издалека,
О красоте которой сложили рассказ,
Ставший излюбленным чтеньем двенадцати стран.

К югу от башни, в кругу зеленых полян,
Сорок молелен стоит, окружая хурул.
Это — владетеля горного края хурул,
И пребывает пятьсот шебенеров там.
Истинной веры собранье примеров там,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славят святое, радостное бытие.

К северу от бумбулвы долина видна,
Вотчина мудрого властелина видна,
Люди его сопричастны счастью его
И благоденствует всё под властью его,
Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто властелин
Этой чудесной земли?» — ответствуют там:

«Богача Алтан-хана единственный сын,
Богатырь светлоликий Алтан Цеджи,
Ясновидец великий Алтан Цеджи,—
В битвах еще не терпел поражения он,
Не проиграл ни разу сражения он!»

Там, где черный, глубокий шумит океан,
Есть гора, что зовется Гюши-Зандан.
У подножья горы берега хороши.
Там блестит, как жемчужина, башня Гюши.
Описание башни, стоящей в тиши,
Стало чтеньем излюбленным тысячи стран.
К югу от башни, в кругу зеленых полян,
Множество великолепных молелен стоит,

А посредине — белый покатый хурул,
С благостной верою неразделен, стоит.
Сразу видать: это — самый богатый хурул,
И пребывает пятьсот шебенеров там,
Истинной веры собранье примеров там,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славят святое, радостное бытие.

А на север от башни пространство легло —
Это Бумбы несметное ханство легло,
Не умещающееся в пределах земли.
И опирается ханство, теряясь вдали,
На бесконечно темнеющий океан.
В башне Гюши, говорят, пребывает хан,
Люди его сопричастны счастью его
И благоденствует всё под властью его.
Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто из людей
Башен и вотчин владетель?» — ответствуют там:

«Знамя державы держащий в руке своей,
Во всеуслышанье провозгласивший: «Мои
Все племена, все богатства, все страны земли!»
Славного хана Узюнга единственный сын,—
Джангар-сиротка — этой страны властелин!»

Буйно шумел у державы могучей в ногах
Бумбой зовущийся океан-исполин.
В сутки бывало на гладких его берегах
По́ три прилива и по́ три отлива всегда.
Утром навстречу ветру стремилась вода
И наносила россыпи чиндамани:
Сразу желанья людей исполняли они;
Только вечерняя наступала пора,
Как начинался в другом направленье прилив
И прибывала вода, берега покрыв
Множеством зерен золота и серебра.

В пору полудня, когда тяжелеет зной,
С пеной у рта боролась волна с крутизной.
Бился, тоской обуян, седой океан
В сто девяносто тысяч бэря глубиной.
Был он таким широким, что балабан
Среброголовый, с багряно-белым крылом,

С барсовым сердцем, в битвах сходный с орлом.
Птица, что может покрыть, в небесах паря,
Взмахом единым крыл девяносто бэря,
Птица, которой не страшно бремя пути,—
Трижды снесла бы яйца во время пути,
А не сумела бы перелететь океан,
На полдороге бы затонул балабан,—
Так, именуемый Бумбой, широк океан...
Был властелинам знаком чужестранным он,
Слыл у них Джангра Богдо океаном он,
И только снился завистливым ханам он.

А в головах державы стояла гора.
С запада глянешь — напоминала гора
Крылья расправившего седого орла,
Со стороны же востока похожа была
На престарелого льва, раскрывшего пасть.
И выделялась горы серединная часть,
И называлась белейшей горой Манхан,
И оставалась мечтой двенадцати стран...

Эта держава богоизбранной была,
Мощной, семидесятиханной была,
Сколько могущественных было ханов там,
Столько же было больших океанов там,
Все это были Джангра владения там...

Месяцы начинались весенние там.
И повелел Гюмбе, знаменитый герой,
Карего, точно котел, оседлать коня,
Чтобы поздравить Джангра с Цаган-Сарой.
Ехали вместе с Гюмбе, бронею звеня,
Славных его три тысячи богатырей,
Шумной толпой понеслись, спеша поскорей
Джангра-владыку поздравить с Цаган-Сарой,
С выходом из холодов, с весенней порой.
Вдоль океана неслись, и за ними вдали
Пыль поднималась, и в красной высокой пыли
Скрылись просторы желтой прибрежной земли

Только узнал ясновидец Алтан Цеджи,
Что собираются люди у хана сейчас,
Отдал приказ ясновидец Алтан Цеджи,
Чтоб оседлали его Улмана сейчас,

И поскакал богатырь долиной своей,
Сопровождаемый храброй дружиной своей,
Стражей трехтысячной, что спешила скорей
Джангра-владыку поздравить с Цаган-Сарой,
С выходом из холодов, с весенней порой.
Перевалили хребты Сандаловых гор,
В красную пыль погрузили степной простор.

Следом за ними выехали до зари
Все остальные желтые богатыри,—
Были дружинам тесны пределы земли.
Через вершину, зовущуюся Толи,
Воины мчались шумной, веселой толпой,
Семьдесят две реки заполняя собой.
И заполняли тюмены Джангровых слуг
Белую гору Йонхор, кривую, как лук.

Спрашивали тогда друг у друга бойцы,
Избранные из каждого круга бойцы:
«Кто же отсутствует в золотой бумбулве?»
И прозвучал вопрос громогласный тотчас:
«Где же ухватистый Хонгор Красный сейчас,
Где же владелец прекрасной башни Бамбар,
Что на прибрежье Сладкого моря видна?»

А в это время владелец башни Бамбар,
Что на прибрежье Сладкого моря видна,
Хонгор, Лев быстроглазый, приказ отдает:
«Тридцать пять барсов — семья великанов Богдо
Ханы семидесяти океанов Богдо,
Видимо, съехались у дворцовых ворот.
Сивого Лыску мне оседлай, коневод!»

Выбежал коневод за ограду дворца,
Вмиг оседлал он игренего жеребца,
Не нарушая истиных правил притом,
И скакуна своего направил потом,
Как приказал ему Хонгор, к тучным лугам,
Шелковый приторочив аркан к торокам.
Триста бойцов с коневодом помчалось вперед.

Десять тюменов — самых отборных пород —
Сивых лысок хангайских собрал коневод
У голубых верховьев реки Харгаты,—

Сильных коней удивительной быстроты.
Гору проехал он девичьей белизны.
Мимо обрывов невиданной крутизны,
И показаться могло, что подул ураган,—
Это пригнал он к разливам Кюнкян-Цаган
Десять тюменов хозяйских быстрых коней,
Десять тюменов хангайских быстрых коней.

В мелкий песок превращая глыбы камней,
Мчались ущельями гор табуны коней.
Остановились у холода светлых вод,
И, выделяясь из прочих лихих скакунов,
Лыско прекрасный, уши вонзив в небосвод,
Взор устремляя к верхам далеких хребтов,
Гордо стоял, предвидя событий черед,
К разным уверткам готовясь уже наперед.

Белый, как девушка, молодой коневод
Ехал по склонам, кличем бодрым звеня.
Тысячу раз он ударил по бедрам коня.
Статный подпрыгнул на месте игрений конь,
Сразу помчался в серебряной пене конь

Так, что казалось, расплющил копыта совсем,
Сбруи железо, казалось, разбито совсем!
И коневод, подбоченясь одной рукой,
Длинный аркан отцепив рукою другой,
Разом скрутил его в десять тысяч витков,
И к табунам подъехал близко тогда,
И наскочил на гущу лихих косяков,
Где находился прекрасный Лыско тогда.
Лыско пригожую голову мигом прижал
К тонким, высоким ногам и легко пробежал
Между ногами высокорослых коней,
Перескочил через низкорослых коней
И поскакал поверх невысоких трав.
Так поскакал он, голову так задрав,
Что не задел его белой, как вата, спины
Шелковый толстый аркан огромной длины,
Всадником ловким удерживаемый с трудом
Меж указательным и наладонным перстом.

Лыско под небом скакал, как стрепет, летуч.
Лыско носился пониже трепетных туч,

Камни могучие низвергая с горы,
Но коневоду на скате Хангая-горы
Все ж удалось арканом огромной длины
Белой, как вата, коснуться конской спины,
Перехватив ремни прекрасных стремян.
Так молодой коневод натянул аркан,
Что искривилось правое стремя там,
В землю вонзилось левое стремя там!..

Конь коневода стоял в это время там
Грудью вперед, подбородком касаясь тропы
И упираясь копытами в прах земной,
Будто копыта его — стальные столпы!
Длинный аркан, в человечий стан толщиной,
Был коневодом натянут, как тетива,
Сделался тонким, как жила, держался едва,
Так и казалось: он оборвется вот-вот!

Спрыгнул с коня своего молодой коневод.
Длинный аркан наматывая без конца,
Он осторожно добрался до бегунца,
Спину погладил, как вата белую, он.
Крепко схватил пятернею смелою он
Вздрагивающую, ровную челку коня.
Шелковый повод накинул на холку коня —
Тонкой работы, прекрасного образец.
Бросил уздечки из лхасского серебра
И золотые метнул удила, наконец.

Сивому Лыске по́ сердцу эта игра!
Он удила золотые поймал на лету
И золотыми клыками сверлил их во рту.
И коневод, закрепив узду ремешком,
Повод на гриву прекрасную положа,
Сивого Лыску повел спокойным шажком,
За цельнослитный чумбур скакуна держа,
К берегу моря, где башня Хонгра стоит.

Лыско подумал: «Иду к великану я,
Дай-ка приму поскорее достойный вид.
Как надлежит, перед Хонгром предстану я!»
Поднял он хвост, как будто красуясь хвостом,
И облегчился от лишнего груза потом,
Красный живот подтянул он гладкий потом,

И жировые разгладил он складки потом.
Самым красивым из множества сивок стал.
С выгнутым жёлобом сходен загривок стал,
Челка, достигшая зорких, прекрасных глаз,

Стала траве-неувяде подобна сейчас.
Всю перенес он к крестцу красоту свою.
Всю перенес он к глазам остроту свою.
К твердым копытам своим — быстроту свою,
К белой груди — все, что было игривого в нем,
К стройным ногам — все, что было ретивого в нем.
С гладкими ребрами бегунец боевой,
С гордо посаженной, маленькой головой,
С двоицей дивных, подобных сверлам, очей,
С двоицей ножницевидных, высоких ушей,
С мягкой, изнеженной, как у зайца, спиной,
С грудью широкой такой, как простор степной,
С двоицей, как у тушкана, передних ног,
Напоминающих на скаку два крыла,
С двоицей сильных, стремительных задних ног,
Вытянутых, как ученые сокола,—
Вытянутся, лишь наступит охоты час,—
Лыско подумал, до башни дойдя: «Вот и час
Пробил, когда седлать настала пора!»

Только на Лыску набросили подпотник
Из настоящего лхасского серебра —
Лыско семь тысяч прыжков проделал здесь.
Только набросили желтый, как знамя, потник —
В землю скакун уперся, затрясся весь,
Стал он глазами вращать, дыша тяжело.
И, наковальне подобное, быстро легло
На́ спину сивого Лыски большое седло.

Только ремень от седла протянулся под хвост,—
Бешеный Лыско подпрыгнул до самых звезд!
Но коневод собрал свою силу в руках
И катаур натянул о восьми язычках,—
И, точно плетка, скрутился весь катаур,
Складками жира покрылся весь катаур.
И заскакал на месте красивый скакун,
Блещущий сбруей хангайский, сивый скакун,—
Крепко держал его за чумбур коневод!
И, наконец, настал облаченья черед

И для хозяина алого, как заря.
Было таким облаченье богатыря:
Цвета травы-неувяды рубаха была;
Дивный бешмет из кожи кулана был;
Цвета железа, каленного добела,
Плотный терлек на плечах великана был.

Все это стягивал тонкий пояс резной,
В семьдесят лошадей пятилетних ценой...
Хонгор обулся в пару прекрасных сапог,
В пару сафьянных, кровяно-красных сапог
На стодвухслойчатых дорогих каблуках.
И, поворачиваясь на таких каблуках,
На́ голову надел он серебряный шлем —
Крепость его наковальне подобна была.

Богатыря обряжала, следя за всем,
Дочь Айилгата, ханша Зандан Зула,—
Около Хонгра кружилась, множество раз
Все примеряя на свой взыскательный глаз.
Ханша ему на бедро нацепила платок,
Благотворящей исполненный силы платок,
Каждый узор на шелковом этом платке
Стоил по меньшей мере двенадцать шатров.

Хонгор нагайку зажал в железной руке.
Внешний вид богатырской нагайки таков:
Было не стыдно держать исполину ее!
Мощные шкуры пятидесяти быков
Вложены были в сердцевину ее.
Мощные шкуры семидесяти быков
Теплою шубою покрывали ее.
Тысяча угловатых на ней ремешков.
Поочередно в тисках сжимали ее
Избранные силачи нетленной страны,
Долго держали нагайку в слюне змеи.
Были искусно тесемки переплетены,—
Словно узоры на скользкой спине змеи.
Снизу была снабжена ладонью стальной
В два толщиной и в четыре пальца длиной.
Всех ее пуговок сразу не сосчитать.
И сиротой выраставший, не в частом бору,
Семьдесят лун высыхавший на жарком ветру —
Крепкий сандал пошел на ее рукоять.

Да, украшеньем нагайки была рукоять,
Но и нагайке дано рукоять украшать!

Хонгор помчался в красе багряной своей,
Сопровождаемый храброй охраной своей —
Было три тысячи в ней лихих силачей.
Над головами верных своих силачей
Хонгор на целое возвышался плечо,
А быстроногий скакун, дыша горячо,
Зная, что вырвется из рядовых коней,
Мчался, в пыли за собой оставляя путь
И выдаваясь на целую львиную грудь.

Так, дождевую напоминая грозу,
Ехали всадники вниз по теченью Зу.
И когда по раскрашенному тебеньку
Хонгор Багряный ударил на всем скаку
И отпустил поводья коня наконец,—
Легкою тучкой от грузной грозы дождевой —
От рядовых коней отлетел бегунец
И поскакал между небом и мягкой травой.
Тьмою темневший у башни владыки Богдо
Необозримый народ великий Богдо,
Толпы самых прославленных барсов земли
Тихо беседу между собою вели:
«Там, где белеет Сладкое море вдали,
Тонет дорога в прозрачно-красной пыли.
Поднята пыль, очевидно, сивым конем.
Хонгор, сын Шикширги, несется на нем».

Все исполины Джангра на этом сошлись.
Вниз не успели взглянуть, не взглянули ввысь,
Лев, оторвавшись от храброй дружины своей,
С громом пронесся придворных селений южней,
Северней Джангровой бумбулвы золотой,
Солнечным светом со всех сторон залитой.

Освободив от сафьянных сапог стремена,
С неутомимого сивого скакуна
Хонгор под знаменем желто-пестрым сошел...
Если на знамя Богдо надевали чехол,
То затмевало целое солнце оно.
Если же знамя реяло, обнажено,—
Семь ослепительных солнц затмевало оно!

Споря, толкаясь, к белым поводьям вдруг
Бросились дети бесчисленных Джангровых слуг
И обернули эти поводья вокруг
Белой седельной луки девяносто раз.
Из-под подушки треногу достали они,
Только стреноживать Лыску стали они,
Лыско брыкнулся четырнадцать тысяч раз
И, не по правилу, справа чумбур растянул.
Сталью тогда коневод ему ноги согнул.
Гривою с солнцем играя, взметая песок,
Сивый скакун потрясти, казалось, готов
Силой булатных копыт — владенья врагов!

Еле заметно, слегка, на правый висок
Хонгор серебряный шлем надвинул потом,
И рукава назад он откинул потом,
И по рядам удивленья гул пробежал:
Он, словно с вызовом, к белым ладоням прижал
Пальцы, исполненные десяти даров.
Смотрит народ, изумление поборов,—
Гордой горой стоит он у всех на виду!
И развевались, пленяя девичьи сердца,
Хаишей подстриженные в минувшем году,
Ханшей подправленные в текущем году,
Иссиня-черные волосы храбреца.

Темная шея с круглой башней сходна
И возвышается над необъятным хребтом,
Сильным и твердым, что крепостная стена,—
Мог бы верблюд холощеный резвиться на нем.
Серьги жемчужные несказанной красы
Переливались, прельщали игрою своей,
И трепетали, подобно каплям росы,
У богатырских ушей, позади челюстей.
Грозен был черный прищур холодных очей.
Щеки горели, крови быка горячей.
Как ледяная скала, белело чело.
На самородное похожий стекло,
Беркутовый сидел между скулами нос.
Воин, которому в первый раз довелось
Хонгра увидеть, был бы весьма поражен!
А богатырские бедра одарены
Силою ста двадцати шулмусовых жен,

И двадцатисаженной они ширины.
Плечи могучие мощью орлиной сильны,
И сорокасаженной они ширины.
Тонкой была середина стана его!
Сказывают, всегда колыхалась слегка
Верхняя половина стана его...

«Верно, мы видим сейчас великана того,
Что именуется красным солнцем земли!»
Так рассуждали бойцы, смотря издали.
Многие воины были там хороши,
А наглядеться на Хонгра они не могли!

Хонгор направился в сторону араши,
В ней обитал отшельник — лама Галдан.
Молча семь тысяч раз обошел великан
Келью святого, счастливого миром своим,
Несколько тысяч раз поклонился он.
Благословил его лама очиром своим.
Хонгор, покачиваясь, как сандаловый ствол,
Что в одиночестве рос, песком окружен,—
По направлению к Джангровой ставке пошел,
И загудели, завидев его издали,
Самые славные барсы вечной земли.

Хонгор вошел, сбросив занавес у дверей
И придавив отборнейших богатырей,
Перед владыкой-нойоном Хонгор предстал
И со счастливой поздравил Цаган-Сарой.
Также поздравил он ханшу Ага Шавдал
С выходом из холодов, с весенней порой.
Сел он среди великанов нойона Богдо,
Слева, у самого выступа трона Богдо,
И положил на подушку великий смельчак
Свой, наковальне подобный, тяжкий шишак.

И подозвал молодого Хонгра к себе
Снами своими прославленный хан Гюмбе —
Необозримых владений могучий хан,
Роя людских сновидений могучий хан!
Хонгра себе на колени могучий хан
Тут посадил и погладил его по лицу,
Молвил Гюмбе такие слова храбрецу:

«Силой своей остановишь, внушая страх,
Ста государств нападение, Хонгор мой!
Силой своей ты способен повергнуть в прах
Четверти мира владения, Хонгор мой!
Сила великой Бумбы родной,— Хонгор мой!
Солнце, горящее над страной,— Хонгор мой,
Славишься всюду приветом и лаской ты!
Сделался стран многочисленных сказкой ты!
К вам обращаюсь, Джангар, великий нойон!
Истинной мудростью Хонгор ваш наделен.
Родине предан он,— сила в этом его,
Надо прислушиваться к советам его».

Хонгор опять уселся у трона Богдо,
Слева, среди силачей нойона Богдо.
Кто ж они, с левой сидящие стороны,
Избранные, нетленной Бумбы сыны?
Это — несметных владений могучий хан,
Роя людских сновидений могучий хан,
Снами своими прославленный хан Гюмбе.
Силой прославленный, непобедимый в борьбе,
Высится Хонгор следующим за Гюмбе.
Далее восседает Хавтин Энге Бий,
Ловкостью знаменит исполин Энге Бий.
Так вот, один за другим, до самых дверей
Высятся слева семнадцать богатырей.

Кто же из самых отборных справа сидит?
Мудрый Алтан Цеджи величаво сидит.
Он — ясновидец, прославленный в мире земном,
Тайну грядущего ясным провидит умом.
Следующим хан Мунхаль сидит за Цеджи.
Слух о Мунхале страны перешел рубежи.
Славен находчивостью сын Кюлика — Мунхаль.
В трудных делах — советчик великий Мунхаль.

Рядом с Мунхалем сидит криволобый Мангна,
Целое войско сразить не могло бы Мангна.
Сыном приходится хану Босуду Мангна,
Силой чудесной прославлен повсюду Мангна.

Далее Савар среди полукруга сидит —
Тяжелорукий сын Маджиг Туга сидит.

Савар уже не в одном прославил бою
Всесокрушающую секиру свою,
Славен могуществом он в нетленном краю.
Так вот, один за другим, до самых дверей
Высятся справа семнадцать богатырей.
Так восседали герои в ставке вождя,
До двадцати тюменов числом доходя.

В самой средине сидел повелитель их,
Джангар-нойон, государства правитель их.
Благоуханье от шеи Джангра неслось.
Шло благовонье от Джангровых черных волос.
Был он воистину, Джангар Богдо, велик!
Ярко на лбу загорался Майдера лик,
Темя распространяло сиянье Зунквы,
А несравненная маковка головы
Распространяла сиянье Очир-Вани...
Так восседал исполненный счастья нойон,
Счастья, каким полны только дети одни!

Слева нойона, пленительного, как сон,
Выше левого полукруга Богдо,
Этой страны восседала чиндамани —
Месяцеликая супруга Богдо.
Дочь именитого Зандан-хана она,
И, точно лотос, благоуханна она,
В шелковые одетые шивырлыки,
Так ее две тяжелых косы велики,
Что, если взяли бы даже под мышки их,
То все равно оставались бы лишки их!

Стан ее гибкий затянут был, говорят,
В шелковый, пышный терлек; богатый халат
Был у нее на плечах и звался Нармой,
Белый убор головной сверкал бахромой,
Блеском своим озарявшей лопатки ее.
В круглое зеркало шеи гладкой ее
Как бы гляделись чудесные серьги ее,
Четверти мира известные серьги ее,
В целую тысячу кибиток ценой!

Солнечный блеск излучался ханской женой.
Светом таким сиял владычицы взор,
Что вышивали при нем тончайший узор,

Так он сиял, что мог бы табунщик при пем
За табуном следить и во мраке ночном.
Море народа взглянуть на ханшу текло,
Нежную, как луны золотое стекло.

Сорок зубов, как сорок блестят жемчугов.
Белые пальцы белей хангайских снегов.
Ласточкиным крылом изогнулась бровь.
Губы такие красные, что сперва
Чудилось: вот-вот капнет горячая кровь.
Паве прекрасной такая к лицу голова!
Данные свыше, были заметны для всех
Восемьдесят способностей ханской жены.
Сладок был голос ее и нежен был смех.

И, восседавшие у широких дверей,
Так рассуждали, нойоншей восхищены,
Шумные полчища желтых богатырей:
«Наш господин с прекрасной нойоншей своей
Ныне владыки многих земель и морей.
Ныне власти не знают пределов они,
Но повелителями державы святой,
Благословенной народом славной четой
Сделались вследствие наших йорелов они!»
Между собою герои шептались так:
Эта чета любому была дорога...

Вот показался главный дворцовый дарга.
Тридцать и пять жеребцов он в арбу запряг,
Толстыми бочками он уставил арбу.
Выехал к берегу быстрой, бурной реки,
Чтобы набрать арзы и начать гульбу.

Там, где текли потоки одной араки,—
Перегонять их в арзу давал он приказ,
И перегонкой этой заведовал он,
Бочки легко наполнялись арзой, и не раз
Браги хмельной из каждой отведывал он.
Вот, золотые затычки заткнув наугад,
Он к бумбулве нойона поехал назад.
Так, под хмельком, всю дорогу ехал дарга,
И пред глазами мелькали поймы, луга.

Вот он подъехал к башне владыки страны,
Разом к тележке бросились беков сыны
И подхватили бочонки и понесли
К башне, где ждали барсы нетленной земли.
Было немало носильщиков богатырей,
Дальше порога все ж донести не смогли
Бочки с питьем: тяжела хмельная арза!
Остановились богатыри у дверей,
Глядя в недоуменье друг другу в глаза:
У силачей, оказалось, силы и нет!

Но в это время к беднягам направил шаг
Воин, достигший пятнадцати шумных лет.
Это — Санал, прославленный в ханстве смельчак.
И наковальне подобный крепкий шишак
Быстро надвинул Санал на правый висок,
Поднял бочок, что был широк и высок,
И, рассмеявшись, в башню понес его.
Даже коленом не поддержав его,
Сразу понес к властелину держав его.
Грозных богатырей началось торжество.

Тут виночерпий, Менген Герел — исполин,
В бочку с арзой опустил огромный кувшин.
Чаши певцов наполнил он в первый черед.
Звались певцы, услаждавшие свой народ:
Звонкий, семигодовалый Дуун Герел,—
Блеск серебра в песнопеньях его горел.
Нежный, пятигодовалый Тангсан Герел,—
Каждый напев его жаром любви горел.
Круглые исполинские чаши певцов
Восемьдесят не могло бы поднять бойцов,
Но сладкопевцы чаши свои без труда
Только двумя перстами держали всегда!

Первое слово песни хвалебной воздав
Джангру, владыке семидесяти держав,
Дети проделали песенных пять кругов.
И когда, как плоды, покрылись росой
Жаркие, желтые лбы хмельных смельчаков,
Жажду свою утоливших черной арзой,
Снова проделали песенных пять кругов.

Слева сидящих богатырей полукруг
Славу нойону и храбрым сынам воздал.
Справа сидящих богатырей полукруг
Честь Аранзалу и всем скакунам воздал.
Превознесли и ханшу-супругу бойцы,
Крепкую клятву дали друг другу бойцы:

«Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим;

Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы;

Груди свои обнажим, и вынем сердца,
И за народ отдадим свою кровь до конца;

Верными Джангру, едиными будем вовек
И на земле будем жить, как один человек;

Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать;

И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог;

Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленного добела;

И да не будет страшна никому никогда —
Рассвирепевшего океана вода;

И да не сыщется никогда силача,
Что убоялся бы ледяного меча;

И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы;

Да не содеем поступка другому во вред;
Трех избежим чудовищ, трех страшных бед:

Выполним клятву, чтоб совершенства достичь,
Высшего светлого круга блаженства достичь!»

Так повторяли, полны отваги святой,
Заповеди великой присяги святой.
Так пировали семьдесят ханов Богдо
И тридцать пять стальных великанов Богдо.
От изобилья арзы и дыханья весны
Сваливались исполины в темные сны,
Спали тогда, не на ложах покоясь, они:
Друг другу на́ ноги головы положив,
Образовали железный пояс они.

День засыпал, могучие веки смежив,
Благостный вечер уже по земле шагал.
Прекрасноликая ханша Ага Шавдал
Тысячеструнные в нежные руки свои
Гусли взяла о восьмидесяти ладах.
Желтые гусли собрали звуки свои,
И зазвенели на нижних семи ладах
Звонкие шастры — сказанья древней поры.

Славный владелец тысячезубой горы,
Самый прекрасный воин вселенной Мингйан,
Свет и краса державы нетленной — Мингйан
Следовал гуслям серебряным юных певцов,
На золотой дуде повторяя лады,
Словно ручьи, что сливаются с разных концов,
Пение гуслей с пеньем сливалось дуды.
Голосом, смешанным с пламенем и грозой,
Хонгор им подпевал, насытясь арзой.
Звонкий, семигодовалый Дуун Герел,
Нежный, пятигодовалый Тангсан Герел
Дюжины дивноголосых певцов во главе
Славили мир в своей золотой бумбулве́.

Желтое солнце верхи деревьев зажгло,
Желтое солнце мира над миром взошло.
Джангар проснулся под пенье и говор тогда.
И быстроногий дебелый повар тогда
Сочные, жаркие блюда поднес ему.
Но равнодушен был властелин ко всему,
Ни к одно́му не притронулся блюду Богдо!
Этот нойон, прославленный всюду Богдо,
Видно, давал отстояться думам своим.
Всех поразил он видом угрюмым своим!

Так обратился к владыке Алтан Цеджи,
Мудрый провидец великий Алтан Цеджи,
Правых бойцов возглавляющий полукруг:
«Джангар Богдо! Что с вами случилось вдруг?
Враг ополчился могучий на ваш народ?
Или большой предстоит и трудный поход?
Или предатель таит измену в тиши?
Так осчастливьте, Богдо, наградою нас,
С нами скорей поделитесь, радуя нас,
Мудрыми думами вашей белой души!»

Но властелина остался сомкнутым рот.
Храбрый Джилган тогда выступает вперед:
«О мой нойон, мой Джангар, мой брат, мой герой,
Выситесь вы над миром Сумéру-горой,
Сумеречны почему вы ныне, Богдо?
И почему в таком вы унынье, Богдо?
Может быть, месяцеликая ваша жена,
Дочь Зандан-хана, недугом поражена?
Будда свидетель: верные воины мы,
Будем ли наконец удостоены мы
Знать о причине вашей тревоги, нойон?»

Вновь ничего не ответил строгий нойон.
«Так и быть, повиновенье нарушу я,—
Молвил Джилган,— а продолжу, не струшу я!
Что доложу я вам, слушайте, не дыша,
И да пристыжена будет ваша душа.
Джангар! Хитрыми ханами Желтой реки
Некогда — помните — вызван был я на спор.
Суд оправдал меня клевете вопреки.
Был мне, Богдо, наградою ваш приговор:
«Выполню я тридцать три пожеланья твои,
И тридцать три я прощу злодеянья твои!»
Был бедняком — не просил я как будто у вас.
Был сиротой — не искал я приюта у вас.
С просьбой теперь обращаюсь к вам в первый раз:
Всех осчастливьте, Богдо, наградою нас,
С нами скорей поделитесь, радуя нас,
Мудрыми думами вашей белой души!»

Джангар Богдо ничего не ответил опять.
Крикнул тогда Джилган в напряженной тиши:
«Что же, ты славою вздумал всех запугать?

Так мы за Хонгром славным, великим пойдем!
Что же, ты вздумал всех красотой запугать?
Так за Мингйаном прекрасноликим пойдем!
Если ты силою вздумал всех запугать,—
Кто же сильнее Савра стального, скажи?
Если ты мудростью вздумал всех запугать,—
Кто же умнее провидца Алтана Цеджи?
Барсов таких немало на свете, как ты.
Все мы такие же ханские дети, как ты!»
С этим горячий Джилган покинул вождя,
Вышел из башни, вслед за собой уводя
Семьдесят ханов и тридцать пять силачей.

Молвил великий нойон, не подняв очей:
«Рыжего моего приготовь, коневод!»
По луговой мураве скакун Аранзал
Бегал, играя, у холода чистых вод.
Там коневод недоуздком его привязал
К дереву, что сиротой росло вдалеке.
Так Аранзала на нежном красном песке
Три недели подряд коневод продержал...
Был наконец к походу готов Аранзал.

Если же спрошено будет теперь: из чего
Так заключаем? — ответствуем: «Прежде всего
Жир, отложившийся на животе скакуна,
Был к пузырю мочевому подтянут сполна;
Стала, как заячья, мягкой и нежной спина;
Конь подтянулся от головы до хвоста;
Стала величественной головы красота;
Стала траве-неувяде подобна сейчас
Челка, достигшая зорких, прекрасных глаз;
В гладком крестце собрал красоту свою;
В круглых глазах собрал остроту свою;
В стройных ногах собрал быстроту свою;
Опередить быстролетных птиц он бы мог,
Ожеребить семьсот кобылиц он бы мог!»
Вот он оседлан уже по законам страны.
В блеске предстал Аранзал пред нойоном страны,
Вышел из башни своей в это время нойон.
Ногу вдевает в левое стремя нойон,—
К небу подпрыгнул скакун с подъятым хвостом
И опустился на прежнее место потом,

Голову спрятал под грудь, понесся вперед.
Ловкого всадника — Джангра — страх не берет,
Джангар понесся, грозный, как целая рать.
Острая пика могла бы до неба достать.

Берегом Сладкого моря помчался нойон.
К башне могучего Хонгра подъехал он.
«Здесь ли ты, Хонгор?» Хонгор услышал тогда.
«Здесь!» — он ответил и к Джангру вышел тогда.
Молвил Богдо: «Неведомо мне до поры,
Где же пролиться крови моей суждено!
Хонгор, не знаю, на скате какой горы
Высохнуть горстке моих костей суждено!
Хонгор, не знаю, ада какого на дно
Быстрой душе моей опуститься дано!
Хонгор мой, управляй же нашей страной,
Хонгор мой, укрепляй же наш край родной!»

И распростился нойон, как будто навек
Бумбу покинул. Помчался во весь опор
И переправился через семьдесят рек,
Бывших ему неизвестными до сих пор;
Видит нойон: с Алтаном Цеджи во главе,
Справа сидевшие в золотой бумбулве,
Скачут семнадцать бойцов навстречу ему.
Старый Цеджи обратился с речью к нему:

«Остановитесь на миг, великий нойон!
Выслушайте меня, луноликий нойон!
Вздоха надменных уст вы пожалели мне,
Вот почему, во-первых, обижен я.
И подчиниться вы повелели мне
Хонгру, мне равному,— вами унижен я,—
Вот почему, во-вторых, обижен я.
В-третьих,— когда не нужна вам, в расцвете дней,
Бумбы страна, то и я не нуждаюсь в ней!»

«Что ж, пребывайте в счастье»,— владыка сказал.
И поскакал восхода правей Аранзал.
Мчался куда — неизвестно, во весь опор,
Ветра быстрее был Аранзала бег.
И, переправившись через семьдесят рек,
Бывших ему неизвестными до сих пор,
Джангар увидел: с Гюзаном Гюмбе во главе,

Слева сидевшие в золотой бумбулве,
Скачут семнадцать бойцов навстречу ему.
Смелый Гюмбе обратился с речью к нему:

«Остановитесь на миг, великий нойон!
Выслушайте меня, луноликий нойон!
Вздоха надменных уст вы пожалели мне,
Вот почему, во-первых, обижен я.
И подчиниться вы повелели мне
Хонгру, мне равному,— вами унижен я,—
Вот почему, во-вторых, обижен я,
В-третьих,— когда не нужна вам, в расцвете дней,
Бумбы страна, то и я не нуждаюсь в ней!»

«В счастье пребудьте»,— нойон отвечал тогда.
Перевалив через гору Гандиг-Алтай,
Он поскакал на восток, неизвестно куда —
Травки повыше, пониже пернатых стай.

* * *

Вскоре дошли до ближних и дальних стран
Слухи о том, что лишь один великан —
Хонгор — остался на страже родной земли.
Слухи об этом и до шулмусов дошли.
Был у нечистых владыкой Шара Гюргю.
Вестью взволнован великой, Шара Гюргю
На две недели себя жаркого лишил,—
Пищи любимой себя сурово лишил!
Ни на кого свирепый шулмус не глядел...
Хана спросил вельможа Хурдун Шара —
Чарами преображения он владел:
«Что ж не едите жаркого, хан мой, с утра?»

«Слушай, мой знатный вельможа Хурдун Шара!
Есть у подножья Гандиг-Алтая страна,
Под восходящим солнцем лежит она.
Вечной земли бесконечны пространства там,
Джангра-сиротки раскинулось ханство там,
Джангра, который выставить может в борьбе
Тридцать и пять великанов, равных себе,
И одного, что сильней его самого,—
Хонгром Багряным зовут исполина того!

Ныне, слыхал я, держава Бумбы в беде:
Джангар-нойон со своей расстался страной,
Тридцать и пять храбрецов неведомо где
Ныне скитаются, край покинув родной,—
Хонгор теперь нетленной страны господин.
Хонгор — герой, исполин, но Хонгор — один.
Что, если нам на державу Бумбы напасть,
Что, если нам утвердить над Бумбою власть,
Что, если гордую башню разрушим у них,
Что, если мы океаны иссушим у них,
Что, если светлое солнце потушим у них,
Что, если белую гору обрушим на них,
Что, если красную пыль мы поднимем у них,
Что, если Алого Хонгра отнимем у них,
Свяжем прославленного великана мы,
Бросим героя на дно океана мы —
В пропасти бросим седьмой преисподней земли?»

«Истина то, что сейчас вы произнесли! —
Молвил вельможа в ответ на ханскую речь.—
Все же хочу вас, владыка, предостеречь:
Что, если Джангар где-нибудь жив до сих пор?
Что, если полчища наши встретят отпор?»
Страшный Гюргю взглянул на вельможу в упор.
«Смелость нойона и мощь не опасны мне! —
Было ответом на слово Хурдуна Шары.—
Так же, как Джангру-нойону, подвластны мне
Необычайных перевоплощений дары!»

Ханом Гюргю был объявлен великий призыв,
И на призыв собралась великая рать.
Вскоре был средний объявлен владыкой призыв,
И собралась шулмусская средняя рать.
Вскоре был малый объявлен владыкой призыв,
И собралась шулмусская малая рать.
Гуще песков покрыли пространства они.
Гул поднялся́: шли на Джангрово ханство они.

Как бы ни была мягкая степь велика,
А не хватило травы для рати такой.
Как бы ни была полной и долгой река,
А не хватило воды для рати такой.
Вражьи полки по степи ураганом прошли —

«Джангар».
Худ. В. Фаворский.

И до владений Енге Цагана дошли:
Это был подданный Джангра, первый богач.
Рати, которой мало целой реки,
Вдоволь хватило черной его араки,—
В летописях не нашлось бы подобных удач!
Вдоволь хватило также пищи мясной
Рати, которой был узок простор степной.
Рать подкреплялась одиннадцать лун сполна,
Но пребывала спокойной Бумбы страна...
Вскоре неслыханные пошли грабежи.
Опустошили владенья Алтана Цеджи,
Двинулись вниз по океану войска,
Страшный вред причинили Мингйану войска,
Башня Гюмбе на пути была снесена...
Но пребывала спокойной Бумбы страна —
Так бесконечны просторы вечной земли!

Слухи о войске в полдень до Хонгра дошли.
Заклокотало сердце Багряного Льва.
Он коренными зубами заскрежетал.
Ум задрожал, ошалела его голова —
Белая и тяжелая, как сандал.
Быстро в хурул побежал и сказал дунгчи:
«В белую раковину свою прокричи,
Чтобы со всех сторон собрались ковачи!»
И протрубил шестикратно звонкий дунгчи:
Прибыли разом из разных сторон ковачи,
Около башни работать стали они.
За день вокруг бумбулвы нойона Богдо
Крепость воздвигли из черной стали они,—
Скорой такой работы не помнил никто!

Хонгор вбежал во дворец, нашел в кладовой
Белый упругий лук с тугой тетивой.
С давних времен, по словам стоустой молвы,
Лук не разинул ни разу своей тетивы!
Пробовал — не сумел силачей полукруг,
С Джангром Богдо во главе, согнуть этот лук,
И не согнул его Алый Хонгор сейчас!
А в это время шулмусов буйная рать
Начала Джангра дворец уже окружать
И опоясала семьдесят тысяч раз

Башню, в которой жил когда-то нойон...
Что камыши, колыхались древки знамен!
Чудилось: ча́кан густой внезапно возник —
Это щетинились кончики частых пик!
Десять отваг появилось у Хонгра вдруг,
Силы напряг — и согнул дальнобойный лук,
И не одну тетиву натянул, а две.
Сколько могло уместиться на тетиве,
Столько набрал он тогда быстролетных стрел,
А выпускал он их разом, в один прицел,
Разом снимая восемь тысяч голов.
В битвах таких прошло две недели тогда.
Целыми стаями стрелы летели тогда,
Разом снимая головы сотне полков.
Хонгор стоял, как барс, на страже дворца...

Преображений таинственных властелин,
Важный Шара нацелился в храбреца
Из-за семидесяти четырех дружин,
И тетива так натянута крепко была,
Что, наконец, раскалилась она добела,
Искры посыпались, пропадая в земле;
Из бугорка, что служил опорой стреле,
Красная стала просачиваться вода;
Прянула с лука и полетела стрела.
Взвизгнула тонко и засвистела стрела,
Правую руку Хонгра пробила тогда.

Вскрикнул ухватистый Хонгор, Алый герой,
Вспомнил о Джангре, несущемся вдалеке,
Где-нибудь за мо́рем, где-нибудь за горой.
Голос хозяина слышит Оцол Кеке —
И побежал тропой потаенной скакун,
И побежал за супругой нойона скакун.
Прибыла к Хонгру ханша Ага Шавдал,
Битву прервать она приказала ему,
Правую руку перевязала ему.
Хонгор опять на защиту родины встал.

В Хонгрово ханство скакун полетел как стрела,
Прибыл и вдруг застыл, опечаленный, там:
Видит он: вместо дворца — развалины там!

Мечется Хонгрова ханша Зандан Зула,
Ищет норы, куда бы зарыться могла,
Ищет куста, под которым укрыться б могла.
Сивого Лыску внезапно видит она:
Он быстроног, и спасет он Зандан Зулу!
Но, по всем правилам оседлав скакуна,
Ханша булат прикрепила к его седлу,
И, четырем поклонившись копытам коня,
Молвила: «Хонгра спасая, спасешь меня,
Как бы теперь не лишился жизни герой,
Этот единственный в бедной отчизне герой,
В бедной отчизне, которую бросил нойон!
В мире найдется такой, как у Бумбы, закон,
В мире найдется такой, как у Бумбы, хан,
В мире найдется, как Бумба, такой океан,
Есть еще ханство, подобное Бумбе-стране,
Есть еще ханша на свете, подобная мне!
Сивый скакун, я не сто́ю заботы твоей —
Ты поспеши к предводителю богатырей,
Ты поспеши на спасенье белой души,
Вывезти Алого Хонгра, скакун, поспеши!»

Сивый скакун летит к ездоку своему.
Видит он мерзких шулмусов тьмущую-тьму,
Детища мрака быстро за ним понеслись,
Двинулись кони во всю прекрасную рысь,
Вот ухватиться хотят враги за чумбур,
Сделанный из драгоценных оленьих шкур.
Кажется: вот они, рядом, близко теперь!
Но разве может сдаться Лыско теперь?
Всю быстроту собрал отчаянный конь,
И прибежал к своему хозяину конь!
Десять отваг у Хонгра в груди бурлят.
Силы напряг и, выхватив длинный булат,
С кличем геройским напал на среднюю рать.
С выбором головы вражьи начал снимать:
Он, обезглавливая спесивую знать,
Также и лучников, грозных стрелков, не щадил.
Лишь подневольных одних бедняков он щадил!
Алый герой на миг обернулся назад.
Видит он: полчища к башне Джангра спешат,
На скакунах несется толпа за толпой...

Хонгор подумал: «Что же мне делать с тобой,
Джангрова башня, которая — позади?
Что же мне делать, свирепый Гюргю, с тобой —
Ханом шулмусов, несущимся впереди?
Эх, перед тем, как в пропасть я попаду,
В то раскаленное море, что льется в аду,
В бездну седьмой преисподней черной земли,—
Я на тебя, свирепый Гюргю, нападу,
Пестрое знамя твое растопчу в пыли,
И твоему золотому темени я
Сорок ударов, Гюргю, нанесу сплеча,
Выбью твои сапоги из стремени я
И посмеюсь, по земле тебя волоча!»

Врезался Хонгор в дружину хана Гюргю,
Знамя сорвал он у великана Гюргю,
И растоптал, и златому темени здесь
Истинных сорок ударов нанес сплеча.
Выбил ханскую ногу из стремени здесь,
Пикой коснулся шулмусского силача,—
Поздно! Исчадья адского племени здесь
Хонгра настигли; десятком тысяч мечей
Ребра его с одной стороны пронзены,
Ребра его с другой стороны пронзены
Целым тюменом отточенных бердышей.

Сотни посыпались на́ голову мечей,
Семьдесят копий вонзились в стальной живот,
Падает Хонгор и Джангра тихо зовет...

«Я ли, на страже поставленный, сдамся в бою?
Я ли покрою позором душу свою?!»

Хонгор хлестнул Оцола Кеке по стегну.
Вытянулся хангайский сивко в струну
И поскакал вперед, и рассыпались вмиг
Тысячи копий, мечей, бердышей и пик.
Хонгра терзали четырнадцать тысяч ран —
Время ли думать о ранах? Он встал, великан,
Ринулся вихрем на неуемную рать
И отогнал от башни огромную рать —
К броду речному, к подножью горы прижал
И засмеялся, да так, что мир задрожал:

«Ох, и дурак же ты, бедный шулмусский хан!
И велика же глупость твоя, великан!
Начал ты рано считать мои раны, Гюргю!
Есть еще в нашей стране великаны, Гюргю!
Что запоешь ты, завидев Бумбы моей
Тридцать пять барсов, тридцать пять силачей?»

Белую Хонгрову мудрость покрыл туман,
И растянулся на черной земле великан.
К бедному Хонгру подъехал лютый Гюргю,
И заковал исполина в путы Гюргю;
К мощной арбе приковав его цепью стальной,
Что с человечье туловище толщиной,
Кликнул одиннадцать тысяч шулмусов тотчас,
Дал он свирепым шулмусам такой приказ:
«Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Кожей плетеной лупите его, молодцы!
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Сталью каленой сверлите его, молодцы!»

Хонгор терпел,— приходилось плохо бойцу!
Муки принять за время вздоха бойцу
Столько пришлось, как будто из ада в ад
Хонгор скитался двенадцать веков подряд.
«В нижнюю бездну, седьмую, бросьте его,
В жаркое море, где сварятся кости его!
И стерегите семьдесять лет!» — повелел.
«Да никогда не вернется на свет!» — повелел.

К темной норе великана поволокли,
Соединенной с безднами нижней земли,
И на державу Бумбы напали потом,
И завладели неисчислимым скотом.
Образовалась дорога среди травы
После угона Джангровых табунов.
Разом семью путями, среди муравы,
Джангра народ погнали, Бумбы сынов.
И, ни сирот, ни грудных детей не щадя,
В цепь заковали, в кучу согнали они
Семьдесят ханских жен и супругу вождя,
И, словно мулов, женщин погнали они!
Предали Бумбы народ позору они,
Предали Бумбы добро разору они,
И развенчали белую гору они,

Светоч нойоновой славы потушен был,
Джангра дворец многоглавый разрушен был
И океан величавый иссушен был.

Гордости полон, ехал по ханству Гюргю,
И не нашлось бы пределов чванству Гюргю.
Ехали, торжествуя, шулмусы теперь.
«Эй, расселите Джангра улусы теперь
Между соленых и ядовитых морей,
На корневищах редких сухих ковылей!»
Так приговаривал злобный Шара Гюргю,
Тьме преисподней подобный Шара Гюргю.

* * *

Бумбу покинув в расцвете светлых времен,
Цели скитанья еще не достиг нойон.
Так он долго блуждал с утра дотемна,
Что у его шустроглазого скакуна
Жира не стало и с лезвие меча.
Так он долго блуждал, в пустынях влача
Трудные дни, что совсем о Хонгре забыл.
Так он долго вдали от родины был,
Что позабыл о Бумбе родной давно.

В дальнюю даль забредя,— во сне ль, наяву,
Вдруг замечает он желтую бумбулву.
В огненно-красное заглянул окно —
Девушка там восседала, как месяц, мила.
И до того прекрасна она была,
Что, если ночью влево глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая левая сторона,—
Можно было бы все дерева сосчитать!
Если же ночью вправо глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая правая сторона,—
Можно было бы все дерева сосчитать!
Джангар проник в окно и за руки взял
Дивную девушку; спрятав ее в карман,
Сел на коня; вперед поскакал Аранзал
Мимо пустынь, путями неведомых стран...

Прибыли к морю, что бронзой горело в кругу
Темных лугов, и, выстроив на берегу

Башню из белого камня в древесной тени,
Джангар женился на лучезарной рагни,
Стали товарищами и друзьями они.

Счастьем одним осиянны, минули дни,
И забеременела нойона жена.
И, увидав, что девятая светит луна,
Мальчик решил: пора появиться на свет!
И перерезали пуповину мечом,
Имя которому было: Давший Обет.
И наслаждались родители малышом.

Только блеснуло солнце третьего дня,
Новорожденный сел уже на коня
И поскакал на охоту,— пищи достать,
Чтоб накормить и отца и милую мать.
Множество дичи всякой добыл он и шкур...
Стали родители жить охотой его,
Нежной своей баловали заботой его,
Имя же новорожденному дали: Шовшур.
Сказывают: однажды, охотясь в лесу,
Пыльную мальчик заметил вдали полосу,
Поднятую на востоке могучим конем.
Пыли навстречу, на быстром Рыжке своем,
Он поскакал и выехал вскоре на луг.
Мальчик увидел семнадцать седельных лук,
Крепко привязанных к ним семнадцать коней,
Между которыми грозной мощью своей
Карий, точно котел, выделялся скакун,
Каменною горою казался скакун.
Были копыта подобны лапам слона.

«Видимо, конь предводителя самого!» —
Мальчик решил и видит: в тени скакуна
Воины дремлют,— семнадцать их было всего.
Славный Гюзан Гюмбе возглавлял храбрецов.
«Видимо, это и есть начальник бойцов»,—
Умный Шовшур сказал самому себе.
На ездока взглянул великан Гюмбе,—
Разом узнал Аранзала Гюзан Гюмбе!
«Что за шулмусское семя сидит на нем?
Где завладел он Джангра могучим конем?
И на какой крутизне, по каким местам
Он повелел развеяться Джангра костям?

Как бы его на землю низринуть сейчас,
Как бы его с Аранзала скинуть сейчас!»

Так поразмыслив, Шовшура спросил исполин;
«Житель какой ты державы? И чей ты сын?»
Мальчик ответил: «Не знаю, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, как зовется мой край родной.
В дикой пустыне живу, а вместе со мной —
Мать и отец. Живем, как ты понял, втроем...
А теперь об отряде скажи мне своем:
Что вы за люди? Кто вам приятель, кто враг?
И почему ваши кони заезжены так?»

«Воины мы Зандан-хана,— молвил Гюмбе,
Истину скрыв,— и едем обратно к себе
С доброю данью, взятой у трех Шаргули —
Сильных владык далекой восточной земли,
На́ вот, к отцу отведи, охотник ты мой!»
И подарил он Шовшуру коня одного.

Вечером поздно вернулся Шовшур домой,
И на пороге отец встречает его
И говорит: «Поглядите, как сын дурной
Честное имя позорит отца своего!
Ты почему мне чужого двухлетку привел?
Разве тебе для того я жизнь даровал,
Чтобы в кочевьях ты жеребят воровал?»
Джангар схватил малыша за стальной подол
И, в исполинской руке Шовшура вертя,
Тридцать раз оземь ударил свое дитя.
Слова не молвил нойону юный смельчак,
Только надел свалившийся медный шишак
И, напоив Аранзала, отправился спать.

Утром он выехал на охоту опять.
Долго скакал, ничего не видя вокруг,—
Красная пыль издали показалась вдруг,
Поднятая, очевидно, могучим конем.
Пыли навстречу, на резвом Рыжке своем,
Он поскакал и выехал вскоре на луг,
Мальчик увидел семнадцать седельных лук,
Крепко привязанных к ним семнадцать коней.
Превосходил остальных красотой своей

Мощный буланый, резвый на вид скакун.
Мягкая, как у зайца, блестела спина.

«Видимо, старшему принадлежит скакун»,—
Мальчик решил — и видит: в тени скакуна
Воины дремлют, а всех — семнадцать бойцов.
Мудрый Алтан Цеджи возглавлял храбрецов.
На ездока взглянул седокудрый Цеджи,
Разом узнал Аранзала мудрый Цеджи.
«Что за шулмусское семя сидит на нем?
Где завладел он Джангра могучим конем?
Где же он кости Джангра Богдо разбросал,
Где же мальчишкой захвачен скакун Аранзал?»

Так поразмыслив, спросил величавый Цеджи:
«Чей же ты сын? Из какой ты державы, скажи?»
Мальчик ответил: «Не знаю, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, как зовется мой край родной.
В дикой пустыне живу, а вместе со мной
Мать и отец,— в забытом живем углу!»
«На вот, отцу отвези, охотник ты мой»,—
Молвил Цеджи и синюю дал стрелу.

Вечером поздно вернулся Шовшур домой.
Джангар навстречу вышел в степную тьму.
Мальчик безмолвно стрелу подает ему.
Вздрогнул нойон, поник нойон головой,
Будто пронзен каленой этой стрелой:
Бумбы клеймо горело на синей стреле!
Вспомнил нойон о милой, щедрой земле,
Вспомнил он Хонгра — силу и славу свою,
Вспомнил он Бумбу, вспомнил державу свою!

«Милый Шовшур, кто вчера тебе дал коня?»
Мальчик сказал: «Как обычно, в начале дня
Я на зверей охотился в дальнем лесу.
Вдруг замечаю пыли густой полосу,
Поднятую, очевидно, могучим конем.
Пыли навстречу скачу на Рыжке своем
И нахожу на лугу семнадцать коней,
А среди них выделяется мощью своей
Карий скакун, чьи копыта, как лапы слона!
Видимо, старший хозяином был скакуна.

Воин, сидящий повыше других силачей,
Видимо, старшим у них исполином был,
Я не сказал бы, чтоб он властелином был,
Видимо, был подчинен владыке боец,
Но показалось мне: это — великий боец!
Ежели в спор с владыкою вступит он,—
Даже владыке ни в чем не уступит он!»

«Кто же тебя наградил сегодня стрелой?»
«Я на зверей охотился в дальнем лесу.
Вдруг замечаю пыли густой полосу,
Пыли навстречу помчался вихря быстрей,
Вижу на привязи я семнадцать коней,
А между ними красный, как солнце само,
Высится конь, чья грива, как пара крыл.
Стыдное место хвост величавый прикрыл,
И на стегне — золотое Бумбы клеймо.
Видимо, старшему принадлежал скакун,
Видимо, беркута опережал скакун!
Этим конем владел величавый старик,
Видимо, славный герой, белоглавый старик.
Ежели в спор с владыкою вступит он,—
Даже владыке ни в чем не уступит он!»

И мальчугану Джангар-нойон отвечал:
«Милый Шовшур! Ты моих бойцов повстречал!
Богатырями владел и ханами я,
Белой горой владел и полянами я,
Был я владыкой всяких богатств и чудес.
Семьюдесятью владел океанами я,
Счастьем своим превзошел я счастье небес.
Хонгром владел я — силой и славой своей,
Бумбой владел я — милой державой своей,
Был я стремленьем семи надземных держав,
Был сновиденьем семи подземных держав,
Облагодетельствовал народы свои!..
Осиротел я в ранние годы свои,
Был Узюнг-хана великого сыном я,
Был одиноким у своего очага.
Джангром зовущийся, был властелином я,
Самого сильного я подавлял врага!

Все же постылой судьба моя стала мне:
Видно, тогда не полным я счастьем владел,—

Всем я владел, но тебя не хватало мне!
Ты — моего нетленного счастья предел!
Войско покинув, на поиски сына пошел.
Бумбы взамен я тебя, мой мальчик, нашел,
Мой драгоценный Шовшур, отрада моя! —
Джангар воскликнул и на́ руки взял дитя.—
Я потерял немало, тебя обретя:
Хонгор, великий Хонгор — утрата моя!»

«Были совсем одиноким на свете вы,—
Молвил отцу мальчуган,— так ответьте вы,
Кто же этот Хонгор? Найдете ли снова его?
Вы призываете, что ни слово, его!»
«О мой Шовшур, отрада моя из отрад!
Стану считать я семеро суток подряд —
Не перечислю Хонгра достоинства все!
Что перед ним хваленые воинства все!
Был бедняком я — был он моим скотом.
Был я сироткой — был он моим хребтом.
Края родного живой он крепостью был,
Лаской моей и моей свирепостью был.
Был он гонителем всех осужденных мной,
Был победителем всех побежденных мной!..»

И половины похвал он не досказал,—
Семьдесят раз громкозвучно проржал Аранзал:
«Ежели, человек, не измучился ты
И по стране родной не соскучился ты,—
Я, рыжий конь, по Бумбе затосковал!»
И задрожал властелин, услышав коня.
Сразу же был оседлан скакун Аранзал,
Сразу была стальная надета броня,
Сел на коня богатырь, Шовшура позвал:
«Видишь, вдали дугой искривлен перевал,
Выступил кряж и другой за ним, потемней?
Это — владенья матери доброй твоей.
Алый Шовшур, на вершину мать отвези,
К родичу, хану Шиджину, мать отвези!

Знай, мальчуган: от отца рождается сын,
Чтобы надежной опорой родине стать.
Помни, что Бумба в тебе нуждается, сын!

Только доставишь на место милую мать,
К Северной Бумбе скачи»,— приказал нойон.

И поскакал, своей быстротой упоен,
Рыжий скакун, будто зайцем встревоженным был
Долгие годы скакун стреноженным был...
Перевалил через горы вечные он,
И переплыл моря быстротечные он.
Вскоре возрадовалась нойона душа:
Видит он земли свои, разлив Иртыша!
Берегом Сладкого моря нойон полетел,
Ищет он башню, которой Хонгор владел,
Ищет... ужель застилает глаза пелена?
Там, где когда-то Хонгра дворец блестел,
Выросла жесткая, редкая белена!
Джангар спешит к воротам своей бумбулвы.
Думал он башню свою золотую найти,—
Видит коленчатые стебли травы!
Ни сиротинки нет, ни щенка на пути,
Нет ни звериной, ни человечьей молвы...
«Был же я некогда ханом страны родной,
Бумбы страна была же немалой страной.
Были же люди когда-то в этой глуши,
И не единой теперь не осталось души?
Что-то не верится мне! На розыск пойду...»
Джангар пошел по стране. Все тихо вокруг,
Видит одну белену, одну лебеду.
Долго бродил он — и возникает вдруг
Черная хижина, войлоком крыта худым,
Из обгорелого дымника вихрится дым...

«Есть ли живая душа?» — спросил властелин.
Вышел из хижины древний старик и сказал:
«Видимо, Джангар приехал, Узюнга сын?
Видимо, прибыл рыжий скакун Аранзал?»

«Что за беда постигла державу, старик?»
«Не перескажешь всего: заболит язык!
С многотюменною ратью в страну проник
Лютый шулмусский владыка Шара Гюргю.
Люди дрожали от крика Шара Гюргю.
Предали Бумбы народ позору враги,
Предали Бумбы добро разору враги,
Брошен был Хонгор, твой отважный герой,

В бездну седьмую, бурного моря на дно.
Ныне стоишь ты рядом с той самой дырой,
Адской норой, по которой не так давно
Двигалась нечисть, пленного Хонгра гоня...»

«Старец почтенный, постерегите коня:
Видеть хочу седьмой преисподней места!»
Два золотых шеста раздобыл властелин.
Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Джангар спустился к седьмой преисподней земли

* * *

Сутки прошли, вторые, третьи прошли —
Прибыл Шовшур в державу отца своего.
Пусто кругом, пойдешь — не найдешь никого,
Ни сироты, ни щенка... Покой, забытье,
Нет ни звериной, ни человечьей молвы...
Долго бродил он по листьям жесткой травы...
Пики сандаловой видит он острие,
Около хижины рыжий стоит Аранзал.
Сел на коня мальчуган и громко сказал:

«Если здесь люди живут, отпустите чумбур!»
Юный смельчак услышал ответ старика:
«Не отпущу я чумбура, мальчик, пока
Не возвратится хозяин издалека!»
«Старец,— ответил трехгодовалый Шовшур,—
Рыжего скакуна отпустите чумбур,
И разыщу я тогда следы паука,
Ползавшего одиннадцать лет назад,
Двинусь дорогою маленького жука,
Ползавшего четырнадцать лет назад,
И превращу я сирот в счастливых детей,
И превращу я народ в свободных людей!»

«Видимо, ты родовитым отцом рожден!
Видимо, ты за отчизну борцом рожден!
Смело ступай, с исполненьем задуманных дел
К деду вернись, вернись в родимый предел»,—
Молвил старик и стальной отпустил чумбур.
С ним распростился трехгодовалый Шовшур.

Узкой тропою, подобной старой змее,
Рыжий помчался, принюхиваясь к земле.
Выбрался конь к перекрестку семи путей:
Бумбы державу гнали шулмусы по ним,
Угнаны были Джангра улусы по ним,
Угнано было много скота и людей...
Выбран был Рыжим средний, обычный путь,
В месяц проделывал он трехгодичный путь,
В сутки проделывал путь двенадцати лун,
Реки широкие брал он прыжком одним!
Вскоре к морям ядовитым прибыл скакун,
К подданным Джангра, к бедным кочевьям родным.

Сразу признал Аранзала Бумбы народ,
Но ездока-мальчугана не признает...
«В рабстве томились в единой надежде мы:
Джангар прибудет, Джангар освободит,
И заживем на воле, как жили прежде мы,
И позабудем ярма мучительный стыд.
Ясно теперь — напрасно мечтали о нем:
Мальчик, по-видимому, нойона убил,
Если не в честной борьбе — потаенно убил
И завладел Аранзалом — рыжим конем.
Нет, не увидим уже отчизны родной!»
Так говорили, горькой печали полны,
Недругом порабощенные Бумбы сыны.

«Чья вы страна?» — спросил у них мальчуган.
«Были мы раньше славного Джангра страной,
Ныне же нами владеет шулмусский хан,
Враг человечества, страшный Шара Гюргю».
«А далеко ли до башни Шара Гюргю?»
Люди ответствовали: «Трехмесячный путь».
Дальше помчался Шовшур, захотел свернуть,—
Видит он: тонкая пыль взвилась полосой,
И на двухлетке, покрытом потной росой,
Мимо него мальчуган какой-то летит,
Быстро летит, молодым галчонком глядит.

«Я задержался, и ты последуй за мной,
Останови коня, побеседуй со мной,—
Крикнул Шовшур,— дорога покуда светла!»
«Ну, покороче, в чем дело? — спросил малыш,—

Вести мои важны, неотложны дела!»
«Вот потому-то, что с важной вестью спешишь,
Остановил я тебя: послушать хочу».

Мальчик ответствовал юному силачу:
«Некогда жил я в обетованном краю
Джангра — владетеля многих земель и морей.
Ныне при хане Шара Гюргю состою...
Два полукруга Джангровых богатырей
Прибыли, в битву вступили за край родной.
Если же витязи наши начали бой,
Значит, его победой закончат они.
Значит, вернутся прежние вольные дни.
Вот и решил я поведать Бумбе своей,
Чтоб от шулмусов откочевала скорей,
Наших обрадую скорой победой теперь!»

Заволновался Шовшур: «Поведай теперь,
Силы шулмуса Шара Гюргю каковы?»
«Слушай же: крепостная стальная стена,
Хонгром воздвигнутая вокруг бумбулвы,
Ныне к твердыне Гюргю перенесена.
А за стальною — стена из диких камней,
Крепость из крепкого дуба стоит за ней,
А за тремя крепостями стоят войска,
Гуще песков дружины, земля им узка!..»

Обнял Шовшур мальчугана, воскликнул он:
«Некогда мне говаривал Джангар-нойон:
Есть у него среди прочих великих рек —
Таволга. Сорок тысяч кибиток на ней.
Пусть они будут отныне твоими навек.
А доживем с тобою до радостных дней,
Бумбу верну,— не так еще награжу.
К нашим кочевьям, к туманному рубежу
С вестью желанной теперь к народу спеши:
Пусть откочуют все до единой души!»

Мальчик умчался, благословляя судьбу.
Крикнул Шовшур в открытое ухо коня:
«Черных четыре копыта твоих отшибу,
Если, как молния, завтра к средине дня

К башне Шара Гюргю не доставишь меня!»
Рыжий ответил: «Не обесславлю тебя,
Завтра к полудню к башне доставлю тебя,
Через утесы в жемчужной пене промчусь,
Ветром по океану Терпенья промчусь
И перепрыгну через провалы земли...
Войском большим покажусь я врагам издали,
Шум подниму я за многотюменный полк.
Не сомневайся: исполню я ратный долг.
И затрепещет шулмусов темная рать,—
Стоит ей только багряную пыль узнать,
Поднятую Аранзалом, рыжим конем.
Полчища целые мы под собой сомнем...
Если же витязя клятву нарушишь ты,
Крепость из дуба, Шовшур, не разрушишь ты,
И не разрушишь крепость из диких камней,
И не разрушишь крепость стальную за ней,
И заградительной не перейдешь черты,
И не сломаешь решетку ханской юрты,—
Не пощажу я детской шеи твоей!»
И поскакал он каленой стрелы быстрей,
Резвостью споря с ящерицею пустынь.
Вот показались бойницы грозных твердынь.
Войску подобный, скакун прискакал стремглав.
Затрепетали передовые, узнав
Пыльное облако, поднятое скакуном.
Два полукруга Джангровых богатырей
Видят коня и мальчика видят на нем.
«Савар,— промолвил Цеджи,— поезжай скорей:
К нам приведи коня властелина Богдо,
Мальчика надо спасти нам — сына Богдо,
Не допусти его до крепостных ворот».
Савар помчался на резвом Лыске вперед
И за чумбур ухватился, но крикнул Шовшур:
«Клятву я дал скакуну, отпусти чумбур!»
Савар слова пропускает мимо ушей,
К богатырям увести мальчугана спеша.
Только привел его — тридцать и пять силачей
Стали поочередно ласкать малыша.
Молвил трехлетний Шовшур, не слезая с коня:
«Время найдем, поверьте моим словам,
И для того, чтобы вы ласкали меня,
И для того, чтобы я приласкался к вам,
Кончим сначала ратные наши дела!»

Врезался грозный Гюзан Гюмбе, как стрела,
В левую половину вражеских войск.
Врезался мудрый Алтан Щеджи, как стрела,
В правую половину вражеских войск.
Врезался трехгодовалый Шовшур, как стрела,
В самую середину вражеских войск,—
И привели в замешательство вражью рать,
И беспощадно рубили богатых стрелков,
И, не считая, рубили важную знать,
Лишь подневольных одних бедняков щадя.

Пики с мечами стали ручьями дождя.
Сорок знамен растоптали богатыри,
Сорок побед одержали богатыри.
Долом, ярыгами черная кровь текла,
Стали кольчугами богатырей тела.
Бились ведомые мальчуганом бойцы,
Бились подобные ураганам бойцы,
Грозных врагов разгоняли, как мелкую дичь.

Крикнул Шовшур боевой богатырский клич.
И к деревянной крепости, тучи темней,
Он полетел и копьем развалил ее.
И наскочил на крепость из диких камней,
Пики своей острием развалил ее.
И полетел он к стальной стене крепостной,
Но не сумел он пробраться к воротам ее:
Около крепости, твердым оплотом ее,
Встали дружины шулмусов плотной стеной.
Тьмою тюменов казался шулмусский строй.
Бой продолжался четыре недели здесь.
С полчищем целым бился каждый герой,
Головы в кованых шлемах летели здесь.

Крикнул Шовшур перед башней Шара Гюргю:
«Слушай, свирепый и страшный Шара Гюргю!
Только тогда завладел ты Бумбой, когда
Джангар покинул ее! Забрал ты стада,
Вторгся в пределы владения моего,
Не дожидаясь рождения моего!
Прибыл теперь, не ждан я, не чаян, к тебе,
Прибыл теперь настоящий хозяин к тебе,

Так почему ж ты сидишь под подолом жены?
Если тебя мужчиною звать мы должны,
Если действительно доблестный воин ты,
Если с героем сразиться достоин ты,—
На поединок я вызываю тебя!
Если же ты не мужчина, то знай: у тебя
Нет уже двух крепостей — остальные твои
Ныне разрушу я стены стальные твои,
И, заповедной достигнув черты твоей,
Выдерну я цагараки юрты твоей,
Силу твою, свирепый Гюргю, согну!»

Смелый Шовшур ударил коня по стегну.
Ринулся Рыжий,— но превозмочь вышину
Стен крепостных, достигавших нижних небес,
Конь не сумел... И Шовшур с Аранзала слез
И, размахнувшись мечом, разрубил, как траву,
Стену стальную и пешим проник в бумбулву.
Въехал за ним и Цеджи на рыжем коне.
Крикнул Шовшур: «Подъезжай поближе ко мне,
Вижу: теперь с проклятым Гюргю расплачусь,
Я за стропила серебряные ухвачусь!»

И ухватился Шовшур за концы стропил,
И повалил он юрту владыки Гюргю.
Выбежал оторопелый, дикий Гюргю,
С трехгодовалым Шовшуром в борьбу вступил.
Падали, поднимались и падали вновь.
Паром над ними всходила черная кровь.
Панцирями высекали огонь из камней.
Равная битва длилась одиннадцать дней,—
Юный Шовшур лишился последних сил:
Слишком он молод, слишком неопытен был!

Крикнул Цеджи: «Твой отец, владыка владык,—
Как бы противник ни был высок и велик,—
Шею сгибал, и, вражий кушак натянув,
Быстро к бедру своему супостата пригнув,
Ногу ему подставлял могучий нойон.
Как бы противник ни был тяжел и силен,
Так поднимал его Джангар в прежние дни,—
Что над землею болтались ноги одни!»

Так мальчугана воодушевлял мудрец.
Бился еще две недели юный смельчак,
И, придавив Догшона Гюргю, наконец
Он ухватился рукой за вражий кушак,
Ногу подставил врагу и сумел пригнуть
Быстро к бедру неокрепшему ханскую грудь.
И закачались, тяжелые, как стволы,
Ноги владыки над белым камнем скалы.

Мальчик бросал его через себя, пока
Не превратились в решета шулмуса бока,
Не взволновалась вода десяти морей,
Не покраснели корни сухих ковылей,
Не обеспамятовал владыка теней,
Не растянулся Гюргю до ста саженей
И на песок не упал, могуч и высок,
Вниз животом... И Шовшур к нему подбежал,
Ханскую голову крепким локтем прижал,
На́ семь локтей голова зарылась в песок...
Поднял его мальчуган и, крикнув: «Держи!» —
Хана шулмусов подбросил Алтану Цеджи.
Тот не сумел Гюргю подхватить впопыхах.
Воин отличный, опытный в ратных делах,
Лютый Гюргю пустился к своим войскам —
Неисчислимым, подобным густым пескам.
Даром что был Шовшур неумел и юн,
А полетел за шулмусским владыкой он,
Тучи задел сандаловой пикой он.
Также помчался и резвый рыжий скакун,—
Опередив Аранзала, догнало дитя
Непобедимого великана Гюргю,
И, в богатырской руке шулмуса вертя,
Тридцать раз оземь ударило хана Гюргю.
Вниз головой Гюргю по земле волоча,
Алый Шовшур ясновидцу вручил силача.

Выехали. Сошли у подножья скалы
И заковали над задом гладким Гюргю —
Ноги его, тяжелые, как стволы.
И прикрепили к мощным лопаткам Гюргю —
Руки раскидистые, как ветви ветлы.
Бросили, связанного, к подножью скалы.
Радостный, семьдесят раз протрубил Аранзал

Два полукруга Джангровых богатырей
Молвили: «Видимо, рыжий скакун заржал,
Нашей удаче радуясь, как своей.
Видимо, наши сделали дело свое!»
Сразу дружина знамя воздела свое.
Вот великаны, такие речи держа,
Едут в обнимку, друг друга за плечи держа,
Песню поют — родимому краю хвалу.

Каждый из всадников тороками к седлу
По девяносто тысяч голов привязал.
Прибыли богатыри к гранитной скале.
Семьдесят раз опять протрубил Аранзал.
Много ли, мало ли с той миновало поры,
Как отогнали Бумбу к бесплодной земле,
Бросили Хонгра в пропасть глубокой норы?
С этой поры, печальной для богатырей,
В доме трехъярусном без трубы и дверей,
Связанный путами — шкурами диких зверей,—
Адской стреножен треногой, томился конь,—
Так под охраною строгой томился конь,
Так, без воды, без травы, страдал он в плену...
Вдруг показалось хангайскому скакуну:
Семьдесят раз протрубил родной Аранзал.
Что это, воля? Лыско заржал, задрожал,
Лыско брыкнулся — освободился от пут,
Адской треноги будто и не было тут,
Снова брыкнулся и огляделся потом:
Яростный конь разрушил трехъярусный дом!
Лыско, шатаясь меж тонких и пыльных трав
И спотыкаясь о стебли ковыльных трав,
Прибыл к родным скакунам и всех укусил
В мягкие шеи — как бы о здоровье спросил.
Всех скакунов на свете милее — свои!..
Соединили скорбные шеи свои
Лыско и Рыжко. Стояли в печали они —
Тяжко по Джангру и Хонгру вздыхали они...
Трехгодовалый Шовшур повелел пригнать
Важных шулмусских вельмож, надутую знать.
Бледных, дрожащих, в два бесконечных ряда
Друг против друга их усадили тогда,
Лотосовидной отметили их тамгой —
На протяженье года и тысячи лет
Будет гореть на обличье лотоса след —

И повелели каждому зваться слугой
Славного Джангра, а не кровопийцы Гюргю.

Молвил провидец: «Свиреполицый Гюргю!
До возвращенья Джангра и Хонгра домой
Мукам подвергнем тебя преисподней самой!»
Так порешив, помчались герои стремглав
В милую Бумбу, в родной, незабвенный край.
Много ли, мало ли времени проскакав,
Прибыли в Бумбу, в благословенный край.
Лоснились белые кряжи горы Манхан.
Бумбой зовущийся, гордый лежал океан.
Джангров дворец пылал исполинским цветком,
В мирной тиши кумирни стояли кругом,
И шебенеры, святые в деяньях своих,
Все в одинаковых одеяньях своих,
Вышли навстречу, в раковины вострубя.
И повелительница державы святой —
Родины жизни, во веки веков молодой,
Ханша Богдо взошла на престол золотой.

Люди возрадовались: опять увидал
Солнце державы своей счастливый народ!
И, посадив на колени Шовшура, Шавдал
Молвила ханскому сыну: «Всему свой черед.
Время настало — Джангар и Хонгор ушли,
Время настанет — вернутся в пределы земли,
Да, от неверного мужа рождается сып...
Мальчик мой, матери прикочевать вели,
В матери доброй всегда нуждается сын!»
Мальчик вернулся с матерью. С этой поры
В Бумбе-стране беспрерывно шумели пиры,
Морем безбрежным от диких, степных кобылиц
И молоко и арза для всех разлились,
Счастье сияло на богатырском пиру.
Бумбы страна успокоилась...

* * *

А властелин
Джангар, сустившись в невиданную нору,
Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Адские муки претерпевая в пути,
Все же сумел до четвертой земли доползти.

То на один, то на два опираясь шеста,
Джангар спустился на лоно земли седьмой.
Дальше куда? Незнакомые все места,
Дно мирозданья, дно преисподней самой!

Остановившись на миг, подумал, потом
Он побежал багровым, как пламя, путем.
Долго бежал, без счету бежал, без поры!
Вдруг замечает он: движутся две горы,
Сами местами меняются... Кинулся хан —
Что же? Глядит: забавляется мальчуган,
С места на место, словно пустые шары,
Переставляя две необъятных горы!

Джангар подумал: «Я б не поверил вовек!
Стало быть, есть и в подземной стране человек,
Есть и под Бумбой — с великой силой такой,
Переставляющий горы правой рукой!»
И мальчугана спросил о Хонгре нойон:
Знает ли, где он? И что с ним? И кем пленен?
Мальчик ответствовал, не поднимая глаз:

«Знай же: одиннадцать тысяч шулмусов собрав,
Дал им приказ владыка подземных держав:
«Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Кожей плетеною Хонгра лупите вы!
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Сталью каленою Хонгра сверлите вы!»
И выполняют шулмусы ханский приказ.
Хонгор, слыхал я, твердит об одном сейчас:
«Кто меня выручит, выведет к свету меня?
Йах! Ни сестры нет, ни брата нет у меня,
Освободителя-сына нет у меня,
Близкой души ни единой нет у меня,
Где ты, нойон, владыка нойонов иных,
Где же ты, Джангар, не слышащий стонов моих?!»
Так он рыдает. Решив, что в этом краю,
Видимо, мне суждено герою помочь,
Я перед подвигом пробую силу свою».

Джангар, который в помощники был бы не прочь
Ласточку взять или муху,— взял малыша.
И побежали, на помощь герою спеша.

Надо сказать: в преисподней уже с утра
Вечно стояла засушливая жара.
Не было ни воды, ни ковылины там.
И задыхались они, обессилены, там.
Мальчик внезапно пересекает им путь.
Джангар — к нему: «Не скажешь ли что-нибудь
О великане Хонгре?» Сказал мальчуган:
«Жажду сперва утолите, великий хан».
И перед нойоном целый возник океан.

«Знайте же, Джангар: одиннадцать тысяч раз
Погань стегает кожей плетеной его.
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Нечисть буравит сталью каленой его.
Камни разжалобились от стона его.
Слышится в стонах имя нойона его:
«Где же мой Джангар, всегда отличавший меня,
Где же мой Джангар, всегда выручавший меня?»
И, порешив, что славному Хонгру помочь
Именно мне суждено, спешу я бегом».

Джангар, который был бы, наверно, не прочь
Взять и козявку в помощники в горе своем,
Взял мальчугана с собой. Помчались втроем,
В полночь терпели холод, а в полдень — жару.
Белая вдруг возникла юртá на юру,
Смотрят — не видят веревок. Безлюдно кругом.
Входят. Огромный котел замечают в углу,
Ярко пылает очаг, кизяк — на полу,
Туши оленьи повисли над очагом.

Джангар сказал мальчуганам: «Здесь отдохнем».
Красный, как жимолость, вытянувшийся ремнем,
Джангар заснул, а мальчики стали вдвоем
Мясо варить. Старуха вступает в жилье:
Ножки сайгачьи и медный клюв у нее.
«Тетушка, пламя поддерживайте, поедим
Вкусного мяса!» Присела старая к ним.
Вскоре вскипело. Подняли крышку — беда:
Нет ни старухи, ни мяса! Решили тогда:
«Старую, видно, шулму занесло сюда!»

Снова стали варить. Сидят у котла.
Та же старуха снова в кибитку вошла.

«Прочь убирайся, карга, покуда цела!»
«Я виновата пред вами, детки мои,
Вы не сердитесь: трапезы редки мои,
Зернышко — вот и вся моя пища на дню.
Слишком я голодна...» — и присела к огню.
«Кажется, старая ведьма наелась всласть,
Кажется, не к чему ей наше мясо красть.
Что же теперь натворит? Давай поглядим».
Смотрят. Но только вскипело — что за напасть!
Мясо исчезло, старуха исчезла, как дым!

Снова решили: шулму занесло сюда.
И по душам побеседовали они
И рассказали друг другу, как и когда
За чужеземцем последовали они.
Вскоре дошли до проделок старой шулмы...
«Может быть, он и не скажет прямо, что мы
Съели все мясо, что нам он варить приказал,
Но про себя подумает»,— старший сказал.

Начали мальчики мясо варить опять.
Джангар проснулся. «Наелись, мои малыши?
Сам я сварю себе мяса, ложитесь-ка спать».
Начал варить. Уснули ребята в тиши.
Снова в кибитке вдруг появилась карга,
И на пороге остановилась карга,
Расхохотавшись. Молвил нойон: «Говорят:
«Плачущих поучай, смеющихся вопрошай»,
Ну, почему вы смеетесь?» — «Я невзначай
Глянула на вот этих уснувших ребят
И подивилась: сами блаженствуют, спят,
А в это время владыка Бумбы святой
Варит им пищу, как поваренок простой!»

«Наши дела не касаются вас никак,
В них по какому суетесь поводу вы?
Вот вам черпак, ступайте по́ воду вы!»
Он с продырявленным днищем дал ей черпак
Вместе с половником в ложку величиной.
«Выйду за нею следом»,— нойон порешил.
Вышел. Глядит: валяется молот стальной
Рядом с арканом из человеческих жил,
Около них лежит волшебный бурдюк,
Красный, для чародейства потребный бурдюк...

Джангар находчив. Он молот с арканом вложил
В красный бурдюк и назад к очагу поспешил.
Входит старуха: «Черпак у тебя худой,
Долго возилась!» В ответ ей нойон предложил:
«Пламя поддерживайте: отменной едой,
Старица мудрая, вас угостить хочу».

Джангар с каргою молча сидели, пока
Мясо вскипело. Бросился Джангар к мечу,
И, колдовского лишенная бурдюка,
Ведьма замешкалась, на потертый подол
Вывалив мясо и опрокинув котел.
Надвое Джангар Богдо разрубил каргу:
Верхняя часть полетела вверх, как стрела,
Нижняя часть под самую землю ушла.

Джангар воскликнул: «Гибель нанес я врагу,
Мальчики, ешьте!» Сели втроем у котла.
После раздумья глубокого молвил хан:
«Надо же мне к несчастному Хонгру попасть!
В эту нору спущусь я, где нижняя часть
Старой шулмы сокрылась. Когда же аркан
Зашевелится — тащите наверх его».

Вниз он спустился. Тихо кругом и мертво.
Джангар увидел белые стены юрты.
Входит, а там — рагни, и такой красоты,
Что перед ней золотая меркнет луна.
Джангру почтительно преподносит она
Пищу, исполненную богатырских сил,
Тысяче вкусов могла б угодить еда.
«Ты не слыхала,— девушку Джангар спросил,—
Скрылась ли раненая старуха сюда?»
«Что-то слыхала... колдуньей слывет она,
Кажется, в той вон лачуге живет она».

Джангар Богдо на лачугу бросает взгляд.
Семеро бритых юношей возятся там:
К туловищу прикрепляют старухин зад...
Молвила старая бритым своим сынам:
«Ныне из Бумбы надземной спустился к нам
Грозный владыка семидесяти сторон,
Джангар Богдо, нойон, прекрасный, как сон.

Видно, пришел он за Хонгром, который на дно
Бурного моря шулмусами брошен давно.
Слушайте: только в лачугу войдет нойон,
Зубы свои коренные выплюньте вмиг,
Переверните к нёбу красный язык
И превратите нойона в бесплотный сон,
И да приснится собственным подданным он!»

Крикнул нойон: «Опора владений своих,
Вот я, предмет ночных сновидений твоих,
Джангар, предел твоих вожделений дневных!»
Сло́ва еще своего не закончил он,—
Ринулись семеро бритых с семи сторон.
Стукнул их бритыми головами нойон,—
Опытный воин, Джангар их жизни лишил.
«Дай-ка войду я в дом нечестивцев»,— решил.
Джангар увидел: сидит, игрушку вертя,
В люльке железной трехмесячное дитя...

«Дерзкий! Вчера мою мать в преисподней убил,
Братьев моих семерых сегодня убил,
И после этого, Джангар, с каким лицом
Входишь в мой дом! Э, видно, в надземной стране
Между бесстыжими первым ты был наглецом!
Ну-ка, нойон, подойди поближе ко мне!»

Джангар, смеясь, приблизился к малышу.
Справа пощечину мальчик ему влепил —
Сделал щеку нойона подобной ковшу.
Слева пощечину мальчик ему влепил —
На колотушку стала похожа щека.
Начали мериться силой два смельчака.
Друг через друга тогда летели они,
Бились без отдыха две недели они,
Все же друг друга не одолели они!

Славный герой, в боях искушенный притом,
Восемьдесят и четыре удара в бок
Джангар младенцу нанес и вниз животом
Бросил его на шероховатый песок.
Меч обнажил он, способный скалы рассечь,
Головы многих мангасов низвергший с плеч.
Синяя сталь блеснула. Подумал: «Убит!..»
Но лезвие будто стукнулось о гранит,

Только скользил и отскакивал славный меч,
Сделалось, как черенок, тупым лезвие...
Крикнул тогда шулмусёнок слово свое:

«Слушай, прекрасный, как сон, великий нойон,
Бумбы надземной глава: через три луны
Ты превратишься, нойон, в мимолетный сон,
Ты сновидением станешь своей страны!»

Так он сказал — и поднялся рывком одним
И побежал. Быстроногий Джангар за ним.
Снова вступили враги в рукопашный бой.
Всю возмутил преисподнюю страшный бой!
За руку Джангар схватил наконец дитя,
Оземь ударил его впереди себя.
И, в исполинской руке младенца вертя,
Оземь ударил его позади себя.
Он шулмусёнка злобного за ворот сгреб
И придавил наковальне подобный лоб
К черной земле четыре тысячи раз.

Утром, едва наступил предрассветный час,
Поднял врага и со всех рассмотрел сторон.
Дырку под левой мышкой, не больше ушка
Тонкой китайской иголки, заметил нойон.
Вынул булат — рассек шулмусёнку бока.
Вырвал он сердце шулмусского смельчака
И заодно — кровеносный главный сосуд.
Вырвались разом огненных три языка
Прямо из сердца. Гляди: нойона сожгут!..
К предкам своим и к бурханам взывает вождь:
«Джангру даруйте вы черный волшебный дождь!»
Не отказали бурханы в просьбе такой:
Хлынула влага. Потух пожар колдовской,
Были задушены черным ливнем огни.

Джангар вернулся в юрту — к прекрасной рагни.
«Кто ты,— спросил он,— и надо ль тебе помочь
В деле каком?» — «Джангар, видишь мою красу?
Я родилась на небе, я — тенгрия дочь.
Утром однажды, когда в небесном лесу
Я собирала цветы,— схватила меня
Эта шулма и в бездну спустила меня.

О мой отец, ты дожил до черного дня!
Старая ведьма готовила в жены меня
Младшему сыну, что в люльке железной сидел,
Сыну, который нижнею бездной владел!»

«Всех истребил я: и ведьму и сыновей,—
Джангар сказал,— колдовские чары низверг.
Как же сейчас ты решаешь в душе своей:
Здесь оставаться или подняться наверх?»
«Лучше — наверх».— «Пойдем». И пошли поскорей
Прямо к аркану из человеческих жил.
«Девушка, ты возьмись за аркан»,— предложил.
«Вы поднимитесь сначала, доблестный хан».
«Девушка! Вот мой приказ: возьмись за аркан!»
«Джангар, исполненный дара великий хан,
Джангар, могу ли подняться я раньше вас?»
«Я говорю: поднимайся, таков мой приказ!»

Только зашевелился тяжелый аркан —
Мальчики потянули поспешно витье.
Девушка показалась. Увидев ее,
Мальчики переглянулись между собой.
Молвила: «Счастье даровано мне судьбой,
Ад я покину... Мудрость нойона Богдо
Неиссякаема — с ним не сравнится никто!»

Вытащив девушку, перемигнулись хитро
И перерезали отяжелевший аркан.
Грохнулся Джангар на дно и разбил бедро.
Долго лежал в беспамятстве доблестный хан.
Он сновиденьем сделался Бумбы святой.
Алого Хонгра — несбыточною мечтой...

Вдруг прибежали две мыши: муж и жена.
«Туша мясная лежит. Прекрасный обед»,—
Самка сказала... Самец заворчал в ответ:
«Равен мужчина мужчине, запомнить должна!
Разве не видишь: владыка племени он.
От одного из несчастий времени он
Ныне страдает. Не трогай его. Пойдем».
«Вот так сказал! Какое же мясо найдем,
Если не это, что попусту брошено здесь?
Кем же с тебя, муженек, будет спрошено здесь?»

Молвила самка и откусила кусок.
«Над обессиленным человеком, видать,
Мышка — и та госпожою готова стать!» —
Джангар воскликнул, и щелкнул он мышку в бок.
Жадине-самке бедро нойон раздробил.
И побежал самец изо всех своих сил
И через сутки вернулся, держа листок
В острых зубах. Вручил он супруге свой груз.
Самка погрызла — зажило сразу бедро.
«Дай-ка еще раз узнаю, каков на вкус
Этот злодей. Он поранил меня? Добро!»
Так говоря, отхватила здоровый кус.
Джангар дал ей опять щелчка, разбил ей бедро.
Самку самец упрекнул: «Не верила мне:
Я же тебе велел не трогать его.
Видишь теперь, как ужасен ноготь его!»

И побежал куда-то в ночной тишине,
И на второе утро вернулся к жене.
Новый листочек в острых зубах приволок.
Вырвал нойон из мышиного рта листок.
Снова самец побежал, терпенье храня,
И возвратился в начале третьего дня
С новым листочком. Но Джангар отнял опять.
Снова проворный самец пустился бежать
И возвратился на третьи сутки к утру
С третьим листочком. Но снова отнял нойон!

И приложил он первый листочек к бедру
Раненой мышки — и самку вылечил он.
И положил он второй на свое бедро,—
Видите, как владыка придумал хитро!
Сразу же был он этим листком исцелен,
Третий листок пожевал, проглотил нойон —
Сразу же на ноги встал... Кромешная мгла:
Пропастью мрачной эта местность была.
Солнце, светившее здесь в недавние дни,
Было, как понял нойон, сияньем рагни...
Только не стало ее — потемнело вокруг...

Насторожившись, Джангар услышал вдруг
Звуки сладчайших напевов где-то вдали.
И побежал он вперед и вдруг увидал

Нежной листвой венчанный цветущий сандал,
Чья голова достигала верхней земли.
Только ложилось дыхание ветерка,
Только листок другого касался листка —
Сладостные раздавалися голоса,
Звуки взлетали под самые небеса.

Джангар тянулся, даже на цыпочки встал,
А ни единого не сорвал он листка!
Стал он карабкаться на цветущий сандал,
Сутки до первого добирался сука!
Лишь на вторые сутки настойчивый хан
В муках взобрался на следующий сучок.
Двадцать листков он сорвал и спрятал в карман.
И на язык положил он один листок:
«Дай отыскать мне к утру грядущего дня
Спутников этих проклятых,— молвил нойон,—
В мыслях нечистых своих погубивших меня».
И погрузился нойон в богатырский сон.

Утром, проснувшись, владыка себя нашел
Возле мальчишек, чьи души черны, как ночь.
Из-за красавицы спор между ними шел:
Не уступали друг другу тенгрия дочь.

Джангар, красавице обещавший помочь,
Сразу отправил ее в родительский дом.
«Здесь оставайтесь, паршивцы. Уйдете — потом
Не пощажу вас. Куда бы ни скрылись — найду:
И наверху и внизу, на земле и в аду».

Так приказав, отправился Хонгра искать,
Огненно-красной тропой побежал опять.

Снадобья и напитки держа на виду,—
Тысячи вкусов исполненную еду,—
Вдруг появились три темнооких рагни.
Джангар спросил — а спрашивал он об одном,
О великане Хонгре. Сказали они:
«Эти места были прежде глубоким дном
Бурной реки, не имевшей брода вовек.
Но только Хонгор — гордость народа вовек —

Вскрикнул трикраты, не вытерпев адских мук,—
На́ три потока река разделилась вдруг,
Образовав с этих пор три брода, нойон.
Знай же теперь, опора народа — нойон:
Здесь и покинула Хонгра его душа!»

Джангар помчался, Хонгру на помощь спеша.
Долго бежал он огненно-красной тропой,
И раскаленного моря достиг нойон.
Лучники к морю сбежались со всех сторон —
Тысячи тысяч шулмусов — и начали бой.
Врезавшись в самую гущу вражьих полков,
С тыла теснил их нойон и с обоих боков.
Падали перед нойоном стены стрелков.
Был он бедою трусов, грозой смельчаков.
Видимо, смерть превратилась в его булат.
В летописях не сыскать подобных расплат!
Джангар на поле сраженья бросает взгляд,
Делает этим шулмусам быстрый подсчет:
Их оказалось не более пятисот!
Он размахнулся мечом со всего плеча —
Новая сотня гибель нашла от меча.
Долго еще рубился Джангар-нойон.
Долго с нечистыми бился Джангар-нойон,
На́ поле щедрая кровь заалела его,
Сделалось панцирем белое тело его,—
Еле держалась в этом теле душа.

Ринулись вдруг на него, тяжело дыша,
Четверо сотников — гордость вражеских сил.
Трех разрубил он, с четвертым в борьбу вступил:
Руки скрутил, подбросил его к облакам
И на лету разрубил его пополам.

Этот боец — последним был из врагов.
Хан оглянулся. Мертвые воины спят,
И только в люльке темнеющих берегов
Море качается, крупные волны кипят.
Джангар беспомощно озирался в аду.
«Как я в такое кипящее море войду,
Как же теперь могучего Хонгра найду,
Эту надежду, эту опору мою?
Дай-ка листочек сандаловый пожую!»

Лишь прикоснулся к устам нойона листок,
Как превратился нойон в зеленый листок,
В море свалился, ко дну проворно пошел.
Долго блуждал он, жарким теченьем влеком,
Шарил он по́ дну единственным стебельком,—
Кучу ветвей и груду камней нашел,
Будто их с умыслом кто-то вместе сложил.

Крепким арканом из человеческих жил
Джангар связал их и на́ берег потянул.
Камень и дерево — Джангар сразу смекнул —
Были недавно костями Багряного Льва.
И, пережеванный выплюнув лист сперва,
Истинный облик принял великий хан,
Вытащил на́ берег многовитковый аркан.
Кликнул он клич богатырской своей земли.
Так он сказал: «Если ты волшебный листок,
Если действительно ты целебный листок,
Хонгра, Багряного Льва моего, исцели!»

Брызнул владыка жвачкой зеленой своей.
Чудо свершилось: начали мозгом костей
Камень и дерево наполняться тогда,
Начали кости соединяться тогда,
Мясом покрылись, приняли жизни родник.
И постепенно Хонгор из груды возник,
В сладостный сон, казалось, герой погружен.

За́ щеку лист колдовской положил нойон
И превратился в листок зеленый опять.
Хонгор проснулся. Не размыкая век,
Молвил, зевая: «Э, видимо, человек
Тоже способен целую вечность проспать!
Кажется, некому было прийти за мной.
Если пришел ты, Джангар, владыка земной,
То выходи!» И нежданно Джангар возник,
Носом хрустальным к щеке страдальца приник,
И заключили друг друга в объятья они.
Семеро суток лобзались, как братья, они.
Счастьем и горем делились четырнадцать дней
И наконец направились в Бумбу свою —
Истосковались эти герои по ней!

«Джангар».
Худ. В. Фаворский.

Мало ли, долго ль блуждали в адском краю,
Прибыли к двум мальчуганам в начале дня.
«Вот они, с черными мыслями два молодца,
Стольким страданьям подвергнувшие меня,
Подлые — моего желали конца.
Их по заслугам следует наказать».

«Нет, мой нойон, позвольте вам правду сказать.
Вам помогли, как лучшему другу, они,
Ценную вам оказали услугу они.
Если бы не перерезали ваш аркан,
Где бы достали вы, о мой великий хан,
Листьев сандала — моих чудесных врачей?» —
Хонгор воскликнул, и озорных малышей
Взял он с собой и в родные привел места.

Дальше помчались, превозмогая жару,
И наконец над собой увидали дыру,
Взяли в могучие руки по́ два шеста,
Начали выбираться из адских глубин.
Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Муки неслыханные терпя на пути,
Все же смогли до шестой земли доползти.
Новые муки претерпевая, смогли
Два смельчака доползти до пятой земли.
Дней не считая, ночей не считая, ползли —
И поднялись на поверхность первой земли.

А над норой стояли Шовшур и Цеджи,
И мальчуган убеждал старика: «Прикажи
Людям спуститься!» И Джангар Хонгру сказал:
«Все, что я приобрел, оставив тебя,
Множеством мук претерпеть заставив тебя,—
Этот вот мальчик!» И на дитя показал.
«Так почему же прежде молчали вы,
Не говорили мне в самом начале вы
О мальчугане? Увертки вас не спасут,
Я вызываю вас, Джангар, на правый суд!»

Вскоре достигли всех богатырских ушей
Слухи о том, что вернулись к себе домой

Джангар и Хонгор — из преисподней самой!
Семьдесят ханов и тридцать пять силачей
В честь возвращенья героев устроили пир.
Отпировав неделю, в кумирню пошли.
Лама верховный, держа священный очир,
Благословил сынов богатырской земли.

Снова невиданное пошло торжество.
Джангар, едва не лишенный ходом времен
Отческого престола,— воссел на него,
И, восседая, перекладывал он
Шелковую подушку под локоть любой.
Реки медовой арзы текли без конца,
Острые шутки сыпались наперебой.
Сколько могло уместиться в пределах дворца,
Столько богатырей пировало тогда,
И наедались все до отвала тогда.

И несравненный Хонгор сказал на пиру:
«Вас я, избранники Бумбы, в судьи беру,
С нашим нойоном Джангром затеял я спор —
Тяжбу мою разреши, богатырский стан!
Этот нойон от меня скрывал до сих пор,
Что у него трехлетний растет мальчуган!»

И сообщили Хонгру свой приговор
Богатыри, посоветовавшись в тишине:
«Правда на вашей, по-видимому, стороне.
Право предоставляется вам посему —
Имя наречь, по желанию своему,
Трехгодовалому сыну Джангра Богдо».

Хонгор сказал властелину — Джангру Богдо:
«Вашего сына Лотосом я нареку,
Многое мальчик свершит на своем веку:
Только родившись, в руки взять он успел
Ваши бразды мирских и духовных дел,
Бумбы-Тибета страну воедино собрав!»

Семьдесят ханов семидесяти держав
Стали Шовшура с тех пор называть Бадмой —

Самым нежнейшим из человечьих имен.
И на великий кругооборот времен
Бумбы народы зажили мирной семьей.
Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

СОСТЯЗАНИЕ В ПЕСНОПЕНИИ

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
жил да поживал тихонько
на полянах Калевалы,
в вяйнёльских борах песчаных.
Песни пел он на полянах,
заклинания слагал он.

Пел он песни дни за днями,
ночь за ночью вел рассказы,
древнее припоминая,
первородные начала,
неизвестные ни детям
и не всем героям даже
в этом возрасте преклонном,
в уходящие годины.

Далеко молва катилась,
разнеслись повсюду вести
об искусном песнопенье
Вяйнямёйнена седого.
Долетела весть до юга
и до Похьолы холодной.

Жил-был молодой лапландец,
тощий парень Ёукахайнен.
Он сидел в гостях однажды,
странные слова услышал,
будто в Вяйнёле песчаной,
на полянах Калевалы

кто-то песни распевает
и слова слагает лучше,
чем умеет Ёукахайнен
петь отцовские напевы.

Сильно рассердился парень,
затаил он в сердце зависть
к Вяйнямёйнену седому,
лучшему из песнопевцев.
Вот он к матери приходит,
К старой матушке родимой,
говорит, что хочет ехать,
в путь отправиться желает
в земли Вяйнёлы далекой
перепеть седого Вяйнё.

Но отец не отпускает,
мать не позволяет ехать
в земли Вяйнёлы далекой
перепеть седого Вяйнё.

Говорит им Ёукахайнен:
«Хороши отца познанья,
знает мать намного больше,
я ж умнее вас обоих».

Не послушался, поехал.
Впряг он в сани золотые
жеребца кровей горячих
и, усевшись на сиденье,
примостившись поудобней,
резвого ударил плетью,
вытянул кнутом жемчужным.

Едет не спеша, не гонит.
Едет он два дня, две ночи,
третий день в пути проводит
и на третий день подъехал
близко к землям Калевалы,
к вяйнёльским борам песчаным.

Мудрый, старый Вяйнямёйнен,
вековечный прорицатель,
едет, знай себе, рысцою

по отмеренной дорожке
на полянах Калевалы,
в вяйнёльских борах песчаных.

Вяйнямёйнену навстречу
едет юный Ёукахайнен,—
тут оглобли зацепились,
все гужи перемешались,
хомуты сплелись друг с другом
и дуга в дугу уткнулась.

Спрашивает Вяйнямёйнен:
«Ты какого будешь рода,
вставший на моей дороге,
глупо ехавший навстречу?
Ты разбил хомут мой новый
и дугу березовую».

Отвечает Ёукахайнен,
говорит слова такие:
Я — лапландец Ёукахайнен.
А вот ты откуда взялся,
роду-племени какого,
из каких людей, несчастный?»

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
именем своим назвался
и затем ему ответил:
«Коль ты — юный Ёукахайнен,
то посторонись немного!
Ты из нас двоих моложе».

Снова юный Ёукахайнен
говорит слова такие:
«Что за важность, кто моложе,
кто моложе и кто старше!
У кого побольше знаний,
память у кого покрепче,
тот проедет по дороге,
а другой посторонится.

Коль ты — старый Вяйнямёйнен,
вековечный песнопевец,
то давай споем друг другу,

заклинания расскажем,
пусть один другого учит,
победит один другого!»

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
говорит слова такие:
«Не такой уж я известный
и мудрец и песнопевец!
Прожил жизнь свою я тихо
на полянах этих самых,
на меже родного поля
мне моя кукушка пела.

Все-таки начнем, пожалуй,
Расскажи-ка мне погромче,
что всего ты лучше знаешь,
в чем ты всех других умнее?»

Начал юный Ёукахайнен:
«Я не так уж мало знаю!
Вот я в чем не сомневаюсь:
дымник сделан близко к крыше,
пламя бьется в устье печки.

Щука со слюнявой пастью
нерестится на морозе,
а горбатый робкий окунь
осень в омуте проводит,
летом в заводь заплывает
и икру на отмель мечет.

Если мало этих знаний,
есть в запасе и другие.
Знаю лес вершины Пизы,
знаю сосны в скалах Хорны:
высоки деревья Пизы,
сосны на утесах Хорны.

Три больших порога знаю,
три есть озера красивых,
три высокие вершины
под небесной этой крышей:
в Хяме это Хялляпюеря,

у карел есть Каатракоски,
никому не сладить с Вуоксой,
Иматры — не переехать».

Вставил слово Вяйнямёйнен:
«Детские все это сказки,
женского ума приметы!
Ты открой вещей причину,
первородные начала!»

И на это Ёукахайнен
говорит слова такие:
«Все я знаю о синице,
знаю, что синица — птица,
что гадюки — это змеи,
ну а ерш, конечно, рыба.

Первым снадобьем болящим
пена водопадов стала,
бог — наш первый заклинатель,
первый лекарь — сам создатель.

С гор вода взяла начало,
на небе огонь родился,
ржа железо породила,
медь из гор на свет явилась.

Старше всех земель — болота,
из деревьев — ива старше,
из жилищ — шалаш сосновый,
камни всех котлов древнее».

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
говорит слова такие:
«Что-нибудь еще ты помнишь
или кончил пустословье?»

Ёукахайнен отвечает:
«Кое-что еще я знаю!
Помню я такое время:
был я пахарем на море,
рыл тогда я рыбам ямы,
поднимал на суше горы,
из камней я делал скалы.

Был шестым я человеком,
был седьмым среди героев
в пору сотворенья мира,
поднимал я небо кверху,
ставил я ему подпоры,
звезды рассыпал по небу».

Говорит тут Вяйнямёйнен:
«Ты уже заврался, парень!
Не видать тебя там было,
где мы вспахивали море,
ямы рыбам вырывали.
И тогда ты не был в деле,
в пору сотворенья мира,
где подпоры поднимали,
рассыпали в небе звезды».

И тогда-то Ёукахайнен
высказал слова такие:
«Если мой не блещет разум —
у меча ума займу я.
Ой ты, старый Вяйнямёйнен,
большеротый песнопевец!
Мы померимся мечами,
полюбуемся на копья!»

Вяйнямёйнен отвечает:
Ты меня не испугаешь
ни мечом, ни разуменьем,
ни копьем и ни коварством.
И, однако, все же, парень,
мериться мечом не стану
никогда с тобой, коварный,
ни за что, трусишка жалкий!»

Ёукахайнен, слыша это,
закусил губу упрямо,
голову нагнул сердито
и сказал слова такие:

«Кто мечи не станет мерить,
остроты их побоится,
тех я песенною силой
превращу в свиные рыла.
Тех героев разбросаю,

в разные места упрячу,
утоплю в навозной куче,
в угол хлева затолкаю».

Вяйнямёйнен рассердился,
рассердившись, устыдился.
Начал песню петь он гневно,
древние повел сказанья.
Пел не детские он песни
и не женские посмешки —
пел напевы он мужские.

Только начал Вяйнямёйнен —
вспенилась вода в озерах,
затряслась земля повсюду,
горы медные качнулись,
скалы надвое распались,
порастрескались утесы.

Песней мудрый Вяйнямёйнен
разветвил дугу лапландца,
на хомут наплел куст ивы,
вербу на гужи поставил.
Сани с золотым сиденьем
стали топляком озерным,
кнут с жемчужной рукояткой
стал прибрежною тростинкой,
а жеребчик белолобый —
валуном у водопада.

Шапка с головы лапландца
стала тучей остроносой,
стали рукавицы парня
лилиями водяными,
а кафтан его суконный
в небо облаком поднялся.

Вяйнё пел — и Ёукахайнен
погружался постепенно
до бедра, затем по пояс
и до самых плеч в болото.

Тут уж Ёукахайнен понял:
зря загородил дорогу,
состязался в песнопенье

с Вяйнямёйненом напрасно.
Хочет шевельнуть ногою —
и не может ею двинуть,
хочет он поднять другую —
а на ней башмак из камня.

Ёукахайнен испугался,
боль почувствовал всем телом,
муку ощутил и ужас.
Говорит слова такие:
«Ой ты, мудрый Вяйнямёйнен,
вековечный прорицатель!
Вороти слова святые
и сними свои заклятья!
Шапку золота получишь,
меру серебра, не меньше».

Вяйнямёйнен отвечает:
«Серебром не соблазнишь ты,
золотом, несчастный, тоже!»
Вновь запел он, погружая
Ёукахайнена все глубже.

Снова молвит Ёукахайнен:
«Ой ты, старый Вяйнямёйнен!
Высвободи от заклятий,
от беды избавь грозящей!
Скирды все мои получишь,
все поля твоими станут,
только жизнь мою спаси ты
от погибели проклятой».

Вяйнямёйнен отвечает:
«Не давай мне скирд, негодный,
не сули полей, поганый!
У меня поля просторней,
скирды мне свои дороже».
И поет он, погружая
Ёукахайнена все глубже.

Тощий парень Ёукахайнен
сам не свой уже от страха.
Он в грязи до подбородка

и до бороды в болоте,
мох в открытый рот набился,
на зубах труха навязла.

Снова стонет Ёукахайнен:
«Ой ты, мудрый Вяйнямёйнен,
вековечный прорицатель!
Поверни свои заклятья,
выбился совсем из сил я,
вытащи из вязкой грязи!
Топь затягивает ноги,
режут мне глаза песчинки.

Если снимешь ты заклятья,
повернешь слова святые,
то свою сестрицу Айно
я отдам тебе навечно,
чтоб мела она и мыла
половицы в доме мужа,
ткала б золотом одежды,
сладкие пекла бы хлебы».

Как услышал Вяйнямёйнен,
опустился он на камень,
песни петь с конца он начал:
спел одну, другую, третью —
повернул слова святые,
снял последние заклятья.

Ёукахайнен шевельнулся,
высвободил подбородок
и бородку из болота.
Камень стал конем лапландца,
мокрое бревно — санями,
а тростник прибрежный — плетью.

Чуть поправил парень сани,
сел опять он на сиденье
и отправился, понурый,
с темной тяжестью на сердце,
к матери своей родимой
к старой матушке любимой.

Мрачной Похьолы служанка,
белокурая малютка
с солнышком уговорилась
просыпаться утром вместе,
а сама вставала раньше,
просыпалась до рассвета,
поднималась до восхода.

Убрала столы сначала,
подмела полы большие
веником из голых плетьев,
густолиственной метлою.
Собрала весь мусор с пола,
в ступу медную сложила,
вынесла во двор из дома,
со двора уносит в поле.
Встав на мусорную кучу,
вдруг прислушалась, притихнув,
слышит плач, летящий с моря,
из-за речки стон донесся.

Вот она спешит обратно,
в дом, не мешкая, вбегает,
дверь открыла и с порога
обращается к хозяйке:
«Чей-то плач донесся с моря,
стон послышался за речкой».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
редкозубая старуха,
тотчас выскочив из дома,
очутилась у калитки.
Напрягает слух колдунья
и слова такие молвит:
«Слышу я не плач ребенка
и не женское стенанье,
этот голос — голос мужа,
бородатого пришельца».

Лодку сталкивает в воду,
ставит, легкую, на волны,
направляет прямо к Вяйнё,
к мужу, плачущему горько.

Мрачной Похьолы хозяйка
тут над ним запричитала:
«Ой ты, старец злополучный!
Угодил ты на чужбину?»

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
голову слегка приподнял
и сказал слова такие:
«Я и сам про это знаю —
угодил я на чужбину,
в незнакомую сторонку:
я на родине был знатен,
у себя я был известен».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
снова с ним заговорила:
«Ты дозволь мне слово молвить,
дай мне выведать, пришелец,
из какого края будешь,
рода, звания какого?»

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
говорит слова такие:
«Обо мне молва ходила,
был по общему согласью
я душой вечерних игрищ
и певцом любого дола
на моей родной сторонке,
в милом крае Калевалы.
А теперь я, горемыка,
сам себя узнать не мог бы».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
подняла его, страдальца,
и до лодки проводила,
на корме его устроив,
а сама взялась за весла,
на скамью гребца уселась.
К мрачной Похьоле причалив,
проводила в избу гостя.

Накормила до отвала
и одежду просушила:
Растирала его долго,

как умела, ублажала.
Вскоре выходила старца,
силы хворому вернула
и вступила с ним в беседу:
«Что ты плакал, Вяйнямёйнен,
там, на берегу угрюмом,
возле пасмурного моря?»

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
так старухе отвечает:
«Оттого всю жизнь до смерти
мне печалиться и плакать,
что я бросил край родимый
и пошел в другие земли,
к воротам чужого дома,
к незнакомому порогу.
Здесь деревья больно жалят,
колются все иглы хвои,
все березы отгоняют,
ольхи здесь наотмашь хлещут.
Лишь одна отрада — ветер
да знакомое светило,
здесь, среди немилых пашен,
у дверей чужого дома».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
говорит слова такие:
«Не горюй ты, Вяйнямёйнен,
не тоскуй, Увантолайнен!
Заживешь ты здесь на славу
и в довольстве и в веселье:
хочешь — лосося отведай,
хочешь — лакомься свининой».

Но на это Вяйнямёйнен
отвечает так старухе:
«Дома выпьешь из следа,
вкусной кажется вода,
горек мед земли чужой
даже в чаше золотой».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
тут у гостя и спросила:
«Ты скажи, что дашь мне, Вяйнё,

коль домой тебя отправлю —
на межу родимой пашни,
на порог знакомой бани?»

Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Что потребуешь в награду,
коль меня и впрямь доставишь
на межу родимой пашни,
где я слышал зов кукушки?»

Лоухи, Похьолы хозяйка,
разговор такой заводит:
«Коль сковать сумеешь Сампо
от конца пера лебедки,
молока нетельной телки,
ячменя зерно прибавив
и ягнячьей шерсти летней,
дочь тебе отдам я в жены,
отплачу тебе девицей
и домой тебя отправлю,
на межу родимой пашни,
где поют родные птицы».

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
так на это отвечает:
«Я сковать не в силах Сампо,
крышку пеструю украсить,
но в моем далеком крае
есть кователь Илмаринен —
вот кто выковал бы Сампо,
крышку пеструю построил,
он бы с дочерью поладил,
деву юную утешил.

Он кузнец, каких немного,
он кователь преискусный,
выковал он крышку неба,
там воздушный полог сделал,—
не найти следов кувалды,
вмятин от клещей железных».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
напоследок порешила:
«За того красу-девицу,

за того я дочку выдам,
кто сковать сумеет Сампо,
крышку пеструю украсит».

Вот она впрягает в сани
огненного жеребенка,
в них усаживает гостя,
Вяйнямёйнена седого,
и слова такие молвит:
«Головы поднять не вздумай
ты до той поры, покуда
твой скакун не притомится
или вечер не наступит:
если на небо посмотришь,
то тебя беда настигнет
и плохие дни наступят».

Мудрый, старый Вяйнямёйнен
вожжи взял, и конь рванулся
и затряс льняною гривой.
Едет путник, поспешает
он из Похьолы угрюмой,
из туманной Сариолы.

МАРИНЕН КУЕТ САМПО

Лоухи, Похьолы хозяйка,
редкозубая колдунья,
на широкий двор выходит,
говорит слова такие:
«Кто такой ты, муж нездешний,
из каких героев будешь?
Ты путем ветров примчался,
по дороге санной вихря,
не облаянный собакой,
псом не тронутый косматым?»

Ей ответил Илмаринен:
«Не за этим прилетел я,
чтобы лаяли собаки,
псы свирепые кусали».

Лоухи, хитрая старуха,
хочет выведать у гостя:

«Не знавал ли ты случайно,
не видал ли, не слыхал ли:
где же нынче Илмаринен,
тот искуснейший кователь?
Ждем его уже давно мы,
поджидаем и желаем,
чтоб он в Похьолу приехал
Сампо новое сковал нам».

И кователь Илмаринен
ей сказал слова такие:
«Кузнеца, пожалуй, знаю,
мне он хорошо известен,
ибо сам я Илмаринен,
сам кователь тот искусный».

Лоухи, Похьолы хозяйка,
редкозубая колдунья,
быстро в избу поспешила
и с порога закричала:
«Дочка младшая, родная,
умное дитя природы!
Новые надень наряды,
белые возьми одежды,
тонкие найди подолы,
жемчугом своим отборным
грудь и шею разукрасишь,
золото к вискам подвесишь,
брови пусть чернеют ярче,
щеки жарче пламенеют.
К нам приехал Илмаринен,
тот кователь вековечный,
чтобы выковать нам Сампо,
крышку пеструю сработать».

Похьолы краса-девица,
диво и воды и суши,
лучшие взяла наряды,
платья новые достала:
приоделась, нарядилась;
заплела потуже косу,
все застежки застегнула,
золотой надела пояс.

Входит в избу из амбара,
со двора, походкой легкой,
Чистый взор ее лучится:
высока, стройна, красива,
и лицом она прекрасна:
на щеках горит румянец,
грудь вся золотом сверкает,
в косах серебро искрится.

А меж тем старуха Лоухи
Илмаринена проводит
в избы Похьолы суровой,
в те жилища Сариолы.
Вдосталь, досыта кормила
и поила пивом вдоволь,
а потом ему сказала:

«Ой, кузнец мой, Илмаринен,
ты кователь вековечный!
Коль сковать сумеешь Сампо,
крышку пеструю сработать
из конца пера лебедки,
молока нетельной телки,
ячменя зерно прибавив
и ягнячьей шерсти летней,
дочь в награду ты получишь,
за свои труды девицу».

И кователь Илмаринен
Сампо выковать решился,
крышку пеструю сработать.
Стал искать для горна место,
площадь для огня большую
на земле страны обширной,
на полях просторных Похьи.
Пестрый камень увидал он,
на пути валун попался,
и, облюбовав тот камень,
запалил огонь кователь:
на мехи он день потратил,
а второй — на горн огромный.

Все наладив, Илмаринен,
тот кователь вековечный,

бросил в пламя все припасы,
кинул их в свое горнило,
У огня рабов поставил,
силачей — мехами двигать.

И рабы огонь раздули,
силачи мехи качали:
так три летних дня трудились
и еще три летних ночи:
камни наросли на пятках,
вздулись волдыри на пальцах.

В первый день работы жаркой
наш кователь Илмаринен
наклонился, чтоб увидеть
дно пылающего горна,—
что из пламени там выйдет,
чем его огонь одарит.
Лук из пламени выходит
с золотой дугой из жара.

С виду был тот лук красивым,
но имел негодный норов:
в будни он просил по жертве,
а по праздникам и по две.

И кователь Илмаринен
сам не рад такому луку.
Пополам дугу сломал он
и обломки в пламя бросил.
Вновь рабов к огню поставил,
силачей — мехами двигать.

День прошел, и через сутки
челн из пламени явился,
лодка с парусом румяным.
С виду челн хоть был красивым,
но имел негодный норов:
в бой поплыл бы без причины,
без нужды на битву злую.

И кователь Илмаринен
был не рад челну такому:
тот негодный челн разбил он,

щепки снова в пламя бросил.
Вновь рабов к огню поставил,
силачей — качать мехами.

Время шло: на третьи сутки
телка из огня выходит,
с золотым рожком из жара.
С виду хороша коровка,
только с норовом негодным:
по ночам лежит в чащобах,
молоко свое теряя.

И кователь Илмаринен
был не рад такой корове:
на куски ее разрезал
и в огонь горнила бросил.
Вновь рабов к огню поставил,
силачей — мехами двигать.

Время шло, и в день четвертый
плуг из пламени явился,
золотой сошник из жара.
С виду был тот плуг добротным,
но по свойствам не годился:
плуг пахал плохие пашни,
бороздил поля чужие.
И кователь Илмаринен
был не рад такому плугу:
поломал его на части,
в пламя все обломки бросил.

Ветры дуть заставил в пламя,
злые бури — в горн огромный.
Ветры пламя раздували,
дули с запада, с востока,
южный дул со страшной силой,
северный — со всем свирепством.
День, другой все дули ветры,
не утихли и на третий:
пламя рвалось из окошек,
из дверей летели искры,
гарь столбом взметнулась к небу,
поплыла там черной тучей.

Вот кователь Илмаринен
на четвертый день нагнулся —
сквозь бушующее пламя
посмотреть на дно горнила;
видит: Сампо возникает,
купол крышки многоцветной.

Расторопный Илмаринен,
тот кователь вековечный,
молотком стал бить почаще,
тяжким молотом — ловчее,—
и сковал искусно Сампо:
в край он вделал мукомольню,
а в другой край — солемолку,
в третий — мельницу для денег.

Заработало тут Сампо,
крышка быстро завертелась,—
по ларю всего мололо:
ларь мололо на потребу,
ларь в придачу — для продажи,
третий ларь для угощенья.

Так обрадовалась Лоухи,
что сама большое Сампо
в гору отнесла поспешно,
в недра медного утеса —
в камень с девятью замками:
корни Сампо закопала
в глубину на девять сажен.

Илмаринен, потрудившись,
начал свататься к девице,
молвил ей слова такие:
«За меня теперь пойдешь ли,
коль сковать сумел я Сампо,
крышку пеструю поставить?»

Похьолы краса-девица
так ответила на это:
«Кто же будущей весною,
кто же будет в третье лето
слушать в роще кукованье,

птичек вызывать на пенье,
коль уйду я на чужбину,
укачусь, как земляничка!

Если я, голубка, сгину,
птица малая, исчезну,
красной пропаду брусничкой,
в край далекий укатившись,
то исчезнут все кукушки,
улетят певуньи-птички
из лесов на горных склонах,
из родной страны скалистой.

Да и некогда, нельзя мне
позабыть о днях девичьих,
о своих работах жарких
страдною порою летней:
ягод много недобрала,
песен недопела много,
мало по лесам бродила,
в рощах я недоплясала».

Все услышав, Илмаринен,
тот кователь вековечный,
голову склонил печально
и надвинул шлем на брови.
Думает он, размышляет,—
у него одна забота:
как теперь домой доехать,
в край родной ему вернуться,
как бы Похьолу покинуть,
край туманов — Сариолу.

Молвит Похьолы хозяйка:
«Ой, кузнец мой, Илмаринен,
Отчего так загрустил ты
и надвинул шлем на брови?
Или хочешь ты уехать
в свой далекий край родимый?»

Ей ответил Илмаринен:
«Да, туда хочу добраться,
чтобы мне скончаться дома,
лечь в свою родную землю».

Кузнеца старуха Лоухи
накормила, напоила,
в лодку с парусом сажает,
медное дает правило:
дуть приказывает ветру,
вихрю северному мчаться,
И отважный Илмаринен,
тот кователь вековечный,
ехал к стороне родимой,
в море синем лодкой правил.

ПОДВИГИ ИЛМАРИНЕНА

Вот кователь Илмаринен,
вековечный тот умелец,
в дом вошел к старухе Лоухи,
поспешил пройти под крышу.

Мед ему приносят в кружке,
патоку дают в кувшине,
в руки кузнецу, с почетом.
Говорит им Илмаринен:
«Никогда, пока живу я
под серебряной луною,
не попробую напитков,
если здесь я не увижу
ту, что в жены мне готовят,
по которой я тоскую».

Хмурой Похьолы хозяйка
говорит слова такие:
«Нелегко твоей желанной,
тяжко той, по ком тоскуешь:
ногу дообуть ей надо,
а потом обуть другую.
Ты желанную получишь,
коль пройдешь змеиным полем,
всю гадючью землю вспашешь.
Хийси здесь пахал когда-то,
взбороздил ту пустошь Лемпо:
бедный мой сынок оставил
недопаханное поле».

Тут кователь Илмаринен
в горницу заходит к деве,
говорит слова такие:
«Дева сумерек, дочь ночи!
Вспоминаешь ли ты время,
дни, когда ковал я Сампо,
крышку пеструю чеканил?
Вечную дала ты клятву,
обещание святое —
мне, усердному в работе,
стать навечною подругой,
задушевною голубкой:
а теперь грозят отказом,
если поле не вспашу я,
не взрыхлю гадючью пашню».

Девушка пришла на помощь,
так советует невеста:
«Ой, кузнец мой, Илмаринен,
вековечный ты искусник!
Плуг из золота ты выкуй,
плуг серебряный отстукай!
С ним пройдешь змеиным полем,
вспашешь всю гадючью землю».

И кователь Илмаринен
золото кладет в горнило,
серебро в очаг горящий,
плуг выковывает быстро,
сделал из железа кеньги,
наголенники — из стали,
на ноги себе надел их,
а потом обул он кеньги,
а железную рубашку
сталью тонкой подпоясал.
Варежки надел из камня,
рукавицы из железа:
из огня коня сковал он
и запряг ту лошадь в упряжь,
выехал пахать поляну,
поле бороздить гадючье.

Змеи вертят головами,
пасти их шипят зловеще.

Говорит тогда кователь:
«Ты, змея, созданье божье,
пасть твою кто так осклабил,
кто велел, кто подзадорил
голову держать так прямо,
шею жесткую расправить?
Прочь с дороги, убирайся,
уползай в сухие травы,
скатывайся вниз, под хворост,
в сене спрячься, да скорее!
Если голову поднимешь,
то ее разрубит Укко,
стрелами пронзит стальными,
градом размозжит железным».

И прошел змеиным полем,
землю взбороздил гадючью.
Воротясь оттуда, молвил:
«Я прошел змеиным полем,
я вспахал гадючью землю.
Отдаешь ли ты девицу
мне, единственную, в жены?»

Хмурой Похьолы хозяйка
говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам девицу,
отпущу ее из дома,
как возьмешь медведя Туони,
волка Маналы взнуздаешь.
Сто мужей поймать пытались —
ни один не возвратился».

Тут кователь Илмаринен
в горницу девичью входит,
говорит слова такие:
«Мне еще работу дали:
волка Маналы настигнуть,
привести медведя Туони
из лесного царства мертвых,
Маналы владений мрачных».

Девушка спешит на помощь,
так советует невеста:
«Ой, кузнец ты, Илмаринен,

наш кователь вековечный!
Скуй скорей узду стальную,
недоуздок из железа:
куй на камне средь стремнины,
в пене трех порогов бурных!
Приведешь медведя Туони,
волка Маналы взнуздаешь».

И кователь Илмаринен,
тот умелец вековечный,
выковал узду стальную,
недоуздок из железа,
на одном стремнинном камне,
в пене трех порогов бурных!

И ловить зверей он вышел,
говоря слова такие:
«Терхенетяр, дочь тумана!
Решетом всю хмарь просей ты,
поразвесь клочками дымку
над звериными тропами,
чтобы мне пройти неслышно,
никого не вспугивая!»

Волчью пасть взнуздал уздою,
цепью обвязал медведя
в буреломном царстве Туони,
посреди таежной сини.
Он сказал, придя оттуда:
«Дочь свою отдай, старуха!
Я привел медведя Туони,
волка Маналы взнуздал я».

Хмурой Похьолы хозяйка
так в ответ ему сказала:
«Лишь тогда получишь птицу,
утку синюю в подруги,
если [illegible]у ты поймаешь,
рыбу жирную, большую
в черной речке царства Туони,
в Манале, в ее глубинах.
Сто мужей поймать пытались —
ни один не возвратился».

Тут кователь Илмаринен
ощутил тоску на сердце
и глубокое унынье.
В горницу вошел девичью
и сказал слова такие:
«Дали мне еще работу,
прежнего куда труднее:
выловить большую щуку
в черной речке царства Туони,
в Манале, в ее глубинах».

Девушка спешит на помощь,
так советует невеста:
«Ой, кузнец мой, Илмаринен,
унывать и тут не надо!
Из огня орла ты сделай,
белую большую птицу!
Он тебе поймает щуку
в черной речке царства Туони».

И кузнец наш, Илмаринен,
вековечный тот искусник,
из огня орла сработал,
белую большую птицу:
лапы сделал из железа,
выковал стальные когти,
крылья смастерил из лодки,
сам взбежал на крылья птицы,
на спине ее уселся,
на крутом хребте орлином.

Он орлу дает советы,
учит огненную птицу:
«Ты орел мой быстролетный!
Мчи туда, куда скажу я —
к черной речке царства Туони,
к Манале, к ее потокам!
Там убей большую щуку,
рыбу жирную в стремнине!»

Мчит орел, красавец неба,
не спеша крылами машет:
он летит на ловлю щуки,

на поимку острозубой,
к черной речке царства Туони,
к Маналы потокам нижним.
Бороздил крылом он волны,
а другим касался неба,
лапами вздымая воду,
скалы клювом задевая.

Илмаринен в воду входит,
шарит он шестом в потоке,
в черных водах речки Туони:
рядом с ним орел-хранитель.

Вот плывет и щука Туони,
та собака водяная:
щука Туони не из мелких
и не то чтоб из огромных:
был язык — с два топорища,
словно зубья грабель — зубы,
в пасти три порога встанут,
серая спина — в семь лодок.
Кузнеца поймать пыталась,
Илмаринена прикончить.

Ринулся орел на помощь,
нанести удар готовясь.
Был орел тот не из малых
и не то чтоб из огромных:
клюв орлиный — в сто саженей,
пасть его — в шесть водопадов,
а язык орла — в шесть копий,
и в пять кос был каждый коготь.
Щуку злобную увидел,
рыбу грозную, большую,
и по рыбе той ударил,
впился в чешую когтями...
И тогда большая щука
увлекла орла в пучину,
в глубину воды студеной.
Вырвался орел могучий,
в воздух поднялся высоко:
тину черную он поднял
на поверхность вод прозрачных.

Вновь летает он и кружит,
снова делает попытку.
Лапой он одной ударил
по хребтине страшной щуки,
по спине речной собаки:
лапою другою грохнул
по стальной скале высокой,
по железному утесу.

Чиркнули по камню когти,
по скале они скользнули.
Щука в глубину нырнула,
выскользнула рыба-глыба
из когтей могучей птицы,
из орлиных лап огромных:
бок искромсан весь когтями,
на спине зияет рана.

Вновь железными когтями,
налетев, орел ударил:
пламенем пылают крылья,
и глаза огнем сверкают:
лапами поймал он щуку,
водяного пса, когтями.
Поднял, чешую срывая,
рыбу-глыбу водяную
из речных глубин студеных
на поверхность вод прозрачных.
Щуку страшную отнес он
на дубовый сук огромный,
на сосновую вершину.

А потом орел могучий
в воздух высоко взлетает
и на облако садится.
Тучи гнутся, стонет ветер,
накренился купол неба,
поломался лук у Укко,
лунные рога сломались.

Тут кователь Илмаринен
щучью голову приносит
теще будущей в подарок,

говоря слова такие:
«Вот вам вечный стул надежный
в доме Похьолы огромном.

Я вспахал гадючье поле,
Маналы волков взнуздал я,
выловил большую щуку
в черной речке царства Туони.
А желанная готова ль,
та, по ком я так тоскую?»

Хмурой Похьолы хозяйка
так в ответ ему сказала:
«Да, желанная готова,
по которой ты тоскуешь!
Уточку мою отдам я,
выдам птицу дорогую
за тебя, кователь, в жены
и в навечные подруги,
чтоб была твоей супругой,
задушевною голубкой».

МЁГЕ БАЯН-ТООЛАЙ

Тувинский народный эпос

Давным-давно, когда вокруг царил мир, в стойбище Ак-Хем жил богатырь Мёге Баян-Тоолай, имеющий коня Туман-Кыскыла. Жил он со своей старой женой, без детей. Добра у него да скота много было.

Однажды Мёге Баян-Тоолай поднялся на вершину горы Ак-Тайги, что в верховье реки Ак-Хема, посмотреть скот. Глянул в северную сторону и видит: в конце длинной степи клубы черной пыли до неба поднимаются.

«В этом краю никакой войны нет, должно быть, несколько моих быков отбились от стада и бодаются, надо их разогнать, иначе беда с ними»,— подумал старик, сел на коня и помчался. А огромные клубы черной пыли — все ближе и ближе.

Вскоре повстречался он с добрым молодцем, который ехал на коне Кок-Шокар. Лицо у него было красно-бурое, усы черные.

— Ты кто такой, никудышный ты человек? — спросил незнакомец.

— Я человек по имени Мёге Баян-Тоолай, живу в южной стороне, стойбище мое на Ак-Хеме. Детей нет, вот сам и езжу, пасу свой тучный скот. Приехал на гору проверить стада, вижу — столб черной пыли до самого неба, а это вы. Как же ваше имя будет? — спросил в ответ старик.

Тот человек задумался о себе: у него тоже детей не было, поехал проверить скот и увидел в конце длинной степи столб красной пыли — этот вот человек ехал.

Спешились оба с коней, закурили вместе и разговорились.

— Скота мы достаточно вырастили, а детей у нас у обоих нет. Чем придираться к слову и проливать кровь, лучше пасти скот и быть с мясом и салом. Будем друзьями навеки. Сейчас у нас нет детей, а вернемся домой, как знать,— может, наши жены и подарят нам по младенцу.

«Джангар».
Худ. В. Фаворский.

Двое богатырей поклялись друг перед другом в вечной дружбе. И еще поклялись: если будет у одного из них дочь, а у другого сын,— поженить их. В знак клятвы обменялись они огнивом и трутом.

Один из них помчался в южную сторону, подняв огромный столб красной пыли до самого неба, другой — в северную сторону, подняв до самого неба огромный столб черной пыли.

Мёге Баян-Тоолай вернулся домой поздно ночью. Вошел в юрту — темно, ни огня, ни красного уголька в очаге. Старик раздул огонь, а жена даже не шевельнулась.

Рассердился старик на жену:

— Я же в тайгу ездил, за скотом смотрел, а ты ни огня не развела, ни чаю не вскипятила!

— Сегодня я забеременела, встать не могла,— ответила жена.

— Ты что же, над моей старостью смеешься, издеваешься надо мной?! — еще больше рассердился Мёге Баян-Тоолай, сам приготовил еду, один поел, лег позади очага и накрылся шубой.

Только он крепко уснул, жена разбудила:

— Никак тебя не добудишься. Вставай скорей — ребенок родился.

«Обманывает!» — не поверил старик и снова уснул.

Вдруг ребенок заплакал.

«Что это?» — Старик быстро вскочил на ноги, развел огонь в юрте и увидел: на самом деле жена родила.

Обрадовался старик, подбежал к жене, взял ребенка на руки — сын! Нашептывая: «Будь, мой сын, добрым молодцем, сильным и крепким!» — старик отрезал его пуповину булатным напильником.

Наутро старик сел на Туман-Кыскыла и из табуна, который ходил за светло-рыжим жеребцом, выбрал семилетнюю, ни разу не жеребившуюся, кобылицу. Привел ее домой, заколол и освежевал в честь рождения сына. Добрый той устроили старик со старухой.

Прошло пять или шесть дней. Сын уже ползал внутри юрты, а иногда и через порог перебирался.

Через десять дней он уже бегал.

Старик никак не мог налюбоваться на своего малыша и, забыв обо всем на свете, не отходил от него ни на шаг.

Как-то вышел Мёге Баян-Тоолай из юрты и увидел: конь его Туман-Кыскыл, давно привязанный к коновязи, совсем отощал, вот-вот от голода умрет. Отпустил его на волю старик:

— Пасись, мой славный конь, набирайся сил. Пусть бока твои будут крутыми, круп жирным!

Однажды утром Мёге Баян-Тоолай поднялся на высокий холм

посмотреть скот. Видит: прикочевал какой-то аал; людей в нем было много. Аал этот остановился напротив стойбища старика.

«В мое стойбище на Ак-Хеме никогда еще не прикочевывали другие люди, даже одинокий человек никогда здесь не появлялся. Зачем же этот аал прикочевал, что он здесь ищет?» — задумался старик.

Это Караты-хан прикочевал. Осмотрелся кругом и увидел, что прикочевал он близко к аалу, в котором жили старик со старухой, богатые скотом.

«Как это двое, старик со старухой, так много скота вырастили?» — удивился Караты-хан. И задумал он уничтожить старика со старухой. Приготовил араки, насыпал в нее яда и отправил чиновника:

— Иди к старику и скажи ему: «Хан приглашает вас к себе чай пить».

Тот чиновник приехал в аал старика, привязал коня к его коновязи, вошел в юрту и низко-низко, до боли в плечах, поклонился:

— Караты-хан велел передать: «Мы с вами живем близко, из одной реки воду пьем, заходите, пожалуйста, попить горячего чаю, поесть жирного мяса».

— Зачем мне пить горячий чай Караты-хана — своего много, не могу выпить; зачем мне есть жирное мясо Караты-хана — своего много, не могу съесть,— отказался Мёге Баян-Тоолай.

Караты-хан еще одного, а потом и другого чиновника отправил к старику, но тот все отказывался.

Тогда жена ему сказала:

— Хан зовет тебя, простого человека. Разве можешь ты не пойти, дед?

— Ну что же, жена моя, надо седлать коня... Нельзя же пойти к хану пешком,— молвил старик и пошел ловить своего Туман-Кыскыла.

За это время конь успел поправиться, круп его округлился от жира. Добрый был конь у Мёге Баян-Тоолая!

Старик подъехал к коновязи Караты-хана, спешился, привязал коня и крикнул громко:

— Собака есть?

Подданные Караты-хана открыли дверь, и сам он вышел за порог, чтобы пригласить гостя. Мёге Баян-Тоолай вошел в юрту.

Жена Караты-хана живо вскочила на ноги, расстелила коврик, предназначенный для приема знатных гостей, поставила перед Мёге Баян-Тоолаем низенький столик и принесла араки.

— Из одной реки мы пьем воду, пусть мои люди пасут теперь твой скот, старик,— предложил хан, подавая соседу араку.

Гость отказался:

— Нет, я такой неприятной воды не только не пивал, но и не видал.

Тогда встала ханша, взяла чашу с аракой и принялась уговаривать Мёге Баян-Тоолая. Она запела, славя красоту и богатство Ак-Хема, превознося достоинства коня Туман-Кыскыла. Наш старик вспомнил свою молодость, разволновался, в груди его потеплело от нахлынувших воспоминаний, и он залпом выпил араку.

— Хоть и горькая она, а правильно говорят: «Сверх выпитого еще выпей, сверх съеденного еще поешь!» — разошелся Мёге Баян-Тоолай и залпом выпил еще одну чашу.

Арака была отравлена, и бедный старик умер.

Караты-хан сразу же отправился в аал Мёге Баян-Тоолая, убил старую жену его, а маленького сына их захватил с собой. Своих слуг заставил пригнать весь скот старика.

Тяжелое время пришло для мальчика. Хан сделал его овечьим пастухом. Днем сирота ходил следом за овцами, ночью ночевал вместе с ними.

А Караты-хан все грозил ему:

— Если ты позволишь волку съесть хоть одну овцу, если потеряешь хоть одного маленького ягненка, я тебя разрублю на шесть частей, как твоего отца, снесу тебе голову, как твоей матери!

С каждым днем мальчик все больше и больше горевал, постоянно ходил опечаленный.

«Хан все равно когда-нибудь убьет меня»,— задумался он однажды, сидя на камне позади отары овец, и горько заплакал.

С северной стороны прилетел черный ворон и прокаркал:

— Что ты сидишь и плачешь, когда у тебя так много овец?

Мальчик рассказал об угрозе хана.

— Верно! Злой у тебя хан, может убить,— каркнул ворон и улетел.

— Даже дикий черный ворон сказал: «Правильно». Сегодня же зарежет меня Караты-хан,— пуще прежнего заплакал мальчик.

Снизу из долины кто-то медленно, покачиваясь, тащился в гору. Долго вглядывался мальчик и рассмотрел, что это был маленький жеребенок-стригунок, шерсть у него вся в клочьях.

Жеребенок тихонько подошел, прислонился к камню, на котором сидел мальчик, и спросил его:

— Скота у тебя много, сам ты молодой, так что же ты сидишь и плачешь?

Мальчик и жеребенку рассказал об угрозе Караты-хана.

— Верно,— сказал жеребенок.

— Прошлый раз дикий черный ворон сказал: «Правильно», теперь ты, покрытый клочками шерсти, пришел и тоже сказал:

«Верно». Ох, сегодня умру я! — залился мальчик горючими слезами.

А овцы уходили все дальше и дальше.

— Ну, не плачь, я помогу тебе завернуть обратно твоих овец, садись на меня.

— Я еще никогда не ездил верхом на коне,— ответил мальчик.

Жеребенок сам никогда не был под всадником, но заставил мальчика сесть верхом на себя и трижды обежал вокруг овец, собрал их всех вместе. Он бежал то тихой иноходью, то скорой иноходью, так, что ни одной травинки не помял своими копытами.

Мальчик успокоился, ему понравилось ездить верхом и совсем не захотелось сходить с коня.

— Если Караты-хан услышит о нас, и тебя и меня, безусловно, изрубит. Убежим куда-нибудь,— предложил жеребенок.

— Куда же можно скрыться? Я знаю только это место, где овец пасу,— ответил мальчик.

— Найдем такое место, которое человек никогда не найдет. Только ты выбери среди овец самого жирного барана,— сказал жеребенок и, трижды проскакав вокруг овец, снова сбил их в кучу.

Мальчик соскочил с коня, схватил серого священного барана, но тот был сильнее мальчика и потащил его по земле за собой.

— Не могу этого барана притащить,— прибежал мальчик к жеребенку.

— Тогда поймай, какого можешь.

Мальчик побежал обратно и из тысячи овец поймал самого худенького ягненка. Принес его с собой, сел верхом, но не мог поднять ноши. Спешился и навьючил ягненка,— сам не мог сесть. Тогда жеребенок лег на землю, и мальчик затащил на него своего ягненка и сам сел.

Мягкой иноходью поехали прямо в северную сторону.

Переправились через несколько рек, перевалили через несколько гор и, когда на небе взошла первая звезда, заехали в темный лог.

— Пусть наестся зеленой травы, напьется чистой воды,— отпустил мальчик своего жеребенка, а сам зарезал ягненка, развел большой огонь, зажарил всю тушу, потроха съел, а хорошее мясо повесил; шкуркой накрылся, как одеялом, и уснул.

Утром, на заре, прибежал жеребенок:

— Мужчина должен рано вставать. Ты уже поел, готов?

Мальчик вскочил на ноги, наскоро поел оставшегося с вечера мяса и сел верхом. Снова поехал. Жеребенок привез его к высокой крутой скале на берегу большой реки и остановился:

— Если ты найдешь место, где открывается эта скала,— будешь жить, не найдешь — не быть тебе живым.

Мальчик долго-долго искал, пот градом с него лился. Наконец нашел вход в скалу. Насилу открыл его, вошел и увидел запасы всего, что нужно человеку. Он надел черные юфтевые идыки, черного шелка тон, черного соболя шапку, повесил через плечо тугой черный лук и вышел из скалы.

— Оседлай меня добрым седлом, одень уздечку,— сказал жеребенок.

Мальчик надел на одногодка узду, украшенную золотом и серебром, и тот стал жеребенком-двугодком; накинул на спину шелковый, с каймою, потник, большой, как степь, и тот стал трехгодовалым жеребенком; надел седло, огромное, как перевал, и жеребенок стал статным, взрослым, светло-рыжим конем. Потом славный молодец натянул тридцать подпруг, тридцать подхвостных и тридцать нагрудных ремней. Только собрался вскочить на коня, как тот остановил его:

— Ты можешь встретиться с добрым молодцем, вступить в борьбу. У тебя спросят: «Как твое имя-прозвище, какое имя твоего коня, где твое стойбище?» А ты что ответишь?

Парень ничего не знал.

— Ты скажешь,— продолжал его умный конь,— вот что: «Зовут меня Мёге Сагаан-Тоолаем, имеющим коня Туман-Кыскыла, отец мой Мёге Баян-Тоолай от рождения своего владел стойбищем на реке Ак-Хеме, в той стороне, где всходит солнце». У тебя спросят: «Куда ты путь держишь?» Ты ответишь: «Еду я за невестой — дочерью Кок Хевек-хана, имеющего коня Кок-Шокара и живущего в северной стороне, на реке Кок-Хеме. Хан давно получил от моего отца подарок. Они договорились, что дочь хана будет моей женой».

Мёге Сагаан-Тоолай вставил ногу в стремя, собираясь сесть на коня, но тот снова остановил его:

— В мой рот еще не вдевали удила — они будут тереть мне губы, под моим животом не затягивали подпруги — они будут щекотать,— не усидишь ты на мне. Мужчина должен бережно относиться к своему оружию: не пострадают ли твои лук и стрелы, когда ты поедешь на мне?

Добрый молодец прислонил лук и стрелы к скале и сел на коня.

— Крепко ли сидишь? — спросил конь и, выгнув шею, туго натянув поводья, поскакал галопом. Прискакал в дремучий лес — превратил его в щепки своими копытами, поднялся на скалистые горы — раздробил их в мелкие камни. Пыль с земли поднял до самого неба, звезды с неба на землю низверг. Горы стали от его копыт ровной степью, гладкую степь прорезало глубокое ущелье между двумя огромными холмами.

Натягивая поводья, Мёге Сагаан-Тоолай хочет остановить

коня, но поводья сдирают мясо со всех десяти пальцев; ногами пытается сжать коню бока — на обеих ногах мясо скручивается.

Рассердился наш добрый молодец: «Скотина ведь подо мной»,— подумал он. С правой стороны так дернул поводья, что углы рта у своего коня разодрал, с левой стороны так хлестнул его плетью по крупу, что кожа лоскутом отлетела. Вот так и остановил коня.

— Ты видишь теперь,— сказал запыхавшийся конь,— добрым конем я тебе буду! И ты сумеешь на мне ездить! Где твои лук и стрелы? Бери их.

Мёге Сагаан-Тоолай перед отвесной скалой Чалым-Хая надел на себя лук и стрелы и, не дергая за поводья, отправился в путь-дорогу на своем Туман-Кыскыле.

Конь бежал то медленной, то скорой иноходью. Над зеленой степью он проносился, не приминая ни одной травинки; по высоким горам он скакал, дробя их в камешки величиной с коленную чашечку.

— Человек в пути должен наблюдать — не покажется ли кто вдалеке или вблизи. Не видишь ли ты чего-нибудь перед собой? — спросил конь.

Что-то странное впереди: прямо в северной стороне огромный, высотой до неба, столб черной пыли.

— Следи за ним.

Вскоре столб пыли приблизился. Сидя вразвалку на коне, подъехал необычайно могучий, с виду отважный воин, лицо у него было красно-бурое, усы черные.

— Как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище, куда ты едешь? — спросил тот богатырь.

— Зовут меня Мёге Сагаан-Тоолаем, конь мой Туман-Кыскыл, отец Мёге Баян-Тоолай, от рождения своего он владел Ак-Хемом, в стороне, где восходит солнце. Еду я в стойбище Кок-Хем к Кок Хевек-хану за невестой. Много лет прошло, как мой отец высватал ее за меня. А ты куда путь держишь?

Человек тот, не сказав ни слова в ответ, трижды огрел своего коня плетью, натянул туго поводья и помчался прямо в северную сторону. Мёге Сагаан-Тоолай так и остался там стоять.

— Что с тобой? — спросил его конь.

— Страшный человек, испугался я.

— Что ты говоришь? Это же твой тесть, не отставай от него, держись рядом с ним.

Добрый молодец догнал хана и поехал рядом с ним. Хан помчится галопом, и наш молодец — рядом с ним, хан перейдет на шаг, и Мёге Сагаан-Тоолай своего коня придержит. Так и ехал, не отставая и не вырываясь вперед хана ни на шаг.

Перевалили через огромный хребет, за которым текла река. На берегу этой реки и раскинулся аал ханского государства. В нем было много народа.

Нигде не останавливаясь, они подъехали к дворцу — огромной белой юрте. Мёге Сагаан-Тоолай привязал коня к ханской коновязи рядом с конем хана и вместе с ним вошел в его дворец. Хан уселся на высокий квадратный трон-ширээ, а парень — на земле около очага.

Хан ни чаем не угостил его, никакой еды не дал и ничего не спрашивал. Сколько же можно сидеть так? Мёге Сагаан-Тоолай вышел и стал ходить среди юрт подданных хана.

В одном месте, в стороне от юрт, он увидел дом с высоченным, до самого неба, железным шпилем. Парень стал присматриваться: в этот дом входили и выходили из него только те люди, которые приносили дрова и воду. Кроме них, никто не ходил.

Мёге Сагаан-Тоолай также взял дров и вместе с одним дровоносом вошел в дом. Там он увидел красивую девушку, излучающую сияние луны и солнца, и остался в доме. Ему дали поесть и попить.

«Хорошее местечко нашел я»,— подумал парень, спрятал свое оружие, седло и потник на скале, а сам вместе с другими людьми стал носить дрова и воду.

Однажды, когда в доме не осталось дров, Мёге Сагаан-Тоолай с одним дровоносом пошел в лес. Срубили они сухую лиственницу, напилили дров. Вдруг он увидел около себя Туман-Кыскыла.

— Что ты делаешь тут? — спросил конь.

— Я работаю в доме, на котором шпиль до самого неба. В нем живет изумительно красивая девушка.

— Не то ты делаешь. Станом своим ты — добрый молодец, а ума-то у тебя недостает. Эта девушка — твоя невеста, за ней ты и приехал. Остановись и послушай меня. Я вместе со здешним скотом приду на стойбище, ты поймай меня и крепко стреножь на скале позади аала, чтобы я выстоялся.

Когда вечером Туман-Кыскыл пришел вместе со скотом на стойбище, Мёге Сагаан-Тоолай поймал его, надел узду, оседлал и на скале крепко-крепко стреножил железными путами.

Вечером наш добрый молодец пришел в ханский дворец. Жена хана уже спала. Сам хан также готов был заснуть.

Мёге Сагаан-Тоолай громко сказал:

— Ты почему не отдаешь дочь за человека, за которого давно поклялся отдать? Разве мало прошло времени с тех пор, как я приехал в твой аал? Отдашь ли ты дочь подобру-согласию?

— О чем ты говоришь? — негодующе признес хан.— Сын неба Темир-мёге уже с гору мяса мне скормил, с море араки выпоил,

он и возьмет мою дочь. А ты мне что выпоил? Вон отсюда! Мне не о чем с тобой разговаривать.

Выйдя из ханского дворца, парень лег рядом со своим конем и рассказал ему об ответе хана. Ночью слышит: земля гудит от топота копыт, голоса людей раздаются.

Утром прибежал мальчик, разбудил его:

— Вставай, хан тебя зовет!

Парень встал и пошел к хану.

— Хоть ты и на коне приехал требовать свою невесту, за которую твой отец уплатил калым, но будущее покажет, возьмешь ли ты ее. Сейчас мы устроим состязания, пустим коней. Если мой конь вперед придет,— ни тебе, ни силачу Темир-мёге не отдам свою дочь,— она поедет в то стойбище, которое я сам выберу. Если конь Темир-мёге вперед придет — девушка будет его, если твой конь вперед придет — ты возьмешь ее,— сказал хан.

Жена хана добавила:

— Своего коня Калчан-Сарыга я тоже поставлю. Если он вперед всех придет, дочь свою я никому не отдам.

Парень вышел от хана и увидел: три коня, на которых сидели три женщины, были уже готовы. Он прибежал к своему коню, но не нашелся человек, который поехал бы на нем. Бегал, искал, но все боялись сáдиться на его коня. Тогда парень пошел к хану.

— Не мог найти человека, чтобы послать на моем коне. Что, если я вместо человека навьючу на него два мешка с песком и пущу его без седока?

— Делай как хочешь.

Мёге Сагаан-Тоолай привьючил к задней луке седла два мешка с песком и пустил своего коня вместе с другими.

Кони побежали в южную сторону. До самого края земли и неба ни один конь не вырвался вперед, ни один не отстал,— все кучей бежали. Повернули обратно и помчались в северную сторону.

Добежали до половины обратного пути, и Туман-Кыскыл вырвался вперед.

— Этот конь без хозяина, все равно не узнают,— перекинулись словами три колдуньи, тридцатисаженными саблями перерезали коню сухожилия под коленками, и он свалился, а сами колдуньи, напевая и наигрывая на свирелях, поехали дальше.

Туман-Кыскыл выпорскнул брызги изо рта, и на горных перевалах пошел густой снег, поднялась свирепая буря, а на берегу реки, где он лежал, выпал теплый дождь, засияло солнце, поросла зеленая трава, закуковали кукушки.

Конь немного повернулся на живот и стал есть выросшую под покрышкой седла целебную траву.

«Теперь каков я?» — подумал через некоторое время конь и попробовал двигать ногами,— все зажило. Конь вскочил,— ноги были тверды, совсем здоровые,— и побежал вначале потихоньку, как бегает жеребенок-стригунок. Потом понесся как ветер прямо в северную сторону, перевалил два перевала и переправился через две реки.

Три коня — хана, ханши и силача Темир-мёге — как ни бились, не могли перевалить через последнюю гору. Славный Туман-Кыскыл, не приближаясь к ним, порезвился у них на виду, закинув хвост к себе на спину, и перенесся через горный перевал.

В аале, на высоком холме, собрался народ. Кто простым глазом, кто в подзорную трубу — все смотрели на дорогу, ждали появления коней. Но в южной стороне показалось только одно облако пыли.

— Мой конь бежит! Нет, мой конь! — заспорили между собой хан, его жена и Темир-мёге.

Облако пыли все ближе и ближе. Мёге Сагаан-Тоолай пристально всмотрелся и узнал своего коня:

— Кто же может быть впереди, если не мой Туман-Кыскыл?! — сказал он, довольный своим конем. К веревке длиною в шестьдесят сажен привязал железный крюк и приготовился, продавив ногами черную землю до самого пояса.

Когда Туман-Кыскыл мчался мимо, наш молодец набросил железный крюк на кольцо его удил. Веревка туго натянулась, и конь, закусив удила и продолжая бежать вокруг своего хозяина, перешел на тихую иноходь, потом побежал, как маленький жеребенок и, наконец, совсем остановился.

Приближенные хана, недовольные этим, разошлись по своим юртам.

А те три коня прибежали только на другой да на третий день.

— Моя победа-то, хан! — сказал парень.

— Из-за того, что твой конишка прибежал первым, не следует тебе радоваться,— ответил невесело хан.— Не дети. Впереди еще будут состязания, достойные богатырей. Будете пускать друг в друга стрелы с железными наконечниками, скованными кузнецами, или испытаете силу своих кулаков, созданных самой природой!

— Чтобы все решилось поскорее, схватимся врукопашную,— предложил Темир-мёге.

Наступил вечер. Двое богатырей пошли в конец длинной желтой степи, на вершины двух серых холмов. Мёге Сагаан-Тоолай на одном из этих холмов туго связал ноги Туман-Кыскылу, чтобы тот выстоялся, навырывал из земли с корнями и натаскал на вершину холма сухих лесин, развел огромный костер и лег спать. Подогре-

ваемый со всех сторон, он вскоре уснул. Спит он и сквозь сон слышит: крик не крик, а какой-то страшный рев.

Проснулся богатырь, вскочил на ноги и увидел: Темир-мёге посредине огромной степи исполняет танец борцов и приговаривает:

— Мёге Сагаан-Тоолай, живой ты или мертвый от страха?

Парень бросился одеваться — нечего было надеть. Прибежал к коню.

— Что с тобой, чем ты взволнован? — спросил конь.

— Надеть мне нечего. Что я буду делать?

— Для такого доброго молодца найдется добрая одежда. Под покрышкой седла есть сшитый из кож шестидесяти маралов костюм для борьбы. Его раньше надевал твой отец, а теперь ты надень.

Парень нашел под покрышкой седла помятый костюм для борьбы, разгладил и натянул на себя. Прошелся, исполняя танец борцов, по длинной желтой степи.

Два богатыря в середине степи встретились, словно две скалы столкнулись. Долго они боролись, зимой под ними иней скрипел, летом — роса шелестела.

Из-под мышек силача Темир-мёге повалила пена каплями, похожими на белую овцу.

— Что это у тебя? — спросил Мёге Сагаан-Тоолай.

— Раньше говорили: когда тело разгорячится, такое бывает. Кровь во мне кипит.

Там, где ступит Темир-мёге, ноги, как колья, уходят в землю, где схватится руками за тело Сагаан-Тоолая, там вырывает клок кожи величиной с потник.

Тут и у Мёге Сагаан-Тоолая полился пот хлопьями пены, похожими на белую овцу, руки стали как железные клещи, тело налилось силой.

— Что это у тебя? — спросил Темир-мёге.

— Предки наши говорили, что бывает так, когда кровь у человека разгорячится,— ответил Мёге Сагаан-Тоолай, схватил силача Темир-мёге в охапку и бросил его с такой силой, что черная земля вздрогнула.— Пусть будет пир сорокам и воронам!

Уселся добрый молодец отдохнуть на его огромную, как сундук, белую грудь и спросил:

— У убитой коровы кровь берут, у богатыря перед смертью слово берут, говори, какое твое последнее желание будет?

— Отец мой — небо, мать моя — земля, войско мое — трава! — закричал вдруг тот, зовя на помощь.

Когда сверху падала молния, Туман-Кыскыл разорвал путы, прибежал к своему хозяину и булатными копытами отбросил

молнию, растоптал и раскидал надвигавшиеся травы и чащи лесные.

Мёге Сагаан-Тоолай убил силача Темир-мёге и, чтобы жила в народе память о его победе, поставил каменное изваяние.

Добрый молодец сел на коня, приехал на стойбище хана, откинул плетью войлок у входа в его юрту и грозно спросил:

— Готово ли, хан, то, что ты должен отдать? Крепко ли, хан, то, что ты не хочешь отдать?

Дочь хана успокоила его, преподнеся белый дарственный платок. Она помогла ему сойти с коня, ввела в свой дворец и стала его угощать.

Хан выделил Мёге Сагаан-Тоолаю часть своего скота, имущества, поставил белую юрту.

Ни на одни сутки не остался Мёге Сагаан-Тоолай в аале хана. Он взял с собой Алдын-дангыну, погнал впереди себя скот, навьючил на коня вместе с добром новую юрту и откочевал.

Перевалили они через крутой высокий горный хребет. Скот устал. В одной ложбине заночевали. И вечером и утром увидели много-много разных зверей в том месте.

— Пусть скот отдохнет здесь,— сказал добрый молодец жене, а сам поехал на охоту.

Добыл Мёге Сагаан-Тоолай много всяких зверей и с добычей прямо через скалу вернулся на место стоянки. Но там все было разграблено, только одна коновязь осталась в пустой долине. Привязал богатырь коня к этой коновязи и горько заплакал.

Но сколько же можно плакать? Как-то взглянул он вверх и увидел: на самой верхушке коновязи чернел когержик.

«Зачем он там»? — подумал Мёге Сагаан-Тоолай, достал когержик и, вместо пробки, увидел записку. Развернул — это была записка Алдын-дангыны. Вот что было в ней написано:

«Ты и не думай искать меня. Живи один. Питайся зайцами да рыбой. На некоторое время я тебе приготовила еды и сшила одежду. Они под землей позади того места, где стояла юрта. Стойбище твое разграбил и меня увез чудовище Амырга Кара-Моос. Он намного сильнее тебя, и ты не пытайся искать с ним встречи».

Парень разрыл землю и нашел там еду и одежду.

— Для одного человека, даже едущего в дальнюю дорогу, и то много тут еды. На что мне все это? — ворчал он про себя.

Мёге Сагаан-Тоолай сел верхом на Туман-Кыскыла, чтобы разыскать жену и отомстить Амырга Кара-Моосу. С коня он увидел круглую вмятину на том месте, где сидел Амырга Кара-Моос. Она была больше того места, на котором стояла юрта. След от лежавшей на земле плети великана напоминал глубокий лог, по которому струился большой ручей.

А есть ли у него, Мёге Сагаан-Тоолая, сила? Ударил он плетью по земле — пролегла бурная речка; посмотрел туда, где недавно сам сидел,— след на земле остался не меньше, чем от Амырга Кара-Мооса.

«Не сильнее он меня»,— подумал наш молодец и поехал вдогонку за врагом.

Мёге Сагаан-Тоолай перевалил через три горы, переправился через три реки. В одном месте он долго, пристально всматривался в даль. Вдруг увидел: в самой середине густого леса пасется его скот, стоит его юрта ослепительной белизны.

Мёге Сагаан-Тоолай вскочил на коня и вмиг примчался на то стойбище. Он трижды объехал вокруг юрты, ударяя по ней плетью:

— Если ты хороший человек — принимай гостя: попьем вместе чаю, поедим мяса; если ты плохой человек — выходи: померяемся силами!

Алдын-дангына узнала по голосу своего мужа и выбежала из юрты:

— Самого-то нет, уехал охотиться, скоро вернется. Ты отсюда сейчас же уезжай подальше, чтобы голос мой лишь чуть-чуть было слышно. Спрячься там и прислушивайся ко всему. Услышишь мой голос — сразу же приезжай сюда.

Мёге Сагаан-Тоолай повернул коня, отъехал в сторону и привязал его за горой. Сам лег на землю. Всю ночь пролежал — ничего не услышал.

Амырга Кара-Моос с богатой охотничьей добычей, притороченной к седлу, приехал в аал в самый полдень. Черный конь его подошел к коновязи, потом вдруг захрапел и шарахнулся в сторону. Кара-Моос насилу повернул его:

— Мой конь чего-то испугался. Не приехал ли твой старый муж? — спросил он у Алдын-дангыны.

— Давно еще, когда я жила в юрте своих родителей, сшила шубу из непросохших, невыделанных шкурок ягнят. Эту шубу теперь я вытащила и надела. Ее-то и испугался твой конь,— ответила женщина.

— Ладно,— успокоился Амырга Кара-Моос и оставил коня, закинув поводья за переднюю луку седла.

Когда Амырга Кара-Моос сел поесть, Алдын-дангына предложила ему:

— Всегда ты пьешь одно молоко, сегодня я приготовила для тебя араки, не отведаешь ли ее?

— Что это такое «арака»?

Алдын-дангына принесла араки. Кара-Моос попробовал и не стал пить: горькая.

Алдын-дангына взяла обеими руками чашу с аракой и запела. Своей песней она прославляла стойбище Кара-Сюме, которым владел Кара-Моос, воспевала достоинства его черного коня.

Возгордился Амырга Кара-Моос, схватил чашу с аракой и выпил. Алдын-дангына налила ему самой крепкой араки — он и ту выпил до капли.

Алдын-дангына вышла из юрты. Опустились сумерки. Она запела протяжную песню.

Мёге Сагаан-Тоолай услышал ее песню и мигом прискакал.

— Кара-Мооса я свалила, теперь ты справишься с ним,— сказала мужу Алдын-дангына.

«Что же с ним делать? Стрелой вырву у него сердце и легкие»,— подумал Мёге Сагаан-Тоолай, натянул до отказа тугой лук и выстрелил. Стрела попала в чудовище, но со скрежетом отлетела от него в сторону, словно от скалы.

Тогда Мёге Сагаан-Тоолай порылся в его сундуке и нашел в нем стальной белый топор с острием в четверть. Но и топор даже маленькой царапины не оставил, а распался от ударов.

Испугался Мёге Сагаан-Тоолай, пошел к своему коню:

— Не могу его убить.

Конь дал совет:

— Достань аркан в шестьдесят сажен длиной, один конец крепко-накрепко привяжи за шею этого чудовища, другой — за мою шею, да так, чтобы я мог достать его и передними и задними ногами.

Мёге Сагаан-Тоолай так и сделал. Туман-Кыскыл вытащил Амырга Кара-Мооса из юрты и помчался, волоча его по густому лесу, по каменистым горам. Лишь на утренней заре конь притащил его обратно, все еще живого.

— Не мучьте меня. В подметке моих идыков есть черный нож с лезвием в четверть — только им убьете меня,— взмолилось чудовище.

Мёге Сагаан-Тоолай убил врага-захватчика тем ножом, забрал весь свой скот, юрту и откочевал вместе с Алдын-дангыной в свое стойбище на реке Ак-Хеме.

Приехали они к берегам родного Ак-Хема. Вспомнил Мёге Сагаан-Тоолай, как грозился Караты-хан расправиться с ним, тогда еще маленьким мальчиком, вспомнил о своих отце и матери, загубленных ханом, и не выдержало его сердце,— оставил он аал и помчался вперед.

Караты-хан жил на прежнем месте. Мёге Сагаан-Тоолай один раз подъехал на своем Туман-Кыскыле и с ходу сорвал дверь его дворца. Другой раз прискакал и крикнул:

— Что ты возьмешь: семь яловых кобылиц или семь скребков для выделки кож?

— Если дашь семь кобылиц, прибавится у меня скота, если дашь семь скребков, прибавится у меня добра,— ответил жадный хан, высовываясь из дворца.

Тут его Мёге Сагаан-Тоолай так ударил плетью, что голова слетела с плеч.

— Эх, поторопился я расправиться с ним! Надо было спросить последнее его желание,— сказал богатырь.

Так Мёге Сагаан-Тоолай расправился с убийцами и захватчиками.

Вскоре он вернулся в аал на Ак-Хеме и стал жить со своей женой мирно и спокойно.

НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Осьмикрайная,
Об осьми ободах,
Бурями обуянная
Земля — всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках.
И оттуда сказание начинать.

* * *

Далеко, за дальним хребтом
Давних, незапамятных лет,
Где все дальше уходит грань
Грозных, гибельных бранных лет,
За туманной дальней чертой
Несказанных бедственных лет,
В дни, когда тридцать пять племен
Населяющих Средний Мир,
Тридцать пять улусов земных,
Были неведомы и тому,
Кто ходит на двух ногах,
У кого лицо впереди;
Задолго еще до того,
Как родился Арсан Дуолай,
Злодействами возмутивший миры,
Что отроду был в преисподней своей

В облезлую доху облачен,
Великан с клыками, как остроги;
Задолго еще до того,
Как отродий своих народила ему
Старуха Ала Буурай,
С деревянной колодкою на ногах
Появившаяся на свет...

Тридцать шесть порожденных ими родов,
Тридцать шесть имен их племен
Еще были неведомы сыновьям
Подсолнечного улуса айыы
С поводьями за спиной,
Поддерживаемые силой небес,
Провидящим будущий день...

И задолго до тех времен,
Когда великий Улуу Тойон
И гремящая Куохтуйа-Хотун
Еще не жили на хребте
Яростью объятых небес,
Когда еще не породили они
Тридцать девять свирепых племен,
Когда еще не закаляли их
Словами, разящими, словно копье,
Люди из рода айыы
С поводьями за спиной,
В те времена
Была создана
Изначальная мать-земля.

Прикреплена ли она к полосе
Стремительно-гладких, белых небес —
Это неведомо нам;
Иль от плавно вертящихся в высоте
Трех небесных ключей
Она ступенями низведена —
Это не видно нам.
Иль над гибельной, бурной, яростной бездной
Сгущенным, воздушным смерчем взметена —
Летает на крыльях она?
Или кружится на вертлюге своем
С песней жалобной, словно стон?
Этого не разгадать.

Но ни края нет, ни конца,
Ни пристанища для пловца
Средь пучины неистово-грозовой
Моря, дышащего бедой,
Кипящего соленой водой,
Моря гибели, моря Одун,
Бушующего в седловине своей.
Плещет в грохоте грозовом,
Дышит яростью, дышит злом
Море грозное Сюнг
С неколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее окоем,
Сонма лютых смертей притон,
Море горечи, море мук,
Убаюканное песнями вьюг,
Берега оковавшее льдом.

С хрустом, свистом
Взлетает красный песок
Над материковой грядой;
Жароцветами прорастает весной
Желто-глинистая земля
С прослойкою золотой,
Пронизанная осокой густой,
Белоглинистая земля
С оттаявшею корой,
С поперечной балкой столовых гор,
Где вечен солнечный зной,
В широких уступах глинистых гор,
Объятых клубящейся голубизной,
С высоким гребнем утесистых гор,
Перегородивших простор;
С такой твердынею под пятой,—
Нажимай — не колыхнется она!
С такой высоченной хребтиной крутой,
Наступай — не прогнется она!
С широченной основой такой,—
Ударяй — не шатнется она!

Осьмикрайная, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,

Обильная щедростью золотой,
Гладко-широкая, в ярком цвету,
С восходяще пляшущим солнцем своим,
С деревами, роняющими листву,
С шумом убегающих вод,
Расточающимся изобильем полна,
Возрождающимся изобильем полна,
Бурями обуянная,
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена —
Изначальная мать-Земля.

БОГИ РЕШИЛИ ЗАСЕЛИТЬ СРЕДНИЙ МИР

А потом исполины-айыы,
Решили жизнь основать
В Срединном Мире земном,
Навсегда устроить его
Немеркнущую судьбу.

В жертву отданная до сих пор
Жителям преисподних бездн —
Беззащитна эта страна!
Так говорили они.

Неужель всемогущие мы,
Всезнающие,
Всевидящие,
Не устроим жизнь по воле своей
В этом Среднем Мире земном?
Выбрав из трех
Первозданных родов,
Надобно поселить
Навеки на этой земле
Быстроногих, чья кровь горяча,
Подпоясывающих свой стан,
Тридцать пять племен Уранхай-Саха
С поводьями за спиной,
С немеркнущей судьбой,
С продолговатым носом людей,
У которых лицо впереди,
У которых на шее легко

Поворачивается голова,
Чьи суставы легки, связки крепки,
Чье дыханье — словно туман,
В чьих жилах — живая кровь!

Так устроить жизнь на земле
Приняли решенье они.

ЗАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО МИРА ПЕРВЫМИ ЛЮДЬМИ

Прародителями людей
На обетованной земле
Из Улуса Солнца,
Из рода айыы
Были взяты Саха Саарын-Тойон
И Сабыйа Баай-хотун.
Боги их поселили там,
Где на Восток опускается край
Пешеходно-слоистых светлых небес
Ниже высоких гор;
Где, как одежды ровдужной край,
Полосами пестрыми окаймлен —
До земли опускается небосклон;
Там где влажно-росистый угол земли
Загибается вверх, как носы
Свилевато широких лыж.

В светозарной той стороне
Осьмикрайная, на восьми ободах,
Белая равнина блестит.
Там не увядающая никогда,
Не знающая изморози ледяной,
Зелень буйная шелестит.
Там высокое солнце горит светло,
Никогда не падает снег,
Никогда не бывает зимы.
Лето благодатное там
Вечное изливает тепло.

Опереньем ярким блестя,
Турухтаны порхают там.
Молодые утки с озер
Табунами взлетают там,

Голуби не умолкают там.
Неиссякаемая благодать
Изобильем вздымается там,
Вечный пир кумысный кипит, бурлит,
Девять длинных веревок волосяных
Между коновязей натянуты там.
И поставлен кругами зеленый чэчир
Вокруг цветущих полян,
Словно густоветвистый лес.
Как глубокое озеро, выставлен там
Заповедный кумысный чан.
Синим маревом курится даль,
Жаворонками звенит,
Красуется, светом напоена,
Привольная эта страна,

Где броды по дну широких рек,
Как натянутая тетива,
Где на пастбищах волнами ходит трава,
В средоточии той страны,
Гладко-широкой,
Ясно-высокой
Средней Земли матерой,

На медном, возвышенном месте ее,
На серебряной середине ее,
Над которою никогда
Не веяла никакая беда,
На блистающем пупе земли,
Где ласков полуденный зной,
На высокой хребтине ее,
На вздымающейся груди земляной,
На вздувающемся загривке ее,
На широком затылке ее,
Сотворенно построен был
Тридцатистенный дом...
Сверкая кровлею золотой,
На девяносто сажен в длину
Раскинулся этот дом,
На расстоянье дневного пути
Видимый отовсюду кругом;
Чтобы вольно вливался в него поток
Девяноста лучами дарящего свет

Лучезарно-белого солнца дня,
Девяносто окон больших прорублено в доме
Равного которому нет.

ВООРУЖЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Если слово узлом вязать,
Если все доподлинно рассказать —
Вышло много высоких, черных людей
Выше лиственниц,
Черней их теней.
Люди — тени пришли,
Из тьмы принесли
Оружие и доспех боевой;
Хватило бы оружья того
На долгую тревожную жизнь
Трех могучих богатырей.
Пред Нюргун Боотуром они,
Положили доспехи горой,
Говоря: «Выбирай!
Все испробуй и осмотри,
Что по нраву, то и бери.
Все примерь,
Наилучший из всех,—
По плечу избери доспех.
Все кольчуги перетряси —
Ту, что выберешь, и носи!»

Богатырь не мог
В седле усидеть,
Прянул он с коня,
Ухватил рукою один доспех,
Мол, не годен ли для меня?
Только на ноги доспех натянул,
Только ноги в коленях согнул —
Разлетелся доспех на куски,
Рассыпался по земле.
Стал второй доспех примерять,
Руки вдел в кольчужные рукава;
Только голову всунул в шейный прорез,
Только на плечи натянул,
Да как плечами повел,
Весь доспех железный

Треснул по швам,
Посыпался к богатырским ногам.

Третий доспех
Лежал как гора;
Он с надеждой его схватил,
Проворно надел на себя
Просторный, грузный доспех.
Будто латы кузнец для него ковал,
Будто швом стальным для него сшивал,
Ладно стан исполину
Доспех облек.
Потянулся Нюргун, сколько мог,
Выгнул спину,
Плечами повел,—
Трехслойная кольчуга на нем
Не треснула, не разошлась;
Ни единая бляха с него
Булатная не сорвалась.
Чем круче он спину сгибал
Тем крепче ратный доспех
Тело ему облегал.
Упругая, при повороте любом,
Кольчуга растягивалась на нем
И стягивалась опять.
Не тесня, красовался на богатыре,
Как литой,
Доспех боевой.

Меч он выбрал —
Длинный, прямой,
Наилучший среди мечей,
Было меча лезвие
Чарами напоено
Восьмидесяти восьми грозовых
Мчащихся облаков.
У девяноста и девяти
Клювастых илбисов,
Отбив
Железных клювов концы,
Сбили их в одно лезвие
Заклинатели-кузнецы.

Сваривали лезвие меча
На крови из печени льва,
Потом закалили его
В желчи зубастых рыб.
Стал таким блестящим булат меча,
Что за три перехода дневных
Видеть зоркий юноша мог,
Словно в зеркале, в этом мече
Отраженье губ своих и зубов.
Было сорок четыре
Чары в клинке,
Тридцать девять
Коварств колдовских...
Жажда мести
К нему приросла,
Смерть сама
В булате жила.
Илбисы — духи войны
Клубились вокруг него,
Садились на жало его.
Кровь горячая
Пищей мечу была.
Переливался кровавый закал
На широком его лезвие.
Он, как вызов на бой, сверкал —
Грозен и горделив.
Выбрал Нюргун Боотур копье
С разукрашенным древком цветным.
На рогатине длинной его,
На блистающем его острие,
Как огонь, метался,
Бился илбис.
Кровью черной питалось копье;
Глядя на его лезвие,
Брови и ресницы свои
Девушка могла б издали,
Словно в зеркале увидать.

Красной крови горячей просило копье,
Вкруг рогатины роем илбисы вились,
Вопили, в битву рвались.
Выбрал Нюргун Боотур
Для охот и потех боевых

Исполинский лук костяной,
Непомерно тугой на сгиб.
Этот лук в необъятный простор
Стрелы гремящие,
Стрелы разящие
Без промаха посылал.
Этот лук был велик,
Словно длинный изогнутый мыс,
Опоясывающий широкий алаас.
Этот лук был велик,
Как излука большой реки.
Были склеены пластины его
Черной желчью
Зубастых рыб,
Красной кровью
Из печени льва.
Из сухожилий и жил,
Вытянутых из брюха льва,
Скручена была тетива.
Обтянут берестой тугой
Заоблачных синих стран,
Грозным оружьем был этот лук.
Были стрелы для лука припасены
Огромные, бьющие наповал,
Острые, словно рыбья кость,
Были стрелы оперены
Маховыми перьями
Из крыла
Хотоя-айыы орла,
Разящего клювом кривым,
Оглашающего простор
Клекотом громовым.
Наконечники стрел пылали огнем;
Было так много стрел,
Что в колчане
Рядами торчали они,
Как могучий кедровый лес.

С пронзительным воем любая стрела
Пущенная с тетивы,
Долететь мгновенно могла
До верхних бурных небес.
Колотушка — палица там была
Из цельного дерева

С толстым комлем
В девяносто девять пудов.
Этой палицей
Было сподручно разить
По макушкам свирепых абаасы,
Адьяраев толстые черепа,
Железные скулы их
Вдребезги разбивать.
Выбрал Нюргун Боотур
Эту палицу,
Этот лук;

Выбрал, воющий при взмахе, как вихрь,
Пылающий огнем,
Боевой закаленный меч —
Весом в пятьдесят пять пудов,
Самый грозный из всех мечей;
По руке ему пришлась рукоять,
Сам просился огромный меч
Доспехи тяжелые рассекать,
Бить врага,
Как прорубь рубить,
Ратоборцев грозных разить,
В оба бока
Пришлых лупить.

Поглядим — каков был собою он.
Кто для подвигов был рожден,
Тот, о ком далеко молва разнеслась,
Прославленный в трех мирах
С высоким именем исполин,
Славнейший среди людей
Светлого рода айыы,
Самый отважный среди людей
Солнечных племен.

Если снизу вверх поглядеть
На этого богатыря —
Огромен он, как утес,
Грозен лик у него,
Лоб его крут и упрям;
Кровь у него горяча,
Глаза у него горят,
Как два блестящих луча.

Лес из лиственниц молодых
До пояса не доходит ему,
А темя его головы
Касается верхних ветвей
Могучих лиственниц вековых,
Телом кряжист,
В плечах непомерно широк.
Наконец он в силу вошел —
Этот лучший среди людей.
Бедра могучие у него
В три взмаха рук длиной,
Стан огромный богатыря
В пять взмахов рук длиной.
Крепкие, мощные мышцы его —
Словно корни лиственниц вековых.
Голени прямые его —
Как толстых два бревна
Из очищенных лиственниц молодых.
Локоть согнутый — как рычаг,
Как средний могучий сук
Изогнутой кедровой сосны.
Широкие ладони его —
Как две лопаты больших,
Вытесанные из цельных колод.
Остры, зорки его глаза,
Черные неподвижны зрачки.
А вокруг зрачков сверкают белки,
Как в уздечке серебряной два кольца,—
Так они круглы и светлы.
Черные длинные брови его
У переносья сошлись,
Будто сшиблись рогами
Два черных быка.
Величавый вид у него,
Богатырская стать,
Огромный рост;
Непомерная сила в нем.
Схожа верхняя часть его
С грозной рогатиной боевой.
Схожа нижняя часть его
С многозубою острогой.
Строен станом, словно копье,
Стремителен, как стрела,
Был он лучшим среди людей.

Сильнейшим среди людей,
Красивейшим среди людей,
Храбрейшим среди людей.
Не было равных ему
В мире богатырей.
Когда вставал во весь рост —
Полнеба загораживал он;
Если плечи приподымал,
Солнце и луну закрывал.
Вот каков он был — аарт-татай.

Наконец-то день наступил,
Наконец исполнился срок,
Когда величайший из богатырей,
Этот воин, взращенный, чтоб защитить
Обитаемый Средний Мир,
Этот богатырь удалой,
Этот выкормыш озорной
Небесной Айыы Умсур,
Стремительный Нюргун Боотур
Оружие в руки взял,
Броню боевую надел,
Ловко сел он в седло —
Плотно он сел верхом
На летающем, как громовая стрела,
Вороном блестящем коне.

ПОХОД НЮРГУН БООТУРА В СТРАНУ УОТА УСУТААКЫ

Стремительный Нюргун Боотур
Повод скрученный натянул,
Послушного коня своего
В сторону западную повернул.
Крикнул, гикнул,—
Всклубился прах,
Воздух зашумел, загудел
От полета в его ушах.
Словно лодка летящая в быстрине,
Длинный огненный хвост коня
Со свистом распластывался в вышине
В семь маховых саженей.
Черная грива коня,
Будто семь илбисов клубились в ней,

Черным вихрем летела, шипя
Вспышками серных огней;
Черная челка коня,
Летящая, как копье,
Задевала небесный свод.
Всколебалось лоно земли,
Взбаламутился Верхний Мир,
Зашумела вьюга, ударил град.
Черный западный край небес,
С громом, кружась,
Опустился к земле.
Девять вихрей неистово завились,
Завыли во тьме грозовой.
Обезумевшая Илбис-кыыса,
В дикой радости рукоплеща,
В яростной пляске кружась,
Отстала от полета коня.
Ревущий Осол Уола,
Разевая железный клюв,
Отстал от полета коня.
Так отчаянно мчался конь,
Что возбаламутился Нижний Мир;
Так бешено мчался конь,
Что взревел грохочущий Верхний Мир.
На девятидневном пути
Ливень с крупным градом хлестал,
На восьмидневном пути
Ветер яростно налетал.
А на семидневном пути
Зашумела, завыла пурга,
Понесла седые снега,
Тучи призраков понесла.

Вот свирепую песню свою
Затянули боги войны;
Отозвалась песня в костном мозгу,
Дух несчастья заголосил...
Словно туча, вскипел туман,
Полетели сонмы теней,
Головы девяти журавлей
Оторвались от серых шей,
Отломились длинные их носы...

Тут Срединного Мира боец
С матерью изначальной Землей

Расставаться, прощаться стал,
В дебри дикие въехал он.
От солнечных улусов своих
Во тьму удаляться стал.
Светлые поляны его,
Как пластины из серебра
На шапке из трех соболей,
Перед ним блеснули в последний раз.
Он туманы тундровые всклубил,
По владениям смерти
Погнал коня.
Там, где край земли,
На крутой перевал,
На высокий горный хребет
Бесстрашно поднялся он.
И увидел с той высоты
Море мглистое...
Кружится водоворот,
Рушится море в провал...
Поглядел Нюргун Боотур
И сказал:
«Это — в логово смерти вход!
Это там он вырос и заматерел,
Повелитель Нижнего Мира,
Владыка бездонного моря
Исполин Уот Усутаакы...
Там его погибельное жилье
О тридцати западнях,
Наверно, я отыщу.
Только он, проклятый, не спит,
Он ждет,
Он уверен, что мне глаза отведет
Черное его колдовство.
Восьмьюдесятью восемью
Обманами ускользает он.
Девяносто девять личин —
Оборотень —
Меняет он.
Ратоборец тоже великий он,
Бедственной бездны
Владыка он.
Если я в своем виде туда войду
Обреку себя на беду,
Сам к нему в западню попаду.

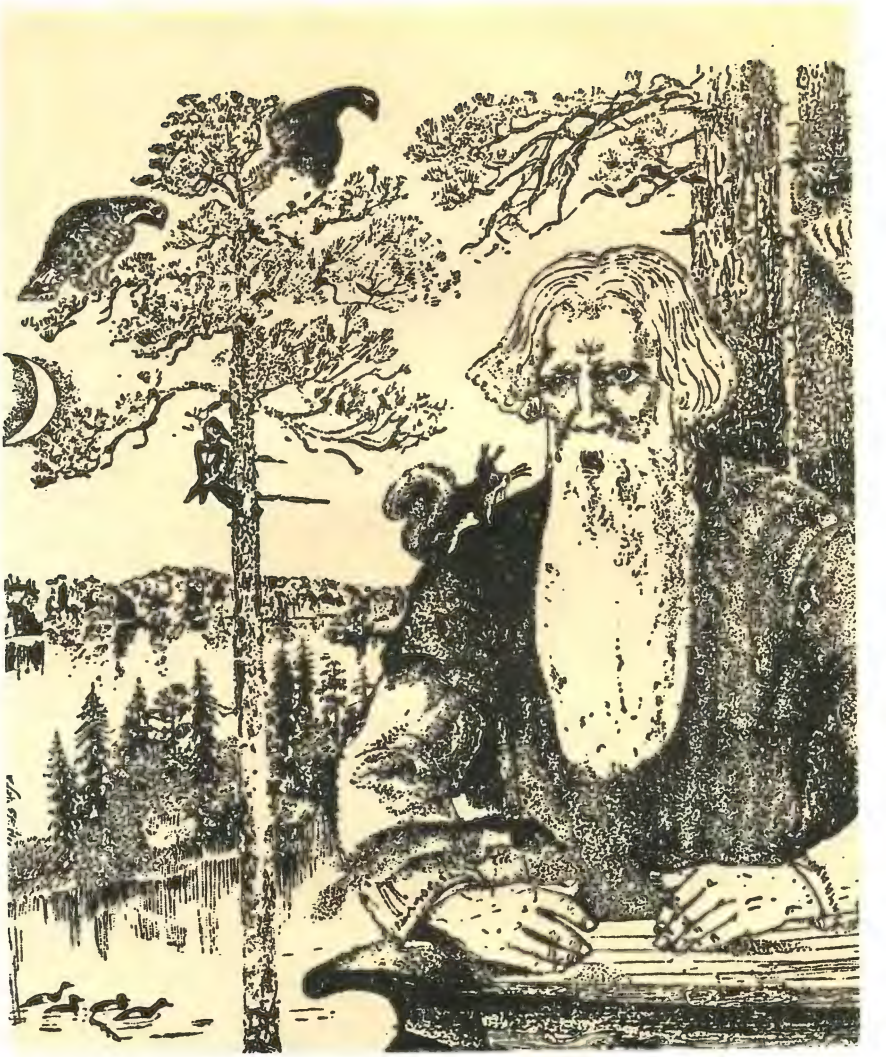
И поэтому должен я
Восьмьюдесятью восемью
Чарами обладать,
Девяносто девять личин
Во мгновенье ока менять».
Так решил
И сошел с коня —
Предназначенного от начала времен
Послушного скакуна —
Нюргун Боотур удалой,
Защитник Средней Земли.
Вороного он повернул
В сторону владений айыы,
Хлопнул по крупу ладонью его,
К Верхнему Миру направил коня,
Как пушинку, сдунул его.
Грянулся об земь Нюргун Боотур,
Кубарем покатился он;
В трехгранное
Стальное копье
Вмиг превратился он;
И, сверкая, блистая,
Звеня,
Полетел в бездонный провал.

ПЕРВЫЙ БОЙ НЮРГУН БООТУРА С ВЛАДЫКОЙ ПОДЗЕМНОГО МИРА

Ощетинился огнедышащий змей,
Ощутив внезапный удар,
Когда в широкую спину его,
В кованый медный щит
Трехгранное стальное копье
Треснулось,
Грянуло с высоты.
Оскалился змей, зарычав,
Увернулся.
Мимо скользнуло копье
По медной толстой броне.
Победное громовое копье
Стоймя глубоко впилось
В стонущее свирепое лоно
Кровавой долины той,
Гибельного преисподнего дна.

И отпрянуло вверх копье,
И ринулось неотвратимо опять
Прямо в грудь
Огнедышащего адьярая
О восьми ветвистых ногах,
Заревел меднотелый змей,
Скрученный, завопил.
С оглушительным треском взорвался он.
А трехгранное
Стальное копье
Ударило в каменный столб,
Половину толщи
Утеса-столба,
Как корневище травы-быты,
Удар копья отколол,
В осколки мелкие раздробил.
И в бугристую печень
Долины бед,
В трехслойное лоно ее,
В гранитную глыбу ее,
Сверкая, блестя, звеня,
Ударилось копье
И с грохотом взорвалось.
Искры огненные разлетелись кругом...
И в подземном мире возник
Стремительный Нюргун Боотур.
Так внезапно явился он,
Будто в мерзлую землю долины бед
Лиственничный заостренный ствол
Яростно был водружен.
Бурно кровь заходила в нем,
Распрямились плечи богатыря
В шесть маховых саженей,
Вздула жилы гордая кровь.
Вспучился загривок его,
Будто земляная гора.
Будто молот кузнечный бил,
Загудела тяжелая кровь,
Забилось на темени богатыря
Сплетение толстых жил.
Будто могучий кузнечный мех
Дух его раздувал,
Вихрем из глаз его
Сыпались искры огня.

Так стремительный Нюргун Боотур
Встал в пределах абаасы
Во весь исполинский рост.
Будто яркая молния,
Мрак разорвав,
Ударила с высоты,
Ослепляя белым огнем,—
Так стремительный Нюргун Боотур
Пред извечным врагом возник,
Опираясь на длинный меч
С остро отточенным лезвием,
С жадно вонзающимся острием.
Был этот меч закален
В крови из печени льва
И в черной желчи густой
Свирепых зубастых рыб.
Блистал этот меч стальной
Зеркальною белизной.
Был заколдован его булат
Заклятьями сорока четырех
Ратных, небесных слав.
Тридцать девять чар впитало в себя
Жадное его лезвие.
Высоко поднял Нюргун Боотур
Воинственное копье
С древком, выкрашенным пестро,
С грозной рогатиной на конце.
На стальной рогатине той
Кровожадный бился илбис.
Потрясая копьем боевым,
Потрясая мечом боевым,
По долине смерти и бед
Пошел Нюргун Боотур,
Погрязая до бедер
В кровавой топи,
Протаптывая тропу.
Трижды он обошел вокруг
Бездыханного богатыря —
Юноши Юрюнг Уолана,
Лежащего на кровавой земле,
Брата младшего своего,
Красовавшегося в недавние дни
Над высокой изгородью столбовой
На мотыльково-белом коне.



Карельские руны.
Худ. М. Мечев.

Над убитым Нюргун Боотур,
Богатырь светозарного Верхнего Мира,
Горько сетуя, говорил:

Нюргун Боотур

Эй, поглядите! Эй, поглядите!
Эй, видите вы? Иль не видите вы?
Эти исчадия тьмы,
Невидимые людям земным,
Светлого солнца детей
В пропасть подземную увели,
В уголь, в золу сожгли!
Светлых детей айыы
Солнечных богатырей
Адьяраи закабалили,
Сокрушили
Длинные кости их!
Эй ты, выродок,
Злобный дух
Бездонного огнемутного моря —
Ледовитого Муус Кудулу,
Эй, проклятый,
Несчастный ты,
Уот Усутаакы,
Вор и злодей!
Чем возгордился ты?
Что не уличенный ты вор,
Не пойманный до сих пор,
За поводья крепко не взят?
Грозы над собою не знаешь ты,
Давно утесняешь ты
Солнечных богатырей!

Из далекой, высокой страны,
Ратоборец, равный тебе,
По свежим твоим следам
Я, как молния, прилетел!
Из прославленной великой страны,
По мертвой, мерзлой дороге твоей,
Я пролетел, проскакал,
Я тебя, злодея, застал!
Брата младшего моего,
Ты Юрюнг Уолана убил,
Длинные кости его раздробил,

Короткие кости его
В ледяную шугу превратил,
Толстую кожу его распорол,
Пролил его драгоценную кровь.
За великие преступленья твои,
Я, как прорубь широкую
В толстом льду,
Дыру в твоем темени продолблю,
Как отверстье в столбе ворот,
Рогатиной шею твою пропорю,
Шейный твой позвонок рассеку!
Вырву черную печень твою,
Воротную вену твою разорву
Многожильное сердце твое
Исторгну я из тебя!
Я до локтя мокрой своей рукой
Залезу в утробу твою,
Железный твой нерв спинной,
Как струну,
Медленно буду тянуть...
Те слова
Что ты матери не сказал,
Я заставлю тебя сказать!
Те слова,
Что вовеки ты не сказал
Арсан Дуолаю —
Отцу твоему,
Чудовищу с раздвоенным хвостом,
Те слова сокровенные из тебя
Я вырву
В твой смертный час!

Я твой Нижний гибельный Мир,
Словно воду в лохани берестяной,
Взбаламучу и расплещу!
Железный твой заповедный дом
Искорежу и сокрушу!
Я разрушу твой дымный очаг,
Я, смеясь, твой алый огонь
Затопчу, навеки погашу!
Светлолицую Туйаарыму-куо
С девятисаженной косой
Из темницы железной освобожу,
Выведу на солнечный свет!

На изначальную землю-мать,
В золотое гнездо —
В заповедный дом
Светлой богини Айыысыт,
Невредимую — возвращу!

Черная харя,
Кровавая пасть,
Ну-ка я погляжу на тебя,
На глиняную морду твою,
На кривые колени твои!
Выходи на битву, злодей!
А не выйдешь —
Силою притащу!

Покамест Нюргун Боотур говорил,
Покамест от ярости боевой
Взбухали его бока,
Вдруг невесть откуда взялся
Трехголовый
Огнедышащий змей.

Как курительной трубки чубук
Обтягивают ремешком,
Он Нюргуна обвил, обкрутил
От лодыжек кряжистых ног
До гордого яблока горла его,
До вздувшейся шеи его.

Будто железом полосовым,
Со скрежетом огненный змей
Толстыми кольцами оковал
Тело богатыря;
Раздвоенными языками,
Семисаженными языками,
Как бичами щелкая, зарычал
Так, что подземный каменный лес
Отгулом загрохотал,
Так, что недрами трех
Преисподних бездн
Дрогнул Нижний гибельный Мир...
Оглушительно-зычно
Змей заревел:

Огнедышащий змей

А-а! Недоносок, Нойоон-богдоо!
А-а, красавец! А-а, дурачок!
Ах, как тут бахвалился ты!
Я все туже буду сжимать
Дюжее туловище твое!
Пищу, проглоченную вчера,
Изрыгнуть заставлю тебя
Из горла широкого твоего!
Попробуй — двинься, пошевелись!
Посмотрим — силен ли ты?

Тут железными кольцами змей
Так туго его сдавил,
Что у богатыря — послабей, чем Нюргун,
Помутился бы свет в глазах,
Поднялся бы трезвон в ушах,
Хрустнули бы позвонки,
Треснул бы хребет становой!

Нюргун Боотур

Эй ты, крадущийся по ночам
На кривых косматых ступнях,
Выходец из подземной тьмы!
Выродок адьярайских бездн.
Ты в будущие времена
Не будешь меня укорять,
Что тебя не предупредил,
Что врасплох на тебя напал!

Мира подземного исполин
Захохотал в ответ,
От хохота корчился он.
Вдоль огромного туловища его
Зеленые вспыхивали огни,
Тремя головами тряся,
Три пасти разинул он,
И железные, кривые клыки,
Словно ржавые сошники,
Оскалились в шесть рядов.
Раздвоенный, огненный хвост
Распластывался в длину,
Раскатисто смех гремел.

Ой, лопну от смеха!
Ой, умру!
Ох, горе мне! Ох, позор!
Богатырем ты себя возомнил!
Болтаешь мне всякий вздор!

Эх, бедняк!
Ты попал мне в пасть
И пропал, как червяк!
А еще предупреждаешь меня —
Что, мол, иду на тебя!
А еще пугаешь меня!
Сколько слов мне страшных наговорил!
Ах, ты, пестренький мой щенок,
Ах, ты, выкидыш!
Верхнего Мира боец!

Теперь, как сел на тебя верхом,
Такой, как я, богатырь,—
Откуда ты силу возьмешь,
Откуда чары возьмешь
Освободиться, спастись?

Так извивался и хохотал,
Так издевался змей.

* * *

Владеющий вороным конем,
Стоя — рожденным на грани небес,
Летающий стрелой грозовой
По гребню белых небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Громовый клич испустил.
Всю свою мощь собрав,
Трижды натужился он,
Мускулы до звона напряг,
Вспучился, как гора,
Так, что чуть не лопнул
Чудовищный змей,
Только треснула шкура его на спине,
Только жилы в теле его

С треском, словно лыко, рвались...
Зубы стиснул от боли
Нюргун Боотур,
Зычно, громко он закричал,
И грянулся о гранитное дно,
О гулкое трехслойное дно
Погибельной Нижней Земли;
Громом загрохотал,
Молнией засверкал,
И в черную каменную скалу,
Словно в черную печень
Лежащей коровы,
На три сажени врезался он,
Словно топор громовой;
В осколки скалу расколол.
Змéя, душившего в кольцах его,
О твердый гранит ободрал.
Разорвался, гремя,
Трехголовый змей,
Испепелился, пропал...

Но у грозного невидимки-врага,
У оборотня подземных сил
Уот Усутаакы
Были нерушимо сильны
Девяносто девять чар колдовских.

Только искрами
Рассыпался он,
Вмиг могучее сердце его,
Вместилище жизни его,
Полыхнуло мутным огнем,
Улетело, как синий дым.

Исполин, прославленный в трех мирах,
Владыка подземных бездн,
Дух бездонного, огнемутного моря —
Ледовитого Муус Кудулу,
В непомерной мощи своей
Не укрощенный никем,
Повелитель абаасы
Уот Усутаакы
В ужасающем обличье своем,
В истинном виде предстал.

Черной пеной
Из пасти плюясь,
Изрыгая брань и хулу,
Словно ель вековая в снегу,
Словно выкованный
Целиком из железа,
Несуразно огромный он
Вдруг перед Нюргуном предстал
В подлинном величье своем.

У него безалаберное лицо,
Как обвалившийся косогор,
В семи провалах гнилых,
Черное,
Обросшее сплошь
Бородавками и паршой.
Едкий, как щелочь,
Единственный глаз,
Словно из ущелья, глядит
Из прищура бугристых век.
Его единственная нога
Раздвоилась в колене кривом,
Разрослась она вкривь и вкось.
Его единственная рука
Разветвилась у локтя на две руки.
На две стороны бьют наповал
Дюжие кулаки.
На широкое темя его
Нахлобучена набекрень
Проржавленная железная шапка,
Схожая с орлиным гнездом,
Развалившимся за девять веков;
Тридцатипудовые на ногах
Железные торбоса-сапоги;
Из железа кованая на нем
В девять слоев броня;
Из кожи дохлых телят
Шлык на его башке.
На длинной шее
Шкура льва,
Облезлая доха на плечах
Из заразных,
Содранных с падали шкур.
Осклабился

Адьярайский главарь
Огромным своим
Вислогубым ртом,
Оскалил зубы, смеясь,
Огненный столб вихревой
Выдохнул из себя.
То ли гнев клокотал
У него в груди,
То ли смех его распирал,—
То хватался он за бока,
То лопатами рук ударял себя
По единственному бедру.

Кривыми ногами
Подрыгивал он,
Приплясывал он,
То по-медвежьи рыча,
То выпью лесной крича,
То заливисто хохоча,
То по-волчьи воя,—
Голос свой подавал:

Уот Усутаакы

Аар-дьаалы! Ыарт-татай!
Услыхал гремящее имя мое
На семи великих путях,
Услыхал раскаты славы моей
На восьми великих путях,
Прискакал, видать, из Высокой Страны
Гость отважный, подобный мне,
Прилетел, видать, из далекой страны
Друг — по удали равный мне!
Высоко занося чело,
Вот он — сам пожаловал к нам!
А-а, буйа-буйа-буйакам!
А-а, буйа-дайа-дайакам!

На каком лугу,
Молоком какой коровы вспоен —
Дородным выросший богатырем,
В каком краю,
У какой
Выпуклогрудой хозяйки — хотун,
Просторные недра ее растворив,

Расторгнув лоно ее,
Рожденный ногами вперед,
Вскормленный несякнущим родником
Прекрасных ее сосцов,
Непомерно сильный,
Неломкий в кости,
С грозными мускулами исполин,
Грузной поступью колеблющий мир,
Кто он — первый в роду Уранхай-Саха,
Играющий головою своей,
Бесстрашный,— пришел сюда?

Думал я —
Недоносок, выкидыш ты,
А увидел —
Ты силен, закален,
Думал я,
Что бессилен ты,
А великой мощью
Ты наделен,
Исполински широк в плечах.
Ты, оказывается, стал
Защитником Средней Земли?
Ну, детина,
Хоть строен ты и хорош,
Хоть собой ты — ух как — пригож,
Я, играючи,
Изломаю тебя,
На части разорву,
Длинные кости твои сокрушу,
Короткие кости
В шугу раздроблю,
Насмерть тебя уложу,
Брюхо твое распорю!

Тут — невесть откуда взялся в руках
Уот Усутаакы
Сверкающий меч — пальма.
Ударил по шлему высокому он
Исполина Срединной Земли,
Так что искры взлетели ввысь
На девять саженей.
Увернулся Нюргун Боотур,

По шлему скользнул удар —
Не ранил его, не задел.

Тут защитник племен Саха,
Богатырь Срединной Земли
Обрушил удар своего меча
На широкое темя,
На ржавую шапку
Сына подземной тьмы.
Богатырь адьярай
Увильнул, отскочил,
Мимо пришелся удар.
Меч исполина айыы
На девять маховых саженей
В долину смерти вошел.
Вдребезги, мелкой дресвой,
Разлетелся твердый гранит.
Гром по трем
Преисподним загрохотал,
Молнией полыхнул.

Как два зверя, зычно крича,
Как два льва, свирепо рыча,
Друг у друга мечом норовя
Черную печень рассечь,
Будто сшиблись гора с горой,
Бить взялись друг друга они.
Незыблемое преисподней дно
Задрожало, заколебалось...
Всколыхнулось лоно само
Бедственных нижних бездн.
Боевой их клич громовой
Долетел до верхних небес,
Гулом наполнился Средний Мир.

Ударяли друг друга они
По шейным позвонкам,
В сердце друг друга били они
Остриями копий своих.
Гнулись, как гибкие тальники,
Длинные их мечи;
О трехслойную ударяясь броню,
Притупились рогатины их.
С сожаленьем богатыри
Бросили оружье свое.

Тут они
Пятипалою силою всей,
Десятипалою силою всей,
Палицами в девяносто пудов
Колотить друг друга взялись,
Черепа норовя проломить.

Как сырая глина, в руках
Расплющились палицы их.
Железными — в пятьдесят пудов —
Ядрами на тяжелых цепях
По бронзовым скулам друг друга они
Начали ударять.
Вдребезги, как сырые грибы,
Разбились железные ядра их.
Не знали, как дальше быть,
Не знали, чем дальше бить...
Ладони широкие их,
Как лопаты, гребущие снег,
Дюжие пальцы их
Сжимались в кулаки.
Величиною в тушу быка,
Белыми кулаками бойцы
По бокам друг друга взялись,
Словно молотами, ударять.
Устояли они в кулачном бою,
Не покачнулся ни тот, ни другой.
С криком, с гиканьем богатыри,
Словно вздетые на рожон караси,
Навалясь друг на друга,
Бороться взялись,
Принялись хребты друг другу ломать,
Будто дерево,
Гнули друг друга они,
Будто гибкий тальник,
Сплелись, завились.

Нескончаемо длился бой,
Гул его тяжелый и гром
Слышен был глубоко под землей.
Буря лютая не стихала,
Будто рушился мир земной,

Два непобедимых богатыря,
Два исполина-богатыря,

Один — айыы,
Другой — адьырай,
Трижды набрасывались друг на друга,
Три ночи бились, три дня.
Восемьдесят восемь
Обманных чар,
Девяносто девять
Гибельных чар
Никому победы не принесли.

Как могучие корни, руки сплетя,
Как быки лесные, мыча,
Тридцать орущих
Дней и ночей
Боролись богатыри.
Хрустели суставы их,
Будто бубен конской кожи гудел.
Ледовитое огнемутное море,
Бездонное море Муус Кудулу
Зардело кровавою глубиной,
Зарыдало, черным прибоем гремя.
Три долгих ночи, три дня
Вздувая бушующие валы,
Из гибельной бездны моря того
Мертвая подымалась вода,
Поднялась, по берегу разлилась.
Выплыли из глубины
Моря Муус Кудулу
Зубастые чудовища-рыбы
В железной чешуе.

Выброшены тяжелой волной,
Плавниками цепляясь, повисли они
На скалах и на кустах
Страшного мира того.
Судорожно пасти разъяв,
Околевали они.
Высохли их глаза
В провалах глазниц костяных...

Нижнего Мира
Огромные звери,
Остроклыкие,
Быстроногие звери,

Бурые, как болотная топь,
Стада низкорослых коров,
Спасая морды свои и глаза
От воющего урагана,
Несущего глыбы камней
С двухлетнюю телку величиной,
Спасаясь от той песчаной пурги,
Несущей обломки скал
С корову трехлетнюю величиной,
Ринулись в глубину
Моря Муус Кудулу,
Чтобы длинные кости их
Не сокрушила пурга,
Чтоб короткие кости их
Не рассыпались, как шуга.

Лишь через тридцать дней и ночей
Стихла битва богатырей.
Опьяненье борьбы улеглось,
Ослабела мускулов мощь.
Опомнились исполины-борцы,
Осматривать стали себя.
Толстая кожа на дюжих телах
Не треснула, не порвалась,
Не просочилась черная кровь.
Трехслойные доспехи на них
Не разрублены,
Не пробиты нигде;
Не убавилась верхняя сила их,
Не шатнулась нижняя сила их;
Лишь по краю густых волос,
Словно масло, стекая,
Лоснился пот,
Да на туловищах
У могучих борцов,
Как смола на стволах дремучих деревьев,
Пена вспучилась,
Словно кипень густой.

Будто два упрямых быка,
Не осиливших тяжкий груз,
Потупясь,
Понуро стояли они.
Тяжело подымались у них бока,

Широкие спины их
Шумно дышали, словно мехи
Кузнеца-чародея
Кюэттээни.

Хоть отважны были они,
А стояли — будто пристыжены.
Хоть бесстрашны были они,
А стояли — будто устрашены.
В рукопашной схватке они
Одинаково были сильны.
Знать, друг другу
За долгий срок
До смерти надоели они.
Равнодушно — глаза в глаза —
Тускло посмотрели они.

Богатырь адьярайских сил
Во всю ширь распялил в улыбке пасть,
Облако гари из живота
Выдохнул, дух перевел,
Ударил себя по бедру,
И все то,
Чем был восхищен,
И все то,
Чем был удивлен,
В заповедное слово
Оборотил,
Толково заговорил:

Уот Усутаакы

Аарт-татай! Алаатыгар!
А разве я думал, гадал,
А разве я раньше ждал,
Что встречу такого богатыря
Из рода айыы аймага,
С поводьями за спиной,
Чьи сухожилий не рвутся узлы?

Из солнечной далекой страны
Сошел ты — равный силою мне,
Я удивлен
Явленьем твоим,
Я изумлен,
Исполин!

Ты силен
И непобедим.
Но, однако, у нас
Не окончен спор.

А ну, парнишка Нойоон-богдоо,
Очень прыток был ты сперва...
Видно, туго тебе пришлось —
Ты, о чем гадая, стоишь?
Ну скажи
Заветное слово свое,
Ответное слово свое!

Такие слова адьярай
Хвастливые говорил,
Он словом
Словно хлестал...
В ответ на такую речь
Светлого рода айыы великан,
Срединной Земли богатырь
Промолвил, проговорил.
Прославленному адьяраю
Заветное слово сказал:

Нюргун Боотур

Добро! Ну добро!
Равный мне в борьбе
Разумно, толково сказал!
Давай-ка теперь, молодец,
Давай-ка совет держать,—
Как дальше нам быть с тобой,
Как дальше бой продолжать,
Грудь о грудь с тобою схватились мы,
Друг другу не уступили мы,
Одинаковыми в борьбе
Оказались по силе мы.
Не пора ли нам уговор положить,
Мыслей своих не тая?
Так давай-ка
Тридцать суток подряд
Спать, отдыхать!
А потом
Будем драться опять...
Становые хребты друг другу ломать

Мы будем до той поры,
Пока верх один из нас не возьмет,
Пока в прах другой не падет.

Если один из нас воровски
Спящего убьет,
Вечный стыд и позор тому!
Псы смеяться будут над ним.
Поэтому руки свои до локтей
В эту черную вдавим скалу
И громко произнесем
Не произносимые никогда
Грозные имена
Духов подземной тьмы.
Их именами друг другу мы
Кровавую клятву дадим.
Согласен ты или нет,
Подумай, дай мне ответ.

Такие слова сказал
Защитник племен Саха.
Богатырь Уот Усутаакы
Голову нагнул,
В сторону лицо отвернул,
Оскалил в улыбке зубы свои.

С тем, что сказал Нюргун,
Соглашался, видимо, он.
Поднял он свой темный
Задымленный лик,
Железные зубы его
Блеснули синевой.

Уот Усутаакы

Дельно придумал ты,
Дельное слово сказал.
Только ты сперва поклянись,
Как это делается — покажи.
Я, со дня рождения своего,
Клятв никаких не давал,
Клятв никаких не знавал.
Коль по нраву придется мне клятва твоя,
Конечно, и я с тобой соглашусь.

Словами, известными мне одному,
И я тогда поклянусь!

Так сказал адьярай и умолк;
Будто ржавчиной железной покрылось,
Застыло
Его ужасающее лицо.
А прославленный сын
С загривка обузданного
Рода айыы аймага,
С поводьями солнечными за спиной,
Поддерживаемый высшею силой,
В глыбу черного камня,
Как в печень коровы,
Левую руку свою
До самого локтя вдавив,
А правой рукою
Сверкающий меч
Высоко над головою подняв,
Пронизывающим взглядом своим
Глядя в высоту, в темноту,
Колена преклонив,
Великой клятвы слова
Звучно, раздельно пропел.

Клятва Нюргун Боотура

Э-гей! Ээ-ге-гей!
Пусть прославленный пляшущий истукан
Медная баба
Дьэс Эмэгэт,
В навозную глыбу величиной,
Дух обмана, руки простерши свои,
Убийственно на меня поглядит!
Пусть трех преисподних хохочущих бездн
Червивое божество
В середину темени моего
Пронзительно поглядит!
Пусть Уот Кюкюрюйдээн сама —
Удаганка погибельных бездн,
Духа смерти подняв с подземного дна,
Огненным взглядом своим
Через пяты моих ног
Насмерть меня поразит!

Породивший в древние времена
Огнереющее безбрежное море,
Ледовитое Муус Кудулу,
Тот, чье имя до сей поры
Было страшно произносить,
Муус Солуонньай, вещий мудрец,
Пусть он смертоносным взглядом своим
Сквозь ребра
Печень мою пронзит!

Пусть жертвенного дерева дух,
Пустынный Кулан-Джалык
Коленные чашки мои сокрушит!

Слушай! Смотри!
Вот я —
Солнечного племени сын
С поводьями за спиной,
Поддерживаемый высшею силой,
Племени милосердного сын,
На просторах великой земли
Не встретивший никого,
Кто бы мог меня впрячь в ярмо,
Владеющий вороным,
Молнией летающим в высоте,
На грани летящих небес
Стоя рожденным конем,
Стремительный Нюргун Боотур,—
Явно — видимо — сам,
Я здесь, пред тобой,
Левую руку в скалу погрузив,
Правую руку к небу подняв,
Священную клятву даю,
Великою клятвой клянусь,
Что Уот Усутаакы — богатыря,
Когда он крепко уснет,
Украдкою не убью!
И если клятву нарушу свою,
По-разбойничьи нападу на него,
Пусть вечным посмешищем буду я
Бело-пегих лаек-собак,
Пусть игралищем буду я
Для черно-пегих собак!

Если я ударю рукой,
Если я ударю ногой
Противника спящего моего,
Пусть обе руки мои
По локоть отгниют,
Отпадут,
Пусть обе ноги мои
До колен сгниют,
Отпадут!
Пусть блистающие
Зеницы мои
Из глубоких впадин глазных
Выпьет свирепый дух Чякяй,
Как в потоке, промерзшем до дна,
Проруби — опустошит!
Пусть незрячими будут мои глаза,
Как отверстия в городьбе,
Если клятву нарушу свою!
Нерушимо слово мое,
Неколебима воля моя

Так поклялся Нюргун Боотур,
Так он клятву свою произнес.

Обросшая шерстью кривая ступня,
Бродящая в темноте,
Разбойник и вор ночной,
Трех Нюкэнов лихой кознодей,
Трех хохочущих пропастей
Прославленный властелин
Клятвой Нюргуна был поражен,
Понравилось это ему.
Будто опилками красной меди
Осыпанный, стал багровым он.
Как бездонную яму, рот
Адьярай раскрыл во всю ширь,
И как будто гром загремел,
Заговорил он —
Запел.

Клятва Уота Усутаакы

Аар-дьаалы! Аарт-татай!
А ну — несуразно и я теперь
Попробую поклянусь!

Если я украдкою, воровски
Задумаю убить
Спящего крепким сном
Нюргун Боотура богатыря,
То пусть меня взглядом
Прежде убьет
Сотворенный в начале времени
Великий владыка, отец
Мутноогненного
Гремящего моря,
Грозно кипящего моря —
Ледовитого Муус Кудулу —
Древний Муус Суорун,
Уот Солуонньай — старик!
Если спящего я ударю рукой —
Пусть владычица духов зла
Гибельной Нижней Страны,
Уот Кюрюйдээн удаган
Огненным своим языком
Руки мои проклянет,
Пусть по локоть они отпадут!
Если спящего я ударю ногой —
Пусть владычица
Червивой темницы
Трех моих хохочущих бездн —
Медная Дьэс Эмэгэт
Ноги мои проклянет,
Чтобы сгнили ноги мои,
Отвалились бы до колен!
Пусть обманчивый мой истукан
В мерзлую глыбу навоза
Величиной
Взглядом смерти меня поразит!
Пусть дерево жертвенное мое,
Увешанное коленными чашками
Девяти шаманов былых времен,
Увешанное языками и челюстями
Восьми удаганок
Седых времен,
Опору черепа моего
Чарами сокрушит!
Пусть лопнет
Мой единственный глаз,
Пусть, как яма, вырытая для столба

Станет не видящей ничего
Глубокая глазница моя,
Как прорубь в ручье,
Промерзшем до дна!..
Если теперь мой язык
Ложь произнес,
То пусть он до половины своей
Отгниет во рту, отпадет!
Пусть корень языка моего
Затвердев, как древесный сук,
Сквозь нёбо мое прорастет
Немотой меня поразит!
Много слов — нет добра!
Одно слово — добро!
Неколебимо слово мое,
Нерушима клятва моя!

Как закончил слово клятвы своей,
Закружился на месте абаасы;
Ветви рук широко распластав,
Грянулся на спину он,
Вверх лицом упал и уснул.
Шум дыханья его ноздрей
Неистово зашелестел.
Раскатистый храп его,
Как подземный гром, загремел...

Пока чудовище Уот Усутаакы — богатырь подземного, злого царства — спал, Нюргун пошел искать плененных адьярай богатырей айыы. В железном доме абаасы Нюргун услышал жалобную песню женщины.

Этот голос, как молния, пронизал
До костного мозга тело его;
Этот придушенный плач
Душу его потряс.
Сжалось сердце богатыря,
Жалость его обожгла,
Прислушиваться к песне он стал
И такие слова различил:

Песня женщины

Ыый-ыыйбын! Аай-аабын!
Прежде не знавшая слез,
Плачу и плачу я...
И откуда такая беда?

И откуда такая напасть?..
О! Стыдно,
Обидно мне,
Что я в жертву обречена
Чудовищу абаасы,
Что насильно унесена
В бедственный Нижний Мир!
Родичи солнечные мои,
Видите ли меня?
Слышите ли меня?..
Не гадала я в те года —
Когда в холе, в счастье росла,
В радости, в веселье цвела
Средь свободного народа айыы
Что похищена буду я
С лучистого лона
Отчей страны,
С зеленеющих луговин,
С золотистых ее долин,
Где в мареве синем
Тонет простор
Бескрайней Средней Земли!
Не думала я тогда,
Что буду заточена
В эту гнилью пропахшую тьму
Хохочущих трех преисподних бездн
И — в тяжелые кандалы
Закованная —
В железный чулан
Брошена буду я!

Лучше мне б совсем не рождаться на свет
От матери среброволосой моей,
Чем такое горе терпеть!
Лучше мне б не являться на свет
От златоволосого
Отца моего,
Чем такие муки терпеть!
О... О... О...

Нюргун узнал голос похищенной красавицы Туйаарымы-куо. Тут же он услышал и голос пропавшего без вести богатыря племени айыы Кюна Дириибинэ. Пленник успокаивает плачущую женщину, внушая ей надежду на избавление. Нюргун отыскал пленников. Кюн Дириибинэ ему рассказывает о преступлениях абаасы.

Кюн Диирибинэ

Дух, владыка
Немеряной глубины
Ледовитого моря
Муус Кудулу,
Своевольный
Уот Усутаакы
Безнаказанно до сих пор
Верхнего Мира
Лучших людей,
Величайших богатырей
Хватал, похищал,
Во прах обращал.
Огневым арканом своим
Он захлестывал нас —
Одного за другим.
В бездонную темницу свою,
Где, лязгая и гремя,
Защелкиваются затворы дверей,
Бросил нас —
Одного за другим.

Пленник рассказывает Нюргуну о трудностях боя с Уот Усутаакы и о его необыкновенных доспехах.

Сможешь ли ты
На нем раздробить
Восьмислойную стальную броню?
Ты сможешь ли
Мечом разрубить
Девятислойную литую броню?
Ты силен ли — десницей своей
У чудовища в дюжей спине
Становую жилу его,
Боевую жилу его разорвать?

Нюргун решил применить в бою с Уот Усутаакы хитрость. Он советует пленнице притвориться смиренной и склонить Уот Усутаакы к любовным утехам.

Уот Усутаакы

Аарт-Татай! Вот не ждал, не гадал!
Я-то думал — я гадок тебе,

А ты скучала тут без меня?
Ах ты, медногрудая пташка моя,
Ах ты, жаворонок златогрудый мой!
Ну-ка дай — поцелую тебя
В личико беленькое твое!
Ну-ка дай — приласкаю тебя!
Ну-ка дай — обнюхаю я тебя —
Медногрудую птичку мою,
Златогрудую синичку мою!

Всполошился Уот Усутаакы,
Заколотилось сердце его,
Задрожали кривые колени его,
Расстегнул он пояс железный свой,
Девятислойную распахнул
Кованую броню,
Защиту свирепой души.

Только он успел обнажить
Черное тело свое,
Как очутился пред ним,
Откуда ни возьмись,
Богатырь великий Средней Земли,
Буйно-резвый Нюргун Боотур.
Обнаженный свой длинный меч
Он в живот адьяраю всадил.
Удалого Уота Усутаакы,
Словно туес берестяной,
Ударом своим пронзил,
Черную печень его пропорол,
Многожильное сердце его
Смертельным клинком поразил;
Боевую, спинную жилу его
Пополам рассек.

Прославленный адьярай
Содрогнулся и простонал:
«О-ох! Татат! Татат-халяхай!»
И упал он, всхлипывая и хрипя,
Затрепетал, как рыба-гольян,
Насаженная на рожон,

Дрожью предсмертною задрожал...
Всем огромным телом забился он,
Выбил железную стену жилья,
Выкатился на простор
Вымощенного двора,
Заливая камни кровью своей.

Нюргун Боотур

Смотрите, богатыри!
Вот он, повержен, лежит,
Вор, на косматых ступнях
Выходивший
Разбойничать по ночам
Из подземелий своих!

Кривоногая тварь,
Кровавая пасть,
Не ты ль разорял
Золотые угодья айыы аймага?
Не ты ли, злодей, похищал
Солнцерожденных людей
С поводьями за спиной?
Не ты ль воровством,
Грабежом истреблял,
Напуская девяносто девять своих
Заклятий, обманных чар,
Золотых людей Кюн-Эркэн
С чембурами за спиной?
Я на шее твоей затянул аркан,
Я железной уздой тебя обуздал
За все преступленья твои!

Злодеяний твоих бадья
Переполнилась через край!
Срок настал — за все расплатиться тебе.
Навзничь я опрокинул тебя,
Брюхо твое распорол.
Прощайся с гиблой твоей страной,
Прощайся с ущербной своей луной,
Со щербатым солнцем своим,

Настала пора —
На части тебя,
Проклятого, распластать...
Спеши, прощайся теперь
С железным своим жильем,
С пылающим очагом!

Голос Нюргуна гремел, как гром,
А Уот Усутаакы
Бился огромным телом своим
В судорогах предсмертных мук,
Изрыгая из пасти огонь.
Трудно было ему умирать...
Кровью захлебываясь, хрипя,
Зубами железными он скрежетал.
Испуская рев из глубин
Чрева чудовищного своего,
Кровью харкая,
Сукровицей плюясь,
Он заговорил, зашипел,
Будто плеснули водой
На раскаленный металл.

Уот Усутаакы

Больно мне! Тошно мне!
Жжет, горит...
Тяжко погибать,
Страшно умирать!
Тяжело, нестерпимо мне!
Победил ты, перехитрил!
Ох, постыдно мне!
Одолел ты меня, свалил,
Ох! Обидно мне!
Грозной я поражен рукой,
Поздно мне тягаться с тобой.

Прощай, мой великий,
Гордый отец,
Муус Суорун — нетающий лед,
Уот Солуонньай —
Тающий лед,

Что был до начала времен сотворен,
Дабы породить
Бездонное море,
Огнереющее Муус Кудулу!
Эй, мой сумрачный Нижний Мир,
Темная отчизна моя,
Где щербато солнце
Где месяц щербат!
Эй, владыка заклятий и чар —
Заговоренный на остром клинке,
Зарубленный на посошке!
Эй, сородичи вы мои —
Страшные Хапса Буурай,
Сидящие на кровавых кошмах,
Эй, сородичи удалые мои —
Свирепые Нюкэн Буурай,
Живущие в трех преисподних мирах!
Все прощайте,
Все — навсегда,
На вечные времена!

Ох, как рана моя болит...
Все нутро мне огнем палит...

Поверженный Уот Усутаакы просит Нюргуна повторить свой удар:

Умоляю тебя,
Заклинаю тебя,
Если есть еще сила в деснице твоей,
Ты еще удар нанеси,
Поскорей меня добей!
Жизнь мою укороти,
Муки мои прекрати!

Но отважная Туйаарыма-куо бросается к батыру с криком:

Туйаарыма-куо

Погоди, мой старший брат Тойоон!
Постой,
От второго удара меча
Оборотень адьярай
Исцеляется, говорят,
Подымается, говорят,

Полный несокрушимых сил.
И тогда настанет беда —
Не спасемся мы никогда!

Так закричала Туйаарыма-куо,
За руку Нюргуна схватив;
Дыбом от ужаса на голове
Волосы у нее поднялись.
«Ну спасибо, сестра!
Отвела напасть...» —
Ответил Нюргун Боотур;
И невольно попятился он —
Неистовый исполин
Солнечной Срединной Земли.

Уот Усутаакы

О-о, мука моя!
О-о, гибель моя!
Если б ты ударил меня,
Встал бы я,
Поборолся с тобой!
Видно, этому не бывать...
Видно, жить тебе,
А мне умирать!

Так молвил коснеющим языком
Уот Усутаакы
И со стоном дух испустил...

А потом
Нюргун Боотур
Задел, поведя плечом,
Железную перегородку жилья,
Рухнула перегородка, гремя,
Поглядел в пролом богатырь
И увидел: там —
В подземелье — стоят
Сорок четыре богатыря,
Пропавшие
В прежние времена,
Нанизанные на огневой аркан

О девяноста девяти крюках,
О восьмидесяти восьми замках.

Иссохшие, как скелеты, стоят
Исполины-богатыри,
Чуть дыша,
Чуть ресницами шевеля.

Могучий Нюргун —
Он медлить не стал,
Он по гулким ступеням сбежал
В подземелье,
В поганый провал,
Поднатужась, с криком
Трижды рванул
Заколдованный огневой аркан,
Прикованный к стене
Девяноста и девятью крюками,
Осмьюдесятью восемью замками.
Он с такою силой рванул,
Что бедственный Нижний Мир
Содрогнулся в смятении,
Всколыхнулся,
Всплеснулся, словно вода
В берестяном туеске
Но огневой волшебный аркан,
Рассыпая искры огня,
Растянулся, визжа и звеня,
Как жильная струна,
И стянулся туже, чем прежде, опять,
И рванулся на прежнее место опять.
Не поддался богатырю.

Герой одолел и это препятствие. Он расколол каменный столб, на котором держался свод крепостей абаасы.

И сорвался натянутый туго аркан
С чародейных своих укреп,
И рассыпался,
И пропал.
В пропасти нюкэнов глухих.

Тут сорок четыре богатыря,
Нанизанные на аркан

Сквозь проколы меж двух костей
Иссохших предплечий своих,
Освобожденные наконец,—
Выбежали из подземной тюрьмы
И с четырех окружили сторон
Избавителя своего.
Средь залитою кровью
Долины смертей,
Закричали громко: «Уруй! Уруй! —
Нюргуна благодаря.—
Пусть на три века
Продлится твой век!
Пусть изобилье твое
Не расточится за девять веков!
Неомрачаемым счастьем сияй,
Ни в чем ущерба не знай!
Многочаден да будет твой дом,
Всяческим наполнен добром!
Да расплодятся твои
Бесчисленные стада!
Да не коснутся твоих детей
Нужда, болезни, беда!

За то, что ты нас
От гибели спас,
Мы в трудный час
Отплатим тебе,
А если не будет нужды
Отплатим рыси твоей.

Счастья тебе!
Удачи тебе!
Уруй айхал!» —
Прокричали богатыри.
Трижды поклонились они
Трем его темным теням,
Троекратно поцеловали они
Верхнюю Нюргуна губу,
Шестикратно понюхали чередом
Нижнюю Нюргуна губу.

Иные богатыри
Белыми кречетами оборотились,

Широкие распрямили хвосты,
Высоко взвились,
Унеслись.

Другие богатыри
В пестрокрылых орлов превратились,
Шумно в высоту поднялись,
Солнце закрыли,
Небо затмили
В незнаемой скрылись дали...
Туча темная подплыла,
Многолапая,
С лохматою гривой...
И смотри —
Остальные богатыри
В глубину этой тучи вошли...
И умчались, развеялись дымом,
Растаяли, как туман,
Без следа...

АЛТАЙ-БУЧАЙ

Алтайский народный эпос

У открытого подножья
Шестиглавых гор таежных
(Называют их «белки́»),
На пологом берегу
Синей, медленной реки
Жил отважный и могучий
Богатырь Алтай-Бучай.
Выбрав пастбища получше,
На подножный корм туда
Он пускал свои стада.
В тех местах, где леса много,
Ставил юрту он свою.
Был ее отводный ров
Полон пойла для коров.
Был батыр гостеприимен:
Приглашен, не приглашен,—
Кто бы в юрту ни вошел,
Он ара́кой всех, бывало,
Угощает, не скупясь.
Знай, к пупу батыра грязь
Отроду не приставала;
Честью дорожил батыр!
Страху ни пред кем не знал,
Сроду слез он не ронял.
На Алтае-господине,
На котором круглый год
Чист и ясен небосвод,
Тот батыр когда-то жил —
И навеки честь и славу
Он в народе заслужил.

Лишь одна ему забота,
Лишь один закон — охота!

Карельские руны.
Худ. М. Мечев.

Выплывет на небосклон
Месяца трехдневный серп —
На охоту едет он,
А войдет луна в ущерб,
Хоть бы летом, хоть зимой,—
Возвращается домой.
Драгоценных три коня
Было у Алтай-Бучая:
Конь любимый, боевой,
Темно-рыжий конь-огонь,
В дар батыру небом данный;
Для охоты — конь буланый,
Крапчатый и полосатый,
Тоже даром драгоценным
Посланный самим Юдгеном.
Скот пасти да снедь везти —
Конь в полоску, масти темной,
Конь — работник неуемный,
Данный божеством Баяной.
Соблюдал Алтай-Бучай —
Богатырь-охотник славный —
Вот какой обычай давний:
Шесть мешков съестных припасов
На охоту брал всегда.
Он жене — Яра-Чечен,
Он сестре — Очо-Чечен
Говорит: «Жена, эй-эй!
Слушай также ты, сестра:
Засиделся я в дому —
На охоту потому
Еду завтра я с утра.
Бить зверей и птиц иду,
Рыб ловить беру уду.
Скот усердно охраняйте
И народом управляйте...»

Золотую снял узду,
В воздухе ее потряс —
Золотой раздался звон.
Этим звоном привлечен,
Крапчатый, в полоску, конь,
Две передние ноги
Весело вперед бросая,
Задними пускаясь в пляс,

Рысью прибежал тотчас.
Золотой уздой звеня,
Богатырь взнуздал коня,
Спину конскую погладил —
Чище чтоб она была
Белый наложил потник,
Бронзовое, в два крыла,
На спине седло приладил.
И стянул на конском брюхе
Ровно пятьдесят подпруг.

На плечо свой золотой
Он навесил самострел,
На кушак — свой ратный меч,
Острый свой булатный меч;
Взял копье, чье острие
Все блестало, как луна;
В стремена из чугуна
Ноги вдел он — и чуть-чуть,
Ременной подернув повод,
Тронулся в далекий путь.
Ехал он туда лицом —
Месяца затмил он лик,
Ехал он лицом сюда —
Заслонил он солнца лик!
Божества Юдгена дар —
Крапчатый, в полоску, конь,—
Богатырский конь-огонь,
Две передние ноги
Весело вперед бросая,
Задними пускался в пляс.
Трав зеленых не топча,
На себе батыра мча,—
Через низкие хребты,
Чрез высокие хребты,
В небо, как орел, взмывая,
Много быстрых, бурных рек
Поперек переплывая,
То смерчом несясь песчаным,
То сверкающей стрелой,
Ям, камней не замечая,
Конь батырский удалой
Мчал тогда Алтай-Бучая.
Пар клубился из ноздрей,

Серым плавая туманом,
И чем дальше — тем быстрей
Конь скакал по крутоярам,
И прославленный недаром
Первый из богатырей —
Богатырь Алтай-Бучай,
Чье лицо пылало жаром,
Обскакал шесть раз на нем
Все алтайские хребты.
Горных он зверей стрелял,
Тварь речную промышлял,
Был в охотном деле хитр:
Лучших выловил он выдр —
За ноги их нанизал.
Самых чистых соболей
Нанизал он к носу — нос.
И медведей темношубых,
Косолапых, прямозубых,
Также и волков матерых
За клыки подряд вязал.
Кабанов же кривоклыких
На плетеную веревку
Он низал сноровкой ловкой.
Много он добычи взял!

Тут батыру конь сказал:
«Знай, что мне уже невмочь —
То горою, то низиной —
На себе и день и ночь
Этот груз таскать звериный!»

А жена Алтай-Бучая,
Имя ей — Яра-Чечен,
Также и его сестра,
Имя ей — Очо-Чечен,
Как-то меж собой с утра
Говорят, в дому скучая:
«Долго нет Алтай-Бучая.
Ровно шестьдесят уж дней
Минуло, а он с охоты
До сих пор не едет что-то.
Конь под ним, наверно, пал,
А не то — давно пришли б.

Ясно, что батыр погиб!
Значит, надо нам идти —
Хана нового найти.
Никакой ведь нет причины
Нам тут сохнуть без мужчины.
Пусть войдет хозяин в дом,
Пусть хозяйство все возглавит,
Пусть владеет он скотом
И людьми хозяйски правит!»

В золотой кровати лежа,
Так решив, вскочили с ложа
Обе женщины — и вмиг
Книгу су́деб, книгу книг,
Книгу лунную «Судур»
С нетерпением листая,
Рыскали в ней, где какой
Сильный, ловкий на Алтае
Неженатый хан живет.
Так Яра-Чечен шесть дней,
Нет, семь дней, ее читала
И по ней судьбу пытала,—
Всю Алтай-страну прошла,
Только сколько ни вникала,
Но того, чего искала,
В мудрой книге не нашла.

И к семи вершинам горным
Отправляется она.
Шла Яра-Чечен семь суток —
И на озере на черном
Перед нею — пара уток,
Схожих — отличить нельзя —
Рядышком плывут, скользя.
И Яра-Чечен поймать
Изловчилась их обеих,
Крылья стала им ломать,
Ощипала догола,
Мучила их как могла:
«Вы семь раз уже успели
Облететь лицо земли,
Вы шесть раз уж облетели
Весь Алтай — узнать могли,
Где вблизи или вдали

Сильный, ловкий хан живет.
Правду мне скажите, ну,
Или шею вам сверну!»

«Пощадите,— молвят утки,—
Погодите,— молвят утки,—
Для девицы слепоокой
Стать могущие глазами,
Для вдовицы одинокой
Стать могущие мужьями,—
Два таких богатыря
Есть, по правде говоря:
За семьюдесятью горами,
За семьюдесятью долами,
Где земля и небо слились,
Два богатыря живут,
Братьями они родились,
Их Арнаем и Чарнаем
В этой местности зовут.
У семидесяти ханов
Сняли головы они,
Силачей и великанов
Нет подобных в наши дни!
Кровь из подданных сосут,
Братьям весь Алтай подвластен,
Сами всем закон и суд.
Оба холосты, на счастье.
Но на весь Алтай окрест
Им достойных нет невест.
К ним и шлите вы послов...»

А жена Алтай-Бучая
Речь той вещей утки слышит —
И письмо двум ханам пишет
На ощипанном крыле:
«Мой супруг Алтай-Бучай
Умер на охоте где-то,—
Шестьдесят минуло дней,
А его все дома нету.
Без мужчины — дом не дом,
Что нам делать со скотом?
Я, его Яра-Чечен,
Овдовевшая так рано,
Также и Очо-Чечен,

Младшая его сестра,
Пишем вам: вы нам желанны!
Приезжайте, нас возьмите,
Скот к себе перегоните.
Каждый зверь — имеет шерсть,
У мужчин — подруги есть.
Нам двоим мужья нужны,
Вам — две преданных жены».
От себя и от золовки,
Так Яра-Чечен писала.

Крылья уточки раскрыли,
В поднебесье воспарили,
Над семьюдесятью горами,
Над семьюдесятью морями
Пролетели — подлетели
К юрте двух батыров-ханов —
И, на землю сверху глянув,
Увидали синий пруд,
Тот, в котором утром рано
Воду женщины берут.
Уткам этот пруд знаком,—
Опустились — и рядком
Потихонечку плывут,
Видят — с ведрами идет
Молодая водоноска,
Ростом — с девочку-подростка.
Смотрит девушка: скользя
По стеклу прозрачных вод
Пара уточек плывет,
Хороши — сказать нельзя!
Только смирных и хороших,
Сколько б ни старался ты,
Не поймаешь, не возьмешь их!
Камень бросишь — зряшный труд,
Их и камни не берут!
Девушка домой пошла,
Воду ханам понесла,—
Хоть идти и недалеко
Водоноске этой было,
Царапнула ногтем щеку,
На беду, чтоб не забыла,
Возвратясь к двум ханам-братьям,
Все, как было, рассказать им.

Из переднего угла
Выскочил тут хан Арнай —
Громко закричал: «А-а́а!»
Тут и хан Чарнай уже
Затянул свое «Э-э́э!»
Дело к счастью иль к беде?
Оба бросились к воде.
Прибегают — на пруде,
В перьях ярко-золотых,
Плавают мерзавки-утки,
Нет смиренней, нет их кротче!
Диво дивное! Короче —
Братья-ханы взяли их,
Ощипали сразу крылья
И прочли не без усилья
Те любезные слова,
Что Яра-Чечен вдова
И сестра Алтай-Бучая
Написали, приглашая
К ним приехать и жениться.
Кто писал?! Сама жена
Славного Алтай-Бучая,
Кем поставлена луна
Озарять Алтай безлунный,
Кем и солнце зажжено
На бессолнечном Алтае;
Кто всех ловче, всех могучей,
Кто охотник самый лучший
На зверей, на птиц, на рыб,
Кто все больше год от года
Делал блага для народа
И безвестно где — погиб!
И, оказывается,
Что вдова-красавица
Славного богатыря,
Нового желая мужа,
И сестра его к тому же
Так-таки и пишут сами:
«Будьте нашими мужьями!»
Хан Арнай, письмо прочтя,
Как луна, весь просиял.
Хан Чарнай, письмо прочтя,
Словно солнце, просиял.
Чуть помедленней стрелы,

Чуть быстрее, чем орлы,—
Сообщить о том отцу
Побежали в дом к отцу.

А старик Алтан-Шалтан,
Поседелый, престарелый,
Старый век свой доживая,
Весь согбенный, как кривая
Пихта,— им сказал в ответ:
«Стойте, стойте, сыновья!
Я, как заяц белый, сед,
Много прожил я на свете,
Сколько — сам не помню я,
Но таких чудес, как эти,
Отроду не слышал я:
Чтоб такой герой большой,
Как батыр Алтай-Бучай,
Кто бессмертною душой
Был, казалось, наделен,—
Не имел того я в думе,
Чтоб безвременно он умер!
Был он так могуч и смел,
Сердце доброе имел.
Вот уж горе, вот беда!
Как погиб он и когда?»
Весь, как белый заяц, бел,
Причитал старик, скорбел,—
И сынам сказал он строго:
«В ту не ездите дорогу,
И ни скот его, ни юрту
Вы не смейте с места трогать!
И народ, ему подвластный,
Где живет, пускай живет.
Кто к Алтай-Бучаю в юрту
Ни войдет — пусть вволю пьет.
Пусть его отводный ров
Досыта поит коров.
Ни жену его не смейте
В жены брать и ни сестру!

Два батыра-близнеца,
Одинаковых с лица,
Не послушались отца —
Пнули в спину старика

Эти ханы-грубияны,
Два сынка, два дурака!
А-а-а́ка — хан Арнай,
Э-э-э́ка — хан Чарнай,
Слову мудрому не внемля,
Сели на коней своих,
В нетерпенье гонят их
На Алтай-Бучая землю.
Чуть быстрее, чем орлы,
Чуть помедленней стрелы —
Мчатся — ко́ней понукают,
Лезвия клинков сверкают,
Пар из конских бьет ноздрей,
Стелется туманом пар,
И пылают, как пожар,
Лица двух богатырей,
И разносится далеко
Звон и гром лихого скока.

Путь семидесятидневный
Миновав лишь за семь дней,
Видят гору — и на ней
Одинокая скала,
Вся как есть — из серебра,
Заслоняла солнца лик.
Дальше — пестрая гора
С золотой скалой была,
Заслонявшей лунный лик.
Перевалы этих гор
Ханы-братья миновали
И, спустясь, обозревали
Всю окрестность. Эта местность,
Обольстившая их взор,
И была Алтай-Бучая
Благоденственный аил,
Что чужих к себе хозяев
На поживу приманил.
Много белого скота,
Много тут быков, коров,
Много конских есть голов,
Много есть лесов, лугов,
В юрте — благодать, видать,
И народ здоровый тут,
Люди — острословы тут;

Цвет коричневого камня
Солнце здесь не изменяет,
Пестрый, разноцветный камень
Под луною не линяет.
Здесь — куда ни глянь — играет
Голубая красота,
И вода в реке чиста
И для пьющего целебна.

Среди конских табунов,
Средь больших отар овечьих
Двое женихов-жрунов,
Свататься сюда пришедших,
Видят — ездят, как хозяйки,
Две красивых молодайки,
И, оказывается,
В юрте, в зыбке спит ребенок,
И в отца — богатыренок!
Посланная в цель стрела
К лучнику не возвратится,
И тому послу хула,
Кто, посольские дела
Не свершив, домой стремится!
Прямо к женщинам теперь
Едут два богатыря,
У Яра-Чечен замужней,
У Очо-Чечен — девицы
Спрашивают, говоря:
«Эй, послушай, молодица,
Эй, девица, отвечай:
Чья душа была бессмертна,
Сила чья была безмерна,
Первый из богатырей —
Богатырь Алтай-Бучай,
Этим всем добром владевший,
Мясо самых вкусных евший
Птиц, животных, рыб, зверей,—
Справедлив ли, лжив ли слух,
Что он где-то умер вдруг?»

Женщины, что меж собою
Были схожи,— говорят:
«Точно мы не знаем тоже,
Но что он живой — навряд!

Ну, а если и вернется,
Наше дело — опоить,—
Он уснет, когда напьется,
Вам останется убить».
Для приезжих братьев-ханов
Мясо ровно ста баранов
Женщины сварили тут —
И на блюде деревянном
Великанам подают.
И баранину покуда
Женихи-прожоры жрут,
Им из мяса ста верблюдов
Испекают пирогов,
И из мяса ста быков
Им настряпали пельменей,
И из сотни бурдюков
(И никак того не мене!)
Льют в две чары им арак.
И покуда они так
Пировали, ели, пили,
От крепчайшего ара́ка
Вполпьяна пока хмельны,—
Черные завесы мрака
Небо все, как есть, затмили,
Налетевший вихрь могучий
Кедры древние ломал,
И мороз жестокий, жгучий,
Затрещал, залютовал.
Снег валил густым бураном,
Лошадям под брюхо лег,
И окутало туманом
Все и вдоль и поперек.
А туман был разноцветный:
Красный — на вершины пал,
Серый на долины пал,
И туман клубился черный
Над тайгой кедровой, горной.
Из укрытий двое суток
Не показывался скот,
И на стойбищах от страха
Трясся девять дней народ.
Так природа, возвещая
Возвращение с охоты
Славного Алтай-Бучая,

Все живое в тех краях
Вдруг повергла в смертный страх.

А прожоры-ханы что же,
Меж собой обличьем схожи?
Чуя, что пришла беда,
Мечутся туда-сюда.
А-а-а́ка хан Арнай
Вырыл в юрте впереди
Яму в шестьдесят сажен;
Э-э-э́ка хан Чарнай
Вырыл в юрте позади
Яму в семьдесят сажен.
Между тем Яра-Чечен
В шесть десятков бурдюков
С самой крепкой аракóй
Подлой, черною рукой
Жгучий, страшный яд влила
И заправила дурманом.

В этот самый час как раз,
Ближе с каждою минутой,
Возвращается с охоты
Сам Алтай-Бучай — батыр,
И лица его пожар
Обагряет неба ширь!
Конь Бучая, божий дар,
Выдыхая белый пар,
Серым и густым туманом
Весь Алтай уже окутал.
Две передние ноги
Весело вперед бросая,
Задними пускаясь в пляс,
Мчится конь Алтай-Бучая,—
Яблоками черных глаз,
Темных, как луна в затменье,
Вертит он, горами мчась.
Уши-ножницы коня
Небо словно бы стригут —
И от них седые тучи
В небе клочьями бегут.
Конь как следует подкован,
Шерсть до блеска вся чиста,
Молнией сверкает каждый

Волос пышного хвоста.
Ниже щеток — в девяносто
Две косички этот хвост...
А ведь конь какого роста!
Богатырский тоже рост!
Вся в косичках также грива,—
До колен коня висят,
А числом их — семьдесят!
Слева затаврен красиво
Луновидным он тавром,
И тавром солнцеподобным
Также справа затаврен.
На семидесяти вершинах
Исходил он все тропинки,
И в семидесяти долинах —
Завяжи глаза ему,
Погони в ночную тьму,—
Шагом, рысью — без заминки
Все проезды он найдет.
И теперь, покрытый пеной,
Дар Юдгена драгоценный,
Друг батыра дорогой,
Он идет дорожкой горной,
По тайге лесисто-черной.

А на нем сидит могучий,
Самый храбрый, самый лучший
Богатырь Алтай-Бучай.
Он лицом луноподобным
Светит серебра светлей,
Он лицом солнцеподобным
Светит золота светлей,
А могуществом таков:
На хребте своем с полсотни
Сдержит конских косяков;
А на спину — шириною,
Словно пастбище степное,
Шестьдесят отар овец
Выгонит пастись на воле.
А лопаток вышина
Горной вышине равна.
Лоб его — широк, как поле.
Был Алтай-Бучай таков!
Настрелявший по отбору

Соболей, куниц, лисиц,
И медведей, и волков;
На коня навьючив кучи
Им добытого зверья,
Он теперь с таежной кручи
В стойбище победно въехал.

Тут сестра Алтай-Бучая,
Брата-хана привечая,
Подошла Очо-Чечен
От него коня принять.
И когда с добычей вьюки
Стал батыр с коня снимать,
Крапчатый и полосатый
Конь, всем телом задрожав,
Громко, горестно заржав,
Так хозяину сказал:
«Хоть бессмертен ты, мой друг,
Как бы не погиб ты вдруг:
Воздух наш был чист и свеж,
А теперь он пахнет скверно —
Пахнет порохом! Наверно,
Кто-то прибыл к нам чужой —
Берегись беды большой...»
Но батыр, беды не чуя,
Открывает в юрте дверь,—
И преступница-жена,
Ужасом поражена,
Но, как будто ни о чем
В этот миг не беспокоясь,
Кланяется мужу в пояс —
И пред ним тотчас же ставит
Мяса жирного казан
И с добычею счастливой
Поздравляет лживо, льстиво,
Семьдесят других различных
Ставит ему вкусных блюд
И перегнанный семижды,
С ядом смешанный, арак
Льет ему в большой сосуд.
Пить Алтай-Бучай умеет —
Пьет и пьет — а лишь едва
Тяжелеет голова.
Но все больше он хмелеет —

И такие произносит
Он в полухмелю слова:
«Эй, послушай-ка, жена,
Слушай также ты, сестра:
Мне вздремнуть уже пора.
Лягу я, но не укроюсь —
И снимать не стану пояс
И со стрелами садак.
Острый мой булат с бедра,
Лук мой со спины снимать
Вам на этот раз не надо!

Всласть наевшись и упившись
Ядовитой аракóй,
Он уже теперь шатался
И за все, что мог, хватался
Непослушною рукой.
И, уже лишен сознанья,
Сразу же заснул он, пьян.
А тогда Яра-Чечен
Раскричалась, вызывая
Братьев-ханов из их ям:
«Иль вы, ханы, сами пьяны?
Время дело сделать вам:
Я его уж опьянила,
Сильным ядом опоила,
И пока, как труп, он спит,
Пусть в бесчувствии он будет
Вами сразу же убит!»
А-а-áка хан Арнай
Из передней выполз ямы;
Э-э-э́ка хан Чарнай
Яму заднюю покинул.
Оба сразу на Бучая
Бросились головорезы:
Хан Арнай схватил его
Справа лапою железной,
Хан Чарнай батыра стиснул
Слева — и на нем повиснул.
Тут батыр и отрезвел —
Тигром раненым взревел,
Но насильникам, однако,
Он сдаваться не хотел,—
Разошелся — и боролся

Шесть — без передышки — дней,
А сказать, что семь,— верней!

Чувствуя, что плохо дело,
Что слабеет снова тело,
Закричал Алтай-Бучай:
«Эй, воспитанная мною
Милая моя сестра!
Также ты, кого в народе
Я избрал себе женою,
Кто была верна, добра,
Вы зачем меня поили
Крепким, горьким тем вином?
Иль не знали вы тогда,
Что грозила мне беда?
Поспешите же сюда,
Жду теперь от вас подмоги:
Принесите вы гороху —
И моим врагам под ноги
Подсыпайте вы горох,
Мне же под ноги — муку
Подсыпайте, да побольше,
Чтобы не скользил, чтоб мог
Выстоять в борьбе подольше!»
Зов батыра со двора
Услыхав, Яра-Чечен
Побежала к месту схватки,
Но не ханам,— стала мужу
Подсыпать горох под пятки.
И Бучаева сестра
Прибежала — вчетвером
Справились с богатырем:
Наземь, хоть с большим трудом,
Повалили,— цепь достали,
По рукам-ногам связали.

Злобою кипя, горя,
Хан Арнай и хан Чарнай
Над поверженною жертвой
Наглумились, говоря:
«Ну, настал конец теперь твой!
Где твой долгий век, бессмертный,
Где бессмертная душа?
Отвечай, Алтай-Бучай!»

Так прожоры говорят,
Бьют его семь дней подряд,
Бьют его, ножами режут,
Сам же он лежит, молчит,
И не дивное ли дело:
Тело не кровоточит!
Наконец сказал он им:
«Века моего не мерьте,—
Нет конца годам моим,
Для моей души нет смерти,—
Знайте, я непобедим!
А пройдет лет пять иль шесть,
Вас моя настигнет месть —
И ни вашим скакунам,
И ни вам голов не снесть!»

Тут Яра-Чечен с усмешкой
Ханам-братьям говорит,
В сторону их гневно плюнув:
«Что ж вы растерялись, что ж вы!
Незачем вам, ханы, мешкать:
От сапог его чугунных
В семьдесят слоев подошвы
Вы сейчас отбить должны.
А под ними — ножик-складень,
Вложен в черные ножны:
Этот нож хоть прост на вид,—
Свойством он необычаен:
Он один лишь умертвит
Наконец Алтай-Бучая!»

Ханы молоты, конечно,
Сразу добывать пошли,
И два молота кузнечных
Разыскали — принесли,
И семь дней с батырских ног
От чугунных тех сапог
Отбивали слой за слоем,—
Били, били — и обоим
Дело стало невтерпеж.
Тут как раз и выпал нож!
Э, как был теперь злораден
Смех прожор — двух братьев-ханов.
Раздобыв тот ножик-складень,

Душегубы-ханы враз
Их беспомощную жертву
Тем ножом лишили глаз
И вдобавок с рук страдальца
Отсекли большие пальцы.

Стали рыть злодеи землю.
Вырыв яму глубиной
В шесть земных слоев ли, в семь ли,
Труп Алтай-Бучая подло
Бросили в земную глубь.
«Пусть семь лет лежит он там,
Прахом стать его костям!»
Вспомнили, что в колыбели
Сын его — младенец спит,
И младенец был убит
И к отцу в могилу брошен.
Хан Арнай и хан Чарнай
Времени терять не стали —
И в свои погнали дали
Белый скот Бучая тучный.
Золото и серебро,
Все домашнее добро
На коней сложили вьючных,
Все разграбив, что могли,
Юрту дочиста сожгли.
Чтоб на месте том листва
Никогда не шелестела,
Чтоб зеленая трава
Там росою не блестела,—
И траву и дерева,
Не щадя, уничтожая,
Ликовали, уезжая,
Недруги Алтай-Бучая.
Для себя его коней
Знаменитых заседлав,
Два грабителя, два хана
Двинулись из этих мест,
В стойбище чужое ныне
Увозя своих невест.

Едут низом, едут высью,
То — шажком, то дробной рысью —
Доезжают до пустыни,

Что легла в такую даль,—
Ворон долетит едва ль!
Надоело братьям-ханам
Ехать рысью столько дней;
И на спор, вперегонки
До конца степи песчаной
Вскачь теперь пустить коней
Вздумали озорники.
Убедиться захотели,
Каковы на самом деле
Скакуны Алтай-Бучая,
Не расхвалены ли зря
Лошади богатыря.
А конца пустыни темной
Не достичь не то что птице,
А и ветер не всегда
До границ ее домчится!
Сговорились ханы, значит,—
По степи песчаной скачут,
Но пройти весь длинный путь
Им не удалось чуть-чуть.
Темно-рыжий, небом данный
Конь, по кличке Темичи,
Шел отлично, но споткнулся —
(Камень скрытый подвернулся)
И, хотя не сбился с ног
Темно-рыжий скакунок,
Но на всем скаку другой
Камень он задел ногой,
И упал — и, головой
Ткнувшись в камень роковой,
Расколол тут череп свой.
«Это ль конь богатыря,
Чья гремит повсюду слава?!
С ним ли, удалью горя,
Можно мчаться в бой кровавый?!
Это — кляча, а не конь,
Это — дрянь из дряни — конь,
Годный лишь для живодера!»

Павшего коня кляня,
И камчой хлестнув со зла,
Выброшенный из седла
Закричал Арнай-прожора,

Злой досадою кипя
На коня и на себя.
И добром не поминая
Самого Алтай-Бучая,
Пересесть пришлось Арнаю
На буланого коня.
Не терпелось братьям-ханам
Состязанье продолжать:
«От серебряной степи,
Что до края вся видна нам,
До степи доскачем той,
Нам не видной, золотой!»
Но достичь, однако, цели
Ханы снова не успели:
Крапчатый, Юдгеном данный,
Конь охотничий, буланый,
Словно в пакость ханам-братьям,
Растянулся бездыханный!
«Это ль конь богатыря?!
Как охотиться на нем?!
Как Алтай-Бучай хвалиться
Мог таким дрянным конем?!
Сам я с ним зачем связался?» —
Хан Чарнай, себя коря,
Над конем, что пал под ним,
Злобствуя, так издевался,
На другого сев коня.

Скачут дальше ханы-братья,
Но и конь, Баяной данный,
Темно-полосатой масти —
Тоже, ханам на несчастье,
Вскорости упал — и сдох.
Не помог Баяна-бог!
И когда долины, горы —
(Шестьдесят и тех и тех!)
Знаменитые прожоры
Миновали без помех,—
Три коня Алтай-Бучая,
(Мнимой гибель их была!)
За преступные дела
Смерть прожорам предвещая,
Сразу ожили и вместе
Стали обсуждать возмездье.

Темно-рыжий, небом данный,
Темичи — коням-собратьям
Так сказал: «Чтобы воздать им,
Мы в маралов быстроногих,
Черных, разветвленнорогих
Превратить себя должны.
Скряги эти ханы-братцы —
Стрелы тратить поскупятся,—
И собак Алтай-Бучая
Потому на нас натравят.
Только псы узнают нас —
И, настигнув, не затравят».
Тут в маралов быстроногих,
Черных и ветвисторогих
Кони сразу превратились —
И вдоль склонов ближних гор
Понеслись в обгон прожор.

Две преступные невесты
Братьев-ханов едут с ними,
Меж собой в пути судачат.
Вдруг раздался громкий крик их:
«О-о-ой, батыры, гляньте:
Три марала черных скачут
Склоном северной горы!»
З-а-аакал хан Арнай,
За-э-экал хан Чарнай:
«Спустим-ка на них скорей
Двух собак Алтай-Бучая,
С ним ходивших на зверей!»
Две собаки-одинаки,
Побежав маралам вслед,
Семьдесят долин глубоких,
Семьдесят вершин высоких
Миновали за семь дней —
И, догнав маралов мнимых,
В них узнав друзей-коней,
Завели беседу с ними:
«Мы от недругов Бучая
Как теперь освободим
Пленных беркутов двух серых,
Охранявших юрты дым? —
Псы охотничьи сказали.—
А нельзя ль нам, а нельзя ли

Измениться совершенно —
И в семидесятисаженно-
Хвостых, огненных лисиц
Превратиться — и промчаться
На виду у ханов-братьев?
Ханы жадные прожоры
И скупые крохоборы:
Тратить стрелы не решатся,—
Ловчих беркутов на нас
Пустят, может быть, как раз!»

Две собаки-одинаки
Так сказали — и мгновенно
В двух семидесятисаженно-
Хвостых, огненных лисиц
Превратились — и пустились
Мимо ханов бегом лисьим.
Женщины из каравана
Закричали снова: «Ханы!
Посмотрите, две лисицы
Стали мимо нас носиться!
Ну, а наши двое гончих,
За маралами пустясь,
Дело ловчее не кончив,
Видимо, их упустили,
Как щенята, заблудясь!
Нечего о псах грустить,
А чтоб лис не упустить,
Надо беркутов спустить!»
Их совету не противясь,
Ханы с беркутов-орлов
Сняли колпачки с голов,
Сняли с ног цепочку-привязь,—
И спустили птиц на лов.
Семь раз промахнулись птицы,
Девять раз кидались — мимо!
На десятый раз смекнули,
Что обличье лисье — мнимо,—
Это — кони, их друзья,
Нападать на них нельзя!
Подлетели птицы к лисам —
Начали совет-беседу,
Как им одержать победу,
Как перехитрить прожор.

Богом данный, темно-рыжий
Конь по кличке Темичи,
Говорит: «Отнять должны же
Мы у двух прожор бесстыжих
Выколотые глаза
Славного Алтай-Бучая
И отрезанные пальцы
С рук богатыря-страдальца!
Этих пальцев, этих глаз им
Мы не вправе оставлять!»
Конь в обличье лисьем — наземь
Бросился, вскочил — встряхнулся
И пропала с глаз лиса!
Начинались чудеса:
Закипел туман в долине —
Серо-бурый, желтый, синий,
На горах — кроваво-рдян,
Как пожар, он занялся.
Налетевший ураган
Расшвырял в лесах валежник,
И неистовствовал снежный
Буйно-бешеный буран.
Снега — злая завируха
Намела коням под брюха,
А мороз крепчал, крепчал —
Лед на реках затрещал!

Кое-как собравшись с духом,—
С места уведенный скот,
Также угнанный народ
Сбили ханы тесным скопом
Под стоствольный вечный тополь.
Для себя — белокошомный
Натянув шатер огромный,
Ханы скрылись в нем, дрожа.
Но не дьявола ль подвохи:
Позабыли в суматохе
Занести в шатер два пальца
И глаза богатыря!..

А два беркута меж тем,
Обернувшись воробьями,
Шарить стали под ветвями
Тополя, как будто пищу

Для себя привычно ищут.
Прыг да прыг, чирик-чирик,—
Подхватил один — глаза,
Пальцы подхватил второй,—
Оба сразу вверх вспорхнули —
В тучу синюю нырнули.
Ханы вышли — увидали,
Как две птички улетали,—
Закричали, заревели —
Заругались неприлично,
Луки белые схватив,
Даже стрел не пожалели,
Их на воробьев спустив!
Рядом с шеей первой птички
Первая стрела прошла,
Хвост второй чуть-чуть задела
Вслед летевшая стрела.
Завопили ханы громче:
«Кроме этих воробьев,
Не могло тут быть воров!
Оборотни — не иначе!
Чье же это колдовство?
Разумеется, его!
Уж не будет нам удачи!
Значит, он воскреснет, значит,
Верх над нами он возьмет!..»

Женщины их утешали:
«Видно, эти две пичуги
От мороза, и от вьюги,
И от голода — пытались
Здесь, под тополевой сенью,
Для себя найти спасенье.
Не сердитесь, ханы, слишком,—
Сил покражу унести
Не хватило б воробьишкам:
Путь им чересчур далек,
Чересчур мороз жесток».

Но, однако, воробьи
Не замерзли — долетели,
Драгоценные свои
Ноши донести успели
К черной яме семислойной,

Где, злодеями убит,
С малолетним сыном вместе
Был Алтай-Бучай зарыт.
Два воробышка с друзьями
Извлекли из черной ямы
Труп убитого батыра —
И ему в глазные дыры
Вправили его глаза.
Пальцы рук его большие,
Что злодеи отсекли,
Приложили и пришили,—
Только оживить батыра
Так-таки и не смогли!
Но казалось, что он жив
И глядит в полудремоте,
Веки не совсем смежив,
И насмешливой улыбки
На устах не потушив.

А младенец, что лежал
Рядом с мертвецом-отцом,
Сразу ожил — задышал,
Богатырским смехом бодрым,
Хлопая себя по бедрам,
Радостно захохотал,—
В десять раз притом стал краше,
Старше, мужественней стал.
Поднимаясь, молвил он:
«Мой огонь опять зажжен,—
Был я мертв, но воскрешен.
Всех врагов я разыщу —
Отомщу им, не прощу!»
И, как будто мертв и не был,
Встал, пошел — привел коня
Темно-рыжего, что небом
Был отцу для битвы дан,
И взнуздал и оседлал,
Сбруей обрядив походной,
И отправился, горя
Жаждой мести благородной,
В богатырский свой поход.
Шестьдесят крутых вершин
Перевал за перевалом,
Семьдесят речных пучин

Вплавь и вброд
В том пути одолевал он.
Едет он — глазами ищет,
Где-то вражье становище?
Сколько гор еще пройти,
И долин, и рек в пути,
Чтоб дойти до их жилища?!
И юнец-батыр отважный,
Песней нежной и протяжной,
Дудкой дырчатой звеня,
Подбодряет так коня:
«Конь отцовский, темно-рыжий,
Богоданный Темичи!
Ты меня песчинкой легкой,
Ты меня стрелой промчи,
Пронесись, перелети
Многотрудные пути
Многогорного Алтая!»
Трав зеленых не топча,
Конь, то рысью, то скача,
Несся, устали не зная,
Юного батыра мча
В край Арная и Чарная.

Звери, чуть дойдут до них
Звуки дудки, забывали
О детенышах своих,—
Их кормить переставали.
Птицы в гнездах забывали
О птенцах — так птичий слух
Эти звуки чаровали,
Радовали птичий дух.
Камни песне отзывались,
На себе родя цветы,
В зелень пышно одевались
Все деревья и кусты.

Шестьдесят он гор высоких,
Как стрела, перемахнул,
Семьдесят он рек глубоких
Переехал, как мигнул.
Так достиг, и то — нескоро,
Вражеских владений он,
На коричневую гору

Поднялся, вокруг которой
Семьдесят вершин увидел,
Шестьдесят долин увидел.
Смотрит богатырь-юнец —
Видит он большой дворец
Весь, как есть, из серебра.
Мать его — Чечен-Яра
Для себя тут возвела
Тот дворец — и в нем жила.
Осмотрелся он еще —
Видит золотой дворец,
Теткою — Чечен-Очо,
Выстроенный для себя.

Тут с коричневой горы
Закричал богатырек:
«Наступил возмездья срок:
Эй вы, силачи-прожоры,
Знайте, к вам пришла война —
Гибель вам сулит она!
Где ваши мечи, прожоры,
Чтоб начать со мною сечу?
Стрелы ваши где, прожоры,
Чтоб потешиться стрельбой?
Где слова для бранной речи,
Прежде чем начнется бой?
Где он, вами уведенный,
Мой неисчислимый скот?
Где мое родное племя —
Вами угнанный народ?
Храброго богатыря,
Зверобоя, птицелова,
Славного Алтай-Бучая
Сын единственный родной
К вам теперь пришел с войной.
Повоюйте же со мной!»

А-а-а́ка хан Арнай
В золотые двери вышел,
Э-э-э́ка хан Чарнай
Сквозь серебряные вышел:
«Кто приезжий тот невежа,
Здесь дерзнувший глотку драть?
На кого пришел орать,

К нам с войной прийти осмелясь?»
Самострелы в ста зарубках
Подняли к плечам — и стрелы
Положили на тетивы,
В юного батыра целясь.
А батыр — юнец-храбрец,
Ловок, статен и красив,
Грудь, подобную поляне,
Перед ними обнажив,
Лоб открыв для вражьих стрел,
На вершине горной черной
Сел спокойно и смотрел,
Став для недругов мишенью.
«Вижу — оба вы храбры! —
Закричал он им с горы.—
Сделаю вам уваженье:
Первыми стреляйте. Ну!
После вас уж я стрельну!»
Так прожорам крикнул он,
Их прицелом не смущен,
На виду у них садясь.

Только что с природой стало?!
Неба дно загрохотало,
Весь Алтай высокогорный
Сотрясло и зашатало:
С самострелов двух прожор
Две стрелы, сверкнув, слетели —
И к живой, сидячей цели
С грозным свистом полетели.
Но богатыренок юный
Им навстречу дунул, плюнул —
И, как два листка сухих,
В стороны отвел он их,—
Встал — и крикнул: «Эй, прожоры,
Мяса вы сожрали горы,
Выпили вы человечьей
Крови целые озера.
А теперь я вам отвечу:
Я одну стрелу пущу —
И пробью обоим печень,—
Истреблю вас, отомщу!»
Он одной стрелой своей
Уложил их двух коней —

И стрела сквозь них прошла
И Арнаю и Чарнаю
В печень самую вонзилась
И в куски разорвала.
Но, однако же, не скоро
Испустили дух прожоры,
И покуда, лежа там,
Истекали черной кровью,
Проклинали, сквернословя,
Юного богатыря.
А герой-богатыренок,
Возрастом почти ребенок,
Им сказал, сходя с горы:
«Да, на ругань вы храбры!
Много попусту стреляя,
Метким станешь ли стрелком?
Станешь ли красноречивцем,
Зря болтая языком?»
Вынув белый свой булат,
Полумертвым братьям-ханам
Головы он отрубил —
И к скале — на пуп земной —
Он их погодя прибил
С черной надписью позорной:
«Кто бы мимо ни проехал,
В головы пусть плюнет эти
И хлестнет с презреньем плетью,
Гнусных дел их не прощая!
Это головы убийц
Славного Алтай-Бучая,
Силача-богатыря,
Зверобоя, птицелова.
Ныне сын его — юнец
Отомстил им наконец!»

Подпись он свою поставил —
И шаги теперь направил
Прямо в золотой дворец.
Там родного он врага
Увидал у очага —
Тетушку Очо-Чечен.
Та с притворною любовью
Говорит: «Племянник милый!
Как живешь ты? Как здоровье?

Возмужал, набрался силы!
Ты откуда держишь путь?
Здесь ты можешь отдохнуть!»
Он в ответ: «Я слышал, есть
У меня молодка-тетка:
Оказать хотел ей честь —
Ей принесть от брата весть.
Слышал я, что за батыра
Тетка эта вышла замуж.
Думал я: проверю сам уж,
Богатырь ли вправду он
И насколько он силен.
Прибыл вот чего я ради!
Где же хан Чарнай, мой дядя?»
Говорит на это тетка —
Лживо и трусливо-кротко:
«Дорогой племянник мой!
Посиди да погоди.
Если б кожанкой Чарная
Одарить тебя пока?
Если б дядино сиденье
Я дала тебе,— наверно,
Было б велико чрезмерно?
Вот оно — попробуй, сядь!»

На чугунное сиденье
В девяносто медных ножек,
С бычьими ногами схожих,
Он присел — и сорок ножек
Сразу же под ним сломались,—
Только пятьдесят остались!
К черной кожанке защитной
Подошел он — и едва
Попытался в рукава
Руки всунуть — оторвались.
А юнец-батыр такие
Говорит при том слова:
«Щедрость доброй тетки разве
Всей душою не оценишь?
Рада чем ни есть помочь:
Уж сиденье — так сиденье,—
Чуть присядешь — ножки прочь!
Если кожанку наденешь —
Так от плечевого шва

Отлетают рукава!
Проклят будь такой хозяин,—
Он бездельник, негодяй он!
А не ты ль с ним заодно,
Тетушка моя родная,
Моему отцу глаза
Вырвала не так давно?!
А не ты ль с отцовских рук
Пальцы также отсекала —
И его на столько мук
Уж не ты ли обрекала?!
Может быть, тебе скребок
Нужен, тетя дорогая?..»
Тут же он скребок извлек,
Тетке подлой предлагая...
«Да, племянничек, скребок
Очень нужен мне для дела:
Заячьи бы шкурки впрок
Я выделывать хотела...»

Жаждой мести загорясь,
Львом разгневанным взъярясь,
Молодой батыр скребком
Замахнулся, как клинком,
И мгновенно, изловчась,
Шею тетке разрубил!
Совершив свой суд над нею.
Тем же гневом пламенея,
Входит богатырь-юнец
И в серебряный дворец.
Входит — видит: мать сидит,
Величава и важна,
И, скрывая страх и стыд,
С сыном ласкова, нежна,
Говорит ему она:
«Вновь не вспыхнул ли, сынок,
Твой угасший огонек?
Был ты мертв — и вот восстал,
Доблестным батыром стал.
Твой отец — Алтай-Бучай
Тоже, может быть, воскрес?
В жизни мало ли чудес!
Что ж молчишь ты, отвечай!»

И сказал ей сын в ответ:
«От него тебе привет.
А теперь скажи мне, мать,
Очень радостно иль нет
Мужа без обоих глаз,
Без двух пальцев увидать?
Было зрелище красивым?
Ты им насладилась, мать?
Если ты прожорой-ханом
Так уже прельстилась, мать;
Если твой родной аил
Так тебе уж опостыл;
Если жизнь при этом хане,
Мать моя, тебе желанней;
Если нет в тебе стыда,—
Тут останься навсегда!»

Так он матери сказал —
Руки за спиной связал
И ее из юрты вывел,
К медной коновязи тут же
Привязал ее потуже —
И привязанной оставил.
Он затем собрал свой скот —
И к себе в Алтай направил,
Сам же на коня вскочил —
Поскакал в родной аил.
Семьдесят вершин высоких
Скоком он перевалил,
Семьдесят глубоких рек
На коне он пересек.
И когда в места родные,
Где так много дней он не был,
Въехал он, пустив на отдых
Темно-рыжего коня —
Темичи, подарок неба,—
Об отце он думу думал,
Скорбно голову склоня:
«К яме той скорей пойду, мол,
Может быть на этот раз
Оживет он в добрый час!»
Как судьбе ни докучай,
Не захочет — не поможет:

«Алтай-Бучай».
Худ. И. Митрофанов.

И отец Алтай-Бучай,
Видимо, ожить не может!

Помощи от книги Лунной
Просит сын батыра юный:
Он читал ее шесть дней —
И прочел он вот что в ней:
«Над горными кручами,
За синими тучами,
За благоуханной
Третьей небесной
Высью чудесной,
Во дворце златояром
Живет дочь Тенгри-хана,
Наделенная даром
Мертвецов оживленья,
Угасшему пламени
Возвращенья горенья».
Вот, оказывается,
Кто Алтай-Бучаю снова
Жизнь способна возвратить,
Зверобоя, птицелова
Чародейно возродить!»

От батыра молодого
Услыхав такие вещи,
Конь Алтай-Бучая вещий,
Окрылился, превратился
В светло-серого орла,
Тридцать два раскрыл крыла,
Воспарил за третье небо,
И, чутьем чудесным движим,
Там к семидесяти рыжим
Иноходцам он пристал
И ходить меж ними стал.

Как-то раз дочь Тенгри-хана,
Светлолика, стройностанна
(Имя ей — Алтын-Дьюстик),
Из семидесяти конских
Табунов отца — избрала
Рыжепламенный косяк.

Ей как раз в нем и попался
Иноходец тот — Рыжак,
И она его усердно
Осмотрела так и сяк,
И она его взнуздала
Звонкой золотой уздой,
Бронзовым седлом двукрылым
Иноходца оседлала,
Белым и, как степь, широким,
Потником его покрыла,
И на нем стянула туго
За подпругою подпругу —
И подобные двум лунам
Подправляла удила,
И направо и налево
Эта чародейка-дева
Чуть-чуть повод повела,—
И, как ветр с речного плеса,
Драгоценный конь понесся —
И была, как на плоту
Иль как птица на лету,
Иноходь его легка.
Птицей сделавшись летучей,
Вмиг он пролетел версту,
И Алтын-Дьюстик за тучей
Снежно-белой оказалась,
Где с шестьюдесятью конями
На птицеподобном Рыжем
В иноходи состязалась,
Лучших всех оставив сзади.

Рыжему коню погладив
Ласково глаза и морду,
Так ему Алтын-Дьюстик
Нежно говорит и гордо:
«Истинно счастливый случай!
Ты из лучших самый лучший!»
Иноходец говорящий
Всаднице, на нем сидящей,
Так на это отвечал:
«Иноходью настоящей
Я тебя еще не мчал.
Приготовься, как потребно
Для далекого пути.

Снадобий своих целебных
Ты побольше захвати:
Мертвого богатыря
Надо будет воскресить,
Я, тебя благодаря,
Вот о чем хочу просить!»
Чтоб отказом не обидеть
Скорохода своего,
Чтобы иноходь увидеть
Настоящую его,—
Богатырка согласилась
И немедля снарядилась,
Снадобьями запасясь.
Ненатягивавшийся повод сразу натянула,
По небитому бедру в первый раз камчой
хлестнула.
Как передних две ноги
Рыжий конь вперед бросает —
Так переднюю луку
Дева-всадница хватает.
Стоит задними ногами
Иноходцу в пляс пуститься —
Так за заднюю луку
Всадница должна схватиться.
Сразу конь взыграл под ней,
В настоящий бег пустясь,
И она на нем семь дней,
За луку седла держась,
Словно в воздухе плыла,
Как в беспамятстве была.

А когда семь дней минулось,
Память снова к ней вернулась,
И оказывается,
Что на верхнем синем небе
Богатырка очутилась
И до нижних, белых туч,
Сидя на коне, спустилась,
И оказывается,
Сверху вниз перелетая,
Очутилась на Алтае,
Перед тою самой ямой,
Где лежал, еще нетленен,
Давний труп Алтай-Бучая.

И Рыжак сказал ей так:
«Не на радость мной сюда
С неба ты привезена.
Знай, случилась тут беда!
Это — богатырь убитый.
Этого богатыря
Оживить ты здесь должна.
Светом мудрости своей
Воскреси Алтай-Бучая —
И тебе я обещаю,
Что сегодня же верну
Я тебя на третье небо,
В твой Алтай, в твою страну!»

Эта дева-богатырка,
Не ронявшая из глаз
Ни одной слезы доныне,
Вся слезами облилась
И запела песнь сначала —
Песнь печали, песнь унынья,
В мире не было чудес
Чуда этого чудесней:
Выхода не находя,
Богатырка с этой песней
Солнце и луну с небес
Низвести сумела наземь,—
И схватила солнце сразу,
Из него густой настой
В золотой сосуд сцедила —
И глаза Алтай-Бучая
Были им исцелены!
А затем луну схватила —
И прозрачное лекарство
Отцедила от луны,—
И два пальца отрастила
На руках богатыря,
Снова чудо сотворя!
И семь рыжих нежеребых
Кобылиц потом доила,
Молоком парным целебным
Труп батыра окропила.
И на место, под которым
Богатырские — при жизни —
Легкие дышали жарко,

В девять граней камень черный
Стала прилагать лека́рка.
А на место, под которым
Бил сердечный молоток,
Дева шелковый простерла
Черный небольшой платок.

Тут истек леченья срок —
И Алтай-Бучай убитый
Смертный сон свой перемог,—
И проснулся, улыбнулся,
Встал — и произнес: «Как славно
Я поспал! Давно, недавно ль
Был я смертью усыплен,
Ныне богатырской девой
Оживлен и исцелен!
Навсегда пусть остается
Жить она у нас теперь:
Шерсть имеет каждый зверь,
Без подруги нет мужчины,
Моему батыру-сыну
Эту деву в жены взять бы —
И на девяносто дней
Свадьбу здесь отпировать бы,
И прожить лет до ста с ней!»
Так сказав, он стал писать
Ближним, дальним приглашенья,—
От него во все концы
Скачут конные гонцы —
И в батырские владенья.
Собирается отвсюду
Много гостевого люду.
Для приезжей детворы
Стелют поперек дорожек
Шелком шитые ковры.
Красный бархат вдоль дорожек
Стелют для девичьих ножек.
Мяса гору нарубили,
Море арака́ сварили.
Стали девушки водить
Хороводы, песни пели.
Стали парни приходить —
Раздувать огонь веселья.

Из-за гор, из-за морей,
Прибыли из разных стран —
Семьдесят богатырей,
Всех сильнее и храбрей.
Бронзошубых, златошубых
Витязей непобедимых,
Всюду чтимых и любимых,
Много съехалось сюда
Свадьбу праздновать тогда.
И семидесятиглавый
Дюльбеген зверинорожий
Меж гостей толкался тоже.
Там большой майдан был круглый,
И — средь множества шатров —
Был большой дворец стоуглый
Там построен для пиров.
Девяносто дней шумел
Пиром свадебным Алтай,—
Сколько каждый мяса съел,
Сколько выпил там ара́ки,—
Не пытайся, не считай!
Полудохлые собаки
Изо всех окрестных стай,
У которых, как хлысты,
Отвисали вниз хвосты,
Бегали, хвосты закинув
В сытой радости на спину.

Но пришло и окончанье
Свадебного пированья —
И народ разноязычный
Разъезжался — кто куда.
Будней начались заботы,—
Стал батыр Бучай привычно
Снаряжаться на охоту.
На коне, Юдгеном данном,
Выехал он, как всегда.
Снова семьдесят высоких
Одолел он перевалов,
Через семьдесят глубоких
Переправился морей.
Снова, как не раз бывало,
Он Алтай семь раз объехал,—
Поохотился с успехом

И на птиц и на зверей.
По местам таежным ездя,
Он в одном безвестном месте,
В кедровом густом лесу,
Встретил красную лису,
Чей был необыкновенный
Хвост — семидесятисаженный!
Увидав богатыря,
Подошла к нему лиса,
Так при этом говоря:
«Если ты меня тут встретил,
И полны твои глаза
Мужественного огня,
Если ловок ты и сметлив,
Догони — поймай меня!»

Через семьдесят вершин,
Через семьдесят лощин
Красная лиса промчалась.
А Алтай-Бучай сердито
Вслед кричит ей: «Погоди ты,—
Для насмешки не меня,—
Подыскала б дурака!
Ты же вовсе дрянь-лисица:
Если вздумать шубу сшить,
То и для воротника
Мех такой не пригодится.
Никому ты не нужна —
И ..левок тебе цена!..»
Все ж погнался он за ней —
И настиг чрез девять дней,—
Убивать уже собрался,
Но воскликнула лиса:
«Кровь мою не проливай,
Голову не отрубай! —
Я слепцу глазами стану,
Языком немому стану,—
Быть могу тебе полезной:
За степями и лесами,
За горами и морями —
Там, привязана к железной
Коновязи, есть одна
Женщина — твоя жена.
Быть еще живой должна.

А меня к тебе послала
От себя послом она,—
Поезжай к ней, выручай!..»

И решил Алтай-Бучай:
«Поделом ей! Не пойду, мол!»
Но, однако, передумал:
«Э, поеду! Будь что будь!
Коль мертва — я труп сожгу,
Коль жива — в глаза взгляну,
Страшной клятвой прокляну!»
Через семьдесят высоких
Гор батыр перевалил,
Семьдесят морей глубоких
На коне он переплыл —
И в Алтае братьев-ханов
Трудный путь свой завершил.
Где народ недавно жил,
Там, оказывается,
В обезлюдевшей пустыне
Густо хвощ разросся ныне.
Где несчетный скот гулял,
Все позаросло бурьяном.
И оказывается,
Что, привязана арканом
К основанью коновязи,
До сих пор Яра-Чечен
Все еще была жива,
Хоть уже едва-едва
Кровь ее сочилась в жилах.
Ей такие тут слова
Говорит Алтай-Бучай:
«Здравствуй-ка, жена моя!
Мысли черные тая,
Мужа и младенца-сына
Ты убила, не жалея.
А сидишь не ты ль теперь
Здесь, привязана, как зверь?
Не тебе ли стал милее
Край Арная и Чарная,
Чем твоя земля родная?
А теперь ты здесь сидишь,
Столько дней уж голодая,

Смерти близкой ожидая!
Отвечай же! Что молчишь?»

«Преступленье совершая,
Я не думала тогда,
Что такая всем большая
Суждена за то беда.
Обезумевшей к тому же,
Видимо, тогда была я».
О прощенье умоляя
Обвиняющего мужа,
Так несчастная сказала.
И батыр ответил так:
«Ты — мой лютый, кровный враг!
Многочисленный мой скот
Этим подлым двум прожорам
Ты ведь подарить могла?
Навсегда меня позором
И себя — покрыть могла?
Юрту мирную мою
Дать разграбить — ханам-ворам,
В прах всю разорить могла?
Из живого человека
Выковыривать глаза,
Превратив его в калеку,—
Это сотворить могла?
Словно злобный зверь трущобный,
Отсекать большие пальцы
С рук бессильного страдальца
Тоже ведь была способной?
Так за скот мой и за юрту,
За поруганную честь,
За глаза мои и руки,
За убитого младенца
Будь способна также снесть
Этой страшной казни муки!»

Так сказал он с горьким смехом
И в лицо ей трижды плюнул,
Тут же ногу в стремя всунул,
Дернул повод — и поехал.
Много он на горных кручах
Настрелял зверей различных
И съедобной очень много

Живности четвероногой,
Много также и отличной
Твари в реках наловил.
Был Бучай стрелок искусный,—
Также вкусной птичьей дичи
Настрелял немало он;
И с богатою добычей
Все алтайские он земли
Шесть ли раз объехал, семь ли,—
И вернулся в свой аил.
А вернулся в край родной,
Увидал, что под луной
Вдруг наплыл и забурлил
Горький и густой туман.

На шесть дней луна затмилась,
Солнце скрылось дней на семь,
Черным дымом все дымилось —
Ночью темь и утром темь.
А когда минуло время
Страшной непроглядной теми,—
То народ алтайский вскоре
Обуял смертельный страх:
Появился враг в горах!
И, оказывается,
Отомстить за братьев-ханов,
За Арная и Черная,
Напустив густых туманов,
Из другого мира вышли,
Из подземного улуса
Одинаких три мангуса —
На трех серых одинаких
Быстроходных скакунах.
А за ними — их вояки,
На подбор все одинаки,
Каждый цветом серо-бур,
Силой — не сильнее кур.
На коне на полосатом,
Божеством Баяной данном,
Выехал Алтай-Бучай,

А на Темичи, на рыжем —
Сын его смельчак завзятый.
В бой с мангусами вступили,—

И по сорок тысяч в день
В первые семь дней рубили,
А затем по шестьдесят
Тысяч в день вдвоем губили.
И хоть каждый воин ростом
Был с кусочек шашлыка,—
Перебить было не просто
Их несметные войска:
Как ты им ни угрожай,
Как их ни уничтожай,
А число их все росло.
И откуда нанесло
Этих тварей урожай?!
Удивлен Алтай-Бучай:
Что же это за враги?!
Но меж серой мелюзги
Был, оказывается,
Исполин-силач один.
Прежде чем начать стрельбу,
Поглядел Алтай-Бучай —
Замечает, что на лбу
Исполина есть пятно,—
И с трехлетнюю овцу
По величине оно!
Целясь чуть повыше глаз,
Богатырь стрелу спустил —
И родимое пятно
Надвое разворотил.
Тут мангусские войска,
Чьи вояки ростом были,
Как кусочки шашлыка,—
Пали наземь — и мгновенно
Стали в корчах умирать,
И до одного погибла
Мелюзги подземной рать.
Так батырская стрела
Их, как молния, сожгла,
Истребила всех дотла!..

И тогда Алтай-Бучай,
Воин и охотник славный,
Возвратился в свой аил
И судьбой обласкан был:
Откормился белый скот,

Что ни год все рос приплод,
И на стойбище народ
Множился из год в год.
Лучше в десять раз и, значит,
Веселей теперь, богаче
Зажил храбрый и могучий,
Богатырь Алтай-Бучай
На земле своей родной,
Где ему с тех пор по праву
Воздают и честь и славу.
Возмужавший сын его
С богоданною женой
Долго жил в согласье, в счастье,
Стал сильней он, краше втрое,
Стал прославленным батыром
И воспет алтайским миром,
Как герой и сын героя.
Был отцу он зорким глазом,
Был — душа отцу и разум...

Так я про Алтай-Бучая
Сказывать вам тут кончаю.
Если спутал я что-либо,
Пусть меня народ поправит,
Пусть добавит иль убавит,—
Я скажу ему «спасибо»!

ХУЛАТАЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КАМЕНЬ

Зарождаться земля начинала тогда,
Медь начинала твердеть тогда,
Русла в горах пробивали ручьи,
Звезды небес загорались в ночи,
Деревья корнями за землю брались,
Верхушки свои устремляя в высь.
Но выше всех гор в этом месте был
Могучий красавец Кирим-тасхыл.

От подножья тасхыла, покинув юг,
Мчался на север Хан-Харасуг,
Хан-Харасуг — звонкий ручей,
Приютил ты много хороших людей,
Напоил ты немало степных табунов,
Хан-Харасуг — сын земных пластов,
Разгульная сила в твоих волнах,
Счастливая жизнь на твоих берегах.

Много народа живет в тех краях,
Много пасется скота на лугах.
Славные песни в улусах поют,
Много в улусах хороших юрт,
Только одна красивее всех —
Песни здесь звонче и радостней смех.

В ней богатырь Албыган живет,
Человек, которого любит народ.
Перед юртою высится столб золотой,
У столба привязан конь молодой,

Бело-буланый красавец степной
Конь Албыгана с гривой густой.
С удивлением люди на лошадь глядят —
Могуч и красив гордый Ойат.

А рядом стоит скакун удалой.
Он, кажется, создан для битвы лихой,
Он грудью пошире и крепче в ногах.
Он словно буран, что гуляет в степях...

Хара-Хулатом зовут коня.
Хозяина ждет он, уздою звеня.
Как будто бы хочет сказать: «Хулатай,
Скорее меня напои, оседлай.
Ты сын Албыгана и сам богатырь,
Зовет нас с тобою степная ширь,
Туманная даль, скалистая высь.
Скорее, мой друг, на меня садись!»

Но молод еще богатырь Хулатай,
Боится покинуть отцовский край.
Он вместе с сестрою Алтын-Кеёк
Часто с тоскою глядит на восток,
Туда, где зарницы, играя, горят,
Куда беспокойные ветры летят.

Алтын-Кеёк быстро растет,
Шестьдесят косичек по утрам плетет,
Песни веселые звонко поет,
Но Хулатай не рад ничему —
Дорога дальняя снится ему,
Молодая кровь в груди горяча —
Руки просят стального меча.
Кажется низким любой хребет —
Тяжести лет на плечах нет.

Летят без возврата счастливые дни!
Один за другим улетают они,
Как гуси осенью в небесах,
Дни пролетают у всех на глазах.
Хулатай однажды к отцу пришел
И смелым голосом речь повел:
«Любимый народом отец Албыган,
Тобою мне конь богатырский дан,

Сила, сноровка даны мне тобой.
За это я предан тебе душой.
Хочется мне побывать на воле,
Под светлым небом поездить в поле.
Испробовать мне богатырской бы доли.
Широкую землю объехать мне, что ли?
И в самом деле, не поискать ли другого
Хара-Хулата, как мой, удалого?
Да есть ли на свете такой край,
Где живет, мне подобный, другой Хулатай?»

Отец на сына взглянул сурово
И молвил: «Я слышу хвастливое слово.
Твой век, Хулатай, добротою отмечен.
Тебе не к лицу неразумные речи!
Не об этом, сынок, у тебя забота.
Слава не в каждые ходит ворота.
Не в каждую юрту заходит счастье.
Не каждый под крышей сидит в ненастье.
Поживешь на земле — и увидишь, что много
Людей без крова бредут по дорогам.
Поживешь — и увидишь, что горе и голод,
Злые болезни, нужда и холод
Людям простым не дают покою.
Подумай об этом — и сердце заноет...
Я стар и хочу, чтобы сын мой любимый
Сторожил от набегов наш край родимый,
Чтоб каждому роду главою он стал,
Чтоб мысли и правде просторы он дал,
Чтоб славой народ свой навек увенчал...»

Отцовский наказ — для сына святой
Хулатай прослушал с холодной душой.
Хотел он сказать, что согласен с отцом,
А сам, уходя, думал о том,
Как бы скорее уйти в поход
Туда, где в тумане синел небосвод.

Стал он готовиться в дальний путь.
Кольчугой закрыл богатырскую грудь.
На голову пёрик для боя надел.
(На солнце вечернем он ярко блестел.)
Изогнутый месяцем лук боевой
Шесть раз затянул тетивою стальной.

Решившись, шагнул Хулатай из дверей.
Прощаясь, взглянул на просторы степей
Доброго слова никому не сказал,
К золотому столбу, торопясь, зашагал.
Хара-Хулата по холке трепал,
Слова ему нежные тихо шептал.

Из юрты сестричка к нему подошла,
Повод отвязанный подала,
Сказала: «Мой милый брат Хулатай,
Где бы ты ни был,— отцовский край
Ни душою, ни сердцем не забывай.

Сила тебе для народа дана.
Пусть не уйдет бесполезно она.
Помни наказ мой, брат Хулатай,
За свободу народа грудью вставай,
Всегда обездоленным помогай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай».

Наказ этот, данный родною сестрой,
Хулатай прослушал с холодной душой.
В ответ ни слова не проронил,
На Хара-Хулата ловко вскочил
И рысью поехал улусом большим
Дорогой прямой на тасхыл Кирим.

Распалилось сердце в груди от огня.
Он дернул тин, не жалея коня,
Вздыбился конь, как вихрь степной.
Оскаленный рот — как яр над рекой.
Богатырь поводьев коню не дает —
По большому, как степь, стегну его бьет.
Как ветер, понесся всхрапнувший конь,
Через реки скачет взмыленный конь,
Через степи проносится, как огонь.
Такая у лошади смелая прыть,
Что трудно скачки ее уследить —
Открытых глаз не успеешь закрыть,
Закрытых глаз не успеешь открыть.

...Так скрылся из глаз озорной Хулатай...
Отец Албыган родной край

От недругов пришлых оберегал.
Он каждому пешему лошадь седлал,
Раздетому кров и одежду давал.

...Прошло-пролетело двенадцать лет —
И снова от сына известий нет.
Не шлет богатырь долгожданный привет,
Ни одной весточки нет и нет.
И вот на исходе двенадцатого года
Заколебалась земля под крутым небосводом
Раздался топот Хара-Хулата,
Похожий на ярого грома раскаты.
И тут услыхала земля родная
Голос вернувшегося Хулатая.

Самый смелый и самый могучий,
Ехал он, пыль поднимая тучей,
Ехал он с песней к родному краю,
Ехал, беспечный, забот не зная.
На вершину Кирим-тасхыла поднялся,
От тяжести снежный тасхыл зашатался.
С коня соскочил богатырь Хулатай —
Долго смотрел на отцовский край.
Веселую песню зычно запел,
Возле коня на землю присел
И вдруг, завороженный, окаменел.

Окаменело могучее тело,
На лице улыбка окаменела.
Глаза закрылись. В одно мгновенье
Окаменели руки, спина, колени.
Стал Хулатай, богатырем рожденный,
С человеческим обликом камнем зеленым.

Сестра Хулатая Алтын-Кеёк,
Накинув на голову темный платок,
Запыхавшись, с трудом поднялась на тасхыл,
На колени упала, лишившись сил.
И видит она — на горе высокой
Стоит ее брат скалой одинокой.
На лице улыбка окаменела,
Окаменело могучее тело.
А рядом, в землю уйдя по колено,
Могучий конь девятисаженный

Стоит без движения, окаменелый,
Превращенный проклятием в камень белый...

...Плачет, рыдает Алтын-Кеёк,
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.
Не удержать этих слез кровяной поток,
Не удержать этих слез ледяной поток,
Там, на вершине Кирим-перевала
Много горя она познала.

...Албыган с тревогою дочь ожидал.
Смотрел он с тоскою на перевал.
Вбежала дочка к отцу в слезах.
Кто видел ее — безотчетный страх
Тотчас поселялся у них в сердцах.

«Отец мой,— сказала,— отец Албыган,
Сын твой немало объехал стран.
Он землю обширную исколесил,
Да только завет твой не сохранил.
Беднякам обездоленным не помогал,
Радость людскую войной нарушал.

Тогда Хулатая народ невзлюбил
И, проклиная его, решил:
«Тот, кто с каменным сердцем рожден,
Пусть в камень навек превратится он!»

С глубоким вздохом сказал Албыган:
«Мне сын в наказание, видно, дан.
Ах, мой непослушный сынок Хулатай,
Зачем ты поехал в далекий край!
Зачем ты бездомным бродил по свету!
Почему не послушал моих советов!»

...На тасхыле ветры гудят и гудят.
Сизые тучи низко летят.
Куда ни кинешь орлиный взгляд —
Кругом равнинные земли лежат.
И высится там, на горе высокой,
Богатырь Хулатай скалой одинокой.
Близко живущие камень видят,
Далеко живущие о нем слышат...

...Недаром же так говорят в народе:
«Беда никогда одна не приходит».
Вдруг закачалась поверхность земли.
Все горы в тумане, все небо в пыли.
Кто это там ручьями сверкает?
Кто это там лучами стреляет?
Кто это катится шумным потоком
По руслам дорог к горе высокой?
Это стекаются темные силы
Юзут-Хана — царя, как ручьи с тасхылов.
Это война идет шумной волною,
Трижды опоясанная страшной бедою!

На Кирим-тасхыле мечи сверкают.
Недруги недруга вызывают:
«Эй, Албыган, гордец безмерный,
Рубленое мясо ты съел, наверно,
Одежду для боя надел, наверно!
О горе твоем мы давно уже знаем —
Нет у тебя силача Хулатая,
Теперь мы ребра твои посчитаем».

Албыган проворно собрался в бой,
С дочкой простился, с любимой женой.
Жена Ай-Арх голосила звонко —
Носит под сердцем она ребенка,
Видно, родится он в час ненастья!
Видно, ему не увидеть счастья!

Албыган ресницы слезой не смочил,
На коі ҷ Ойата ловко вскочил
И рысью поехал улусом большим
Дорогой прямой на тасхыл Кирим.

...На тасхыле ветры в ушах гудят...
Грудами черные тучи летят.
Пришлые недруги плотно стоят —
Сверкает молнией каждый взгляд.
На слова Албыган отвечал словами,
На удар кулаком отвечал кулаками.
С коня он спрыгнул, мечом сверкая,
На пришлых врагов озверевшую стаю.
Полнолунье прошло — Албыган все дерется,
Новолунье пришло, а он не сдается...

«...Уже иссякают последние силы...
Что будет с женою, с дочкою милой?
Что будет теперь с моим милым краем?
Помощи нет, а враги наседают...»
Знал бы отец, что в ту ночь роковую
Жена родила ему дочь вторую!

...О счастье своем ничего не зная,
В жестоком бою Албыган умирает.
«...Имеющий близких, ты честью гордишься.
Прощаясь, ты с ними рядом садишься.
А я умираю во вражеском стане...
Кто рядом со мной на прощанье присядет!

...Имеющий друга, ты счастлив вдвое.
Друг горечь прощанья разделит с тобою.
Мои же друзья умирают в темницах.
Кто нынче придет, чтоб со мною проститься?»
Так шепчет с тоской Албыган, умирая,
О дочке своей ничего не зная...

...У прекрасного утра — прекрасна заря.
Прекрасна дочка богатыря.
Не по дням, по часам на глазах растет,
Уже на крепкие ноги встает.
Над сестричкой своею — Чарых-Кеёк
Плачет, рыдает Алтын-Кеёк.
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.
Не удержать этих слез кровяной поток,
Не иссушить этих слез ледяной поток.

...А в это время на гордом тасхыле
Враги Албыгана мечами рубили.
Страданья и боли превозмогая,
С народом прощался отец Хулатая:
«Для отдыха созданный милый край,
Любимый всем сердцем, навек прощай!
Сердце мое в крови закипает,
Закат моей жизни уже потухает...»

Как смерть, побледнела Алтын-Кеёк,
С плеч сорвала темный платок.
Вскинула руки, как крылья, она,

Золотою кукушкою стала она,
И полетела в небо она,
Туда, где бледнела вдали луна.

«Моя победа!» — вскричал Юзут-Хан,
Гордо расправив свой тонкий стан.
Свистит, не смолкая, ременный бич,
Громом летит оглушающий клич:
«Лети, мой голос, во все края!
Народа хозяином буду я!
Реки мои и земля моя!
Отныне ханствовать буду я!»

Он вынул свой меч, и конь Албыгана,
Гордый красавец бело-буланый,
Упал с отсеченною головою —
На камни хлынула кровь рекою.

...Степь застонала под вражьей пятой.
Пепел и дым летят над землей.
Жена Албыгана — красы созданье —
У золотого столба лежит без дыханья.
Повсюду следы разрушенья видны.
Все юрты разграблены и сожжены.
Тому, кто держал против нечисти меч,
Пришлось костьми на землю лечь.

...Лежал Албыган с потемневшим лицом.
До слуха его доносился гром,
Стоны и плач, проклятья и вой,
Но только не мог шевельнуть он рукой,
Не мог он пальцы остывшие сжать,
Не мог он меч над собой поднять.

Отары овец, табуны лошадей
Угонял в неволю враг-лиходей.
Понурив головы, шли скакуны,
Луга покидая родной стороны.
А тех, кто не мог, не желал идти,
Враги убивали, бросая в пути.

...На лицо Албыгана спустилась ночь.
Он знает, что некому горю помочь.
Окаменел богатырь Хулатай,

Не выйдет он в бой за отцовский край,
Окаменевшие пальцы не сможет сжать,
Не сможет меч богатырский поднять.

Одного Албыган предвидеть не мог,
Что живет невредимая Чарых-Кеёк.
Она в шалаше травяном живет,
Она не по дням — по часам растет.

...Ручеек звенит, волною блестя.
Ветер летит, травой шелестя.

СЕСТРА ОЖИВЛЯЕТ ХУЛАТАЯ

Близ Хан-Харасуга шумит тайга,
Молодая, как утро, поет тайга.
Мохнатые ветви тянет она
К зеленой цветистой поляне она.
А там, на поляне, стоит шалаш.
Листвою зеленой скрыт шалаш.
Стоит одиноко шалаш травяной.
В нем дочь Албыгана живет под горой.

Однажды сиротка к ручью подошла,
Плетеную вершу рукой подняла.
Огорчилась, скупой проклиная свет.
Ни одной рыбешки в верше нет!
Наутро снова пришла к ручью,
Торопясь взглянуть на добычу свою.
Снова скупой проклинала свет.
Ни одной рыбешки на завтрак нет!..

На третий день поднялась с трудом,
До Хан-Харасуга добралась ползком.
Вынула вершу, а рыбы нет.
Померк для девушки солнечный свет.
Легла в шалаше, как береста, бела.
В голоде ночь с трудом провела.
В жажде, в тоске эту ночь провела.

...Весело светит крутой небосвод.
Вдруг она слышит: кукушка поет.
Вещая птица кого-то зовет,
Вечным покоем уснуть не дает.

Веки открылись, а сердце стучит,
Вещая птица ей так говорит:

«Слушай, уснувшая с болью в груди,
Слушай, забывшая жизни красу.
Счастье лежит у тебя впереди,
Счастье тебе я сейчас принесу.
Статная, встань и покинь свой шалаш,
Силу свою ты для жизни отдашь.

В тайге трехветвистый увидишь саргай,
Три стебелька ты рукой не срывай.
Выкопай белые корни его.
Вдаль посмотри, не сказав ничего,
Вдали ты увидишь вершину земли,
Ветер просторов увидишь вдали.

Гордо взойди на крутой перевал.
Камень там белый когда-то стоял.
Облик коня ему ветер придал,
Дождь его щедро водой поливал.
Рядом увидишь ты камень другой —
Синий камень с мужской головой.

Возьми трехветвистый саргай поскорей,
Отломи и пожуй один из корней
И выплюнь саргая чудесный сок
Каменной лошади прямо в висок.
Корень второй пожуй на зубах
И плюнь в синий камень, отбросив страх
А третий корень, пожевав, проглоти.

Счастье тебя ожидает в пути.
Радость твоя польет через край.
Счастье тебе принесет саргай,
Брата тебе вернет саргай.
Имя которому — Хулатай.

Вернись ты в шалаш той же тропой,
Там ты увидишь сундук большой.
Быстро сундук тот волшебный открой —
Брызнет искрами свет золотой.
Будет сиять и гореть пред тобой
Блеском жемчужным наряд дорогой.

Надень наряд и возьми платок,
С золотыми каймами белый платок,
Трижды шалаш свой вокруг обойди,
Трижды платком дорогим взмахни
И тогда, славная, увидишь ты
Юрту шестиглавую такой красоты,
Какой ты не видела никогда,
Какой не запомнят былые года.

Слушай, уснувшая с болью в груди.
Слушай, забывшая жизни красу.
Счастье лежит у тебя впереди,
Счастье тебе я сейчас принесу.
Твой отец Албыган — ты это знай.
Твоя мать Ай-Арх — помни ее.
Брат твой родимый — Хулатай.
Чарых-Кеёк имя твое.
Только смотри — здесь не ночуй.
Толком запомни слово мое.
Ты полетишь в дальний улус,
К чудной земле, Чарых-Кеёк.
Вещей кукушкою будешь лететь,
На сосен верхушки будешь смотреть».

Смолкла кукушка. Шум крыльев тугих
Где-то за дальней горою затих.
Встала, уснувшая с болью в груди,
Встала, забывшая жизни красу,
Видит — сияет ей свет впереди,
Видит, саргай расцветает в лесу.

Стеблей не срывая, копать начала.
Корни саргая с собою взяла,
Ветви саргая с собою взяла,
Быстро взошла на крутой перевал.
Там на вершине камень стоял,
Облик коня ему ветер придал,
Дождь его спину водой поливал.

В ладонях зажала концы ветвей,
Отломив, пожевала один из корней.
И плюнула соком Чарых-Кеёк
Каменной лошади прямо в висок,
И с шумом упал кремневый наряд,
И встала лошадь — Хара-Хулат.

Корень второй взяла она в рот,
Корень второй быстро жует,
В синий камень соком плюет.
Камень упал у нее на глазах.
Комом в груди шевельнулся страх,
Катится эхо в далеких горах...

Пятится девушка — перед ней
Богатырь поднялся из груды камней.
Корень саргая схватила она,
Страх отгоняя, жует она,
Соки саргая пьет она.
Сразу забилось сердце ее,
Все помутилось в глазах у нее,
Упал к ногам травяной покров —
Одежда ее из травы и цветов,
Плечи красивые обнажив,
Груди прелестные обнажив.

Стыд пробежал по спине, как мороз.
Грудь прикрыли пятьдесят кос.
Богатырь, восхитясь, словно к месту прирос,
С губ не слетит ни один вопрос.

Бросив на брата испуганный взгляд,
Чарых-Кеёк обернулась назад.
Скрыться от глаз любопытных спеша,
Стрелой долетела до шалаша.
За ней поспешил Хулатай — ее брат
И конь его верный Хара-Хулат.

...Смолк в отдаленье копытный стук.
Увидела девушка белый сундук.
Тронула крышку поспешной рукой —
Брызнул искрами свет золотой,
Блеском сиял там наряд дорогой,
Белый платок с лучезарной каймой.

Быстро оделась Чарых-Кеёк.
Взяла осторожно белый платок.
Трижды шалаш свой вокруг обошла,
Трижды платком помахала она —
Таких чудес и не знала она,
Такой красоты не видала она.

Хулатай, возвратясь, удивленно глядит:
Нет шалаша, юрта стоит,
К золотому столбу он коня привязал,
В юрту вошел и сестру не узнал.
Низкий отвесил хозяйке поклон,
Ласково с ней поздоровался он,
Молча сел у стены на кровать.
Девушка стала стол накрывать,
Родного гостя спеша угощать.

«Эк-кей, дорогая! — сказал Хулатай.—
Меня, мертвеца, из камней подняла,
Потухший огонь ты, радость зажгла,
Друга-коня в награду дала.
Не мучь же молчаньем сердце мое,
Скажи драгоценное имя свое».

«Эк-кей! — отвечала ему сестра.—
Как огонь и угли одного костра,
Так и мы с тобою брат и сестра.
Албыган наш отец — ты это знай.
Ай-Арх — наша мать. Помни ее.
Брат ты мне с именем Хулатай,
Чарых-Кеёк имя мое».

Пока брат с сестрою вели разговор,
Солнце склонилось к вершинам гор.
...Вышла из юрты Чарых-Кеёк.
Взглянула с тоскою на алый восток.
Вскинула руки, как крылья, она,
Светлой кукушкою стала она,
И полетела к небу она,
Туда, где бледнела вдали луна.

Молча сестру Хулатай ожидал.
Тихо с тревогой слова шептал:
«Как тебя, милая, долго нет!
Ярче становится лунный свет.
Черною силой страшна луна,
Как бы тебя не схватила она!
Как бы не съел тебя сильный зверь
С пастью, огромной, как эта дверь!»

Вышел из юрты — сестрицы нет.
Ярче становится лунный свет.

Видит: кукушка летит от огня.
Крикнул: «Вернись, не бросай меня!»
Голос сестры вдруг зазвучал —
То затухал, то нарастал.

«Брат мой, брат мой,
Брат Хулатай!
Землю родную оберегай!
Реки от недругов оберегай!
Знаю я, верю — время придет,
В море вот здесь превратится ручей,
В лугах привольно пастись будет скот.
И радостной будет жизнь для людей!»

...Со стоном на землю упал Хулатай.
Горько тогда зарыдал Хулатай.
Покоя не зная, сестру зовет...
...Лучами сияя, солнце встает,
Возле столба, где конь стоит,
Горе познавший недвижно лежит.
Крыльев могучих шум услыхал.
Птичьих перьев свист услыхал.
Белого лебедя над собой увидал.
Летит этот лебедь и говорит:
«С надеждой летела я в эти края:
Молодца увижу — думала я.
А вижу, собака воет внизу,
Собачью судьбу проклинает свою.
...С надеждой летела я в эти края:
Мудрость увижу — думала я.
Но ветер надежду мою унес:
У столба лежит бешеный пес!»

«Погоди, белый лебедь!
Хулатай закричал.—
Злобой кипит обида моя!
Таких лебедей видывал я!»
...В белую юрту он забежал,
Богатырский лук и стрелу взял,
В лебедя целясь, спустил тетиву —
Стрела полетела, свистя, в синеву.

Подстреленный лебедь камнем упал.
Хулатай за добычею поскакал,

Подъехал и видит: не лебедь убит —
Мертвая девушка здесь лежит.
Плечи закрыли — пятьдесят кос,
Спину закрыли — шестьдесят кос...
Спрыгнул с коня, вынул стрелу,
Кровь из груди полилась на траву.
Хулатай подумал: «Умел я убить,
Как же сумею ее оживить!»

Начал себя по коленям бить,
Начал слезы горячие лить:
«Невестой ты, может, моею была!
Зачем же взяла себе два крыла,
Белые перья надела зачем,
Птицей крылатой летела зачем».

Так Хулатай рыдал три дня,
Потом убитую положил на коня,
К юрте привез, коня привязал,
Красавицу молча на руки взял.
И только к постели ее поднес —
Труп этой девушки камнем оброс,
Окаменело лицо ее,
Окаменело тело ее.

На каменном теле писал Хулатай:
«Каждый живущий помни и знай:
Всю землю обширную обойди,
Под небом сияющим все обойди,
Обшарь, обыщи весь белый свет —
Краше жены Хулатая нет».

Долго стоял он, лишенный сил.
Жену одеялом любовно накрыл,
Полог нарядный рукой опустил.
Вышел из юрты, вскочил на коня,
К кургану подъехал, уздою звеня,
Огромный каменный столб разыскал,
От земли оторвав, на седло поднял,
Коня повернул и назад поскакал,
Камнем дверь юрты легко завалил,
Хара-Хулата галопом пустил.

Мчался вперед Хара-Хулат
Туда, где цветет пышно закат...

ХАН-МЕРГЕН

В степях недалеко от земли той,
Где проживал Хулатай с сестрой,
Край растилался совсем другой.

Крутой каменистый перевал
Огромного моря сдерживал вал.
Прекрасная Алып-Хан-Хыс там жила,
Стада на лугах буйнотравых пасла.

Хан-Мерген, ее младший брат,
Надев дорогой и красивый наряд,
Шапку дорогую надев,
Звонкую сбрую на коня одев,
Поехал забавы себе искать,
Решил за славою поскакать.

На перевал он заехал шажком,
Хитрым глазом огляделся кругом —
Земля Ах-Хана впереди лежит,
Полог тумана в небе висит.
Ударил коня Хан-Мерген рукой,
Поехал прямо густою тайгой.

На земле Ах-Хана людей не видать.
Но вот поляну пришлось проезжать.
Хан-Мерген удивленно глядит:
Шестиглавая юрта пред ним стоит.
К столбу привязал коня Хан-Мерген,
Косясь на убранство нарядных стен.
Завалена дверь курганной плитой.
Не сдвинуть ее ни рукой, ни ногой.

...Долго он ждал и дождаться не мог,
Подошел к скале, чтоб ступить на порог.
Плечом попробовал юрту открыть,
Спиною толкал, чтобы камень свалить.
Грудью налег и оттолкнул,
Через порог быстро шагнул.

Вошел и видит: стоят на столе
Яства, каких не видал на земле.
Тихо вокруг, никого не видать.

Сбоку присел Хан-Мерген на кровать.
Смотрит на полог, что рядом висит,—
Хозяин, кажется, крепко спит...

Долго сидел, озираясь кругом,
И вдруг решил — кашлянул баском,
За полог спеша заглянуть глазком.
Никто не поднялся. Тогда Хан-Мерген
Встал, не чуя дрожи колен,
Пола не чуя под собой,
Полог поднял робкой рукой.

Девушку спящую видит он,
Красоту слепящую видит он.
Сел на кровать — она не встает.
Даже рукою не шевельнет.
Хотел отвесить низкий поклон —
Камня сырость почуял он,
Камня холод почувствовал он.

На каменном теле прочел Хан-Мерген:
«Каждый живущий помни и знай —
Всю землю обширную обойди,
Под небом сияющим все обойди,
Обшарь, обыщи весь белый свет —
Краше жены Хулатая нет».

Думал встревоженный Хан-Мерген:
«На землю Ах-Хана еду я,
Еду за счастьем по следу я.
Лучшие кони туда сведены,
Богатыри там сильны и стройны.
Для честной битвы они собрались,
Как речки в море, они слились.

С ними бороться буду и я.
И, если согнется сила моя,
Мне не придется на свете жить,
Мне головы на плечах не сносить.
Хулатай побоищам всегда рад.
На битву примчит его Хара-Хулат.
Земля велика, и живет на ней
Немало испытанных богатырей.

Может, окажется хилым он!
Может, нарвется на силу он!

А я Хулатая жену увезу,
Перед сестрой пущу слезу.
Пусть помашет волшебным платком,
Чудным бичом с золотым черенком,
Чтоб жену Хулатая скорей оживить.
Горя не зная, буду я жить...»

Так решил Хан-Мерген, хитрец.
С каменным телом домой поскакал.
Через тайгу он путь пробивал.
Очень спешил Хан-Мерген, молодец.

В юрту Хан-Хыс вошел Хан-Мерген.
Положил красный камень на стол золотой.
Сестра Хан-Хыс сказала: «Родной!
Привез ты странную вещь домой.
Кого нежданно захватил в плен?»
«Жену я привез!» — отвечал Хан-Мерген.

Быстро Хан-Хыс к столу подошла,
На каменном теле надпись прочла,
Ту, что писал богатырь Хулатай:
«Каждый живущий помни и знай...»

«Оживи мне жену! — Хан-Мерген попросил.
Сестрица, мне свет без нее не мил!»
Хан-Хыс говорит: «Опомнись, мой брат!»
Хан-Мерген кричит: «Оживи мне жену!
Неужели заставишь везти назад
Куда-то в далекую сторону!
Если не выполнишь просьбу мою —
Меня не увидишь в родном краю!
Ты мне не сестра, я тебе не брат.
Уеду туда, куда брошу взгляд.
И не вернешь ты меня назад!»

Хан-Хыс отвечала: «Ну, что ж, поезжай!
Жену получит один Хулатай».
Со злостью вскочил Хан-Мерген на коня,
Поехал вперед, надежду храня.

Ждал он, что скажет сестра: «Вернись!»
...Из юрты даже не вышла Хан-Хыс.

Вот уж поднялся на перевал,
Но голос сестры не услыхал.
Была непреклонной Алып-Хан-Хыс.
Ни разу ему не сказала: «Вернись!»

С тревогой скакал Хан-Мерген в пыли,
Туда, где виден хребет земли,
Где перевал чернеет вдали.
Плеть подбавляла лошади сил.
На грудь перевала конь заскочил.

Взглянул Хан-Мерген за перевал.
Край незнакомый пред ним лежал.
Пустынные белые степи там,
Громадное тело чернеет там,
Что там такое — не разобрать,
Человеком нельзя назвать,
Черным зверем нельзя назвать.

Стоит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах.
Лицом страшилище земли черней,
Сажени не хватит между ушей,
Пестро-змеиные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

Хан-Мерген от испуга: «Здравствуй!» — сказал
И сразу нежданный ответ услыхал:
«Здравствуй жених, Хан-Мерген мой,
Наконец-то встретились мы с тобой!»
Хан-Мерген чуть-чуть не свалился с коня,
Сказал: «Узнающая меня,
Кто ты, скажи мне, души не тая,
Зачем приехала в эти края?»
«Вышла из болотной тины я,
Отца Юзут-Хана покинула я,
Юзут-Арх — девушка я.
За женихом приехала в ваши края.
Ехала, думая лишь о том,
Какой богатырь будет мне женихом.
Кто первый мне встретится на пути,

За того и замуж придется пойти.
Ты первый мне встретился в поле чужом,
Так, значит, будешь ты мне женихом».

Подумал в отчаянье Хан-Мерген:
«Как же оставить нежданный плен!»
«Юзут-Арх! — он громко вскричал.—
Твоего жениха я давно знал!»
«Кто же жених мой, отвечай!»
«Тебе в женихи наречен Хулатай».

Юзут-Арх сказала: «Не знаю пути,
Чтоб Хулатая быстро найти.
Блуждает где-то, как ветер, он —
Много у света разных сторон.
Ты первый мне встретился в поле чужом.
Так, значит, и будешь мне женихом».

Хан-Мерген взмолился: «Прошу, отпусти,
Я берусь Хулатая тебе найти!»
«Ну, что же,— ответила,— поезжай.
Через двенадцать месяцев богатырь Хулатай
Должен рядом со мной стоять.
Иначе — счастья тебе не видать.
Прискачет к тебе на трех ногах
Кобыла моя, наводящая страх.
Перед тобою, гривой звеня,
Встанет горою средь белого дня,
Слышишь ли ты, несчастный, меня?!»

Каждое слово Хан-Мерген слыхал.
Прочь от страшилища он поскакал.
Он въехал галопом на перевал,
Белое море вдали увидал.
Полог тумана в небе висит.
Земля Ах-Хана внизу лежит.

Видит: столько сошлось людей,
В одну юрту не вместить гостей,
У одного столба не привязать коней.
«Как же,— подумал,— мне их обмануть,
Как мне узнать Хулатая путь?»
И вдруг улыбкой оскалил рот:
«Обмануть я сумею простой народ!»

Стрелой Хан-Мерген с перевала летит.
В руке полумесяцем меч горит.
Ногами под брюхом коня щекочет,
Летит по улусу, а сам хохочет,
Истошным голосом дико орет,
Так что сбежался вокруг народ.

«Стой! Нечистая сила! — кричит.—
Совсем ты меня уморила! — кричит.—
Сверху шкура, внутри кишка,
Совсем ты не слушаешь седока!»

Лошадь направив на народ,
Истошным голосом страшно орет,
Ногами щекочет под брюхом коня,
Машет мечом, сталью звеня.
«Эй вы, стадо богатырей,
Кто хочет жить, говори скорей!

Кто Хулатая укажет мне,
Где он сейчас, в какой стороне?
Если не скажете, на всем скаку
Пустые головы отсеку».

Испуганным голосом кто-то сказал:
«Я, я, Хулатая видал!
С Алтын-Тееком они враги.
За перевалом возле тайги
Который уж день дерутся они.
Не знаю, когда разойдутся они.
Алтын-Тееку уж свет не мил,
Он в битве лишился последних сил.
Сестру Алтын-Поос в обмен посулил,
И Хулатай его не убил.

«Ну, ладно! — вскричал Хан-Мерген, хитрец.—
За то, что сказал, ты — молодец.
А то бы всем головы поотрубал!»
...И, смеясь, уехал за перевал.

Смех услыхали богатыри,
Хан-Мергена узнали они.
С досады, опомнясь, на землю плюют,
Свою доверчивость горько клянут:

«Да, если б мы знали, что это он,
Мы б его смяли со всех сторон!»

ВСТРЕЧА ХАН-МЕРГЕНА С ЮЗУТ-АРХ

Когда Хулатай с Теeком дрались,
К ним подъехала Алып-Хан-Хыс.
«Где же ваш разум? — сказала она.—
Кому ваша драка сейчас нужна?!
Кому ваши ссоры сейчас нужны?!
Врагу Юзут-Хану — царю войны!
Бросьте мечи, поезжайте за мной.
Я награжу Хулатая женой».

Отрезвили упреки богатырей,
Стыдно им стало драки своей.
Руки друг другу пожали они,
Следом за ней поскакали они.
В юрте сели они на кровать.
Стала хозяйка стол накрывать,
Спеша желанных гостей угощать.

Потом поднялась и открыла без слов
На сундуке девять замков.
С девичьим обликом гранит подняла,
Бич с золотою ручкой взяла.
Положив на кровать тело ничком,
О камень три раза хлестнула бичом,
В каменных жилах кровь разбудив,
Сердце остывшее вновь оживив,
Окаменелость с лица сошла,
Окаменелость с тела сошла.

Хулатай удивленно глядит на нее,
Взгляд восхищенный не сводит с нее,
Слово боится одно проронить...
Наконец решился ее спросить:
«На какой земле тебя мать родила?
Из какой реки ты воду пила?

Кто были твои отец и мать?
Как повелели тебя называть?

Кем ты на родине милой была?
Зачем же взяла себе два крыла?
Белые перья надела зачем?
Птицей крылатой летела зачем?»

И так ему девушка говорит:
«С надеждой летела я в эти края.
Молодца увижу — думала я.
В отцовской солнечной стороне
Тоскуют родимые обо мне.
За песчаным хребтом у моря живут,
Дочку свою дни и ночи ждут.

Арган мой отец, Ай-Арго моя мать,
Чибек-Арх велели меня называть.
От горя страдает родная страна —
Закатом пылает лихая война.
К тебе полетела я, Хулатай,
Чтоб спас от врагов ты родимый край».
Пока разговор они так вели,
Хан-Хыс собрала всех людей земли.

Девять дней и девять ночей
Свадьба бурлила, как горный ручей.
...Каждому времени есть предел.
Девятый месяц так пролетел.
Чибек-Арх ребенка отцу родила,
Радость и счастье ему дала.

Хан-Мерген однажды ночною порой
Мальчика выкрал из юрты чужой,
К Юзут-Арх привез, на колени встал
И льстивым голосом прошептал:
«Хулатай тебе сына в подарок прислал!»

«А когда он придет? Почему его нет?
Видно, тебе надоел белый свет?!»
Хан-Мерген закричал: «Не убивай!
Завтра прискачет к тебе Хулатай».

...В тревоге скакал Хан-Мерген на восток.
Похвастаться силой своей он не мог,
Но хитрости было достаточно в нем.

Еще он гордился лихим конем,
Повсюду хвалился званьем своим.
Нарядом чванился дорогим.

К Алтын-Тееку приехал он.
Видит: у столба кони стоят
И тут же привязан Хара-Хулат.
Хан-Мерген в руке бич зажал,
В хозяйскую юрту быстро вбежал.
Видит: сидит Хулатай за столом,
Совсем опьяненный крепким вином.

Хан-Мерген его по лбу ударил раз —
Но тот не открыл затуманенных глаз.
По щеке с силой бичом щелкнул —
Но тот головы не повернул.
Хан-Мерген начал тогда рыдать,
Бичом по коленям себя хлестать.
«Искал я тебя три дня, Хулатай,
Скорее от черта сына спасай!»

Очнулся от крика Хулатай:
«Что с тобой, Хан-Мерген, прошу, не рыдай!»
Но тот голову низко склонил,
Быстро руками глаза наслюнил,
Гладит, как друга, его Хулатай:
«Не плачь, Хан-Мерген, прошу, не рыдай!»

«Да как же не плакать,— сказал Хан-Мерген,-
Сынок твой захвачен врагами в плен!
Пока ты тут был, черт прискакал,
Новорожденного сына с собою взял».

От этих слов Хулатай отрезвел.
Поспешно доспехами зазвенел,
За собою их по полу волоча,
Никому ничего не сказав сгоряча.

Успел Хан-Мерген задать вопрос:
«А что теперь будет с Алтын-Поос?»
«Ты ее заслужил!» — Хулатай сказал.
...Алтын-Теек с крыльца наблюдал,
Весь разговор до конца слыхал.

Ликованья полна Хан-Мергена душа:
Алтын-Теека сестра хороша!
«Слышал, Теек, что сказал Хулатай.
Теперь мне в жены сестру отдай
За то, что услугу я вам оказал,
За то, что я был, как ветер, удал!
На свадьбе пускай не прольет слез
Жена моя славная Алтын-Поос».

...С места рванул Хара-Хулат.
Горы и реки летят назад.
У коня такая смелая прыть,
Что трудно скачки его уследить —
Открытых глаз не успеешь закрыть,
Закрытых глаз не успеешь открыть.
Полог тумана в небе висит.
Земля Ах-Хана внизу лежит.
Богатыри удивленно глядят:
Как гром, топочет Хара-Хулат.

И так подумали богатыри:
«Знать, Хан-Мерген очень силен,
Раз Хулатая так гонит он!
Сильней Хулатая средь нас не сыскать,
Но даже ему пришлось убегать!
Смотри, он шапку надеть не успел!
Смотри, от испуга он побелел!

А тот, который Хан-Мергену сказал,
Что Хулатая в тайге видал,
Начал хвалиться: «Всех вас
Тогда я от смерти геройски спас!
Если б его разозлили мы,
Давно бы здесь и не жили мы!»
Много было в толпе суеты.
Богатыри глядели, разинув рты.

ВСТРЕЧА ХУЛАТАЯ С ЮЗУТ-АРХ

Взглянул Хулатай за перевал.
Край незнакомый пред ним лежал.
Пустынные белые степи там.
Громадное тело чернеет там.

Стоит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах.
Каменный панцирь не прошибить,
С ног ударом не повалить.

«Здравствуй, милый жених мой,
К отцу Юзут-Хану уйдешь ты со мной,
В болотной тине мы будем жить.
Тебя я лягушками буду кормить,
Ящериц буду тебе ловить,
Болотной водою щедро поить!»

Хулатай подумал: «Мечом не взять,
А если кобылу в беге загнать,
Тогда трехногую легче сбить,
Легче чудовище повалить».
Так он и сделал. Коня повернул,
За спиною слыша топот и гул.
Шесть стран без устали обскакал
И только коня чуть-чуть задержал,
Видит — чудовище рядом стоит,
На трех ногах из земли торчит.
...Злоба в груди жжет сильнее огня.

Дернул узду, не жалея коня.
Вздыбился конь до небесных высот,
Собой заслонил крутой небосвод.
Хулатай устремляет коня вперед.
По большому, как степь, стегну его бьет.
Проскакал три страны махом одним.
И снова чудовище перед ним.
Пищит тонким голосом, словно мышь:
«Никуда от меня не убежишь!»

Тогда Хулатай, не жалея сил,
На землю чудовище повалил,
Начал ногами мять и топтать,
Начал руками страшно душить.
Юзут-Арх успела его обнять.
Своими ручищами обхватить.
Три раза ударила по спине,
И вдруг Хулатай, точно во сне,
На грудь голову тихо склонил,
Руки могучие опустил.

Его обманом взяла она.
В глазах туманная пелена.
В голове какой-то неясный шум,
В душе смятенье всех чувств и дум.
Теперь он женою ее зовет,
За грубость себя нещадно клянет...

С песнями сели они на коней,
Поцеловались и обнялись,
В болотную тину, ветра быстрей,
С шумом и грохотом понеслись.
Злей Юзут-Арх нигде не найти —
Семь ханов разграбила по пути,
Вокруг истребляя пасущийся скот,
В плен угоняя простой народ.

Юзут-Арх в своей юрте кричит: «Хулатай,
А ну-ка сыночка скорее подай».
Откинула змеиные косы она,
Глаза раскосые щурит она,
Сосок толкает мальчику в рот,
А тот упрямится, не берет,
Головкой вертит, ножками бьет.
Юзут-Арх кричит: «Он какой-то урод!
Материнскую грудь никак не сосет.
Совсем мальчишка на меня не похож.
Скорее возьмите отточенный нож,
Зарежьте, сварите, я его съем,
А то он меня изведет совсем!»

Но тут, пересилив душевный страх,
Прибежала невольница Ай-Арх.
«Зачем же,— сказала,— дитя убивать?
Пройдет шесть дней — он будет сосать.
А сейчас ему надо побольше спать».
Быстро она собрала народ.
Сказала: «Пусть каждый подарки несет,
Арака за столом пусть рекой течет.
Надо младенца нам выручать,
Будем хозяйку мы поздравлять,
Силу и храбрость ее прославлять!..»

Ночь наступила. Вокруг тишина.
В небе стоит одиноко луна.

Только не спит Ай-Арх одна,
Мальчика быстро берет она.
Тенью из белой юрты спешит,
Каждым мгновеньем дорожит,
Смотрит с опаскою на небосвод,
Хара-Хулата тихо зовет.

«Хара-Хулат мой, конь удалой,
Скачи без устали в край родной.
Там ты найдешь покой и приют.
Может, защитники наши придут,
От гибели страшной всех нас спасут!»
Долю невольничью горько кляня,
Посадила мальчика на коня.

...Ай-Арх смотрела лошади вслед.
Оглянулась — вокруг никого нет.
Хотела бы руки поднять она,
Хотела бы лебедем стать она,
Подняться хотела бы до облаков,
Птицей летела бы в край отцов.
Только не может она летать,
Крыльев могучих ей негде взять.

ПЕРВАЯ БИТВА С ЮЗУТ-АРХ

...Алтын-Поос не могла уснуть.
Бессонница тяжко давила ей грудь.
И вдруг со двора доносится к ней
Ржанье и топот чьих-то коней.
«Проснись, Хан-Мерген! — говорит она.—
Ленивый мой муж, очнись от сна!»

Хан-Мерген проворно с постели вскочил,
Ночную тьму огнем осветил.
И вдруг попятился в страхе назад —
Конь Хулатая Хара-Хулат
Стоит перед ним шагах в шести,
Черную гриву к земле опустив.
А на широкой спине у коня
Сидит младенец светлее дня.

Хан-Мерген осилил нахлынувший страх,
Рванул младенца с коня впопыхах.
Начал бить, колотить и топтать,
Сыном дьявольским называть.

Но тут красавица Алтын-Поос
Поднялась перед мужем во весь рост,
Вцепилась в голову, как могла,
Всей грудью на шею ему налегла.
«Если б с тобою судьба не свела,
Такого младенца и я б родила!»

Алып-Хан-Хыс из юрты спешит,
В темень ночную зорко глядит.
«Да что тут случилось? Скажите скорей!»
Алтын-Поос отвечала ей:
«Видишь, мой муж, проклятый черт,
Красавца мальчика топчет и бьет.
Да если б судьба меня с ним не свела,
Я бы младенца сама родила!»

Хан-Хыс увидела: возле коня
Лежит младенец светлее дня —
Ногти — монеты из серебра,
Волосы — пламя большого костра.
Доброта ей с рожденья была дана.
Младенца с земли она подняла,
Посадила красавца за стол золотой,
Накормила сладкой и сытной едой,
А утром, лишь зори на небе зажглись,
Ночное волненье в душе улеглось,
Играть отпустила младенца Хан-Хыс
С маленьким сыном Алтын-Поос.

...Однажды послышался гул вдали,
Вздрогнули тяжко пласты земли.
Словно огромный вал водяной
С гулом, стремглав, пробежал под землей.

Еще одну ночь без хлопот провели,
Наутро послышался гул вдали.
Снова качнулись пласты земли.
Словно огромный вал водяной,
Снова, стремглав, пробежал под землей.

Алып-Хан-Хыс схватилась за грудь.
Сердце забилось, не может вздохнуть.
Чует — недобрый приходит час.
«Видно, беда настигает нас!»

Третью ночь провела в тоске,
Утром увидела вдалеке:
Кто-то, нежданный, крутой перевал
С силой невиданной зашатал.

Богатырский голос сверху гремит,
От голоса колется крепкий гранит:
«Недаром мы сотни дорог прошли!
Хара-Хулата все же нашли!
Мы разыскали в чужих краях
Сына приемного Юзут-Арх!»

Алып-Хан-Хыс одела детей
В одежду добротную богатырей —
Сыну Хулатая — простой наряд,
Сыну Хан-Мергена — боевой наряд,—
Пояс и пёрик, как солнце, горят.

«Дети мои,— говорит она им,—
Идите сражаться с чудовищем злым.
Ты, сын Хан-Мергена, с Хулатаем схватись
И помни: в той битве решается жизнь.

А ты, Хулатая несчастный сын,
Подойди к Юзут-Арх смиренно один,
Скажи ей: «Рожден я с чистой душой —
Ни в чем не виновен перед тобой.
Хара-Хулат меня ночью увез.
Я в юрте Хан-Хыс без тебя рос».
И тут же к груди прильни поскорей,
Как будто хочешь понежиться с ней.
Быстро раздвинешь панцирь стальной.
За голое тело схватишь рукой,
Тогда Юзут-Арх сможешь свалить,
Сможешь страшилище жизни лишить...»

Побежали два мальчика к черной горе.
Резво бегут, как в веселой игре.
Сын Хулатая, добежав, сказал:
«Юзут-Арх, о тебе я долго скучал!

Ни в чем пред тобою не виноват —
Увез меня ночью Хара-Хулат...»

Юзут-Арх обомлела от этих слов,
Рукой расстегнула черный покров.
Откинула змеиные косы она,
Глазами раскосыми смотрит она.

И только раздвинула руки она
И только откинула панцирь она,
Ее он руками бесстрашно схватил,
Не жалея своих богатырских сил.

Моря и реки земли Хан-Мергена
Расплескались, сверкая кипящею пеной.
Юзут-Арх, задыхаясь, шипит, как змея:
«Хулатай, настала погибель моя!
Скорей помоги, меня он убьет,
Бороться мочи уже не стает!»

Хулатай, отуманенный силой злой,
Схватил поспешившего в первый бой
Неокрепшего сына Алтын-Поос
И на могучих руках пронес.
Бросил с горы на груды камней.
В улусе слышался хруст костей,
Ребер поломанных страшный хруст,
Как будто ломали засохший куст.

Только он сына схватить успел —
Голос кукушки где-то запел,
Хулатаю песню запела она —
В глазах рассеялась пелена,
В голове затих несмолкающий шум,
В душе — спокойствие чувств и дум,
И в то же мгновенье открылся весь мир —
И разум и зренье обрел богатырь.

Он видит: ребенка собрался убить,
Сыночка родного жизни лишить.
Он видит: стоит Юзут-Арх перед ним.
«Убей побыстрее, и мы убежим,
Убей!» — завывает, земли черней,

Сажени не хватит между ушей,
Пестро-змеиные косы у ней.
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

Содрогнулся, увидев ее, Хулатай!
Всю мерзость ее ощутил Хулатай.
Только хотел он руками схватить,
Чтоб тут же поганую раздавить,
Как облаком сажи стала она
И улетела черным-черна.

Кобыла ее на трех ногах
Рассыпалась тут же в туманный прах...

ХИТРОСТЬ ХАН-МЕРГЕНА

Принесла певунья много чудес,
А сама улетела за дальний лес.
Глупый умнеет, а хмурый и злой
Вновь просветлели лицом и душой.
Умерший снова живым встает,
Радостным словом друзей зовет.

Хулатай сыночка к груди прижал,
Сын Хан-Мергена на ноги встал.
В веселье с тасхыла спустились вниз.
Встретила их Алып-Хан-Хыс.
Чибек-Арх сказала: «Мой муж Хулатай,
Драгоценное время зря не теряй,
На битву с ханом народ поднимай!»

Хулатай ответ ал: «Зачем нам спешить!
Хочу я в веселье денек пожить.
Хочу, чтоб лилась арака рекой.
Собирайся, народ, на великий той!»

Хан-Мерген привел его в юрту Хан-Хыс,
Подвел к столу и сказал: «Садись!
Баранину ешь, аракой запивай.
Юзут-Арх не страшна тебе, Хулатай!»

Вторая неделя пира идет,
А Хулатай ненасытней все пьет.
Хан-Мерген не дождется, когда он уйдет.

Думает: «Я обманул Хулатая.
Об этом он знает или не знает?
Не хочет ли он в отмщение мне
Жениться на милой моей жене?

Мы шутку сыграем с тобой, Хулатай,
Начни ты ругаться, кричи, нападай,
Алып-Хан-Хыс, мол, мне в жены отдай!
Сестра рассерчает, кричать начнет,
Вот тут уж над ней посмеется народ!»

Совсем опьяненный стоит Хулатай.
«Ну, что же, дружок,— говорит,— давай!»
Хан-Мерген торопит его: «Начинай!
Да только виду не подавай!»

Хулатай был доверчив и прост душой.
Хан-Мерген был с рожденья хитрец большой.
Когда Хулатай начал кричать,
Требуя в жены Хан-Хыс отдать,
Хан-Мерген аракой его напоил
И поскорей на кровать уложил.

Потом он глаза намочил слюной
И начал плакаться перед сестрой:
«Проснется, убьет меня Хулатай,
Хан-Хыс, дорогая, меня выручай!»
«Нет,— отвечает ему Хан-Хыс,—
Да ты опомнись, мой брат, очнись!
Пока голова у меня на плечах,
Пока чернота не поблекла в глазах,
Я одолею любую беду,
Но за него никогда не пойду!»

Тогда Хан-Мерген поднес ей вина,
Всю чашу заставил выпить до дна
И на кровать к Хулатаю отнес.
«Навеки моя ты, Алтын-Поос!
Теперь, Хулатай, для меня ты зять,
Жену мою в жены не сможешь взять!»
А утром он в юрту первым пришел,
Важно уселся за каменный стол:

«Ну, как ты спал, мой зятек Хулатай!
Невеста Хан-Хыс, поскорей вставай!»

От стыда Хан-Хыс заалела зарей.
От стыда Хулатай поник головой.
На разных концах кровати сидят,
Друг другу в глаза от стыда не глядят.
Прошло после свадьбы несколько дней.
Два богатыря возле дверей
Встали, вниманья к себе ожидая,—
Сын Хан-Мергена и сын Хулатая.

Напрасно Хан-Хыс их просила присесть.
«Некогда нам, не затем мы здесь!
Пришли мы просить у родни своей
Для боя способных резвых коней.
Дайте одежду, чтоб плечи закрыть,
Чтоб нечем было судьбу нам корить.
Собаки могут без имени жить,
А мы к вам пришли имена просить.
Чтоб знали люди, как нас называть,
Просим у вас нам прозвища дать».

Когда все люди вокруг собрались,
Черную книгу раскрыла Хан-Хыс,
Желая судьбу сыновей узнать,
Каждую строчку спеша прочитать.

Оскорбились молчанием богатыри,
Взглянули с отчаяньем богатыри:
«Ладно! Коҷь жалко вам двух коней,
Мы их попросим у добрых людей!
Если одежду жалеете дать,
Пойдем на чужбине ее искать.
Обзаведемся седлом и конем,
Счастье свое на земле найдем!»

От слов этих вспыхнула Алып-Хан-Хыс:
«Рано вы нас укорять собрались!
Черная книга дала мне совет:
Ни коней, ни одежды у вас нет.
К восходу солнца идите тропой,
Увидите моря берег крутой.

И тот, кто в синее море нырнет,
И тот, кто по дну без боязни пройдет,
Карюю лошадь себе возьмет,
Будет могучим он, словно гора,
С именем славным Тюн-Хара».

...Полнеба раскрасил утренний свет.
Богатыри не спеша поднялись на хребет.
Простились, руки друг другу пожав,
Счастья друг другу в пути пожелав.

С места рванул Хара-Хулат —
Горы и реки летят назад.
У коня такая лихая прыть,
Что трудно скачки его уследить,
Закрытых глаз не успеешь открыть.
Открытых глаз не успеешь закрыть.

Стояли в молчании богатыри,
Глядя на алые крылья зари,
Удивляясь — отчего так земля дрожит,
Слушая топот конских копыт.

Потом, когда скрылся туман вдали,
К восходу солнца пешком пошли...

БИТВА С КИР-ПАЛЫХ

Зори на небе огни свои жгут.
Под солнцем пешие молча идут.
При звездном сиянье ночью идут.
Тропинками волчьими тихо бредут.
Идут через синий степной простор.
Ползут по отрогам невиданных гор.

В широкой долине у скал крутых
Прохладою море пахнуло на них.
Сын Хулатая другу сказал:
«Я моря такого нигде не видал!
Ты — сын Хан-Мергена, и знатен твой род.
Тебе покорять глубину этих вод.
В блестящее море нырнешь с головой,
Бесстрашно один пройдешь под волной,
И карий конек навек будет твой».

Но тот с опаскою в море глядит:
Волна за волной омывает гранит,
С небесною море слилось синевой,
Не видно с берега берег другой.
«Нет,— говорит,— мой брат дорогой,
Не хочу погибать я в волне морской.
Чем где-то в пучине косточкам гнить,
Лучше уж пешим я буду жить!»
Лицом потемнел Хулатая сын:
«Ну что же, я в море пойду один!»

...Сын Хулатая к воде спешит.
Волна за волной омывает гранит.
Как щука, в морской он пучине плывет,
Могучей рукой осторожно гребет.

И видит: на дне средь ракушек морских,
В бурлящем потоке струй голубых,
Хищная рыба хвостом шевелит,
Огромною глыбой Кир-Палых лежит.
Сын Хулатая, ничего не боясь,
В рыбешку белую обратясь,
То к пасти приблизится, то отплывет,
А хищная рыба никак не поймет,
Кто это с нею игру ведет.

Потом раскрыла страшную пасть,
И тут бы рыбешке совсем пропасть,
Но сын Хулатая ловок и смел —
Стрелою в утробу он рыбе влетел.
Острым кинжалом начал колоть
Морского чудовища жирную плоть.

По воде Кир-Палых хвостом бьет:
«Кто там забрался ко мне в живот?»
«Не кричи, злая рыба,— ответил он ей,—
На свете я знаю немало людей,
Но только без имени я один,
Живу безлошадным, несчастья сын!»

Кир-Палых кричит: «Поглупел ты совсем!
Живот мой мягкий ты колешь зачем?
Выйди наружу, не то рассержусь,

С места горою черной сорвусь
И по огромным волнам побегу —
Все люди погибнут на берегу».
«Сын Хулатая с рожденья не трус.
Тебя, нечисть злая, я не боюсь!»
Кир-Палых подумала и говорит:
«Знала: когда-нибудь в мой живот
Непрошеным сын Хулатая вползет.
Так, значит, ты сын Хулатая и есть?!
Никак не пойму я — зачем ты здесь.
Родину разве не любишь свою
Раз поселился в морском краю?»

«Пойми, злая рыба, мой ясный ответ:
Для бедного счастья нигде нет!
Голые плечи мне нечем прикрыть,
Мне нечем жажду свою утолить.
Не только степного друга-коня,
Даже имени нет у меня!

Из конца в конец я всю землю прошел,
А счастья бедняцкого не нашел.
Теперь я приплыл на морское дно,—
Может, окажется добрым оно,
Может быть, силой, смекалкой своей
Счастье добуду для бедных людей».

«Выйди,— Кир-Палых ему говорит,—
И я покажу, где счастье лежит».
«Глупая рыба! — кричит он в ответ.—
Зачем ты мутить задумала свет!
Зря ты хочешь меня обмануть.
К счастью сперва укажи мне путь,
Потом уж наружу я выйти решу,
А пока всю утробу твою искрошу!»

Кир-Палых корчится: «Что ты, постой!
Как-нибудь мы поладим с тобой.
Все по порядку тебе расскажу,
К счастью тропинку тебе укажу.

...Пойдешь ты по дну против струй голубых
Ползком доберись до глубин морских.
Увидишь: скала там большая стоит,

Поток водяной не смолкая гремит.
Огромную дверь ты откроешь с трудом,
Бурлящий поток оттолкнешь плечом.
И сразу в скалу, словно в юрту, войдешь
И карюю лошадь в скале найдешь.
На эту лошадь ты не садись,
За узду руками ты не берись,
Золотую сбрую не тронь на полу.
Ищи другую себе скалу.

В другой скале дверь увидишь ты,
Чудесной, совсем не земной красоты,
Оттолкнешь плечом бурлящий поток,
Откроешь дверь и шагнешь на порог.
Шарик и посох лежат на столе,
Каких никогда не видал на земле.
Один бочок, как луна, блестит,
Другой бочок, как солнце, горит.

Справа морские огни загорят,
Тогда ты наденешь богатый наряд.
С одеждою этой тебе не тужить —
Ни рваться не будет она и ни гнить.
Станешь ты сразу статен, высок,
В руки возьмешь дорогой посошок.
Шарик возьмешь, оседлаешь коня,
Выйдешь наружу ярче огня.

Но только смотри на коня не садись,
За стремя рукою смотри не берись.
Посох потрешь ты чудесным шаром —
Не вспыхнет зарница, не грянет гром,

А встанет Ах-Пуур — белый волк пред тобой,
Волк-богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе,
Он верным помощником будет тебе.

Крепко запомни слово мое:
Албынжи — отныне имя твое.
Друг твой будет могуч, как гора.
Имя ему — богатырь Тюн-Хара.

Алып-Ах-Пуура не надо седлать.
Сядь на него, он будет стоять.
Тогда по затылку потри шаром —
Тронется волк по простору бегом.
Чем ты сильнее будешь тереть,
Тем он быстрее будет лететь.
С ним никакого не надо коня,
Ну, а теперь вылезай из меня!»

...Пошел он по дну мимо струй голубых,
Ползком добрался до глубин морских.
Увидел: скала там большая стоит,
Поток водяной не смолкая гремит.
Огромную дверь отыскал с трудом,
Бурлящий поток оттолкнул плечом,
Слепящим скала осветилась огнем.

Внутрь он вошел, осмотрелся вокруг.
Стоит у столба конь — желанный друг.
Оружье и сбруя лежат на полу.
Но где же другую найти скалу?
Вторую дверь он долго искал,
Обшарил все выступы многих скал.
Но все же нашел и стал открывать.
Скала огнем осветилась опять.

Внутри открытой скалы второй
Солнечный луч бьет широкой струей.
Албынжи без боязни в скалу вошел,
На трех ножках увидел стол,
Сияющий снизу горящим огнем.
Круглый шарик блестит на нем,
А рядом посох лежит костяной,
Волшебный посох с ручкой резной.

Албынжи надевает богатый наряд —
Светится пуговиц длинный ряд.
Пояс шесть раз вкруг себя обмотал,
Пёрик для боя себе подобрал.
Стал он сразу статен, высок,
В руки взял дорогой посошок,
Шарик взял, оседлал коня
И вышел наружу, шлемом звеня.

Посох потер он чудесным шаром,—
Не дрогнуло море, не грянул гром,
А встал перед ним богатырский волк
С белою гривой, мягкой, как шелк.

Албынжи на волка вскочил верхом,
Потер ему гриву чудесным шаром
И вылетел вместе с крутою волной
Со дна на поверхность пучины морской,
Держа в поводу коня за собой.
К берегу волк по воде бежит,
Словно земля, под ним море лежит.

...На прибрежном песке Хан-Мергена сын
В страхе, в тоске сидит один.
Думает: «Где ты, мой храбрый друг?»
Слышит: заухало море вдруг.
Видит: вздыбились волны вокруг.

С волчьей спины Албынжи соскочил,
Карюю лошадь другу вручил,
Одежду ему дорогую дал,
Богатырским поясом стан обмотал.

«Садись поскорей на коня, Тюн-Хара,
Теперь нам в дорогу спешить пора!
К Алтын-Хану поедем сейчас,
Хотя и не ждет он, наверное, нас.
Лучшие кони туда сведены,
Богатыри там сильны и стройны.
Для честной битвы они собрались,
Как речки в море, они слились.

И мы побываем в том славном краю,
Покажем силу и удаль свою.
В состязаньях осилим богатырей,
Чтоб дочь Алтын-Хана стала твоей...»

МЕСТЬ

То поднимаясь до облаков,
То опускаясь до желтых холмов,
Волк и скакун мчат седоков.

«Стой, белый волк! — Албынжи говорит.—
Видишь, дорога вдали пылит.
Придется тебя превратить в посошок,
Чтоб глаз посторонний увидеть не мог».
По шерсти провел он чудесным шаром,
И снова волк стал простым посошком.

Два всадника скачут навстречу им —
Бело-буланый скакун под одним,
Светло-серый скакун под другим.
Слово привета сказали враз,
С богатырей не спуская глаз.

«Далеко ли, близко ли путь ваш лежит? —
Весело им Албынжи говорит.—
На какой земле вы стада пасете?
Из какой реки свою воду пьете?»

«Я — Ай-Мерген,— ответил один,—
Ай-Арх и Ах-Хана любимый сын.
А это мой друг — богатырь Ах-Молат,
Землей он владеет и славой богат.
К Алтын-Хану на свадьбу мы едем с ним,
На состязанье попасть спешим.
А вы что за люди, каких краев?
Поили коней из каких ручьев?»

И так отвечал Албынжи-молодец:
«Вот друг мой! Его Хан-Мерген отец.
А мать прозывают Алтын-Поос.
Он с детства у хана в юрте рос.
Здоровьем он нынче могуч, как гора,
И имя ему богатырь Тюн-Хара.
А я — Албынжи — бедным рожден,
Ханскою славою не наделен.
Отец Хулатай, Чибек-Арх моя мать
Пустили по свету несчастным плутать.
На Хара-Хулате отец Хулатай
На битву поехал в далекий край.
А я, безлошадный, иду пешком,
Пылю по дороге своим посошком».

Сказал Ай-Мерген: «Плохо пешему жить.
Не сладко по свету бродягой ходить.
Хочу я с тобой поделиться конем —
Садись на буланку, поедем вдвоем».

Албынжи восхитился его добротой,
Видно, родился он с чистой душой,
Видно, что с горем давно знаком,
Видно, на свете живет бедняком.

«Спасибо! — тогда Албынжи сказал.—
Я птицей крылатой бы в небе летал,
Да крыльев тугих за спиною нет.
Кладу я, несчастный, тропою след.
Моя судьба сзади вас идет,
Прошу вас, друзья, поезжайте вперед».

«Эк-кей, Албынжи! Мне жалко тебя.
Тебе я открыться хочу, любя,—
Сказал Ай-Мерген,— напрасен твой путь.
Отца Хулатая тебе не вернуть.
Я слышал недавно от добрых людей,
Он снова попал в лапы чертей.
Опять помутился отец твой умом,
Опять распростился с могучим мечом.
Юзут-Арх не отпустит его назад.
Закован в цепи Хара-Хулат».

Богатыри распрощались с ним,
Помчались они, как по ветру дым,
Скрылись за дальним крутым бугром.
Снова он посох потер шаром.
Вскочил на волка, сказал: «Пора!
Не отставай, мой друг Тюн-Хара!»

...Полог тумана в небе висит.
Земля Алтын-Хана внизу лежит.
Видят: в улусе столько людей,
В юрту одну не вместить богатырей,
У столба одного не привязать коней.

Албынжи говорит: «Ну-ка, друг, не плошай,
Смекалку и хитрость свою вынимай!»
Друга схватил он и с силой тряхнул,
Так что подземный послышался гул.
Зеркальце прямо к лицу поднес:
«Ну-ка,— сказал,— взгляни на свой нос».
Тот посмотрел и чуть не упал —
До того он грязным и страшным стал,
В овчину одет, одноглазым стал.

«Ладно, мой друг, смотри не тужи»,—
Сказал и встряхнулся сам Албынжи.
Стал он противным плешивым слепцом,
С длинным носом, с кривым лицом.
А карий конь жеребенком стал,
Совсем худым и паршивым стал.

У юрты, где тесно столпился народ,
Слепой на кривого злобно орет,
По желтой плешине посохом бьет.
«Ах ты, проклятый, надул ты меня —
Не мог к коновязи поставить коня!
Меня, слепого, смотри не бросай.
Как в юрту войдем, хану руку подай.
А то, безумный, войдешь молчком,
Всю пищу сожрешь без меня за столом!

Алтын-Хан посмеялся над их худобой,
Велел посадить их рядом с собой,
Спросил, в какой стороне скот пасут,
Из какой реки они воду пьют.

«Да что ты! — воскликнул седой слепец.—
Хозяин наш славный, родной отец,
У таких, как мы, разве есть стада?!
Мы бродим по свету туда и сюда».

«Есть у меня,— сказал Алтын-Хан,—
Драгоценный пояс, украсивший стан,
Алтын-Арх — моя славная дочь.
Над нею сейчас опустилась ночь.
Вот там, куда смотрит твой длинный нос,
Сидит богатырь — Хара-Моос.

Видно, коварному наглецу
Дочка моя пришлась к лицу.
Всех переспорил, всех перебил,
Дочку в невесты себе попросил.
Да, видно, мне прыти его не унять,
Придется мне дочку злодею отдать!»

Слепец сокрушенно качнул головой,
Потом удивленно махнул рукой.
«Э-ге! — говорит.— Слышу женский дух,
Меня никогда не подводит мой нюх.
Скажите мне правду — тут женщина есть?»
Ответили люди: «Чил-Хара здесь,
Хара-Моосу родная сестра,
Она на язык, как иголка, остра!»
«Невеста Чил-Хара! — воскликнул слепец.—
Ну, вот мы с тобою сошлись наконец!»

Весело в юрте хохочет народ:
Чил-Хара старцу руки не дает,
Ногами пинает, в лицо плюет,
А тот к ней с ласками пристает.

Насупил брови Хара-Моос,
Совсем почернел его длинный нос:
«Да долго ли будем напрасно мы ждать?!
Пора состязание начинать!»

Тогда поднялся невестин отец:
«Мой голос, лети из конца в конец!
Пусть же найдется такой стрелок,
Кто с неба сшибет белый платок!
Борец пусть найдется из вас такой,
Кто всех уложит одной рукой!
Тому в награду я дочь отдаю,
Любовь и отраду свою отдаю».
Люди идут, а старец слепой
По воздуху шарит дрожащей рукой.
«Где ты,— кричит,— одноглазый злодей,—
Веди меня за народом скорей.
А то не оставлю тебе ушей!»

Пришли к месту схваток. И тут опять
Слепой Чил-Харе принялся кричать:
«Хочу я, Чил-Хара, бороться с тобой!
Дайте нам, люди, мерий другой!
Невеста моя, без тебя мне не жить,
Я гору готов для тебя своротить!»
Смеется народ: «А ну-ка возьмись,
Да только, несчастный, не надорвись!»

Чил-Хара, губы от злости скривив,
Камень курганный руками схватив,
Высоко подняла его над собой
И снова воткнула другой стороной.

Слепец нащупал камень рукой
И вдруг под хохот, крики и вой
Поднял его ловко, быстро, легко
И кинул с горы далеко-далеко.
Народ удивленный притих вокруг.
В глазах у Чил-Хары мелькнул испуг.
Слепец закричал: «Победитель я!
Теперь ты, Чил-Хара, навек моя!»

Меж тем уже стрелы свистят над горой,
В небо летят одна за другой.
Под Медведицей звездной висит платок —
Еще не пробит ни один уголок.
Хара-Моос стрелу пустил —
Только один уголочек пробил.
Чил-Хара своею меткой стрелой
Проткнула платка уголок другой.

Воскликнул слепец: «Несчастья сыны!
Зачем вам, зрячим, глаза даны!
А ну-ка, дайте слепому лук,
Стрелу я пущу из своих рук.
А ты, одноглазый мой верный дружок,
Точнее стрелу наведи на платок».

Он левой рукой натянул тетиву —
Стрела полетела, свистя, в синеву.
Народ зашумел, словно горный поток,—
Разорван был надвое белый платок.
Слепец закричал: «Победитель я!
Теперь ты, Чил-Хара, навек моя!»

Чил-Хара, не выдержав шутки такой,
Наотмашь ударила старца рукой.
Упав, он воскликнул: «Кто меня бьет?»
«Невеста твоя!» — смеется народ.
И только хотел он на ноги встать —
Чил-Хара его оглушила опять.

«Невеста моя, за что меня бьешь?
Разве жених для тебя не хорош?»
Воскликнув, он быстро на ноги вскочил,
Чил-Хару крепко руками схватил.
Скатился с горы народ волной,
Почуяв, что начался страшный бой...
Одноглазый Хара-Мооса бьет,
Слепой Чил-Харе житья не дает.

...Шестой уж день дерутся они —
Над горой от мечей сверкают огни.
С Хара-Мооса слетела спесь,
Алой кровью обрызган он весь.
Кричит: «Чил-Хара, сил не стает,
Мой враг одноглазый меня убьет!
Выйди замуж, спаси меня,
Не то я умру на закате дня!»

Чил-Хара в злобе шипела: «Нет!
Пускай затуманится белый свет,
Пока голова у меня на плечах,
Пока чернота не поблекла в очах,
Приму я охотно любую беду,
Но за слепца ни за что не пойду!»

Под седоком не гнется седла лука,
А ханская честь, как лоза, гибка.
Закричала тут ханская дочь,
Что ей больше терпеть невмочь.
Что согласна женою стать,
Своим мужем слепца назвать.

А слепец говорит: «Постой!
Разговор я не кончил с тобой!
Взять-то тебя я, конечно, бы взял,
Да слух нехороший ко мне прискакал.
Узнал я недавно от добрых людей,

Что вскормлен ребенок грудью твоей!»
«Да что ты! — девица кричит в ответ.—
Почему услыхал ты то, чего нет!»

Слепец говорит ей: «Была молодой —
Мало ли что могло быть с тобой.
А если что было, честно открой!»

«Да нет,— отвечает,— зачем мне врать!
Плохого нечего мне сказать...»
В муках корчился Хара-Моос.
«Поскорей отвечай на вопрос.
Ничего от него не скрывай,
Из рук смерти меня спасай!»

«Ой, жених мой,— сказала сестра,
Заалев, как огонь костра,—
Я сознаюсь перед тобой:
Я была совсем молодой,
Чирис-Меке меня ослепил,
Своей удалью обворожил,
Совсем дурочкой я была
И сыночка тогда родила!»

«Ах ты, гадина! — крикнул слепец.—
Видно, глуп твой знатный отец,
Если будем с тобою жить,
Чирис-Меке ты будешь водить.
Я несчастный, я — старец слепой,
Разве мне углядеть за тобой?!
Вволю мы посмешили народ.
А теперь пусть твой брат умрет!»

...Так и скончался Хара-Моос.
Он много зла народу принес
И камнем в землю навечно врос.

А слепец говорит невесте своей:
«И ты черную кровь пролей!
И тебя я решил жизни лишить,
Чтоб за нос людей не могла ты водить!
Ты лучше других себя считала,
Себе ты мужа в народе искала,
Ну, что же, доля твоя не плоха —
На том свете найдешь жениха!»

Как ветка, Чил-Хара душой надломилась,
Упав на колени, она взмолилась:
«Сохрани мне жизнь, мой слепец дорогой,
Тебе пригодится сынок мой!
На пегом коне мой Пилен-Тара
Телом крепок, как эта гора...»

«Мне не нужен в помощники кровосос»,—
Гордо Чил-Харе слепец произнес
И меч над нею поспешно занес.
На труп брата упала сестра —
Коварная девушка Чил-Хара.

...Алтын-Арх плачет навзрыд:
«Бедное сердце мое болит.
Видно, мой смертный час настал.
От одного отвязалась, другой пристал.
Как мне исполнить наказ отца:
Одноглазого выбрать или слепца?
Как мне душой не скривить перед ним?
Как я буду жить со слепым?
Как по свету его поведу?
За одноглазого лучше пойду!»

В это время слепой стал опять молодцом,
Стройным и статным, с красивым лицом.
А одноглазый трясет головой,
Чтоб сбросить с себя весь наряд срамной.

Друга схватил Албынжи и тряхнул,
Так что подземный послышался гул.
Стал Тюн-Хара не корявым слепцом,
А стройным и гибким, как прут, молодцом.

Дочь Алтын-Хана, узнав о том,
Долго себя упрекала потом:
«Слепой оказался еще милей!
Таких я нигде не видала бровей.
Знала бы раньше, что он такой,—
Мужем моим стал бы слепой!»

Той продолжался несколько дней.
Славили люди богатырей.
Албынжи тихонько другу сказал:

«У Килин-Алыпа есть дочь, я слыхал,
Килин-Арх ту красавицу звать,
Поеду себе ее в жены брать.
А ты со своей молодой женой
Сейчас возвращайся к себе домой».

...Не долго друга ждал Тюн-Хара.
Настала скоро свадьбы пора.
Албынжи вернулся через несколько дней
С прекрасной женой Килин-Арх своей.

И тут был задан такой той —
Текла арака за столом рекой...

СМЕРТЬ КИЛИН-АРХ

Недолго Хан-Хыс с Хулатаем жила —
Одну только дочку ему родила,
Крепкой, смышленой росла Хан-Чачах,
Всегда у нее любопытство в глазах,
Весело песни умела петь,
Голосом, словно чатханом, звенеть.

Как-то сидела одна Килин-Арх.
Вбежала веселая Хан-Чачах.
Искорки смеха блестят в глазах.
«Сколько веселья и смеха кругом!
Килин-Арх, дорогая, пойдем!
Что ты сидишь здесь одна взаперти!
Разве на праздник нельзя пойти?»

«Что ты задумала, Хан-Чачах?
Отвечала ей ласково Килин-Арх,—
Смотри, уже ночь в степи лежит,
Звездное небо над юртой горит,
Поздно идти нам куда-то в улус,
Мужа гневить я напрасно боюсь».

А Хан-Чачах все твердит о своем:
«Ну, тогда мы с подружкой одни пойдем!
Ты здесь в потемках одна грусти,
А нас на гулянье в улус отпусти».
«Ну, ладно! — невестка сказала ей.—
Только назад возвращайтесь быстрей».

Ушла хохотушка с подружкой своей.
Звездное небо стало темней.
Ползет по дороге стадо теней.
Невестка, случайно на дверь посмотрев,
Остановилась, вся заалев.
Стоит Хан-Чачах в углу в темноте —
Те же глаза и как будто не те,
Голос как будто тот и не тот.
Стоит и как будто кого-то ждет.

«Что это я испугалась тебя! —
Сказала невестка, платок теребя.—
Что же ты не пошла гулять?
Зачем ты в юрту вернулась опять?»
И тут же рассеялся глупый страх.
Заговорила опять Хан-Чачах:

«Килин-Арх, дорогая моя,
Да разве тебя оставлю я!
Раз ты не хочешь, и я не пойду.
Лучше я вечер с тобой проведу.
Давай посмотрим одним глазком
Посох волшебный с чудесным шаром!»

«Что ты задумала, Хан-Чачах!
Разве увидишь ты шарик впотьмах.
Албынжи не велел посох в руки брать.
Зачем же мы будем запрет нарушать?»
За полог подружку, сердясь, провела,
С кровати подушку быстро сняла.

«Смотри,— сказала,— да только скорей!»
И шарик зарницей сверкнул перед ней —
Один бочок, как луна, блестит,
Другой бочок, как солнце, горит,
А рядом посох волшебный лежит.

Потом прошептала: «Подушкой накрой
Белый посох и шар золотой.
Волшебство мы в руки не станем брать.
Лучше давай, дорогая, спать.
Холодно, холодно в сердце моем.
В одну постель мы ляжем вдвоем».

...На одну кровать легли вдвоем.
Крепким невестка уснула сном.
Добрая сердцем Килин-Арх,
Что ты видела в милых снах?!
Как тень, над ней поднялась Хан-Чачах.
Не искорки смеха блестят в глазах,
Не улыбка любви на губах лежит,
А злобою страшной лицо горит.
Стала она вдруг сама собой:
Хара-Нинжи коварной и злой.

«Очы-Сарх!» — позвала она.
В открытую дверь заглянула луна.
Сестра Очы-Сарх в юрту вошла,
Встала как вкопанная у стола.
Со смехом воскликнула Хара-Нинжи:
«Богатырем рожденный мудрец Албынжи,
Веселую шутку сыграю с тобой —
Найдешь под подушкой ты стебель сухой
Да войлочный мяч, годный лишь для того,
Чтоб малые дети играли в него.
Волшебный посох отныне мой!
Волшебный шарик отныне мой!»

Так говорила, смеясь, она,
Шарик и посох схватила она.
Сестре сказала: «Следуй за мной!
Надо укрыться во тьме ночной».
Но та повернулась поспешно назад.
На спящую кинула злобный взгляд,
Остановилась молча над ней
С мыслью, которая ночи черней.

...Килин-Арх, простая душой,
Разве ты знала, что ночью злой,
Большая беда случится с тобой?!
Добрая сердцем Килин-Арх,
Что ты видела в сладких снах?!

Очы-Сарх наклонилась над ней
С мыслью, которая ночи черней:
«Албынжи, ты любишь свою жену,
Как звездочки в небе любят луну.
Пусть же печаль твое сердце прожжет.

Горе пусть душу твою изгрызет.
Страх пусть всегда с тобой рядом живет,
Потом кровавым на теле взойдет.

Хара-Нинжи рыгнула слюной
И стала пестрой длинной змеей.
Вокруг спящей жгутом обвилась,
Выпучив черные пуговки глаз.
Килин-Арх не может вздохнуть.
Тело змеи страшно давит ей грудь,
Жало тянется к сжатому рту,
Чтобы дыханье ловить на лету.
...Так и погибла Килин-Арх
В страшных мучениях, в тяжких снах...

Очы-Сарх и Хара-Нинжи
Шипели, как змеи: «Теперь, Албынжи,
Людям геройство свое покажи!»
Хара-Нинжи лисою стала,
Очы-Сарх серым волком стала,
И без дорог побежали они
Туда, где пылали зарниц огни...

...Поздно с гулянья пришла Хан-Чачах.
Молча к невестке прокралась впотьмах,
Рядом в постель неслышно легла,
Рукой осторожно ее обняла.
И, холод почувствовав под рукой,
Шепнула: «Как холодно спать с тобой!»

Тогда Хан-Чачах, ухватясь за плечо,
Принялась невестке шептать горячо:
«Родная моя, как ты крепко спишь.
Ты слышишь меня, почему ты молчишь?
Проснись, Килин-Арх, рукой шевельни!»
...Но та неподвижно лежала в тени.

Вскочила испуганно Хан-Чачах,
По телу ее прокатился страх.
Он вестником горя подкрался к ней
И сделал лицо ее снега белей.
Он дрожью скривил ее тонкий рот
И криком заставил смутить народ...

ВТОРАЯ БИТВА С ЮЗУТ-АРХ

Кто горя не знает — в веселье живет.
У Алтын-Теека в юрте народ.
С восхода солнца до вечерней зари
Сидят за столами богатыри.
Хозяйке Хан-Хыс много хлопот —

То новые яства гостям подает,
То песни веселые им поет.
И вдруг увидела впопыхах
Дочку любимую Хан-Чачах.
«Почему ты, как снег, моя дочь, бела?
Зачем ты из юрты средь ночи пришла?»

Слезы у дочки из глаз полились:
«Мать дорогая, Алып-Хан-Хыс,
Душу мою страданье теснит —
Килин-Арх без дыханья лежит,
Похолодела грудь у нее,
Окаменело лицо ее».

Хан-Хыс пошатнулась от этих слов.
В висках у нее застучала кровь.
Подойдя к Албынжи, не может сказать,
Слова не может ему прошептать.
Тревога мелькнула в лице Албынжи:
«Алып-Хан-Хыс, скорее скажи!
Нежданное вижу в твоих глазах,
Горе или радость в твоих словах?»

И так прошептала ему Хан-Хыс:
«Сын мой желанный, мужайся, крепись,
Тяжкое горе в моих словах:
Крепко уснула твоя Килин-Арх,
Похолодела грудь у нее,
Окаменело лицо ее».

...От топота мелко земля дрожит —
Албынжи в свою юрту стремглав бежит,
Бежит с побледневшим, страшным лицом,
С сердцем, горящим ужасным огнем.
Он полог откинул поспешной рукой.

Лежащая скрыта кромешной мглой.
Тогда он на ощупь приблизился к ней.
Почувствовал — тело льда холодней...

Албынжи подушку рукой приподнял
И страшно зубами заскрежетал.
Нежданное горе он увидал:
Вместо посоха — стебель сухой,
Вместо шарика — войлочный клок.
Гордой поник Албынжи головой,
Горя в душе утаить не смог,
Горячей слезы не смог удержать,
Со стоном глухим повалясь на кровать.
...Горьких шесть дней, шесть ночей прошло.
Гордо на небе солнце взошло.
Новый день, новый час настал —
Вдруг пошатнулся крутой перевал.

Богатырский голос сверху гремит,
Так что колется крепкий гранит,
Из трещин сыплется каменный град,
Ломаясь, гулко деревья трещат.

«Эй ты, кичливый мудрец Албынжи,
А ну-ка, смекалку свою покажи!
Без шарика ты трусливым стал.
А ну-ка, взберись на крутой перевал!
Важные есть у меня дела —
Отцовский скот я делить пришла!»

Дверь юрты раскрыв поспешной рукой,
Взглянул Албынжи на тасхыл крутой.
Много он недругов увидал.
На Хара-Хулате отца узнал.
Сидел Хулатай, помутненный умом,
Странный наряд одет на нем.
Слились в нем величие и простота,
Весь он двуличие и темнота.

А рядом с ним, высок, как гора,
Сидел сын Чил-Хары — Пилен-Тара,
А слева страшилище злое сидит —
Один бок белизною покрыт,
Другой бок чернотою блестит.

Узнал Албынжи, осилив страх,
В жутком чудовище дочь Юзут-Арх.
Он быстро надел боевой наряд —
На панцире пуговиц длинный ряд.
Стан обтянул пояс тугой,
Голову прикрыл пёрик стальной.

...Сказал Албынжи: «Меч булатный мой
Настало время идти нам в бой!
Смелыми будьте, мои друзья!
Теперь отступать пред врагом нельзя!»

Так он близким друзьям сказал
И на тасхыл, торопясь, зашагал.
На карем коне Тюн-Хара могучий
Полетел за другом черною тучей,
А сзади мчался Алтын-Теек.
Он от друзей отстать не мог.

Три богатыря на тасхыл поднялись,
Три богатыря за мечи взялись.

Богатырям чудовище громко кричит:
«Страх, видно, сердце у вас леденит?!
Что-то поблек ваш хваленый вид!
Так слушай ты, Албынжи-мудрец,
У нас с Хан-Чачах один отец.
Хочу я народы вокруг покорить,
Хочу я славу с ней разделить,
Отдай мне сестру и сам покорись,
Если тебе дорога твоя жизнь!»

Сказал Албынжи, не потупив глаз:
«Откуда ты, нечисть такая, взялась!
Пока голова у меня на плечах —
Не будет твоею сестра Хан-Чачах».

Эти слова он гневно сказал,
В руке его молнией меч засверкал.
«Дочь черной силы! — кричит Албынжи.—
Имя свое перед смертью скажи.
Чтоб знала земля, моя милая мать,
Вечным проклятьем кого проклинать!»

Чудовище злое, схватясь за живот,
Нагло хохочет и дико орет:
«Меня не узнал ты, проклятый мудрец,
У нас ведь с тобою один отец,
И мать Юзут-Арх у нас одна!
Скоро сюда прискачет она.
Пусть имя мое внушит тебе страх —
Я прозываюсь Хочын-Арх».

Одиннадцать дней продолжался бой.
Туман заслонил небосвод стеной.
Сквозь пыли белую пелену
Совсем не видно ночью луну,
А днем, сквозь пар и коричневый дым
Свет солнца кажется кровяным.

На двенадцатый день раздался зов —
Дикая, страшная песня без слов.
Взглянул Албынжи за перевал —
Юзут-Арх — страшилище увидал.

Взмахнула ужасная пестрым бичом —
В горах раздался раскатистый гром.
Второй раз взмахнула — упала гора,
Как раненый зверь, застонал Тюн-Хара.
Бичом перебитый напополам,
Упал без дыханья к вражьим ногам.

Взмахнула ужасная пестрым бичом —
Кремневые скалы блеснули огнем.
Как кедр, пошатнулся Алтын-Теек,
Но на ногах удержаться не смог,
Грудь его бич трижды обвил
И, перерезав, на землю свалил.

Радостно вскрикнула Юзут-Арх,
Злорадство блеснуло в раскосых глазах.
Звонко щелкая ременным бичом,
Подошла к Албынжи и толкнула плечом.
Лишь только хотел он мечом взмахнуть,
Бич трижды обвил богатырскую грудь,
В змеиных объятьях крепко сдавил,
Дыханья свободного сразу лишил.

Юзут-Арх, издав восхищенный клич,
С силой дернула тонкий бич.
Ремень, задрожав, натянулся струной,
До тела прорезав панцирь стальной.
Юзут-Арх рванула второй раз,
Так, что брызнули искры из глаз.
Тонкий ремень, словно черный змей,
Врезался в тело до белых костей.

От третьего страшного силой рывка
Албынжи, наклонясь, застонал слегка.
Послышался хруст перебитых костей.
Хлынула кровь, как горячий ручей.
С перерезанной грудью упал Албынжи,
Темные веки плотно смежив.

«Моя победа!» — кричит Юзут-Арх,
Садясь на кобылу о трех ногах.
Высоко подняв свой ременный бич,
Громогласно вещает победный клич:
«Лети, мой голос, во все края —
Всех ханов хозяйкою буду я!
Реки мои и земля моя —
Ханствовать буду теперь лишь я!»

...Повсюду следы разрушенья видны,
Все юрты разграблены и сожжены.
Тому, кто держал против нечисти меч,
Пришлось костями на землю лечь.
И только хитрец Хан-Мерген уцелел.
Он сладкие речи страшилищу пел.
Он ползал пред ним, не жалея колен,
Продавший родину Хан-Мерген.
Врагам он, о чести забыв, помогал,
Свое жилище он сам разрушал!

...Лежал Албынжи с потемневшим лицом.
До слуха его доносился гром,
Стоны и плач, проклятья и вой,
Но только не мог пошевелить он рукой.
Не мог он пальцы остывшие сжать,
Не мог он меч над собою поднять.

На лице Албынжи наступила ночь.
Он знает, что некому горю помочь —
Нет братьев отважных, нет мудрых сестер,
Смертельною пленкой подернулся взор.

...Летят облака в голубой высоте,
Золотистые кости лежат на хребте.
Их дождик ласкает влажной рукой,
Луна им сияет ночною порой,
А днем, когда солнце встает над горой,
Ласкает их радостный луч золотой.

Ветры летят, травой шелестя.
Кости лежат, белизною блестя.

ПОБЕДА

Сколько дней и ночей прошло,
Сколько воды в ручьях утекло,
Сколько дождей из туч пролилось,
Сколько померкло и вспыхнуло звезд,—
Можно ли точно число их назвать,
Можно ль песчинки в морях сосчитать!

Разграбленный край молчаньем объят,
Ветры степные печально гудят.
Черные тучи в небе летят,
Мертвые кости недвижно лежат.
Дороги дикой травой заросли,
Тропинки степным ковылем поросли,
На месте улусов цветы зацвели.
Тишина и безлюдье в степях живут,
Ветров косяки на лугах пасут.

В какое-то время, в какой-то из дней
Темное небо стало синей.
Словно зарница в небе горит,—
Вещая птица с хребта летит.
Взмахнула вещунья нарядным крылом,
Села, кружась, за ковыльным бугром,
Встряхнулась и, девушкой славною став,
Тонкие косы к груди прижав,
Песню запела, взглянув на восток,
Ту, что певала Чарых-Кеёк:
«Брат мой, брат мой,

Брат Хулатай,
Землю родную оберегай,
Реки от недругов оберегай!
Знаю я, верю — время придет
В море вот здесь превратится ручей,
В степях привольно пастись будет скот,
И радостной будет жизнь для людей!»

Так она пела, Чарых-Кеёк,
Трогая нежно алый цветок.
Взором окинув простор степной,
Слушая лепет волны речной,
Во всем узнавая свой край родной,
Девушка шла чуть приметной тропой.

И вдруг помутился радостный взгляд —
Увидела: кости повсюду лежат,
Навстречу девице никто не идет,
Ответную песню лишь ветер поет.
Летят облака в голубой высоте,
Золотистые кости лежат на хребте...
Девушка, с горя забыв покой,
Плачет и гладит их робкой рукой.

Покраснели глаза от беззвучных слез,
Похолодели щеки и маленький нос.
Плачет прекрасная Чарых-Кеёк.
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.

Девушка силы в душе собрала,
Гордую голову подняла.
Встала, сидевшая с болью в груди,
Встала, забывшая жизни красу,
Видит — сияет ей свет впереди,
Видит — цветы заалели в лесу.
Слышится шелест нежных листков —
Сколько костей, столько цветов.

Девушка молча взялась за дела,
Травы целебные рвать начала,
Корни душистые ловко копать
И от земли поскорей очищать,
Греть на ладонях, слезами кропить
И на ветру мимолетном сушить.

Много трудов положила она.
Из облаков выходила луна,
Видела — в травах мелькает платок,
Трудится девушка Чарых-Кеёк,
Хочет поднять из мертвых костей
К бою способных богатырей.

Нет, не напрасны усилья ее!
Нет, не напрасны старанья ее!
Тот, кто любовь в своем сердце хранит,
Тот, кто заботу в душе несет,
Тот свою думу в дела воплотит,
Тот свое счастье всегда найдет!

Начали кости вокруг оживать,
Крепкими мускулами обрастать,
Губы начали воздух ловить,
Воду живую глотками пить.
Встают богатыри, пробуждаясь от сна.
Говором счастья долина полна.

Рыдает от радости Чарых-Кеёк:
«Брат мой, любимый брат Албынжи,
На ноги встань, слово скажи!
Широкие плечи мои болят,
Глаза мои светлые не глядят,
Умерших вас воскрешала я,
Покою не зная, устала я...»

Встал Албынжи, головою тряхнул,
На синее небо с любовью взглянул.
Увидел травы родных степей,
Услышал шорох нежных лесов,
Услышал, как звонко поет ручей,
Услышал ветра призывный зов.
Не мог он стоять, на колени встал
И горсти земли к лицу прижимал.

В пустое жилище они вошли,
Килин-Арх подняли с земли,
Жизни огонь в ее сердце зажгли.
Алып-Хан-Хыс следом пришла,
Принесла с собой радость родного угла

...Так говорила Чарых-Кеёк:
«Враг наш давнишний коварен, жесток.
Возьмите вот этот волшебный ремень.
Как с ночью борется ясный день,
Как молния мглу пробивает лучом,
Так этот ремень поступает с врагом.

Кинешь ремень на врага, Албынжи,
Крикнешь вдогонку: «Крепче вяжи!» —
И сразу увидишь — враг твой лежит,
Желтым ремнем, словно цепью, обвит.

Слушай меня, мой желанный брат,
Долго ты будешь идти на закат.
Когда полоненная Юзут-Арх
Будет валяться в твоих ногах,
Когда она будет рыдать и стонать,
Себя твоей матерью называть,
Помни, что ложны все просьбы ее,
Каменным сердце должно быть твое.

Только смотри — не убивай!
Рук о страшилище не марай!
Ноги и руки ремнем связав,
Камни огромные к ним привязав,
Дай ее в жертву пучине морской,
Во имя радости нашей людской.

Умом недалек твой отец Хулатай.
Жалости в сердце к нему ты не знай.
Увидишь хребет плоский, как стол,
С черной смолою стоит там котел.
Огни под котлом, не сгорая, горят.
Ключи смоляные в котле кипят.
Кинь Хулатая ты в этот котел,
Чтоб в страшных мученьях он разум обрел.

Потом ты гнездовье врага разруши,
Предателей злобных жизни лиши,
Невольникам слабым свободу дай,
Пусть возвратятся в родимый край.

Дома тебя счастье найдет.
В море вот здесь превратится ручей.

Привольно в степях пастись будет скот
И радостной будет жизнь для людей.
Жеребенка ты вырастишь скакуном,
Сироту воспитаешь богатырем,
Пешему лошадь лихую дашь,
Раздетому кров и одежду дашь».

Каждое слово ловил Албынжи,
Каждый совет повторял Албынжи.
И вдруг замолк дорогой голосок —
Кукушкою стала Чарых-Кеёк,
Взмахнула вещунья упругим крылом
И закружилась над синим бугром.
Взглядом ее Албынжи провожал,
Наказы ее про себя повторял.
Потом он сказал: «Алып-Хан-Хыс,
Жена дорогая, брат Тюн-Хара,
Для вас наступила счастливая жизнь,
А мне собираться в дорогу пора».

Пойду я по следу врага искать.
Шесть лет вам придется меня ожидать.
А коль не вернусь я за этот срок,
Значит, мой путь и тяжел и далек,
Значит, врага я разбить не смог.

Так он сказал и, в волка превратясь,
Вдаль побежал и скрылся из глаз.

Долго бежал он, стремглав, на закат.
Видел — повсюду трупы лежат.
Скот, что не мог за врагом идти,
Злодеи кололи, бросая в пути.
К согнутым соснам людей подтащив,
На сучки подбородками нацепив,
Под громкие крики и злобный смех
Деревьев вершины пускали вверх.
Албынжи зорким глазом все примечал,
Каждого мертвого сосчитал,
Каждый сожженный улус осмотрел
И снова по следу врага летел.

У черного моря близ черной скалы,
Где бьются о камни морские валы,

Увидел и сердцем узнал Албынжи
Злодейку коварную Хара-Нинжи.
Алып-Ах-Пуур на дороге стоит,
На нем Хочын-Арх, развалясь, сидит,
А рядом на острых, как зубы, камнях
Лежит полоненная Хан-Чачах.

Стоит белый волк и не хочет бежать.
Злодеи устали его понукать.
Хара-Нинжи его палкой бьет,
А он, словно вкопанный, не идет.

Албынжи встряхнулся и стал пастушком,
Идет, напевая, махая бичом:
«Меня научила любимая мать,
Как в длинной дороге волком управлять,
А если он встанет нежданно в пути,
Могу его сразу заставить идти!
Хочын-Арх услыхала такие слова
И тотчас голову подняла.
«Пастушок мой,— сказала,— куда ты идешь?
Какую ты песню так громко поешь?»

Сказал пастушок: «Моя милая мать
Меня научила волком управлять».

«Да что ты! — воскликнула Хочын-Арх,
И радость мелькнула в раскосых глазах.—
А ну, научи нас, да только скорей,
А то здесь сижу я уж много дней».

«Что же, могу! — пастушок отвечал.—
Я раньше таким волком управлял.
Только прошу мне шарик отдать,
Чтоб мог я волка заставить бежать».
Долго упрямилась Хочын-Арх.
Напал на нее непонятный страх:
«А может быть, он неведомый дух?!
А может быть, он совсем не пастух?!»
Глядит и не может никак понять,
Но все же решила шарик отдать.
«Возьми,— говорит,— вот этой рукой,
А я подержусь за бочок другой».

Выдернул желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул: «Крепче вяжи!»
Месяцем меч в руке засверкал,
Каждым ударом врагов убивал,
Без дыханья упала к ногам Албынжи
Нечисть коварная Хара-Нинжи.
Хочын-Арх, издыхая, лежит.
Черная кровь, как смола, кипит.

Поднял Албынжи на могучих руках
Сестру свою милую Хан-Чачах.
Крепко в щеки ее целовал,
Слова утешенья нежно шептал:

«Возвращайся, сестричка моя, домой,
А я поеду дорогой прямой.
Поеду по следу врага искать.
Шесть лет ты будешь меня ожидать
А коль не вернусь я за этот срок,
Значит, мой путь и тяжел и далек,
Значит, врага я разбить не смог...

...И снова вперед Албынжи спешит.
Вдали за тасхылом улус лежит.
Стоит там юрта из черных камней.
У входа — груды белых костей.
Албынжи тяжелую дверь распахнул
И в темную юрту смело шагнул.

Увидел: за каменным длинным столом
Сидит Юзут-Арх, обнявшись с отцом.
Албынжи от злобы весь задрожал,
Но ярость свою в крови удержал.

Юзут-Арх вскочила, косясь на дверь,
Шатаясь, глядит, словно загнанный зверь.
«Мой дорогой! Как ты нас разыскал!
На чем же, нежданный, ты к нам прискакал?
Здравствуй, сынок, приласканный мной!
Со счастьем пришел ты иль с черной бедой?
Вижу тебя по горящим глазам —
Пришел ты со злобой, наверное, к нам».

Подошла к Албынжи и хотела обнять.
«Тебя заждалась твоя бедная мать.
Здравствуй, сынок, дай прижать к груди,
Угощаться к столу поскорей подходи!»

Выдернул желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул: «Крепче вяжи!»
Ударил проклятую прямо в висок
И молча на берег морской поволок.

...Пучина морская волною шумит.
Гадина злая змеею шипит:
«Мой сын дорогой, пощади, не убей!
Со мною ты будешь сильнее царей.
Тебя я готова всегда почитать.
Неужели ты руку поднимешь на мать!»

Албынжи ни слова в ответ не сказал.
Он камни к ногам и рукам привязал.
Он поднял ее высоко над собой
И кинул в объятья волны морской.

И только утих отдаленный гул
И лишь Албынжи назад повернул,
Навстречу ему бежит Хулатай:
«Мясистая пятка! Жену мне отдай.
Куда ты девал ее — отвечай!»

Выхватил желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул: «Крепче вяжи!»
Хара-Хулата быстро поймал,
Как мешок, Хулатая к хвосту привязал.
При этом сказал: «Вот тебе мой ответ!»
И молча поехал на черный хребет.

...Огромный котел на хребте стоит.
Как облако, пар над котлом висит.
Огни под котлом, не сгорая, горят.
Ключи смоляные в котле кипят.
Сказал Албынжи: «Несчастный отец!
Твоему позору пришел конец.
Ты прожил разгульную, буйную жизнь,
Теперь уму-разуму поучись!»

...В горячей смоле Хулатай кипит.
Камни молчат, и ветер молчит.
Летят облака в голубой высоте.
Никто не плачет на черном хребте.
Лишь только конь — друг боевой
Гривастой сурово поник головой.
Звонким копытом о камень бьет.
Глядит на котел и призывно ржет.

Албынжи отвернулся, чтоб слезы сдержать.
На камень присел — нет силы стоять.
Взглянул направо — скалу увидал.
Таких он не видел огромных скал.

Со злостью он быстро скалу обхватил
И начал шатать из последних сил.
Поднял над собой, перевернул
И медной вершиной в землю воткнул.

«Я победил! — Албынжи закричал,
И глянул в огромный черный провал,
Где тысячи тысяч несчастных людей
Мучил в неволе враг-лиходей.—
Выходите, свободные, на простор!
Любуйтесь красою высоких гор,
Вдыхайте запах степных цветов,
Слушайте говор прохладных ручьев!
В родные края уводите стада,
Теперь вас не тронет враг никогда!

Много я выстрадал в битве с врагом.
Как ясных звездочек в небе ночном,
Наших страданий не сосчитать...
Но горю больше у нас не бывать!
Теперь вы свободны, друзья мои,
Теперь вы владельцы рек и земли!
Разъезжайтесь по водам и землям своим,
Ведите свой скот к улусам родным!»

Только он кончил — послышался зов,
Вышла женщина из рядов.
«Албынжи,— сказала,— спаситель мой,
Горя немало у меня за спиной.
Довези несчастную в край родной!»

Узнал он Ай-Арх, быстро шагнул,
Ласково руки к ней протянул:
«Ай-Арх, в краю твоем звонкие песни.
Горе твое никогда не воскреснет!»

Арган, испытавший неволи муку,
Подошел и пожал у спасителя руку:
«Как будто мне сон небывалый приснился!
Могу ли уйти я туда, где родился?»

Албынжи оглядел всех счастливым взглядом,
И от слов его люди узнали радость:
«Летите, люди, как птицы степные,
На крыльях счастья в улусы родные!»

Как море, на волю хлынул народ.
У каждого сердце в груди поет.
Горят благодарностью лица людей,
Слышатся возгласы пылких речей:
«Спасибо тебе, золотой человек!»
«Заботу твою не забудем вовек!»
«Приезжай к нам в улус, мы тебя угостим!
Все, что имеем, тебе отдадим!»

...На медной скале написал Албынжи:
«Сам прочитай и другому скажи:
Тому, кто захочет наш край покорить,
На нашей земле не придется жить,
Тот же, кто с дружбою к нам придет,
В наших улусах любовь найдет!»

...Ветром летел Албынжи домой.
Знал он, что ждет его счастье, покой,
Радость и ласка родных и друзей,
Светлый поток лучезарных дней.

Вот он — последний крутой перевал.
Отсюда родимый он край увидал,
Долго смотрел, но не узнавал,
Будто в другое место попал.
На месте ручья — море шумит.
Стая гусей над волнами летит.
На лугах привольно пасется скот.
Весело песню пастух поет.

...С почетом героя встречал народ.
Каждый ему угощенья несет,
Песни хвалебные каждый поет.
В разгаре пира в один из дней
Послышался топот могучих коней.
Все вышли из юрты, на запад глядят —
Скачет с хребта Хара-Хулат.

«Гляди, Хулатай! — кто-то сказал.—
Он, кажется, зайца зубами поймал!»
Когда Хулатай до толпы доскакал,
Насмешник, который про зайца сказал,
Язык прикусил и совсем замолчал.

Когда-то был Хулатай молодым,—
А теперь он стал старцем седым,
Похудел Хулатай, бородою оброс,
Поблекли глаза от горючих слез.

Взглянув на людей, зарыдал Хулатай:
«Много беды испытал Хулатай,
С малых лет и до самых седин
Я жил, как бездомный, безродный сын.
В бесславных делах пролетели года,
Теперь их назад не вернешь никогда!»

Албынжи его в юрту с почетом завел,
Усадил на почетное место за стол.
И только начал отца угощать —
Новый гость появился опять.
Рослый, плечистый, красавец лицом,
Стоит, смущаясь, как перед отцом.
«Ай-Мерген! Ай-Мерген! — пронеслось по рядам.—
Он сватать невесту приехал к нам!»

Не сел с гостями за стол Ай-Мерген.
Он девять бочонков вина прикатил,
В пеструю чашу напитки слил,
Поставил средь юрты: «Кто хочет — пей!
Чтоб сердце стучало в груди веселей!»

А сам, наполнив чашу вином,
Встал, поклонившись, перед столом.

«Тебя я прошу, мой отец Хулатай,
Дочь Хан-Чачах за меня отдай!»

Хулатай посмотрел на Алып-Хан-Хыс,
А та опустила голову вниз,
Тогда Ай-Мерген поклонился ей:
«Неужели не сбыться мечте моей!
Неужели нет счастья мне в этих краях!
Отдай мне в невесты дочь Хан-Чачах!»

Тогда Албынжи слово сказал:
«Когда-то я пешим в степи шагал
И друга нежданного там повстречал.
Сказал он мне: «Пешему плохо жить,
Несладко по свету бродягой ходить.
Хочу я с тобой поделиться конем.
Садись на буланку — поедем вдвоем».

И я восхитился его добротой.
Я видел — родился он с чистой душой.
Я понял, что с горем давно он знаком,
Раз честно делился в степи с бедняком.
А звали его — богатырь Ай-Мерген.
Не так ли, скажи мне, мой друг Ай-Мерген?
Коль сватают дочку: молчать нельзя,
Так что же ему мы ответим, друзья?
Будь счастлив с женою, родной человек!
В любви и покое промчится твой век.
Пусть дети мужают, душою чисты,
Пусть горя не знают, как знал его ты».

С такими словами он выпил вино,
Чтоб знал весь народ, что согласье дано.

Сколько радости было кругом,
Сколько вина пролилось за столом,
Сколько песен пропел народ —
Разве все это мой разум сочтет!

Глазами старца смотрел Хулатай —
От счастья ликует родимый край.
Победы творец Албынжи-богатырь
Охраняет народа счастливый мир.
Он каждому роду главою стал,
Он мысли и правде просторы дал,
Он славой народ свой навек увенчал.
Жеребенка он вырастил скакуном,
Сироту воспитал он богатырем,
Пешему лошадь лихую дал,
Раздетому кров и одежду дал.

На душе Хулатая, как днем, светло.
Он с Хара-Хулата снимает седло.
Он гриву старческой треплет рукой:
«Прощай, быстроногий мой друг боевой!
Меня ты, как ветер, по свету носил.
Стремленьем одним ты со мною жил.
И волю свою ты давно заслужил.

Все травы твои на цветущих лугах,
Все воды твои в ручьях и морях.
Твоя трудовая окончилась жизнь.
Не зная седла, на приволье пасись».

Потом он свой меч в руки слабые взял:
«Не раз ты меня в боях выручал.
Как молния, ты над врагами сверкал.
Хозяин твой был беспокоен, суров.
Как часто искал он ненужных боев!
Как часто тебя заставлял он сверкать
В часы, когда должен был ты отдыхать.
Прости, старый друг, и навеки прощай!
Тобою теперь не взмахнет Хулатай».

Потом он свой панцирь в сундук положил:
«Не раз ты меня от стрелы защитил,
Не раз ты меня от меча уберег,
Не раз мне от смерти укрыться помог.
Носить мне тебя не хватает сил.
Твой верный хозяин одежду сменил.
Но знай же — настанет счастливый срок,

Придет богатырь и могуч, и высок,
И светел душою, как горный ручей,
И славен умом и отвагой своей.
Тебя в сундуке он не станет хранить
Тебя он со славою будет носить».

...Дружит с землею радостный труд.
...Года чередою идут и идут.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЫЛИНЫ

Слово «былина» как термин, обозначающий народные песни с определенным содержанием, повествующие о том, что когда-то было, в реальность которого верили, и специфической художественной формой, вошло в научный оборот благодаря трудам И. П. Сахарова в 40-е годы XIX века.

В предисловии к двухтомной антологии «Былины»[1] В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов обстоятельно осветили главные вехи публикаций текстов былин, начавшихся с выходом в свет в 1804 году знаменитого сборника под названием «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Первые крупнейшие собиратели былин — П. В. Киреевский (1808—1856) и П. Н. Рыбников (1831—1885), положившие основу громадной и сложной работы по записыванию текстов многочисленных сюжетов замечательного самобытного народного повествования, распространенного во всех уголках России.

Появление в 1861—1867 годах четырехтомной публикации народных текстов под названием «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» явилось большим событием в общественной и литературной жизни. С тех пор собирание и публикация текстов народных повествований, получивших название «Былины», пользовались горячим вниманием научной и литературной общественности России. Через десять лет после появления сборника П. Н. Рыбникова была предпринята экспедиция известного ученого-слависта А. Ф. Гильфердинга, собравшего за два месяца более трехсот текстов, изданных затем под названием «Онежские былины, записанные летом

[1] «Былины». М., Государственное издательство художественной литературы, 1958.

1871 года». В 1901 году А. В. Марков, собравший былины в районах восточного берега Белого моря, выпустил новый сборник — «Беломорские былины». Но самая крупная экспедиция по сбору текстов былин была предпринята летом 1899 года А. Д. Григорьевым по совершенно бездорожным таежным районам Севера. За три года работы в чрезвычайно трудных условиях А. Д. Григорьев собрал четыреста двадцать четыре текста былин, которые были опубликованы в трех томах под названием «Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг.».

Собирание текстов былин проводилось не только на Севере, но и в Сибири, на Урале, в Поволжье, на Дону, на Тереке, у астраханских, уральских и оренбургских казаков.

Среди активных собирателей и исследователей русских былин известны имена А. А. Шахматова, В. Ф. Миллера, Н. С. Тихонравова, А. М. Листопадова, Ф. С. Панкратова и др.

Таким образом, трудами русских ученых было спасено от забвения одно из величайших достояний русской национальной культуры.

В советское время собирание и публикация текстов былин становится предметом заботы государственных и общественных организаций. Наиболее важным шагом в этом направлении явилась экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, снаряженная в 1926—1928 годах Государственной Академией художественных наук под лозунгом «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В 1931—1933 годах работа по собиранию текстов велась под руководством А. М. Астаховой сотрудниками фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук в Ленинграде совместно с Карельским научно-исследовательским институтом в Петрозаводске. Материалы этой экспедиции опубликованы под заглавием «Былины Севера». В 1938—1939 годах Карело-финский научно-исследовательский институт культуры направил экспедицию по сбору текстов былин в Ладожский район. Материалы этой экспедиции были опубликованы Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым в сборнике «Былины Пудожского края».

В последние годы был также организован ряд других экспедиций ученых для изучения былинного жанра, как, например, экспедиция на Печору (Институт русской литературы Академии наук СССР), в Прионежье (Московский государственный университет), на побережье Белого моря (Карельский филиал Академии наук СССР) и др.

В советское время было опубликовано большое количество монографических исследований крупных фольклористов — В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Н. И. Кравцова, П. Д. Ухова и др.

Текст былины «Святогор и тяга земная» печатается по публикации В. И. Чичерова — «Героические былины», М.—Л., Детгиз, 1954, тексты остальных былин печатаются по изданию: «Былины», Л., «Советский писатель», 1954.

УРАЛ-БАТЫР

Эпос «Урал-батыр» был записан в 1910 году известным башкирским собирателем фольклора М. Бурангуловым (1888—1966) от народного сказителя-сэсэна Габита из аула Индрис и в ауле Малый Иткул от сэсэна Хамита.

На русском языке в переводе И. Кычакова, А. Мирбадалевой, А. Хакимова «Урал-батыр» публикуется впервые.

Айхылу — букв.: «лунная красавица». Имя девушки, которая, по преданию, считалась дочерью Луны.

Батман — старинная мера веса, колебавшаяся в различных странах Востока от пяти до ста тридцати одного килограмма.

Джинн — фантастическое существо огромных размеров, способное принимать вид человека и разных зверей.

Див (дэв) — враждебное людям существо; может летать, обладает большой физической, а иногда и колдовской силой.

Егет (игид) — джигит, молодец.

Етиген — созвездие Большой Медведицы.

Иремель — горный массив Южного Урала в северо-восточной части Башкирии.

Катила — букв.: «палач»; здесь — имя падишаха.

Каф-тау — мифическая гора, за которой живут чудовища.

Кушул — крыса.

Кыркты.— Так в эпосе называется ущелье; в действительности — гора, расположенная на территории Башкирии.

Сынчи — человек, отгадывающий чужие мысли; прорицатель.

Тенгри — небожитель.

Туй (той) — пир, свадьба, празднество.

Туре (тюря) — господин, человек высокого происхождения.

Фарман (фирман) — указ.

Хаба — кожаный мешок для хранения кумыса.

Хумай — сказочная птица; у башкир — птица счастья.

Шульген — озеро в Бурзянском районе Башкирии; в сказании — имя старшего брата Урала.

Яман-тау — букв.: «плохая гора», горный массив Южного Урала.

ГЭСЭР

О существовании «Гэсэриады» — сказания о герое по имени Гэсэр, стало известно еще в 1722 году. С тех пор были найдены и записаны многие версии этой эпопеи в Монголии, Тибете и Бурятии. Однако долгое время считалось, что у бурят не было своего эпоса, а бурятские улигеры (повествовательные песни) о Гэсэре — плод заимствования. Между тем лишь имена героев и некоторые мифологические сюжеты в бурятском эпосе имеют внешнее сходство с монгольской или тибетской версией. Бурятские сказания бытуют в стихотворной форме и этим отличаются от прозаических монгольских. Это стало очевидным еще в 1893 году, когда Г. Н. Потаниным [1] был опубликован «Абай Гэсэр богдо хан» в пересказе бурятского этнографа-фольклориста М. Н. Хангалова, записавшего со слов своего отца и сказителя Н. Тушемилова стихотворный вариант этого эпоса.

Затем в 1930 году Академией наук СССР, в серии «Произведения народной словесности бурят», были опубликованы записи известного собирателя фольклора И. Ж. Жамцарано под заглавиями: «Абай Гэсэр хубуун», «Ха Ошир хубуун» и «Хурин Алтай».

В последующие годы продолжалась интенсивная работа по собиранию бурятских улигеров о Гэсэре. В настоящее время в рукописном фонде Бурятского научно-исследовательского института хранится около двухсот записей национального эпоса, собранных в различных уголках Бурятии.

Несмотря на монголо-тибетско-бурятскую общность мифологической основы «Гэсэриады», общность сюжетов сказаний о высоком синем тэнгрии (небе), о матушке-земле Ульген, о небожителях Хормусте, Атай-Улане, о владыке подземного мира Эрлык-хане, о черном мангусе Лобсоголдое, Асури мангадхае и т. д.— бурятский эпос замечателен оригинальным идейно-художественным содержанием, в котором мотивы благородных деяний героя во имя людей занимают доминирующее положение.

В бурятской версии «Гэсэриады» сохранились древнейшие пласты национальной народной повествовательной поэзии о борьбе героев с мифическими чудовищами.

Весьма примечателен демократический характер сказаний. Решив извлечь людей земли из тысячи бед, добрый небожитель Хормуст поручает эту миссию своему сыну Гэсэру. Но для этого небожитель должен родиться на земле. Заступник рода человеческого, спустившийся по заданию доброго небожителя (а по монгольской «Гэсэриаде» герой спускается по велению буддийского божества), родится вторично у труженика-бедняка, и сам должен проложить себе дорогу к благородным подвигам.

---

[1] См.: Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия, т. II. СПб., 1893.

В бурятской «Гэсэриаде» герой — охотник, зверолов, скотовод — выделяется среди своих родичей исполинской силой, самоотверженной храбростью. Первая часть эпоса посвящена рассказам о рождении героя, его детстве, юношеских подвигах, женитьбе. Затем следует серия повествований о его героических деяниях и драматических приключениях в сражениях с темными силами. Последовательность улигеров и их количество меняется в интерпретациях различных народных певцов, но неизменной остается идейная направленность содержания и художественный стиль повествования.

После победы Октябрьской революции началось объединение разрозненных бурятских племен в единый народ, приведшее к образованию Бурятской советской социалистической республики. В связи с этим возникла необходимость создания единого варианта эпоса. Эту задачу выполнил бурятский писатель, исследователь национального фольклора Намжил Балдано. Он составил сводный вариант эпического сказания, полностью сохранив содержание, поэтическую форму, стиль народных улигеров. Этот вариант получил одобрение знатоков эпоса и быстро завоевал широкую популярность на всей обширной территории Бурятии.

Девятая ветвь эпоса по сводному варианту Н. Балдано в переводе С. Липкина, печатается по изданию: «Гэсэр», М., «Художественная литература», 1973.

Стр. 126. *Надо нам через лук посмотреть...* — Здесь и дальше речь идет о старинных способах определения численности войска.

Айран — кислое молокое (типа кефира).

Алма-Мэргэн — морская царевна, воительница, одна из жен Гэсэра.

Арза (хорза) — водка, перегнанная из кумыса или коровьего молока.

Нойон — князь.

Сэнгэлʼн — отец Гэсэра.

Урмай-Гохон — одна из жен Гэсэра.

Шарайдай — другое наименование трех шарагольских ханов, властителей Желтой реки.

НАРТЫ

У народов Кавказа с древнейших времен сохранились широко популярные устные сказания о легендарном обществе далеких предков, именуемых в этих сказаниях нартами.

Первые упоминания о нартах как о героях народных сказаний мы находим в этнографических изданиях Российской Академии наук 40-х годов

прошлого столетия. В середине XIX века появились фрагментарные публикации отдельных вариантов эпоса. А в 80-х годах в трудах академика В. Ф. Миллера были сделаны первые попытки научного осмысления исторического факта существования нартских сказаний. И вот уже более столетия длится записывание и собирание текстов эпоса.

Раньше всех работа по изучению нартского эпоса развернулась в Осетии, и уже в 20-е годы XX века осетинский вариант эпоса был опубликован с наибольшей полнотой, в то время как другие национальные версии эпоса были известны в меньшей степени.

Разумеется, исследовательская работа по изучению этого памятника сначала опиралась главным образом на осетинский материал. И, может быть, этим объясняется тот факт, что вплоть до 50-х годов генезис нартского эпоса связывался по преимуществу с историей осетин. Считалось, что он «проник» на Кавказ вместе с приходом туда аланских предков осетин. Появление доказательств о широком бытовании нартского эпоса также и у других народов Кавказа (многочисленные записи на адыгских и абхазском языках, на языке карачаевцев и балкарцев, чеченцев и ингушей) воспринималось как факт культурного заимствования, и не более.

Но уже в середине 50-х годов в советской науке был провозглашен тезис о нартских сказаниях как о едином общекавказском памятнике древней эпической поэзии. Стало очевидным, что исторические корни, объединяющие нартские сказания всех национальных версий, надо искать в основных факторах кавказской общности, таких, как: генетическое родство народов Кавказа; роль единого кавказского субстрата; сходные условия материального общественного существования и тесное духовное общение между этими народами в течение длительного исторического времени.

Нартский эпос состоит из отдельных рассказов о различных событиях из жизни тех или иных героев. Многочисленные сказы группируются вокруг имен основных персонажей эпоса, образуя, таким образом, своеобразные циклы. В каждой национальной версии эпоса те или иные циклы занимают сравнительно большее или меньшее место. Так, например, в адыгской версии цикл сказов о младшем нарте Сосруко занимает более обширное место, в абхазском — значительным является цикл о Сатаней. Также по-разному звучат и имена героев, как, например, Сосруко — Сослан — Созруко — Сосрыква, или: Ашамез — Ацамаз, Батрадз — Батрез и т. д. Но есть и разная трактовка образа одних и тех же героев. К примеру, Сатаней в абхазской версии овеяна романтикой, она — полубогиня, всеми почитаемая мать нартов, женщина, олицетворяющая неотразимый ум, красоту и неувядаемую молодость.

В осетинском варианте Сатаней во многом уже лишена божественных и романтических черт, она — жена родоначальника нартского племени Урызмага с подчеркнуто земными атрибутами.

Основные герои эпоса являются сквозными, они присутствуют в той или иной форме во всех национальных версиях. Но имеются герои, присущие

только одной версии, например, Бадыноко в адыгской версии, в балкаро-карачаевской — Шауай, у осетин Уархаг и т. д.

Однако своеобразие национальных вариаций не нарушает черт общности идейно-художественного содержания нартских циклов сказаний как эпоса народов Кавказа. Сущность нартских сказаний как древнего памятника духовной культуры народов Кавказа, берущего свое начало с далеких времен до нашей эры,— в одинаковой степени выявляется во всех версиях. Они объединены не только жизненным материалом (воспоминания о предках), составляющим основу сюжетики сказаний, но также и своеобразием их художественного стиля.

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Осетинские сказания о нартах в переводе Р. А. Ивнева печатаются по изданию: «Нарты, эпос осетинского народа».— «Литературные памятники». М., Изд-во АН СССР, 1957.

Аминон — привратник царства мертвых.
Арчи — горская обувь из сыромятной кожи, которую носили бедняки.
Афсати — покровитель диких зверей.

Барастыр — владыка загробного мира.
Бардуаг — ангел, святой.

Гумиры.— Так называются в эпосе великаны, которые будто бы населяли землю до нартов.

Далимоны — по древним верованиям осетин, злые существа, живущие под землей.
Дауаги — небожители, покровители животного и растительного мира, гор, морей и рек.
Донбетры — обитатели водного царства. По преданию, нарты произошли от дочери владыки донбетров — Дзерассы.

Зэды — небожители, ангелы.

Кувд (или куывд) — пир, пиршество, сопровождаемое песнями и танцами.
Курдалагон — небесный кузнец, который помогает нартам в их борьбе с врагами.

Ныхас — место народных собраний, букв.: «беседа».

Ронг — любимый напиток нартов, приготовляемый из меда.

Сайнаг-алдар — убийца нартского героя Батрадза.
Сата́на — главная героиня эпоса, мать нартов.
Сырдон — один из главных героев эпоса.

Таск — корзина, плетенная из прутьев.
Терк-турк — название неизвестного, вероятно, несуществовавшего народа.
Тутыр — покровитель волков.

Уазай — местность в Дигорском ущелье в Северной Осетии.
Уастырджи — покровитель мужчин, воинов, а также всех путников.
Урызмаг — один из главных героев осетинского нартского эпоса.

Фандыр — старейший осетинский смычковый музыкальный инструмент.

АДЫГСКИЕ (КАБАРДИНСКИЕ, АДЫГЕЙСКИЕ, ЧЕРКЕССКИЕ) СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Адыгские сказания о нартах в переводе С. Липкина печатаются по изданию: «Нарты. Кабардинский эпос». М., Гослитиздат, 1951.

Абра-камень — большой (главный) камень.
Альп — богатырский конь.

Псыж — кабардинское (адыгское) название Кубани.

Сано — напиток нартов; название источника «нарзан» происходит от словосочетания «нарт-сано».

Тхамада — отец богов, глава охоты, пиров.

Чинты — сказочное иноземное племя, враждовавшее с нартами.

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Балкаро-карачаевские сказания о нартах в русском переводе С. Липкина печатаются по изданию: «Дебет Златоликий и его друзья». Нальчик, 1973.

Алмосту́ (алмасту) — мифическое существо, чудовище в образе уродливой женщины.

Гарджын — кукурузная или ячменная лепешка.

Джелмауз — дракон; существует легенда о том, что это чудовище проглатывает луну, потому происходит затмение.

Кош — пастушья хижина, стоянка.

Уздень — свободный крестьянин.

Эмегены — одноглазые человекоподобные чудовища, циклопы.

АБХАЗСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Абхазские сказания о нартах в переводе С. Липкина и Г. Гулиа печатаются по книге: «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев». М., ГИХЛ, 1962.

Апсны — Абхазия.
Апсуа — самоназвание абхазов.
Апхярцà — абхазский национальный инструмент.
Ахахáира-гушадза — непереводимый припев.

Газыри — деревянные гильзы с порохом, пулей и пыжом; помещались на черкеске, по девять штук на каждой стороне груди. В данное время служат только украшением.

Елхвы́зы — название эпического нартского рода.

Кубина — абхазское название реки Кубани.

Хайт — возглас, выражающий как восторг, так и негодование.

Чоу.— Так абхазы понукают коней.

ДЖАНГАР

Калмыцкий народный эпос «Джангар» занимает особое место среди древних памятников устной поэзии народов Советского Союза. Оригинальные черты этого произведения связаны с историческим своеобразием формирования и развития общественной жизни создавшего его народа.

Предки калмыков происходят от монгольских племен, кочевавших в северной и северо-западной частях Китая, именовавшихся тогда Джунгарией[1]. В середине XIV века, когда распалась некогда могущественная Монгольская империя, три монгольских племени — чорос, хошут и торгут образовали союз, известный под названием Ойратский[2]. Позже к ойратам

---

[1] Джунгария — от монгольского слова «Зюн-гар», что значит «Левая сторона».

[2] Ойрат — монгольское слово, означает «союз», «союзный», «союзник», «ближний».

присоединилось еще одно монгольское племя — дербетов, а союз этих племен стал называться «Дербен-Ойрат», то есть четырехсоюзный.

В 40-х годах XV столетия на исторической карте появилось мощное ойратское кочевое государство. В конце XVI века, в период расцвета сил ойратов, началось их движение в поисках новых пастбищ и новых мест поселения. Одна часть ойратов двинулась на юг — в сторону Тянь-Шаня, вплоть до Тибетского нагорья, другая часть шла в направлении Алтая, а третья часть — торгуты и дербеты — направилась на северо-запад, к просторам Сибири и Зауралья. Достигнув берегов Волги, торгуты и дербеты в 1607 году попросили подданство у русского царя. Ойраты, пришедшие в Россию, стали называться калмыками [1]. Огромное степное пространство между Доном, Волгой и Каспием стало родиной калмыцкого народа. Вместе с ойратскими племенами в российские степи пришли народные песни, сложившиеся у походных костров воинствующих и свободолюбивых кочевников.

В этих песнях, составляющих единый цикл под названием «Джангариада», воспеты сказочная страна Бумба и ее защитники — славные богатыри Джангар, Хонгор, Савар, Санал, Алтан Цеджи и другие герои.

Первые сведения о распространении «Джангариады» за пределами Калмыкии появились в начале XIX века. В 1804 и 1805 годах в Риге было опубликовано на немецком языке изложение содержания двух песен о Джангре. Затем в 1854 году известным русским монголистом А. А. Бобровниковым был опубликован перевод еще одной (торгутской) песни в виде отдельной сказки. В 1864 году профессор К. Голстунский издал текст двух песен на языке оригинала. В 1910 году в Петербурге при содействии профессора В. Л. Котвича Н. Очировым было подготовлено издание десяти песен «Джангра», записанных со слов знаменитого джангарчи Ээляна Овла.

Песни «Джангариады» служили ценнейшим материалом для научных изысканий в области монголистики, лингвистики, этнографии.

Текст одиннадцатой песни «О поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю», в переводе С. Липкина, публикуется по изданию: «Джангар». М., Гослитиздат, 1958.

Стр. 265. *Редкою гривой, чтоб удержаться вверху...* — То есть не имел никакой поддержки (калмыцкая поговорка).

Стр. 270. *Все остальные желтые богатыри.* — В эпосе богатыри именуются желтыми, так как они являются последователями религиозного реформатора Зунквы (см.) — основателя секты «желтошапочников» (ламаистов). Слово «желтый» нередко употребляется в смысле «священный».

Стр. 279. *И звался Нармой.* — Отец ханши Шавдал — Ном Тенгис — прозывается и Зандан-ханом («Сандаловым ханом») и Гюши-Замба — «Учителем мира».

---

[1] Слово «калмык», по мнению некоторых исследователей, происходит от тюркского «халимак», что означает «отпавший», «отделившийся».

Стр. 282. *Трех избежим чудовищ, трех страшных бед.*— Имеются в виду: вихрь, степной пожар, наводнение.

Арака — водка, приготовленная из коровьего или кобыльего заквашенного молока.

Аранзал — легендарный богатырский конь; конь Джангра.

Араши (от санскр. «риши») — отшельник. В переносном смысле — келья.

Бадма — лотос.

Балабан — особая порода сокола, используемая для травли зайцев.

Богдо — священный хан; титул.

Бумба — наименование страны, океана, горы. Бумбой называется также вершина купола. Очевидно, и страна называется Бумбой, так как она является вершиной человеческих желаний.

Бумбулва — ханская ставка, дворец.

Бурхан — букв.: «праведник». Человек, достигший совершенства и ставший богом.

Бэря — калмыцкая мера длины, равная семи верстам.

Гандиг-Алтай — Волшебный Алтай.

Дарга — управляющий хозяйством, дворецкий.

Джангар.— Профессор Б. Я. Владимирцов считал, что слово «джангар» произошло от персидского «джехангир» — «властитель мира».

Дунгчи — глашатай, от слова «дунг» — «раковина». Дунг употребляется как духовой инструмент при богослужении.

Зу — калмыцкое наименование Лхассы, столицы Тибета. Этим же именем обозначаются и лхасские храмы и реки Тибета. Страна Желтой Зу — Тибет.

Зункава (Зонкава, Дзонква) — основатель ламаизма, известный реформатор тибетского буддизма (1365—1417).

Йах! — Восклицание, соответствующее русскому «ой!».

Йорел — благопожелание, высказываемое по различному поводу. Особая форма калмыцкого фольклора.

Катаур — верхняя подпруга.

Кулан — дикий осел.

Лаври — род шелковой материи.

Лама — настоятель монастыря.

Майдер — по-санскритски Майтрейя — одно из перевоплощений Будды. Майдер должен прийти в мир и проповедовать буддизм, когда угаснет учение Будды-Сакьямуни.

Мангас (мангус) — антропоморфное существо, пожирающее людей. Принадлежит к добуддийскому, шаманскому пантеону. В отдельных песнях «Джангариады», возникших в древности, богатыри боролись с мангасами, но впоследствии, когда «Джангариада» оформилась как единая эпопея (середина XV века), под мангасами стали подразумеваться многочисленные враги калмыков (ойратов).

Очир — скипетр.
Очир-Вани — имя одного из ламаистских божеств.

Рагни (арагни) — ангел; девушка.

Сай — миллион (китайское слово, вошедшее в калмыцкий язык).
Сумеру́ — мифическая гора, находящаяся, согласно буддийской космогонии, в центре мира.

Тамга — клеймо.
Тебеньки — кожаные лопасти по бокам седла.
Терлек — женское платье, капот, халат.
Тюмен — десять тысяч.

Улус — в древности удел князя.

Хангай — горный хребет в северо-западной Монголии.
Хурул — буддийский монастырь.

Цаган-Сара («белый месяц») — праздник наступления весны.
Цагараки — деревянные прутья, поддерживающие войлок кибитки.

Ча́кан — сочное болотное растение.
Чиндамани — талисманы, исполняющие все человеческие желания. По ламаистским представлениям, в мире имеются три чиндамани.
Чумбур — повод уздечки.

Шаргули — три хана Шаргули — владетели Желтой реки (Шар-Гол). Очевидно, имеется в виду Хуанхе.
Шастры — песни исторического содержания.
Шебенеры — крепостные монастырей.
Шивырлыки — чехлы, надеваемые замужними калмычками на косы.
Шовшур — трехлетний боров. Это животное у калмыков считалось символом силы.
Шулмусы — нечистая сила, дьяволы.

КАРЕЛЬСКИЕ РУНЫ

Эпические произведения древней народной поэзии Карелии известны под названием «руны». Это повествовательные песни о далеких временах мира и первых героях-созидателях.

Слагатели рун жили в дремучих лесах, под суровым, холодным небом, среди множества северных рек и озер, занимались охотой, рыболовством, выкорчевывали лес, чтобы пахать землю, изобретая свои нехитрые орудия труда и охоты.

В то время, когда в мире бушевали кровавые распри между племенами и государствами, в этих далеких лесах люди еще не знали классового разделения общества. В карельских рунах мы не встретим королей и ханов или иных властителей, не встретим также национальной или религиозной розни. Руны возникли в иной исторической атмосфере. Люди, создавшие эти песни, жили в патриархально-родовых общинах, имели первобытно-архаические представления о мироздании.

Создатели карельских рун — это простые труженики, вступавшие в ежедневный бой с тайгой, с холодными волнами северных горных рек и озер, с буранами, и т. д. Вот почему в этих эпических произведениях удивительно отчетливо выражена идеология человека-созидателя, человека — единоборца с суровыми силами природы.

Главный герой поэтического повествования в карельских рунах — старый песнопевец Вяйнямёйнен — он и пахарь, и охотник, и умелец-мастеровой, и храбрый богатырь. Предмет восторга и прославления в рунах не воинская доблесть и не богатая добыча, а труд и сила человеческой мысли, выраженная в слове. Ради такого единого слова, разрешающего трудную задачу постройки нового корабля, в поисках новых знаний, Вяйнямёйнен бесстрашно спускается в преисподнюю, к усопшему исполину Антеро Випунену и, преодолевая смертельные препятствия и опасности, возвращается с победой.

В карельских рунах нет религиозного культа или почитания магических церемоний. Традиционный в архаических народных сказаниях антропоморфизм — очеловечивание природы — в карельских рунах связан с таинственностью и необъяснимостью для первобытного патриархального человека явлений природы. Но образы языческих верований — духа хозяина лесов (Тапио), хозяйки воды (Велламо), владыки волн (Ахто) и владыки облаков (Укко) не занимают место активно действующих божеств. И не случайно герои повествования стараются повлиять на поведение духов заклинаниями, призывами, а нередко и угрозами.

Противоборствующие силы в карельских рунах представлены в образе солнечной Калевалы, где чтут труд и песнопение, и мрачной, холодной Похьолы — обиталища лютых извергов и колдунов.

Хозяйка Похьолы, злая ведьма Лоухи, хитростью и коварством завладела чудесной мельницей Сампо — творением калевальского кузнеца Илмаринена. Вспыхнула война. В ходе страшной битвы Сампо разбилась и упала

в море. Но калевальцы не пали духом, собранные на берегу моря осколки чудесной машины продолжали служить людям труда и приносили им жизненные блага.

Труд является неиссякаемым источником непобедимости героев карельских рун. Но есть еще одно неотразимое оружие у калевальцев — это песня. Люди Калевалы самозабвенно преклоняются не только перед знаниями мастерового, но и перед искусством певца. Культ песни в карельских рунах не имеет себе равного. Песня Вяйнямёйнена обладает неодолимой магической силой. Силой песни он погружает противника в болото, останавливает войска злобной ведьмы Лоухи и т. д.

Исключительное поэтическое обаяние карельских рун обеспечило им не только неугасимую популярность в народе, но и вековое долголетие. Академик О. Куусинен пишет [1], что в XIX веке только в северной части России было собрано почти пять тысяч вариантов рун, записанных от семисот народных певцов.

Заслуга открытия карельских рун принадлежит Элиасу Ленроту, издавшему в 40-х годах композицию этих эпических песен, ставшую всемирно известной под названием карело-финского эпоса «Калевала».

Опираясь на результаты сбора и изучения карельских рун, после выхода в свет композиции Э. Ленрота, академик О. Куусинен спустя более ста лет создал новый вариант композиции «Калевалы», который устраняет неизбежные упущения предыдущего варианта.

Четыре руны, вошедшие в композицию и Э. Ленрота и О. Куусинена, в переводах А. Хурмеваара, Н. Лайне и А. Титова, печатаются по изданию: «Калевала». Петрозаводск, 1970.

МЁГЕ БАЯН-ТООЛАЙ

Тувинцы — жители предгорий Саян, Танну-Ола и окруженных этими горными хребтами степных просторов, в течение многих веков были подданными сначала монгольских, затем маньчжуро-китайских феодалов.

Завоевательные набеги, междоусобные разорительные войны, ханско-феодальная эксплуатация, территориальная изолированность — все это долгое время сковывало и на столетия задерживало развитие духовных и материальных сил тувинского народа.

Для бесписьменного тувинского народа устная поэзия являлась единственным средством выражения своего духовного опыта и мироощущения. Особенно большой популярностью пользовались в народе многочисленные устные эпические сказания о благородных подвигах древних богатырей.

Заслуга первооткрывателя сокровищ тувинской народной поэзии принадлежит известному сибирскому ученому-писателю Л. В. Гребневу, переводившему на русский язык тувинские сказания и прокомментировавшему их публикации для всесоюзного читателя.

[1] См. кн. «Калевала». Петрозаводск, 1970.

Текст сказания о Мёге Баян-Тоолае в переводе Л. Гребнева печатается по изданию: «Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос». Кызыл, 1960.

Ак-Тайга — Белая гора. Слово «тайга» в данном случае — высокие горы, склоны которых покрыты лесом.

Ак-Хем — Белая река.

Калчан-Сарыг — «Белолобый рыжий» (имя коня).

Караты-хан.— Возможно два толкования слова «караты»: «кара-аттыг» — имеющий черного коня; хан, имеющий черного коня; или (монг.) «хараты» — завистливый; завистливый хан. Обычно в эпосе Караты-хан отрицательный персонаж.

Когержик — небольшой кожаный, с тисненым орнаментом, сосуд для араки и кумыса.

Кок Хевек-хан — «Хан — синие отруби».

Кок-Шокар — «Сивый в яблочко» (имя коня).

Мёге Баян-Тоолай.— Термин «мёге» в значении «герой», «мудрый» встречается в древнеуйгурских памятниках XI в. Позднее, в XII—XIII вв., у монгольских племен этот термин, как отметил академик Б. Я. Владимирцов, обозначал, наряду с некоторыми другими терминами, предводителей аристократических родов не в качестве родовых кровных старейшин, а как наиболее сильных, смышленых, ловких, богатых. (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. М.—Л., 1934). В современном тувинском языке термин «мёге» — «силач». Слово «баян» — по-тувински не переводится, в монгольском и бурятском означает «богатый», «обильный»; «тоолай» — «заяц».

Темир-мёге — «Железный силач».

Тон — общее название верхней одежды. В героических сказаниях герой надевает всегда черный шелковый халат.

Туман-Кыскыл — «Соловый» (имя коня).

Чалым-Хая — неприступная отвесная скала.

ОЛОНХО

НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

Многочисленные древние якутские сказания о борьбе богатырей человеческого рода — айыы аймага против злых чудовищ — абаасы аймага дошли до нас под общим названием «Олонхо».

Герой олонхо, преодолевая бесчисленные препятствия и пренебрегая смертельными опасностями, разыскивает похитителей, вступая с ними

в жестокий бой и одерживая трудную победу, возвращает домой жен и сестер, освобождает из плена братьев-богатырей, стоит на страже безопасности племен айыы аймага.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» было открыто русским ученым Э. К. Пекарским, опубликовавшим это сказание в своей знаменитой серии «Образцы народной литературы якутов» (ч. I, вып. I, СПб., 1907, с. 1—80). Текст этого эпоса, записанный от олонхосута К. Г. Оросина, был положен в основу научного издания сказания о «Нюргуне Боотуре», подготовленного известным якутским фольклористом Г. У. Эргисом и опубликованного в 1947 году.

В настоящее время в фонде фольклорных текстов Якутского научно-исследовательского института литературы и истории хранятся записи двенадцати вариантов этого сказания.

Повествование олонхо о Нюргуне начинается с описания дивной красоты средней страны (земли), где девяносто речек, «с гулом соединившись», «важно и шумно слившись», «прозвеневшей, как медь, изначальной матерью родиной стали», где «словно девять разъяренных жеребцов, готовых броситься в драку, девять высоких мысов гордо, приосанившись, стоят... и крупные деревья с чешуйчатой корой растут».

Но дошли до небес жалобы людей среднего мира на притеснения злых племен — абаасы. Услышав голос племени айыы — людей улусов солнца [1], старец Одун Дьылга Тойон сказал: «О да, это правда! Жителей земли сильно обижают верхние и средние абаасы». «Все люди и весь скот, поселенные нами в среднем серопятнистом [2] мире, обречены на шаткую судьбу, наделены бедной будущностью, предопределены на неустойчивую участь...»

И велел Одун Дьылга отправить на землю родившегося у батюшки Юрунг Лаар Тойона и матушки Аарлы-хотун младшего сына — Нюргуна Боотура, судьбой предназначенного быть главой вольных богатырей могущественной страны, чтобы «защитить племена айыы и оградить улусы солнца»...

Престарелые родители с великой грустью встретили высочайшее веление, но стали готовить сына в дорогу. Они раздобыли богатырю коня, доспехи и отправили его на землю вместе с сестрой, красавицей Айталы-куо.

Спустившись на землю, брат и сестра поселились в середине цветущей долины, вели свое нехитрое хозяйство. Однажды, вернувшись с охоты, Нюргун не застал сестры дома. Сильно встревожившись, он обратился к небу с жалобой. «Дье бо [3],— воскликнул он,— живущие выше девяти небес — отец

---

[1] Якуты обоготворяют солнце, его они считают родоначальником всего доброго на земле, в том числе и племени айыы аймага, которое иначе называют улус солнечный — то есть племя солнечное, происходящее от солнца.

[2] Эпитет «серопятнистый» употребляется в эпосе, когда речь идет о среднем мире. Земля на фоне неба и океана, вероятно, представляется якуту серопятнистой. Употребляется это слово в ласковом смысле.

[3] Восклицание «дье бо», часто встречающееся в эпосе, означает «ну вот». Так начинаются многие рассказы героев о случившемся.

наш Юрунг Лаар Тойон и матушка наша Аарлы-хотун! Я попал в бездонное несчастье, похитили у меня сестру Айталы-куо... По какому горному перевалу, с каким именем богатырь похитил мою сестрицу...»

И тут же на верхней части высшего неба раздался большой шум, и прилетел на гребне облака богатырь Кюн Диирибинэ, «выглянул из облака вниз, лицо его сияло, как солнечный диск, чело его блистало, словно полная луна, с головы до ног был одет в серебряные доспехи; глаза и брови заиграли»...

Богатырь Кюн Диирибинэ запел так: «Дье бо... Ну вот! парень, богатырь Нюргун, внимательно выслушай мои слова!»

Небесный богатырь указал Нюргуну, где и как найти похитителя девушки,— богатыря нижнего мира Тимар Ыйыста Хара. Так начинается серия боевых действий и фантастических приключений героя.

После длительной и тяжелой борьбы Нюргун победил неприятеля, утопив его в Огненном море. Отбив сестру у похитителя, Нюргун хотел было вернуться домой, но пришлось вступить в новое единоборство, защищая красавицу Кюн Туйаарыма от притязаний абаасы Тимир Дьэсиэнтэйя.

Затем он должен был вызволить из подземной темницы тридцать девять пленных богатырей среднего мира, уничтожив титана нижнего мира Уот Усутаакы. Нюргун освободил также богатыря айыы Дюрагастая, попавшего в сети волшебника Алып-Хара. Потом герой совершил множество других подвигов, сражаясь за жизнь добрых людей среднего и солнечного мира.

Представленные здесь фрагменты из варианта Платона Ойунского содержат эпизоды столкновения Нюргуна с Уот Усутаакы.

В русском переводе В. Державина фрагменты из олонхо печатаются впервые.

Аарт-татай (ыарт-татай) — междометие, выражающее удивление, восхищение.

Абаасы — название жителей нижнего мира, извечных врагов обитателей среднего мира (то есть земли). Часто абаасы представляются в облике уродливых чудовищ — одноких, одноруких, клыкастых и т. д.

Адьярай — то же, что и абаасы (см.).

Айыы — общее название добрых небожителей, дарующих людям блага (айыы Дьесегой — дарует людям коней, Айыысыт — покровительница рожениц. Главный, верховный айыы — создатель вселенной Юрунг Айыы Тойон, или Белый Создатель Батюшка, или Юрунг Аар Тойон). Эти небожители-айылары принимают участие во всех важных делах людей.

Айыы Умсур — небесная шаманка, старшая сестра богатырей Нюргуна Боотура Стремительного, Юрунг Уолага и девицы Айталы-куо.

Алаас — поляна среди лесов.

Ала Буурай — старуха с деревянной колодкой на ногах, жена владыки нижнего мира.

Дьэс Эмэгэт — колдунья в преисподней.

Илбисы — боги войны и кровопролития, появляются чаще всего в облике злых хищных птиц.

Истукан — божество абаасы.

Муус Кудулу — похититель красавиц из среднего мира; победив в бою богатырей, запирает их в подземную темницу.

Муус Суорун — хозяин преисподней.

Нюргун Боотур Стремительный — главный герой олонхо, защитник людей от чудовищ, образец храбрости и бесстрашия.

Одежда ровдужная — одежда из оленьей или лисьей шкуры, выделанная как замша.

Пешеходно-слоистые светлые небеса — нижний край неба.

Сабыйа Баай-хотун — жена Саха Саарына, мать богатыря Кюн Дьирибинэ и красавицы Туйаарыма-куо.

Саха Саарын-Тойон — легендарный предок якутского племени.

Тойон (тойоон) — эпитет возвышающий, возвеличивающий, применяется к старейшинам, к родителям богатырей. В отличие от позднего применения, слово «тойон» в якутском олонхо не означает «господин» или «князь», а скорее имеет значение слова «батюшка».

Улуу Тойон — владыка многолюдного племени, обитающего на нижних ярусах западного неба, враждебный жителям среднего мира — племени айыы. В олонхо тойон имеет ряд различных функций: родоначальник небесных абаасы, покровитель шаманов, покровитель ворона и лошадей черной масти и т. д.

Уот Усутаакы — титан нижнего мира, считается духом-хозяином Бездонного (или Огненного) моря.

Уранхай-Саха — эпическое племя героя олонхо, а также самоназвание древних якутов. Это племя в олонхо также называется и «айыы аймага».

Чэчир — молодые березки, воткнутые в землю вокруг тюсюлгэ, то есть того места, вокруг которого происходит кумысный праздник — ысыах.

АЛТАЙ-БУЧАЙ

Многочисленные эпические сказания алтайцев с давних пор привлекали внимание русских ученых и путешественников, записавших через переводчиков сюжеты ряда повествований [1]. В оригинале алтайский эпос увидел свет впервые в знаменитом труде академика В. В. Радлова — «Образцы литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», ч. I, СПб. 1866.

Однако ни одно алтайское сказание до революции в полном виде не было опубликовано. Лишь в 1935 году в издательстве «Academia» [2] вышла в свет публикация эпоса «Когутэй». Затем алтайский народный поэт Павел Кучияк записал и опубликовал сказания «Алтай-Бучай», «Малчи-Мерген», «Алтай-Черчектер». Известный советский лингвист Н. А. Баскаков опубликовал в своем труде о языке алтайских племен тексты сказаний «Текшил-Мерген», «Бойдон-Кекшин», «Хан-Кюлер», «Эрзамыр» и «Барчин-Беке».

В 40-е и 50-е годы алтайский ученый и поэт С. С. Суразаков, возглавивший Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, литературы и языка, организовал интенсивное собирание у старейших сказителей Горного Алтая текстов и мелодий многих произведений устной эпической поэзии. В настоящее время в национальном фольклорном фонде хранятся сотни записей текстов народных сказаний.

В академической серии «Эпос народов СССР» в Москве вышел в свет на двух языках (на языке оригинала и в переводе на русский язык) один из многочисленных эпических памятников алтайской народной поэзии — «Маадай-Кара».

Сюжеты алтайских эпических сказаний состоят из истории столкновений героя с различного рода чудовищами, посылаемыми царем подземного мира Эрликом на помощь врагам мирных жителей Алтая, а также с ордами иноземных захватчиков, со злыми ханами-угнетателями.

Алтай-Кижи (алтайского человека) окружает три мира: верхний мир, где обитают боги, средний мир (земля), где живут люди, нижний мир (подземное мертвое царство), где живет враг человечества, царь чудовищ, злой Эрлик. Явления природы — весна, зима, леса, луга, реки, животные и птицы — составляют вместе с героем одно целое, активно участвуя во всех его делах. Особое место в эпосе занимает богатырский конь, отличающийся не только силой и быстротой, но также и большой сообразительностью, обладающий даром предвидения, предсказания, владеющий человеческой речью, и т. д.

---

[1] См.: «Живая старина», вып. III, 1896, с. 492—498; «Труды Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. I, Томск, 1915, с. 62—81; «Записки Западно-Сибирского отдела русского географического общества», т. XXXVII, «Аносский сборник», Омск, 1915; «Живая старина», вып. II—III, 1916.

[2] «Алтайский эпос. Когутэй». М.—Л., 1935.

Сквозь сказочно-мифологическую оболочку вырисовываются рельефные картины народной жизни, с исторической достоверностью раскрывающие самобытные особенности мироощущения древнего человека на алтайской земле.

Красота и блага окружающей природы — суровой тайги, солнечных долин, рек, озер и снежных гор — являются постоянным предметом радости и восторга эпического героя.

Из всех пороков, наиболее сурово осуждаемых в алтайском эпосе, это — жадность, лживость, несдержанность и слабоволие.

Постоянный мотив сказаний — воспевание бессмертия жизни на земле. После опустошительных набегов врага земля снова оживает, из пепла возрождаются стойбища, снова появляются стада и звучат людские голоса. Символ неугасимости народной жизни представляет в алтайском эпосе священный тополь (ни одному неприятелю не удается вырвать его из земли) и серебряная коновязь [1], которую не удается унести ни одному завоевателю.

Алтайские героические сказания пелись (и поются поныне) на диалектах различных племен (теленгитов, алтайцев, телеутов, тубаларов и кумандинцев), которые в советское время составили единый алтайский народ.

Сказание «Алтай-Бучай» занимает постоянное место в репертуаре народных сказителей всех племен Горного Алтая. Первая полная запись этого сказания была осуществлена в долине реки Сары-Кокши, в местности Сыган-Туу от старейшего сказителя Н. У. Улагашева (1861—1946). Но затем С. С. Суразаков записал исполнение эпоса на магнитофон в различных уголках края от сказителей Калкина, Бутуева, Таштамышевой и опубликовал эти тексты в единой книге [2].

Алтайцы, как и хакасы, исполняют героический эпос особым гортанным пением [3], под аккомпанемент двухструнного щипкового инструмента — топшуа.

Стих алтайских сказаний состоит из семи — девяти слогов и не имеет четкой строфической композиции. Однако в традиционных паузах кайчи отчетливо чувствуется наличие определенных речевых отрезков.

В настоящем издании впервые публикуется в сокращенном виде вариант А. Г. Калкина в русском переводе Л. Пеньковского.

Алтай-Бучай — имя героя, состоит из двух слов: «алтай» — «меткий», «бучай» — «стрелок».

Алтын-Дьюстик — имя небесной девы.

---

[1] Коновязь — символ скотоводческого хозяйства. Описания ее вида (длина, которая иногда доходит до края неба) и состояния (крепость — железная, богатство — золотая или серебряная) свидетельствуют о силе и благополучии.

[2] См.: С. С. Суразаков. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск, 1961.

[3] Это своеобразное исполнение повествования у алтайцев имеет название — «кай», у хакасов — «хай». Исполнителей эпоса называют кайчи (хайджи).

АЛБЫНЖИ

Сказание «Албынжи» — один из многочисленных памятников эпического жанра устной народной поэзии хакасов — записано от знаменитого хайджи (хакасского народного сказителя) — С. П. Кадышева (род. в 1885 г.) из аала Трошкин Ширинского района Хакасской автономной области Красноярского края.

С. П. Кадышев — представитель древнего рода сказителей и охотников — унаследовал от отца и сохранил в памяти более сорока героических сказаний, множество сказок и тахпахов (народных песен). Он исполняет героические сказания речитативом под аккомпанемент струн чатхана, древнего народного струнного инструмента.

Эпос «Албынжи» оригинален как по своей форме, так и по содержанию. В отличие от древних художественных памятников других тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии, в этом эпосе нет героизации воинских походов. Наоборот, «Албынжи», как это можно видеть и в других хакасских народных сказаниях, подчеркнуто утверждает, что жажда походов свидетельствует о дурном стремлении батыра похвастаться бесполезным удальством.

В древней народной поэзии хакасов господствует идея оседлой, созидательной жизни. Если в эпосах тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья героя встречают словами: «Какого ты рода, кто твой отец?» — в хакасском эпосе приветственные слова гласят: «На какой земле тебя мать родила, на какой земле вы стада пасете, из какой реки воду пьете?»

Первая полная запись текста эпоса «Албынжи» была осуществлена в 1948 году сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института Д. И. Чанковым и В. И. Доможаковым.

Текст сказания «Албынжи» в сокращенном варианте, в переводе И. С. Кычакова, печатается по изданию: «Албынжи. Хакасское героическое сказание», Новосибирск, 1951.

Стр. 462. *Шестьдесят косичек.*— По обычаю хакасов, вдова носит одну косу, замужняя женщина две косы, девушка плетет множество косичек.

Стр. 474. *Черною силой страшна луна.*— У хакасов существовало предание о том, что на луне обитает семиглавый злой дьявол, который похищает женщин и детей.

Ай-Арх — собственное имя. Букв.: «чистая луна».

Ай-Мерген — собственное имя. Букв.: «ай» — «луна», «мерген» — «меткий», «ловкий».

Алтын-Кеёк — собственное имя. Букв.: «алтын» — «золото», «кеёк — «кукушка».

Алып-Хан-Хыс — собственное имя. Букв.: «девушка-богатырь».

Ах-Молат — собственное имя. Букв.: «белая сталь».

Ах-Пуур — букв.: «белый волк» — традиционный помощник героя, нередко заменяет ему коня.

Ах-Хан — собственное имя. Букв.: «белый царь».

Кир-Палых — чудовище в образе громадной рыбы.

Мясистая пятка (по-хакасски — ит-табан) — бранное выражение.

Пёрик — шапка, шлем.

Тасхыл — высокая скалистая гора (голец).

Хан-Харасуг — название незамерзающей реки. В толковании сказителя река не замерзает потому, что она теплая, как кровь.

Хара-Моос — собственное мужское имя, часто встречающееся как имя отрицательного героя.

Хара-Хулат — черно-саврасый конь.

Хулатай — собственное имя. Букв.: «трехгодовалый конь».

Чарых-Кеёк — собственное имя. Букв.: «чарых» — «светлая», «кеёк» — «кукушка».

Чибек-Арх — собственное имя. Букв.: «чибек» — «шелковая нитка», «арх» (арыг) — «чистая».

Юзут-Хан — собственное имя отрицательного персонажа сказания. Букв.: «юзут» — «злой дух», «черт»; «хан» — «царь».

А. Петросян

СОДЕРЖАНИЕ

А. Петросян. О героическом эпосе народов Советского Союза 5

Былины 31

Урал-батыр

Башкирский народный эпос. *Перевод И. Кычакова, А. Мирбадалевой, А. Хакимова* 67

Гэсэр

Бурятский народный эпос. *Перевод С. Липкина* . . . 115

Сказания о нартах

Осетинские сказания о нартах. *Перевод Р. Ивнева* . . 172
Адыгские сказания о нартах. *Перевод С. Липкина* . . 188
Балкаро-карачаевские сказания о нартах. *Перевод С. Липкина* 216
Абхазские сказания о нартах. *Стихотворный перевод С. Липкина, перевод прозаического текста Г. Гулиа* 232

Джангар

Калмыцкий народный эпос. *Перевод С. Липкина* . . . 263

Карельские руны

Состязание в песнопении. *Перевод А. Хурмеваара* . . 324
Лоухи охотится за Сампо. *Перевод Н. Лайне и М. Тарасова* 333
Илмаринен кует Сампо. *Перевод А. Титова* 337
Подвиги Илмаринена. *Перевод А. Титова* 344

Мёге Баян-Тоолай

Тувинский народный эпос. *Перевод Л. Гребнева* . . . 352

Олонхо

Нюргун Боотур Стремительный. Якутский народный эпос. *Перевод В. Державина* 367

Алтай-Бучай

Алтайский народный эпос. *Перевод Л. Пеньковского* 416

Албынжи

Хакасский народный эпос. *Перевод И. Кычакова* . . . 461

Примечания А. Петросян 533

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 13

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
НАРОДОВ СССР, т. 1

*

Редактор Ю. Розенблюм

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
Л. Титова

Корректоры

Д. Эткина и Н. Шкарбанова

*

Сдано в набор 23/IV-1974 г. Подписано в печать 11/X-1974 г. Бумага № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 35,0 печ. л. 32,655 усл. печ. л. 31,833+7 накидок=32,654 уч.-изд. Тираж 303 000 экз. Заказ 1279. Цена 1 р. 79 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28